
РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XVI

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ:
социокультурные основания**

**XVI съезд российского союза германистов
Москва, 29 ноября – 1 декабря 2018 года**

Организатор:

Московский педагогический государственный университет

РГГУ
Москва 2019

УДК 811.11-112
ББК 83.3(0)
А 43

Редколлегия:

Н.С. Бабенко (отв. редактор лингвистической части)
Н.А. Бакши (отв. редактор литературоведческой части)
А.В. Белобратов, А.И. Жеребин, Д. Кемпер, Н.В. Пестова,
Л.Н. Полубояринова, И. Перцген

Рецензенты:

д.ф.н. Н.С. Павлова (Российский государственный гуманитарный университет)
д.ф.н. Е.Е. Дмитриева (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

А 43 **Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 16.** – М.: РГГУ, 2019. – 392 с.

ISBN

В настоящий ежегодник включены тексты докладов шестнадцатой конференции Российского союза германистов «Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания», на которой были представлены литературоведческие и лингвистические доклады, содержательно или формально связанные с социокультурными процессами как в конкретно-историческом, так и в теоретическом смысле. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают современное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в разных областях германской филологии.

ISBN

© Коллектив авторов, 2019

© Российский государственный гуманитарный университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции ?

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

<i>Васкиневич А.И.</i> Экология «дома времени» и «дома вечности»: живая жизнь природы и города меж пасторалью и эсхатологией в лирике С. Даха	8
<i>Maksimov B.A.</i> Der empfindsame Raesoneur: das <i>Klassische</i> in Werthers Naturverständnis	19
<i>Абрамов П.В.</i> И. В. Гёте и автобиографический канон: традиция и трансформация	29
<i>Коваленко В.В.</i> Эпистолярные формы в творчестве Я.М.Р. Ленца	40
<i>Склизкова А.П.</i> Репрезентация природы в натурализме и её литературное воплощение в драме М. Гальбе «Поток»	50
<i>Придорогина Е.А.</i> Поиски «нового человека» в творчестве Франка Ведекинда	60
<i>Krascheninnikow A.E., Narbut E.W.</i> Korpus der Spender-Texte in der Übersetzungsrezeption der Lyrik des deutschen Expressionismus	68
<i>Бессмельцева О.В.</i> Венская революция 12 ноября 1918 г. в переписке, эссе и романе «Лунатики» Германа Броха	78
<i>Цветков Ю.Л.</i> Роль социальной критики в моралите Гуго фон Гофмансталя «Имярек»	87
<i>Жеребин А.И.</i> Концепция третьей революции Духа в эссе Томаса Манна «Гете и Толстой».	97
<i>Беляков Д.А.</i> Доктор Кроковский и некоторые особенности рецепции Т. Манном психоанализа	107
<i>Синило Г.В.</i> Социокультурный и биографический контексты как необходимые факторы интерпретации текста (на примере поэзии Розы Ауслендер).	119
<i>Котелевская В.В.</i> Повествование как «искусство фуги»: музыкально-литературный трансфер в прозе Томаса Бернхарда	133
<i>Потемина М.С.</i> Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы».	146

<i>Чистякова Л.А.</i> Метадискурсивный подход к произведениям немецкой литературы после объединения Германии	157
<i>Ишимбаева Г.Г.</i> Берлин в стиле нуар: Фолькер Кучер и Эрик Ларсон . . .	166
<i>Бакиш Н.А.</i> Translational turn. Шишкин о Роберте Вальзере	175
<i>Шевченко Е.Н.</i> Современная швейцарская драматургия: национальный и общеевропейский контекст	183

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

<i>Андреев Н.И.</i> Фреймовая специфика политического дискурса новой большой коалиции Германии	194
<i>Быкова О.И.</i> Изменения в словарном составе немецкого языка как социо- и прагмалингвистический феномен (в синхронии)	204
<i>Gussejnowa I.A., Netschajewa V. S.</i> Kognitive Flexibilität in der spontanen Rede (am Beispiel des deutschsprachigen elektronischen Schriftverkehrs) . .	213
<i>Дюбо Б.А.</i> Конфессиональная стратификация и ее отражение в визуальном оформлении грамматик раннего Нового времени	225
<i>Зорина Т.П., Ефименко Е.А.</i> Национально-культурная специфика австрийских пословиц и поговорок	235
<i>Катаева С.Г.</i> Интеркультурный и функциональный потенциал ключевых понятий современного немецкого языка (социокультурный компонент кодовых переключений)	248
<i>Котюрова И.А.</i> Особенности использования иронии в немецкой публицистике политической направленности	257
<i>Манукян Я.А.</i> Человек и машина: концепт «Военная техника» (на материале языка немецких военнослужащих)	267
<i>Меркурьева В.Б.</i> Современная немецкая метафора со словом «DIALEKT» . . .	276
<i>Никитина О.А.</i> О дискурсивных стратегиях обыденной семантизации неологизмов	289
<i>Парина И.С.</i> Корпусный анализ и лексикографическое описание лингвоспецифичных идиом немецкого языка	301
<i>Трошина Н.Н.</i> Культурная парадигма общества и слова года	312
<i>Филиппов К.А.</i> Немецкие социокультурные компоненты в идиолекте М.В. Ломоносова	320
<i>Schipowa I.A.</i> Sprachliche und mediale Gestaltung vom deutschen ONLINE Sprachmagazin “KICKER“	329

<i>Яковлева Т.А.</i> Лексические особенности глаголов в австрийском национальном варианте немецкого языка	339
<i>Яковенко Е.Б.</i> Переводческие поиски и решения в юбилейном издании Лютеровской Библии (2017)	351

РЕЦЕНЗИИ

<i>Kotorova E.</i> Рецензия на книгу: А.В. Аверина, О.А. Кострова: Грамматика немецкого языка: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 449 с.	360
<i>Горбачевская С.И.</i> Рецензия на книгу: Schewkunow, Bischof Tichon. Heilige des Alltags. Aus dem Russischen übersetzt von A. Repka und bearb. von M.Bitvutskikh. – Sankt Ottilien: EOS. 2017. – 559 S. . . .	367
<i>Дубинин С.И.</i> Рецензия на сборник: Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 октября 2018 г.) / под ред. М.А. Кульковой. – Казань издательство Казанского университета, 2019. – 224 с.	374
<i>Бабеева Р.С.</i> Иноязычные слова немецкого языка как объект комплексного лингвистического анализа. Рецензия на монографию: Нефедова Л.А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования: Монография. – М.: МПГУ, 2012. – 100 с.	377
<i>Нефедова Л.А.</i> Рецензия на кандидатскую диссертацию: Blochina, Elena. Dialektale Lexik als Mittel der Widerspiegelung regionaler Kultur (am Material mittelbairischer Dialektvarietäten Oberbayerns). Universität Erfurt, 2019.	383
<i>Гладилин Н.В.</i> Рецензия на монографию В.В. Котелевской «Томас Бернхард и модернистский метароман»	387

**ЭКОЛОГИЯ «ДОМА ВРЕМЕНИ»
И «ДОМА ВЕЧНОСТИ»: ЖИВАЯ ЖИЗНЬ
ПРИРОДЫ И ГОРОДА МЕЖДУ ПАСТОРАЛЬЮ
И ЭСХАТОЛОГИЕЙ В ЛИРИКЕ С. ДАХА**

А.И. Васкиневич

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
г. Калининград

***Аннотация.** В статье рассматривается, как конструируется «дом бытия» в лирике немецкого поэта Симона Даха (1605–1659), крупнейшего представителя кёнигсбергского «Общества ревнителей бренности». Автор статьи обращает внимание на то, что в лирике Даха практически отсутствуют знаковые городские объекты: замок, кафедральный собор, университет, рядом с которыми он жил; центральное значение имеет река Прегель, дающая жизнь всему живому, связывающая город с остальным миром и становящаяся источником поэтического вдохновения. «Экологичное» поведение человека заключается в возобновлении его единства с природой и мирозданием. Исследуются связь онтологического и экологического аспектов домоустройства, античные и христианские представления, их определяющие. Выявляется, как живая жизнь сохраняется в культурном пространстве эпохи барокко, с его аллюзивно-эмблематически кодированной художественной системой, где образы природы и города маркированы чертами античной пасторали или христианской эсхатологии. Анализируется образ дома, давший второе название кружку – «Тыквенная хижина», связанный с барочным мотивом тщеты бытия: хрупкая «хижина», создаваемая на земле и соотносимая с человеческим телом, так же метафорически обозначаемым. Выявляется роль поэзии, связывающей «дом времени» с «домом вечности», а также религиозная основа экологии последнего.*

***Ключевые слова:** немецкая поэзия, барокко, Симон Дах, Общество ревнителей бренности.*

**THE ECOLOGY OF THE “HOUSE OF TIME”
AND THE “HOUSE OF ETERNITY”: LIVING LIFE
OF NATURE AND THE CITY BETWEEN PASTORAL
AND ESCHATOLOGY IN SIMON DACH’S LYRIC POETRY**

***Abstract.** The article examines the construction process of the “House of Being” in the lyric poetry of a German poet Simon Dach, who was the most prominent representative of the Königsberg “Society of Zealous Mortals”. The author of the article pays special attention to the fact that such important city landmarks as the Castle, the Cathedral, the University, which surrounded S. Dach’s place of residence, are not practically mentioned in his poems. The central meaning is given to the Pregel river, which gives life to every living thing, which connects the city with the rest of the world and which becomes the source of poetic inspiration. The “ecological” behaviour of a man implies the renewal of his unity with Nature and the Universe. The article examines the connection between ontological and ecological aspects of the homemaking, ancient and Christian ideas defining them. It describes how living life is kept in the baroque cultural space with its allusive-emblematic coded artistic system, where the images of Nature and the City are marked with the features of ancient pastoral or Christian eschatology. The article analyses the image of Home, which gave the second name to the circle – “Kürbishütte”. The image is connected with a baroque motive of the futility of being; a fragile hut, which is created on earth and related to a human body, also metaphorically marked. The article reveals the role of poetry connecting the “House of Time” with the “House of Eternity as well as the religious basis of the ecology of the latter.*

***Key words:** German Poetry, baroque, Simon Dach, “Society of Zealous Mortals”.*

Одно из стихотворений Симона Даха – «Благодарственные рифмы мудрейшему совету Кнайпхофа славного города Кёнигсберга, из досточвальной милости к ученым предоставившему мне квартиру у башни на берегу Прегеля, написанные мной, Симоном Дахом» – было создано поэтом по случаю того, что в 1644 году Кнайпхофский городской совет предоставил профессору Симону Даху в пожизненное пользование жилье на Магистерштрассе, рядом с университетом и Кафедральным собором, на острове, окруженном рекой Прегель.

Симон Дах не был уроженцем Кёнигсберга (сегодня это город Калининград), он переехал сюда из Мемеля (нынешней Клайпеды), поэтому вслед за словами благодарности следуют сетования о том, как долго Господь не давал ему постоянного пристанища. Человек не рождается вместе с домом,

в отличие от улиток и черепах не носит свой дом с собой, он *обретает* свой дом трудно и тягостно («muß mühsam ringen» [Dach 1986, 66]). Далее следуют реалистично звучащие строки о том, что не все могут получить дом в наследство, или в качестве приданого, или быстро заработать на него, как бы они ни старались. Конечно, поэт не должен думать о таких вещах и мог бы жить в бочке, как Диоген, но куда девать жену и детей? Да и прикрываться одним только небом – не очень-то по-человечески («scheint menschlich nicht zu sein» [Dach 1986, 66]). Поэтому и своему благодетелю в финале стихотворения он желает обрести оба дома – «дом времени» и «дом вечности»:

Gott [...] wol jhm Häuser geben
Theils hie in dieser Zeit,
Vnd theils nach diesem Leben
Das Hauß der Ewigkeit. [Dach 1986, 70]

Что понимает под этим Симон Дах? Мартин Хайдеггер в «Письме о гуманизме» заметил, что «Разговор о доме бытия — вовсе не перенос образа «дома» на бытие; скорее наоборот, из существа бытия, продуманного так, как требует дело, мы только и сможем однажды осмыслить, что такое “дом” и “обитание”» [Хайдеггер 1993, 217]. Экология, ойкология, от др.-греч. οἶκος — обиталище, жилище, дом (и λόγος — понятие, учение, наука), в таком смысле неотделима от онтологии. Вопросы экологии в данном, расширенном смысле, это вопросы: Как сохранить жизнь? Как сохранить бытие? Как сделать дом бытия пригодным для жизни?

Обретение дома для Симона Даха – это не просто возможность обрести пристанище и уют здесь, на земле, в краю, который стал родным, это обретение как временного, так и вечного бытия. И этот земной дом, конкретный дом на Магистерштрассе, мыслится в том числе и как возможность заложить и фундамент дома вечности – посредством творчества. «Только здесь я смогу писать по-настоящему», – восклицает поэт: «Hie werd ich erst recht tichten» [Dach 1986, 69].

Именно экология данного – земного – дома может ему это позволить. Как обустроено означенное земное прибежище? Оно наполнено свежим воздухом, солнечным светом, тишиной и покоем. При этом данный мир не замкнут, ворота перед дверью – символ расширяющегося пространства, знак того, что, если подразумеваемый субъект захочет, он сможет выйти из своего уютного земного мирка:

Sol mich die Lufft begnügen?
Hie ist sie frisch vnd rein.
Sucht ich auch Liecht zu kriegen?

Hie wohnt der Sonnen-Schein.
Will ich nach Rhue auch stehen?
Die Stille herbergt hier.
Ein wenig mich ergehen?
Das Thor ist vor der Thür. [Dach 1986, 69]

Немаловажную роль в расширенном пространстве земного «дома бытия» играет река Прегель, выступающая для Симона Даха в том числе и главным символом города. Характерно, что в лирике поэта практически отсутствует упоминание знаковых городских объектов: замка, собора и т. п. Источником и поэзии, и реальной жизни города становится живая жизнь природы. Центральное значение как для вдохновения поэта, так и для жизни города имеет река Прегель. Для него Кёнигсберг – это город на берегах Прегеля. Жительницы города именуется «прекрасными прегелинками», или «умными прегелинками», по названию не самого города, а питающей его реки. Река дает жизнь всему живому, связывает город со всем остальным миром, по ней под парусами ходят корабли, в ней странники поят своих усталых коней, на ее берегах отдыхают прибывшие русские торговцы зерном.

Теперь и дом его тоже стоит на берегу Прегеля:
Hie fleusst der linde Pregel
Dort seh ich Wiesen stehn,
Die schnelle Flucht der Segel
Muss hier fürüber gehn. [Dach 1986, 68]

Но экология этого земного «дома бытия» включает в себя и этические, христианские характеристики, в первую очередь – свободу выбора между добром и злом:

Hie werd ich erst recht tichten.
Der Pregel-Strom wird frey
Mich lehren, vnd selbst richten
Was gut vnd nicht gut sey. [Dach 1986, 69]

Хайдеггер в уже цитированном «Письме о гуманизме» указывает и на то, что «ἔθος [этос] означает местопребывание, жилище. Словом «этос» именуется открытая область, в которой обитает человек» [Хайдеггер 1993, 217]. Этика осмысливает местопребывание человека. А язык является «домом бытия» [Хайдеггер 1993, 192].

У Симона Даха данная нравственная основа местопребывания также необходима для творчества, поскольку поэзия способна преобразовать «временный дом» в «дом вечности».

Экологии «дома времени» в большей степени посвящены «Светские песни» Симона Даха, экологии «дома вечности» – его «Духовные песни», хотя между ними есть, конечно, и некоторые переклички.

Лирика кенигсбергского барочного поэта Симона Даха традиционно рассматривается как аллюзивно-эмблематически кодированная художественная система, где образы природы и города наделяются чертами античной пасторали или христианской эсхатологии. Во многом это действительно так.

Роберт Робертин (1600–1648), основавший в 1636 году кенигсбергский кружок «Общество ревнителей бренности» (*Gesellschaft der Sterblichkeit Beflissener*), в который входил и крупнейший его поэт Симон Дах, побывал до того в путешествии не только по Германии, но и по Франции и Италии и был знаком и с итальянскими поэтическими «академиями», в том числе со знаменитой *Academia della Crusca* во Флоренции [Pisanski 1853, 421], вероятно, отсюда проистекает довольно сильное увлечение антиклизированной пасторалью, характерное, впрочем, и для других немецких барочных кружков.

Члены Кёнигсбергского поэтического общества, как и другие барочные поэты, называли себя условными пастушескими именами. Их упоминает Симон Дах в стихотворении, написанном по случаю свадьбы Генриха Альберта в 1638 году. Жених, Генрих Альберт, фигурирует в этом стихотворении под именем Дамон, его невеста Элизабет Штарк – как Филозетта, Симон Дах – как Хасминдо (*Chasmino*), Роберт Робертин – как Берринто.

Помимо пасторальных декораций могли использоваться также антиклизированные мифологические. Например, в стихотворении, написанном по случаю свадьбы Маттиаса Штефана и Маргареты Мардервальд (1632), появляется Флора, невеста Западного Ветра, в другом любовном стихотворении – Венера и Амур. Подобный антиклизированный антураж встречается в первую очередь в любовной лирике и стихотворениях по случаю бракосочетания.

Природа органично включается в этот любовный мифологический космизм: солнце улыбается земле, Флора украшает мир цветами и травой, все способствует любви. Мифологизм, аллегоричность восприятия придает реальным объектам универсальный смысл, но не лишает их живой жизни. Эти же стихотворения Симона Даха наполнены совершенно реальными образами природы и человеческой жизни: птицы прилетают из дальних стран, чтобы вить здесь свои гнезда, на полях пасутся стада, корабли уходят в море.

Хотя иногда и сама природа может иметь декоративный характер, как, например, в стихотворении «Когда Его курфюршеская светлость соверша-

ла увеселительную поездку в лодочке по реке Прегель», где цветочный ковер имеет орнаментальное значение:

Lacht, ihr Wiesen, lachet jetzt,
Ewrer Herrschafft lieb-zukosen,
Sehet, daß ihr reichlich schwitzt
Nelcken, Lilien und Rosen,
Schmückt mit Blumen mancherley
Ewre Feld-Tapecerey. [Dach 1986, 142]

В немецкой барочной лирике переплетаются античные и христианские мотивы, подчиненные единой авторской идее.

Античное представление о человеке как о микрокосме, соотносящемся с миром как макрокосмом, встречается у Симона Даха в стихотворении, написанном по случаю свадьбы и носящем латинское название «*Orbis ad exemplum se quoque formet homo*» («По образцу мироздания формируется и человек»).

Антиклизированность этого стихотворения проявляется и в его мифологической образности. В середине стихотворения появляется пастух, бегущий за Галатеей, и Пан, пытающийся добиться благосклонности нимф. Но эти образы не привносят в сюжет какой-то особой идеи, они скорее являются декоративными элементами, как гобелен украшает стену комнаты, где происходит действие. Сама мысль поэта универсальна.

И миром, и человеком движет любовь. Стихотворение начинается со строк:
Sol sich der Mensch, die kleine Welt,
Jetzt nicht auff süsse Heyraht lencken?
Muß doch das prächtige Gezelt
Der grossen nur an Liebe dencken. [Dach 1986, 23]

С одной стороны, мы видим здесь античное представление о человеке как о микрокосме, «малом мире», соотносящемся с «большим» миром как макрокосмом, с другой стороны – христианское представление о любви как о всеохватывающем божественном принципе, на котором основан мир, соотносимое с финальным утверждением «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Любовь, что движет солнце и светила» (пер. М. Лозинского). Но у Симона Даха этот вселенский, космический характер любви проявляется и через мифологические образы.

«Большой» мир сконструирован экологично: земля чиста («*Die Erd' ist sauber*» [Dach 1986, 23]), согрета солнцем, любима небом и поэтому плодородна. И человек, «малый мир», «фрагмент» большого мира, должен вести себя так же, как природные стихии и элементы:

Der Mensch, ein Außzug dieser Welt,
Wird vieler Schuld entledigt bleiben,
Wenn er sich dem gemeiß verhelte,
Was Luft, See, Erd vnd Himmel treiben. [Dach 1986, 24]

Здесь в космическую, мифологическую картину взаимодействия человека и природы снова вплетается христианский элемент. Такое – экологичное – поведение человека позволит ему избежать вины. Здесь речь идет уже о христианском аспекте греховности, преодоление, «снятие» которой видится поэтом именно через экологичное поведение человека, возобновление его единства с природой и мирозданием.

В стихотворениях Симона Даха происходит противопоставление города и природы. Природа представлена в идиллическом образе:

Du stiller Wald von Anmuth reich,
Du freyes Feld, ihr klare Quellen, [...]
Ihr reisst mich von dem Hofgetümmel
Vnd zeigt mir hie den freyen Himmel.
Hier herbergt Lieb und Sicherheit... [Dach 1986, 92]

Природа – приют любви и уверенности, вмещающий благодать Всевышнего (des Höchsten Güte), в то время как города становятся пристанищем лицемерия, зависти, гордыни, самолюбия и тысячи других грехов: «In ärgerlichen Städten leben / Ist zwischen Hell und Himmel schweben» [Dach 1986, 24].

Место своих встреч — садик композитора и органиста местного собора Генриха Альберта — члены кёнигсбергского кружка называли «Тыквенной хижинкой» (Kürbishütte).

Это пристанище музыкантов и поэтов описывается Симоном Дахом как «маленький рай», место истинной радости, «дом благого покоя» («ein Wohnhauß gutter Ruh» [Dach 1986, 57]). Садик вокруг «Тыквенной хижины» приносил прекрасные плоды, вкус которых был вкусом вечности и неба. Хотя речь идет, с одной стороны, и о реальном саде, плоды, о которых говорит Симон Дах, – это в первую очередь духовные плоды, плоды творчества поэтов тыквенной хижины, имеющие «вкус вечности» («die schöne Frucht getragen... Die bloß nach Ewigkeit, vnd vnserm Himmel schmeckt» [Dach 1986, 54]).

Но тыквенная хижина становится эмблемой хрупкости человеческого бытия. «Плач об окончательном упадке и запустении музыкальной Тыквенной хижины и сада» («Klage über den endlichen Untergang und Ruinirung der Musicalischen Kürbs-Hütte und Gärtchens») начинается с реалистической детали: время перемен сметает этот поэтический рай, поскольку на его месте будет проложена дорога. Город вытесняет природу. И здесь Симон Дах обра-

щается к истории возникновения Кнайпхофа, который раньше был лугом, а на месте домов росли цветы. Но то, что начато во времени, им же и будет уничтожено. Все временное является временным, преходящим, что время дарует, то оно и отнимает. Эта идея несколько раз повторяется в стихотворении: «Was mit der Zeit entsteht, fährt mit der Zeit auch hin», «Waß mit der Zeit beginnt, / Wirdt biß es wiederumb auch mit der Zeit zerrinnt» [Dach 1986, 58]. Дом времени – хрупкая хижина, подверженная разрушению.

Альбрехт Шёне считает, что модель тыквенной хижины явилась моделью всего мира, напоминающей о человеческой бренности [Schöne 1975, 32]. Было неоднократно замечено, что ее образная семантика восходит к ветхозаветной Книге пророка Ионы, сидящего у стен кающейся Ниневии, и сопряжена с надеждой на милость Божию в отношении как отдельного грешного человека, так и целого раскаявшегося города. В «Плаче об окончательном упадке и запустении музыкальной Тыквенной хижины и сада» звучит необходимость покаяния и смирения человека. Кенигсберг послушно встраивается в цепочку разрушенных городов (Содом – Спарта – Коринф – Вавилон – Карфаген – Рим – Магдебург) и выслушивает проповедь о необходимости покаяния. Конечно, здесь важен и исторический контекст 30-летней войны, обострившей понимание хрупкости человеческой жизни и бренности всего мирского.

Бренности мира у Симона Даха противостоит поэзия, которую «пишут дух и жизнь» и которая «во плоти присоединяет» (einverleibt) поэта к вечности:

Es ist kein Reim, wofern ihn Geist und Leben schreibt,
Der vnß der Ewigkeit nicht eilends einverleibt. [Dach 1986, 61]

«Плоть» поэзии рождается из природы: зеленой травы, прохладного леса, чистого источника. Источником и поэзии, и реальной жизни города становится живая жизнь природы. Реальный город тоже живет своей живой жизнью. На берегах Прегеля поют птицы, квакают лягушки, пчелы опыляют белые розы, в прекрасных садах женщины плетут венки, прогуливаются горожане, отдыхают уставшие моряки.

Сходная мысль выражена и в другом стихотворении – «Carmina secessum scribentis et ocia quaerunt» («Для сочинения песен поэту требуется уединение и часы досуга»). Оно начинается с обращения к зеленым деревьям, как к «дому надежности, уверенности» («Haus der Sicherheit» [Dach 1986, 24]), кладовой хороших рифм, сокровищнице радости.

И заканчивается оно тоже обращением к деревьям, кроны которых вздымаются до крыши звезд – «bis an der Sternen Dach» [Dach 1986, 25].

Концовка одновременно является подписью поэта, в ней зашифрованы его инициал и фамилия – S. Dach.

Помимо деревьев в стихотворении упоминается и река Прегель. Если деревья символизируют надежность, то река – питательную среду. Мир в целом понимается как дом человека.

Интересно, что в эту идиллию знаково вписаны и русские люди, приплывшие в город: «Vnd wo der Russen Segel / Vorüber müssen gehen» [Dach 1986, 25]. Из «Плача об окончательном упадке и запустении музыкальной Тыквенной хижины и сада» мы знаем причину этой положительной означенности: они привозят в город зерно, питают город, так же, как питает его и главная водная артерия – Прегель.

Большим авторитетом для Кёнигсбергского кружка был Мартин Опиц, посетивший Кенигсберг в 1638 году. Это событие было воспето Симоном Дахом в одном из стихотворений. В «Книге о немецкой поэзии» (1624) Опиц определяет поэзию как «скрытую теологию и наставление в божественном» [Опиц 1980, 445], а о поэтах говорит: «Мы следуем по тому пути, каким ведут нас бог и природа» [Опиц 1980, 486]. Если близость к природе определяет у Симона Даха экологию «дома времени», то близость к богу – экологию «дома вечности».

«Дом вечности» раскрывается в духовных песнях, представленных в первую очередь стихотворениями по случаю похорон (Begräbnisgedichte). Их содержание соответствует христианским идеям. Экология «дома вечности» определяется христианской этикой. В «Песни странника» (Wander-Lied) утверждается, что тот, кто уповаает на Бога, везде чувствует себя как дома [Dach 1986, 159]. В то же время в стихотворении на рождение сына Кристофа Даха, прожившего всего один год, земной мир характеризуется как «дом немощи и грехов» («ein Hauß der Siechheit und der Sünden») [Dach 1986, 163]. Душа, переходящая в «дом вечности», должна очиститься от уныния, страха, лукавства, гнева, сквернословия, клятвопреступления, тщеславия, гордыни и других грехов и обрести покаяние, справедливость, любовь, верность, веру [Dach 1986, 171–175]. Свое влияние на духовные песни оказал и исторический контекст эпохи. В них противопоставляется здешний мир, где царит война, и небесные обитатели – «мирные хижинки», где нет врагов («Friedens-Hütten») [Dach 1986, 206]. Обретение мирного духа тоже относится к экологии «дома вечности». Образ дома становится в духовных песнях в большей степени метафорическим. Так, в одном из стихотворений Господь «стучит в дверь нашего сердца», когда мы постоянно видим смерть («Klopffst an vnsrer Herten Thür / Durch die grosse Zahl der Todten») [Dach

1986, 158]). В соответствии с христианскими представлениями тело понимается как «дом души»: «Du birgst das Wohnhaus vnsrer Seelen, / Den Leichnam, tief in deinen Schos» [Dach 1986, 164]. Господь помогает нам «покинуть хижину тела» («des Leibes Hütte räumen»), снести земной дом и вывести из него душу: «Brich ab dieß Erden-hauß, / Vnd führ die Seel' heraus» [Dach 1986, 160]. Подобная образность восходит ко Второму посланию Коринфянам апостола Павла: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина (нем. – irdisch Haus dieser Hütte) разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор 5: 1–5, синодальный перевод).

В лирике Симона Даха экология «дома времени» направлена на то, чтобы сохранить хрупкую *жизнь в этом мире*, а «дома вечности» – чтобы сберечь душу для вечной *жизни*.

Литература

- Опиц М. Книга о немецкой поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 443–487.
 Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
 Pisanski G. Ch. Entwurf einer preußischen Literärgeschichte in vier Büchern. Buch 3. Königsberg, 1886.
 Schöne A. Kürbishütte und Königsberg. München, 1975.
 Simon Dach und der Königsberger Dichterkreis. Hg. v. A. Kelletat. Stuttgart, 1986.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Opitz M. Kniga o nemetskoy poezii [The Book of German Poetry]. *Literaturnyye manifesty zapadnoyevropeyskikh klassitsistov* [Literary Manifests of Western European classicists. Moscow, 1980. P. 443–487. (In Russian)

(Monographs)

- Heidegger M. Vremya i bytiye [Time and Being]. Moscow, 1993. (In Russian)
 Pisanski G. Ch. *Entwurf einer preußischen Literärgeschichte in vier Büchern* [An Essay on History of Prussian Literature]. Vol. 3. Königsberg, 1886. (In German)
 Schöne A. *Kürbishütte und Königsberg* [Kürbishütte and Königsberg]. München, 1975.

(In German)

Simon Dach und der Königsberger Dichterkreis [Simon Dach and the Königsberg's Poetry Circle]. Ed. A. Kelletat. Stuttgart, 1986. (In German)

Сведения об авторе:

Васкиневич Анжелика Игоревна – Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, Калининград. – Научные интересы: немецкая литература средневековья, барокко, романтизма и модерна; история региональной литературы.

E-mail: vaskinev@mail.ru, AVaskinevich@kantiana.ru

Vaskinevitch Anzhelika I., Immanuel Kant Baltic Federal University, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Institute of Human Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. Research interests: German medieval, baroque, romantic and modernity literature; the history of regional literature.

E-mail: vaskinev@mail.ru, AVaskinevich@kantiana.ru

DER EMPFINDSAME RÄSONEUR: DAS KLASSISCHE IN WERTHERS NATURVERSTÄNDNIS

Boris A. Maksimov,

Moskauer Staatliche Universität, Moskau

The sensitive reasoner: classical traits in Werther's view of nature

Abstract: *The aim of the present article is to explore the controversial human-nature relationships in Goethe's first novel. Mainly I will focus on the apparent gap between Werther's (pre-)romantic demands and his classical, quite conventional connection with nature. This ideological discrepancy pervades Sentimentalist-era thinking. On the one hand, Werther is longing for a sensual and emotional merging with nature, for a close and equal relationship with it. Meanwhile his view of nature remains predominantly classical, i.e. anthropo- and logocentric, metaphysical and mechanical in its essence. In particular, he does not perceive nature immediately, because his view is distorted by literary patterns. Werther's sensory experiences are limited to visual impressions, other senses are not active. That is common in classical tradition, but distinctly different from romantic synaesthesia. Notably, the narrator avoids extended landscape depictions: he mostly substitutes them either with accounts about his own mental and emotional state or with a sort of stage directions and topographical plans. As for his ideological attitudes towards nature, Werther postures himself as a consumer (traveller, painter) enjoying the beauties of the landscape, or as philosophizer indulging in retrospections and in broad generalisations in rural environment, or, finally, as a mild, caring mentor who educates "naïve" and unpretentious creatures. All these attitudes imply a detached and superior point of view, that impedes the intended merging with nature.*

Key words: *Goethe, Werther; sentimentalism, nature, classical tradition*

Eine weit verbreitete Ansicht besagt, dass sich in Goethes Jugendroman ein neues, vorromantisches oder gar romantisches Naturverständnis manifestiere. Ob und inwieweit das stimmt, soll mithilfe einer dekonstruktivistischen Lektüre überprüft werden. Vor allem nehme ich die Bruchstellen ins Visier, an denen die semantische und die diskursive Ebene merkbar auseinandergehen. Mein Anliegen ist es, aufzuzeigen, dass die in dem Roman beschworene Naturnähe letztendlich im *klassischen* Sinne verstanden wird, da Werther (mit dem sich der junge Goethe immerhin teilweise identifiziert) an den Denkmustern der Spätaufklärung orientiert. Diese haben bei näherer Betrachtung mit dem romantischen Naturverständnis wenig gemeinsam. Eine harmonische Beziehung, eine intendierte Verschmelzung

mit der Natur scheitert nicht deswegen, weil sich Werther aus konventionellen Banden gelöst hat und nun keinen Halt findet. Er scheint vielmehr in einem (traditionellen, konventionellen) Denksystem befangen zu sein, das eine innigere Beziehung zur Natur nicht erfordert und nicht impliziert.

In der klassischen Erzählprosa gehört die Natur zur Szenerie, sie bildet einen zeitlichen und räumlichen Rahmen, in dem sich die Handlung abspielt. Wie viele Erzähler der Aufklärung, meidet der junge Goethe extensive Landschaftsbeschreibungen, – stattdessen wechselt Werther nach einer knappen Zeit- und Ortsangabe am liebsten zum menschlichen Tun und Treiben: „Die Sonne war noch eine Viertelstunde vom Gebirge, als wir vor dem Hofstore anfahren. Es war sehr schwül, und die Frauenzimmer äußerten ihre Besorgnis wegen eines Gewitters“ [Goethe 1996, 20]. Oder: „Es war der herrlichste Sonnenaufgang. Der tröpfelnde Wald und das erfrischte Feld umher! Unsere Gesellschafterinnen nickten ein“ [Goethe 1996, 28]. Meistens wird die natürliche Kulisse als Standort oder als mentaler Ansatzpunkt für Rekapitulationen sowie für philosophische Spekulationen gebraucht. So steigt Werther beim Besuch in seiner Heimatstadt an einer alten Linde aus, um „zu Fuße jede Erinnerung ganz neu, lebhaft, nach meinem Herzen zu kosten“ [Goethe 1996, 72]. Sobald er sich aber in süße Erinnerungen vertieft hat („Damals sehnte ich mich in glücklicher Unwissenheit hinaus in die unbekannte Welt“ [Goethe 1996, 72] etc.), verliert er die Linde – und mit ihr die greifbare, physische Natur – aus dem Blick. Auch von Lotte verlangt er in seinem Abschiedsbrief eine Hinwendung zum Vergangenen und Humanen im Angesicht der Natur: „wenn du hinaufsteigst auf den Berg, an einem schönen Sommerabende, dann erinnere dich meiner, wie ich so oft das Tal heraufkam“ [Goethe 1996, 104].

Je mehr sich Erinnerungen und Gedanken von der natürlichen Umgebung ablösen, desto mehr verdrängt das Bekannte und Eingebildete eine spontan-sinnliche Wahrnehmung der Natur. Zu bemerken ist dabei eine Glorifizierung von Schrift und Lektüre, die die europäische Aufklärung kennzeichnet. Es verstand sich von selbst, dass der literarische Geschmack auf Charaktereigenschaften eines jeweiligen Lesers schließen lässt. Werther liest *seinen* Homer im Schatten der Lindenbäume, im Wirtsgarten, beim Abfädeln von Zuckererbsen, er macht eines Abends extra einen Ausflug in die Vorstadt, um „dort vom Hügel die Sonne untergehen zu sehen und dabei... zu lesen, wie Ulyß von dem trefflichen Schweinehirten bewirtet wird“ [Goethe 1996, 69]. Ihren Höhepunkt erreicht diese Umkehrung von Natur und Kultur in der rührenden Gewitter-Szene: Lotte „stand auf ihren Ellenbogen gestützt, ihr Blick durchdrang die Gegend; sie sah gen Himmel und auf mich, ich sah ihr Auge tränenvoll, sie legte ihre Hand auf die meinige und sagte:

„Klopstock!“ – Ich erinnerte mich sogleich der herrlichen Ode, die ihr in Gedanken lag, und versank in dem Strome von Empfindungen“ [Goethe 1996, 27]. Das lässt sich, m. E., schwerlich als „eine Wechselwirkung zwischen literarisch vermittelter Natur und sinnlich wahrgenommener Naturempfindung“ bezeichnen, wie es Martin Huber formuliert [Huber 2003, 119–120]. Hier evoziert der Logos (es mögen Klopstocks, Homers oder Ossians Verse sein) stärkere Gefühle, als die spontane, sinnliche Wahrnehmung, er überlagert und verdrängt die lebendige Natur. Gerhard Lohse hat allen Grund zu resümieren, dass die (Homer)lektüre dem jungen Protagonisten „die Einsicht verstellt“ und „das eigene Erleben Werthers völlig beiseite schiebt“, denn Werther „begnügt sich mit Empfindungen aus zweiter Hand“ [Lohse 2003, 113–114].

Es darf deshalb nicht verwundern, dass Werther neben dem Erinnern und Lesen im Schoß der Natur gerne räsoniert. Dabei liefert ihm die natürliche Kulisse Anregungen (genauer gesagt, illustrative Beispiele) für generalisierende Sentenzen, sie lässt ihn, nach seinen eigenen Worten, „in Gleichnisse und Deklamation verfallen“ [Goethe 1996, 16]. So folgert der junge Mann nach einem Gewitter, das die Tanzenden irritiert hat: „Es ist natürlich, wenn uns ein Unglück oder etwas Schreckliches im Vergnügen überrascht, dass es stärkere Eindrücke auf uns macht als sonst“ [Goethe 1996, 26]. Bergwanderungen bieten ihm Gelegenheit, „über die Begier im Menschen, sich auszubreiten, neue Entdeckungen zu machen, herumzuschweifern [nachzudenken]; und dann wieder über den inneren Trieb, sich der Einschränkung willig zu ergeben“ [Goethe 1996, 28]. Die überschwemmten Täler rufen bei ihm Gedanken über die allgemeine Vergänglichkeit hervor: „Kannst du sagen: Das ist! Da alles vorübergeht? Da alles mit der Wetterschnelle vorüberrollt...“ [Goethe 1996, 52]. Werthers Vorliebe fürs Rhetorische und Spekulative ist ausgesprochen klassisch. Er weiß die Natur deshalb zu schätzen, weil sie seinen intellektuellen Fähigkeiten einen Anstoß gibt, indem sie ihm zu Generalisierungen verhilft.

Wie verhält es sich aber mit den Gefühlen, mit der emotionalen Bindung zur Natur, mit der innigen Naturnähe, die im Zeitalter der Empfindsamkeit häufig beschworen wird? De facto wird uns in den meisten Fällen *statt* der Natur die Gefühlslage des Erzählers präsentiert. Nicht nur ist „im *Werther* die Natur zu sehr an das Subjekt gebunden [und] damit abhängig von dessen Wahrnehmung und dessen psychischer Konstitution“, um mit Dirk von Petersdorff zu sprechen [Petersdorff 2006, 82]. Man kann getrost sagen, „dass es hier nicht um Wahrnehmung der äußeren Welt, sondern um die Konstituierung eines subjektiven inneren Weltgefühls oder -entwurfs geht“, wie es Dirk Kemper in Bezug auf die Gräschen-Sequenz treffend formuliert hat [Kemper 2004, 102]. Der empfindende (und

spekulierende) Geist steht bei Goethe immer im Vordergrund. Anstelle einer Landschaft wird „das volle, warme Gefühl meines Herzens an der lebendigen Natur“ geschildert, „das mich mit so vieler Wonne überströmte, das rings umher die Welt mir zu einem Paradiese schuf“ [Goethe 1996, 51], d. h. ein Seelenzustand, der mit der Naturumgebung korrespondieren soll („Noch nie war ich glücklicher, noch nie war meine Empfindung an der Natur, bis aufs Steinchen, aufs Gräschen herunter, voller und inniger“ [Goethe 1996, 40]. Man könnte erwarten, die Natur wirke wenigstens als Auslöser für bestimmte affektive Reaktionen, sie präge die Stimmung des empfindsamen Protagonisten. Selbst das trifft auf Werther kaum zu, denn seine Stimmungen sind bereits vorgegeben, sie werden in die Natur nur hineinprojiziert. Nicht umsonst steht die jeweilige Wetterlage meistens im Einklang mit der Gefühlslage des Protagonisten, wie es im europäischen Sentimentalismus üblich ist. Solange Werther süße Hoffnungen hegt, herrscht Frühling oder Sommer um ihn herum. Sobald er sich von Lotte kurzfristig trennen muß, und später, wenn sich die menschlichen Beziehungen merklich trüben, – setzt Spätherbst und Winter ein. Eine Diskrepanz zwischen seiner individuellen Gemütsverfassung und der natürlichen Umwelt empfindet Werther als empörend und gemein (die Natur verwandelt sich in dem Fall in „ein lackiertes Bildchen“ [Goethe 1996, 85]. Bei Ossian, den Werther am Abschiedsabend ergiebig zitiert hat, fungiert die Natur als Spiegel, als Widerhall seelischer Vorgänge. Armin verlangt etwa von den Elementen, dass sie seine Schmerzen teilen und sogar kundtun sollen: „Auf, ihr Winde des Herbstes! Auf, stürmt über die finstere Heide! Waldströme, braust! [...] Wandle durch gebrochene Wolken, o Mond, zeige wechselnd dein bleiches Gesicht! Erinner mich der schrecklichen Nacht, da meine Kinder umkamen“ [Goethe 1996, 112]. Auf ganz ähnliche (i.e. egozentrische, gebieterische) Weise behandelt Werther die Natur in seinem Abschiedsbrief: „So traure denn, Natur! Dein Sohn, dein Freund, dein Geliebter naht sich seinem Ende“ [Goethe 1996, 116]. In solchen Formeln kommt ein einseitiges, instrumentales Naturverständnis zum Vorschein: Dem elementaren Reich wird lediglich eine abgeleitete Rolle zugesprochen. Werthers solipsistische Selbstbezogenheit im Umgang mit der Natur wird u. a. von Ulrich Wergin [Wergin 1980, 234–242], von Dirk von Petersdorff [Petersdorff 2006, 70] sowie von Jörg Löffler [Löffler 2005, 42] diagnostiziert; ich für meinen Teil möchte ihren tradierten, konventionellen (und nicht individuellen) Charakter hervorheben.

Was aber, wenn unsere Folgerungen überspitzt und überstürzt sind? Stößt man doch bei Werther auch auf Formeln und Gedanken, die durchaus romantisch anmuten: „Jeder Baum, jede Hecke ist ein Strauß von Blüten, und man möchte zum Maienkäfer werden, um in dem Meer von Wohlgerüchen herumschweben und alle

seine Nahrung darin finden zu können“ [Goethe 1996, 8]. Genau an diesem Punkt knüpfen die Romantiker an: Sie schrecken vor einer (imaginären) Verwandlung in Naturwesen und Naturerscheinungen nicht zurück (sei es Wolke, Bach, Westwind, Mimose oder Drossel, um die berühmtesten Beispiele zu nennen). Goethe kündigt diesen Wunsch nur an, kann ihn aber nicht erfüllen, denn eine Verschmelzung mit der Natur erfordert unter anderem eine physische Interaktion, die in *Werther* kaum stattfindet. In seinen Landschaftsbildern herrschen visuelle Eindrücke vor: „Wenn ich sonst vom Felsen über den Fluß bis zu jenen *Hügeln* das fruchtbare *Tal* überschaute und alles *um mich her* keimen und quellen sah; wenn ich jene *Berge*, vom Fuße bis auf zum Gipfel, mit hohen, dichten Bäumen bekleidet, jene Täler in ihren mannigfaltigen Krümmungen von den lieblichsten Wäldern beschattet sah, und der sanfte Fluß zwischen den lispelnden Rohren dahingleitete und die lieben Wolken abspiegelte...“ [Goethe 1996, 51] (die Kursivierung stammt von mir – BM). Die Dominanz des Visuellen prägt klassische Naturbeschreibungen. Sie sind weit entfernt von einer romantischen Synästhesie, wie wir sie schon bei Novalis, Tieck und Wordsworth, später bei Hoffmann, Heine, Keats, Gogol, Poe und Melville vorfinden. Ich kann schwer die Argumentation der Forscher nachvollziehen, die aufgrund rhetorischer Deklarationen folgern, „dass Werther seine Umgebung mit allen seinen Sinnen aufnimmt“ [Huber 2003, 185], dass er „die Verbindung mit der Natur auch körperlich realisiert“ [Petersdorff 2006, 69], dass er „nicht von ungefähr „liebes Tal“ und „mein Wald“ [schreibt] und damit dediziert seine Eingebundenheit in das überwältigende Naturerlebnis [zeigt]“ [Kritschil 1999, 67].

Eine Verschmelzung mit oder eine Auflösung in der Natur bleibt auch deshalb aus, weil Goethe in seinen Naturbeschreibungen nie von der Außensicht abweicht: Es ist die Optik eines Malers, der seinen Gegenstand (hier: eine Landschaft) anschaut – selbstbewußt und distanziert. Die ästhetische Dimension (und folglich – Distanz und Abgrenzung) kommt in der Sprache klar zum Ausdruck, wenn es z.B. von Wahlheim heißt: „Die Lage an einem Hügel ist sehr interessant“ [Goethe 1996, 14], oder, im Augenblick, wo Werther mit dem Selbstmordgedanken ringen sollte: „Ein fürchterliches Schauspiel, vom Fels herunter die wühlenden Fluten in dem Mondlichte wirbeln zu sehen“ [Goethe 1996, 99]. „Gerade die von Werther so begeistert begrüßten „Naturerscheinungen“, seien es Landschaften oder Menschen, nimmt er wie theatralische Inszenierungen wahr“, – schreibt in diesem Zusammenhang Jörg Löffler [Löffler 2005, 61], Werthers „Beobachtungen an der Natur zeichnen sich durch einen besonders artifiziell arrangierten Standpunkt aus“, sie sind „von einer sorgfältig ausgewählten Wohn- und Freizeitkultur geprägt“ [Löffler 2005, 50]. Auch Kinder (die im sentimentalistischen Diskurs naiv und naturnah erscheinen) betrachtet Werther zunächst als Bildmotiv: „Mich

vergnügte der Anblick: ich setzte mich auf einen Pflug, der gegenüber stand, und zeichnete die brüderliche Stellung mit vielem Ergetzen“ [Goethe 1996, 15].

Bleiben wir vorerst bei der Wortwahl, sie ist nicht weniger aufschlußreich, als etliche Willenserklärungen. Vergnügen, ergötzen, reizend, erquicklich, herrlich, trefflich – Goethes (und Werthers) Lieblingsausdrücke lassen auf einen hedonistischen Genießer schließen. Er lobt die *schönen* Nußbäume, die ihn *so lieblich beschatteten*, den *lieben Brunnen*, an dessen *Kühle er geruht* hat oder die erfrischenden Orangen, die nach dem Tanzen *vortreffliche Wirkung taten*. Er genießt die Schönheiten der Natur, die dafür gedacht ist, den Menschen zu vergnügen, zu erfrischen und zu besänftigen. In seinem Lob an die Natur ist die anthropozentrische (sprich: klassische) Grundhaltung unüberhörbar: „Ich bin allein und freue mich meines Lebens in dieser Gegend, die für solche Seelen geschaffen ist wie die meine“ [Goethe 1996, 9]. Dieses ästhetisch-rekreative Naturverständnis war vorherrschend in der Spätaufklärung, es wurde erst in der Romantik revidiert. Ob Werther über Berg und Tal wandert oder den Sonnenuntergang genießt, – er bleibt stets externer Beobachter und Konsument, wie ein Spaziergänger im englischen, vorromantischen, Landschaftsgarten, dem sich immer neue Aussichten und Attraktionen eröffnen. (Dirk Grathhof nennt Werthers „ästhetisierenden Umgang mit der Natur“ *touristisch* [Grathhof 1985, 189, 198]). Hinter den (wenigen) ausgedehnten Landschaftsbeschreibungen verbergen sich in *Werther* erweiterte Bühnenanweisungen und topographische Pläne, die letztendlich auf den Menschen (Besucher, Wanderer, Genießer) zugeschnitten sind: „Du gehst einen kleinen Hügel hinunter und findest dich vor einem Gewölbe, da wohl zwanzig Stufen hinabgehen, wo unten das klarste Wasser aus Marmorfelsen quillt. Die kleine Mauer, die oben umher die Einfassung macht, die hohen Bäume, die den Platz rings umher bedecken, die Kühle des Orts; das hat alles so was Anzügliches, was Schauerliches. Es vergeht kein Tag, dass ich nicht eine Stunde da sitze“ [Goethe 1996, 9]. Derartige Landschaftsbeschreibungen sind alles andere als malerisch (romantisch), sie bekunden vielmehr Werthers Lust am Abgrenzen und Beziffern.

Für die Stellung des empfindamen Schwärmers in der Natur gilt auch, dass er ihr räumlich übergeordnet ist. Die Landschaften pflegt Werther, wie die Maler der Aufklärung, von oben zu betrachten, selbst in Augenblicken der Verzweiflung. Das verbindet ihn mit Ossians Kolma, die alleine auf dem stürmischen Hügel steht und schaut, wie der Strom den Felsen hinabheult. „Wenn ich sonst vom Felsen über den Fluß bis zu jenen Hügeln das fruchtbare Tal überschaute und alles um mich her keimen und quellen sah... wie faßte ich das alles in mein warmes Herz, fühlte mich in der überfließenden Fülle wie vergöttert, – schreibt Werther. – Ungeheure Berge umgaben mich, Abgründe lagen vor mir, und Wetterbäche stürzten herunter,

die Flüsse strömten unter mir ... und ich sah sie wirken und schaffen ineinander in den Tiefen der Erde, alle die unergründlichen Kräfte“ [Goethe 1996, 51]. Auffällig und – wiederum – kennzeichnend für den Sentimentalismus ist die Schnelligkeit, mit der ein empfindsamer Geist die Natur zu überschauen und zu verstehen glaubt. Für die Romantiker wird das Eindringen und Sich-Einfühlen in die Natur zu einem hermeneutischen Problem – die „Wunderschrift der Natur“ lässt sich, ihres Erachtens, nur mit großer Mühe und nur inkomplett entziffern. Anders bei Werther: Er teilt Rousseaus Überzeugung, dass wir im Umgang mit der Natur und mit Naturwesen, wie es Kinder oder Bauern sind, vor allem Offenheit, Freundlichkeit und Toleranz aufbringen sollen – der Rest würde sich von selbst ergeben. Zehn Tage nach der Ankuft berichtet Werther stolz und bedenkenlos: „Die geringen Leute des Ortes kennen mich schon und lieben mich, besonders die Kinder“ [Goethe 1996, 10]. Dass er die „geringen Leute“ und insbesondere die Kinder „kennt“, versteht sich von selbst. „Sie sind vertraut, erzählen mir allerhand, und besonders ergetze ich mich an ihren Leidenschaften und simplen Ausbrüchen des Begehrens“ [Goethe 1996, 17], – soviel erfahren wir von Werther. Schwer vorstellbar, dass ein romantischer Künstler wie Hoffmann, Andersen, Pogorelsky oder Hawthorne die Gemütsbewegungen von Kindern simpel und ergötzlich gefunden hätte, – die Romantiker hätten sich vielmehr für dieses „allerhand“ interessiert, das bei Goethe nicht erörtert wird. Werther ist mild und nachsichtig mit den Kindern, wie es einem sentimentalistischen Erzieher gebührt – nur hat das anscheinend wenig zu tun mit Verständnis und Verständigung. Der junge Mann präsentiert sich als gütiger Betreuer, der auf Zuckerbrot setzt und von der Peitsche gänzlich absieht: „Die Kinder sind ganz an mich gewöhnt, sie kriegen Zucker, wenn ich Kaffee trinke, und teilen das Butterbrot und die saure Milch mit mir des Abends. Sonntags fehlt ihnen der Kreuzer nie“ [Goethe 1996, 17]. Das gilt gleichermaßen für Lottes Umgang mit ihren Geschwistern, sowie mit dem gezähmten Kanarienvogel („Wenn ich ihm Brot gebe, flattert er mit den Flügeln und pickt so artig. Er küßt mich auch, sehen Sie!“ [Goethe 1996, 80]), dieselbe Haltung offenbart sich auch im Krauthaupt-Idyll: Werther teilt „die Wonne des Menschen“, der eine Gartenpflanze „selbst gezogen“ hat, und bekundet seine Freude an deren „fortschreitendem Wachstum“ [Goethe 1996, 30]. Das hierarchische Subjekt-Objekt-Verhältnis ist hier unverkennbar, welches nur eine einseitige Beeinflussung voraussieht: Die Sentimentalisten mögen es gedämpft und gemildert haben (der „Plan“ eines englischen Gartens wird nun von einem „fühlende[n] Herz[en] bezeichnet“, nicht von einem „wissenschaftliche[n] Gärtner“ [Goethe 1996, 8]), aber in ihrem Wesen blieb die Hierarchie ungebrochen.

Fazit

Zweifelsohne kommt in „Die Leiden des jungen Werther“, wie in weiteren Werken der Empfindsamkeit, manches zum Ausdruck, was über die *klassische* Weltsicht hinausgeht. Es ist nicht sosehr die ungestüme, affektierte Naturbegeisterung, wie eine, mindestens angestrebte, Verschmelzung von Natur, Sinnlichkeit und Religion, es ist die (deklarierte) Sprachskepsis („Lass mir [die Bücher] vom Halse!“ [Goethe 1996, 10], die freilich Werthers Gewohnheiten widerspricht, es sind Zweifel an der Superiorität des Menschen, die sich in Klagen über dessen Nichtigkeit und Vergänglichkeit niederschlagen („Was ist der Mensch, der gepriesene Halbgott!“ [Goethe 1996, 92]), es sind Einsichten in das ambivalente Wesen der Natur, die sowohl heilt wie verzehrt, – selbst wenn der junge Goethe diese zwei Aspekte miteinander nicht vereinen konnte. An Werthers Beispiel lässt sich zeigen, wie das klassische Weltbild in der Spätaufklärung bröckelt, ohne sich allerdings substanziell zu wandeln. Denn in seinen Grundzügen bleibt es konstant – das heißt anthropo- und logozentrisch, metaphysisch, mechanisch sogar. Daher muß Werther sein Programm größtenteils negativ formulieren. Er bezweifelt und bestreitet die Denkmuster, denen er selbst, ob willentlich oder nicht, verhaftet bleibt. Diese Aporie hat den gesamten europäischen Sentimentalismus geprägt. Man empfindet die urbanen Verhaltens- und Kommunikationsmuster als unnatürlich, gekünstelt. Man leidet an Entfremdung und sehnt sich nach „Natürlichkeit“. Man wünscht sich ein innigeres und weniger instrumentales Verhältnis zur Natur, bis hin zur Verschmelzung. Man tadelt den (neuzeitlichen) Hochmut der Menschheit, die das Naturreich dem Humanen unterordnet. Und doch bleibt eine vollsinnliche Erschließung der Natur vorerst aus, eine (komplexe, spontane, bilaterale) Interaktion findet nicht statt, sie wird nur beschworen. Um die sentimentalischen Wunschvorstellungen zu verwirklichen, waren ein anderes, nicht-klassisches Denk- und Begriffssystem, innovatorische Rhetorik und Syntaktik vonnöten. Deren Grundlagen hat die nächste Generation gelegt: Franz Baader, Novalis, die Schlegels, Schelling, Wackenroder, Tieck, die zurecht als Vorreiter der Moderne gelten.

Literatur

- Goethe 1996 – Goethe J.W. von: Goethes Werke. Band VI. Romane und Novellen I. München: C.H.Beck, 1996.
- Gratthof 1985 – Gratthof, D.: Der Pflug, die Nußbäume und der Bauernbursche. Natur im thematischen Gefüge des Werther-Romans. In: *Goethe Jahrbuch* 102. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. S. 184–198.
- Huber 2003 – Huber, M.: Der Text als Bühne. Theatrales Erzählen um 1800. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

- Kemper 2004 – Kemper, D.: „Ineffabile“: Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004.
- Kritschil 1999 – Kritschil, L.: Zwischen „schöpferischer Kraft“ und „selbstgeschaffnem Wahn“. Die Imagination in Goethes Romanen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999.
- Löffler 2005 – Löffler, J.: Unlesbarkeit: Melancholie und Schrift bei Goethe. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005.
- Lohse 2003 – Lohse, G.: Naturnachahmung und ironische Aktualisierung Homers in Goethes Werther-Roman. In: Aktualisierung von Antike und Epochenbewußtsein: Erstes Bruno Snell-Symposion (Beiträge zur Altertumskunde, Band 195). München, Leipzig: K.G.Saur, 2003. S. 97–121.
- Petersdorff 2006 – Petersdorff, D.v.: „Ich soll nicht zu mir selbst kommen“ Werther, Goethe und die Formung der modernen Subjektivität. In: *Goethe-Jahrbuch* 123. Göttingen: Wallstein, 2006. S. 67–85.
- Wergin 1980 – Wergin, U.: Einzelnes und Allgemeines: Die ästhetische Virulenz eines geschichtsphilosophischen Problems. Untersucht am Sprachstil von Goethes Roman „Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden“. Heidelberg: Winter, 1980.

References**(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)**

- Gratthof 1985 – Gratthof, D.: Der Pflug, die Nußbäume und der Bauernbursche. Natur im thematischen Gefüge des Werther-Romans // *Goethe Jahrbuch* 102. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1985. P. 184–198. (In German)
- Lohse 2003 – Lohse, G.: Naturnachahmung und ironische Aktualisierung Homers in Goethes Werther-Roman. // Aktualisierung von Antike und Epochenbewußtsein: Erstes Bruno Snell-Symposion (Beiträge zur Altertumskunde, Band 195). München, Leipzig: K.G.Saur, 2003. P. 97–121. (In German)
- Petersdorff 2006 – Petersdorff, D.v.: „Ich soll nicht zu mir selbst kommen“ Werther, Goethe und die Formung der modernen Subjektivität. // *Goethe-Jahrbuch* 123. Göttingen: Wallstein, 2006. P. 67–85. (In German)

(Monographs)

- Goethe 1996 – Goethe J.W. von: Goethes Werke. Band VI. Romane und Novellen I. München: C.H.Beck, 1996. (In German)
- Huber 2003 – Huber, M.: Der Text als Bühne. Theatrales Erzählen um 1800. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. (In German)

- Kemper 2004 – Kemper, D.: „Ineffabile“: Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. (In German)
- Kritschil 1999 – Kritschil, L.: Zwischen „schöpferischer Kraft“ und „selbstgeschaffnem Wahn“. Die Imagination in Goethes Romanen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999. (In German)
- Löffler 2005 – Löffler, J.: Unlesbarkeit: Melancholie und Schrift bei Goethe. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. (In German)
- Wergin 1980 – Wergin, U.: Einzelnes und Allgemeines: Die ästhetische Virulenz eines geschichtsphilosophischen Problems. Untersucht am Sprachstil von Goethes Roman „Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden“. Heidelberg: Winter, 1980. (In German)

Сведения об авторе:

Максимов Борис Александрович – МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики; кандидат филологических наук
E-mail: esprit25@rambler.ru

Maksimov Boris A. – Moscow State University; Faculty of Journalism, Department for Foreign Journalism and Literature, senior fellow; PhD.
E-mail: esprit25@rambler.ru

И. В. ГЁТЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ КАНОН: ТРАДИЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

П.В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств, Москва

***Аннотация:** В статье рассмотрена проблема соотношения коллективной и автобиографической памяти, выявлена роль нарратора в процессе создания автобиографического текста. Роман И.В. Гёте «Из моей жизни. Поэзия и правда» рассмотрен в русле жанровой традиции автобиографической прозы как некий «идеальный» текст, ставший впоследствии жанровым каноном для следующих поколений. Высказана гипотеза о дополнительном генерировании смыслов в автобиографии Гёте, когда «поэзия» создаёт некую «высшую реальность», художественную правду, имеющую непреходящую ценность для потомков. Нарративный дискурс понимается в русле теории Ф. Лежёна и исследований жанра автобиографии в Германии Г. Миша и Б. Ноймана. Впервые предпринята попытка соединения идеи прарастения у Гёте и общего замысла автобиографии, как создание цельного образа творческой личности – подтверждения исканий поэта-натуралиста практическим осмыслением творчества. В заключение показана динамика развития жанра и его сегодняшняя деконструкция и разрушения в поздней «трилогии памяти» Гюнтера Грасса.*

***Ключевые слова:** нарратор, Гёте, автобиография, канон, когнитивный подход, семантические маркеры, нарративный дискурс.*

J. W. GOETHE AND THE AUTOBIOGRAPHICAL CANON: TRADITION IN THE MIRROR OF TRANSFORMATION

***Abstract:** The article deals with the problem of correlation of collective and autobiographical memory, reveals the role of the narrator in the process of creating an autobiographical text. The autobiography by J.W. Goethe «From my Life: Poetry and Truth» was considered along the lines of the genre tradition of autobiographical prose as a kind of “perfect” text that later became the genre canon for future generations. A hypothesis was expressed on the additional generation of senses in Goethe’s autobiography, when “poetry” creates a kind of “higher reality”, an artistic truth that has lasting value for posterity. Narrative discourse is understood in line with the theory of Ph. Lejeune and the research of the autobiography genre in Germany by G. Misch and B. Neumann. For the first time, an attempt was made to connect the Goethe’s idea of the “Urpflanze” and the general idea of*

his autobiography, as the creation of an integral image of a creative personality – a confirmation of the quest of a poet-naturalist, a practical understanding of creativity. In conclusion, the dynamics of the genre development and its current deconstruction and destruction in the late „trilogy of memory“ by Günther Grass are shown.

Keywords: *narrator; Goethe, autobiography, canon, cognitive approach, semantic markers, narrative discourse.*

Проблема индивидуальной, коллективной и автобиографической памяти, её изменения и интерпретации является сегодня центральной темой не только в литературоведении, но и в аналитической психологии, теории познания, семиотике и в структурной лингвистике. Передача и хранение информации, интерсемиотическое и межкультурное осмысление исторических фактов и реалий, их оценка и трактовка получили в начале нашего столетия новый вектор развития. Изменения коснулись и такого достаточно канонического в жанровом отношении пространства текста, как автобиографическая проза.

Обращение к коллективной памяти читателя той или иной автобиографии становится одним из необходимых условий для автора повествования. А между тем следует отметить, что подобные эксперименты имели место ещё на заре возникновения **автобиографического канона**, и именно в Германии в эпоху Гёте получили своё широкое распространение. Однако с течением времени текст автобиографии становится всё более полиморфным; нередко автор включается вместе с читателем в семиотическую игру припоминания и декодирования смыслов. Это не означает, что автор «навязывает» читателю некие модели восприятия, напротив – порою нарратор подчёркнуто бесстрастен, он излагает факты весьма скупым языком, но умело использует определённые – предметные, пространственные – привязки, узнаваемые места действия, приметы быта, упоминание известных личностей, языковые особенности, фразы, ставшие крылатыми или имеющие ту или иную социальную, временную или диалектную окраску.

Таким образом, писатель обращается уже фактически к подсознанию читателя, умело переключая и варьируя регистры коллективной памяти. Можно предположить, что элементы немецкого **автобиографического канона**, заложенные И. В. Гёте в «Поэзии и правде» в начале XIX века, сегодня уверенно эволюционируют в направлении постмодернистской нарративной техники коллажа с элементами пастиша, иначе говоря, стилизации «под старину», игрой с жанрами и временами. Верно и обратное: уже в этом тексте Гёте, как в синкретической колыбели, были заложены все интенции по части трансформации автобиографического текста. Изучение текста Гёте доказы-

вает наличие в нём тех структурных формообразующих элементов, которые получают свою актуализацию почти два столетия спустя.

Соответственно, можно говорить о том, что с течением времени трансформируется и само понятие канона. В нашем случае это, несомненно, некий исходный, изначальный пра-текст, имеющий мощные импульсы к последующей трансформации в русле автобиографического жанра.

Согласно программному исследованию Филиппа Лежёна [Lejeune 1994], каждый автор автобиографии заключает с читателем своего рода автобиографический пакт, договор, вовлекая читателя в коммуникативную игру. В этом смысле автобиографический канон – не закрытая структура, а динамическая изменяемая модель с неизменными (базовыми, архетипическими) жанровыми принципами (атрибутами), такими как:

- линейность/нелинейность автобиографического времени;
- авторское «я» героя и взгляд на него со стороны;
- внешняя среда и атмосфера;
- раскрытие собственной индивидуации через автобиографирование (согласно Алейде Ассман);
- внутренний диалог с самим собой;
- саморефлексия и трансформация жизненного опыта в экзистенциальный.

Ретроспекция собственной жизни, следовательно, есть один из самых древних приёмов нарративного повествования, находящий свой отклик в сказках, легендах, житийной литературе, исповедях, тесно связанный с психологией индивидуального творчества.

«Поэзия и правда» И. В. Гёте как некий метатекст вместила в себя все предпосылки автобиографической традиции, присутствовавшей в прозе Европы, начиная от формы древних памятников до современных поэту автобиографий, и, вместе с тем, текст Гёте направил мощный импульс в будущее, по сути, укоренив в немецких землях почти на двести лет следование некоему канону как в жанрово-стилистическом, так и в общекультурном смысле. Возникнув на стыке эпох Просвещения и романтизма, «Поэзия и правда» потому и сложна для дефиниции по принадлежности к эпохам, что стоит как бы вне времени и пространства, в ней скрыты в синкретической форме как истоки, так и русла всех форм автобиографического повествования. Подобная универсальность не только послужила поводом для известного исследователя Георга Миша (автора восьмитомной истории автобиографии) назвать текст Гёте «универсальным» [Misch 1969, 918], но и поместила его произведение в разряд того канона, о котором Эрих Трунц ещё в 1950-е гг. сказал: „...es gibt in der Weltliteratur keine größere Autobiographie“.

Отталкиваясь в основном от автобиографий своих современников: Руссо, Бомарше, Юнг-Штиллинга, К.Ф. Морица, И.Г. Гамана, Гёте рассматривал себя и своё творчество не только символически (об этом он писал в письмах к Шарlotte фон Штейн), не только *sub specie aeternitatis*, но и в контексте собранных им самим воспоминаний и свидетельств современников.

Поэт собирал мемуарные свидетельства, нередко изымая у своих корреспондентов переписку, фрагменты воспоминаний, редактируя и оформляя их в русле совершенно нового для своего времени понимания текста, претендующего в своих глобальных обобщениях на *автомиф*. Недаром поэт постоянно подчёркивал в письмах к друзьям: «рассматриваю себя символически»; этот «взгляд со стороны», умение претворять явления частного, даже бытового порядка, в символ – отличительная черта раннего автобиографизма Гёте. Темпоральные, пространственные, событийные привязки делали текст Гёте многоплановым, изменчивым, что позволяло поэту, наряду с документальными свидетельствами, добавлять символические эпизоды, которые позднее обеспечивали широкое поле для интерпретаторов его творчества: эпизод с битвём глиняной посуды (рассмотренный впоследствии З. Фрейдом), эпизод со встречей двойника (перед прощанием с Фредерикой Брион), вставные сказки и притчи – так в контекст повествования включались изблюбленные категории мировосприятия позднего Гёте: „Daimon“ (демоническое в гениальной творческой личности) и „Tuche“ – случай. Важные элементы саморефлексии создавали фон объективного и критического восприятия как собственной жизни, так и контекста описываемой эпохи. Разбор и оценку синкретичности языковых и художественных моделей в «Поэзии и правде» следует проводить с пристальным вниманием к роли нарратора в контексте трансформации культурной и индивидуальной памяти.

Текст автобиографического повествования поэта может быть рассмотрен как в русле выявления семиотических аспектов художественной значимости текста, так и с точки зрения когнитивной лингвистики, поскольку язык повествования, как и образ рассказчика у Гёте, чрезвычайно гибок и многогранен.

Очевидно, что образ рассказчика в «Поэзии и правде» И.В. Гёте обладает чрезвычайной подвижностью, полиморфностью и свойством генерировать сюжетные линии в повествовании. Поэт постоянно использует „игру масок“ (П. де Ман), смешивает пласты реального и вымышленного в тексте, причём концепт „Dichtung“ выступает у него в духе философии М. Хайдеггера как „уплотнённая реальность“, порождающая и моделирующая Правду, именно этим можно объяснить порядок слов в заглавии.

Гёте нередко уподоблял себя сказочнику, говоря о своей автобиографии как о „Lebensmärchen“ [Blod 2003]; в этой связи представляется продуктивным рассматривать его роль нарратора в указанном тексте в когнитивном аспекте кодирования информации (для современников и для потомков), отсылки к архетипическим смысловым структурам (элементы описания родного дома, кукольного театра, свидания с Фредерикой), в русле явных или скрытых семантических маркеров поведения (эпизод с битвём глиняной посуды, встреча с двойником). Гёте-рассказчик открывает доступ к домысливанию и воссозданию в сознании каждого читателя некоего образа-архетипа поэта, словно изначально полагаясь на силу воображения, фантазии и образно-символические законы языка. Это, вероятно, и послужило поводом для его высказывания относительно своей автобиографии, которое зафиксировал канцлер фон Мюллер: „Die wahre Geschichte der ersten zehn Jahre meines weimarischen Lebens könnte ich nur im Gewande der Fabel oder eines Märchens darstellen, als wirkliche Tatsache würde die Welt es nimmermehr glauben“ [Müller 1956, 281].

Исходя из этого, можно предположить, что Гёте выстраивает в автобиографии индивидуальный и субъективно значимый гипертекст, включая в него две придуманные им сказки, помещённые в корпус повествования.

Стилистическая и повествовательная структура «Поэзии и правды» неоднородна: Гёте постоянно варьирует приёмы повествования. Если в самом начале он помещает «письмо друга», в котором мы видим просьбу о написании автобиографии, более того, оно уже предопределяет хронологию и некий план изложения истории (письмо – первая и не единственная мистификация Гёте, оно написано самим поэтом), то в дальнейшем повествование становится менее официальным, а тон – более душевным. «Друг» выступает здесь, по замечанию Д. Кемпера, в «качестве идеального представителя читающей публики» [Кемпер 2009, 321]. Читатель, вслед за автором, погружается в мир воспоминаний и грёз; поэтом моделируется новая, «автобиографическая» реальность, где достоверность факта (согласно известной максиме Гёте) ничего не значит – важно её символическое значение [Эккерман 1999, 435].

Подобное выстраивание автобиографической повествовательной модели удачно соотносится с постмодернистской парадигмой нарративного дискурса, точно отражённой Г. Грассом в его «Луковице памяти», где прошлое, настоящее и будущее смешиваются в сознании рассказчика: «...неточные воспоминания порою приближают нас к правде, пусть даже и окольными путями» [Грасс 2008, 11] – взаимосвязь этого парадокса с заглавием воспоминаний Гёте более чем очевидна.

Учитывая все вышеупомянутые игры памяти и её вовлечение в нарративный дискурс, можем предположить, что язык повествования в «Поэзии и правде» в своём когнитивном аспекте начинает работать как особая система, позволяющая автору не только осмыслять своё творчество, прожитую жизнь, но и психологию собственного поведения в определённые моменты времени.

Поясним мысль подробнее: уподобляя свою автобиографию жанру „Lebemsmärchen“, Гёте не только вводит в обращение разговорный дискурс, но и подразумевает некую адресность повествования. Он «рассказывает» свою жизнь, однако, учитывая некую «заданность» жанра, следует поставить вопрос: возможно ли жанровое воздействие на сознание нарратора и моделирование им речевых (письменных) конструктов? Моделирует ли его сознание некую повествовательную манеру уже в заданном ключе? Иными словами: может ли язык, речевой акт воздействовать на сознание говорящего?

Так, по замечанию А. Е. Кибрика, ещё в 1921 году Эдвард Сепир сформулировал «презумпцию будущей когнитивно-ориентированной лингвистики»: «С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее или потенциальное содержание речи. <...> Язык можно считать лишь высшей гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщённом уровне символического выражения» [Кибрик, 2015, 29–30].

В этой связи целесообразно поставить вопрос: не есть ли письменный язык при некоторой заданности и изначальном программировании жанра – вторая моделирующая система, связанная обратными/возвратными ходами с сознанием автора? Парадоксальность подобного утверждения, однако, не будет казаться столь явной, если мы обратимся к истории создания текста «Поэзии и правды». Поэт долго обдумывал первоначальный план глав, составлял подробный конспект, куда в итоге, поверх всех пунктов, вписал своей рукой (в белой вариант переписчика) слово „Horoskop“. И начинается автобиография с упоминания светил: «расположение созвездий мне благоприятствовало» [Гёте 1976, 12]. Однако, вероятно, вовсе не для того, чтобы отдать дань средневековой или иной мистической традиции (так трактовал этот пассаж в комментариях к Собранию сочинений Гёте А. А. Аникст), а для того, чтобы сразу вписать своё личное «Я» в контекст Вселенной, иными словами – рассмотреть свою личность как часть единого гармоничного круговорота природы. В этой связи чрезвычайно важной выглядит идея сопоставления автобиографического пути Гёте с его мыслями о пра-растении и становлении личности. Личности как явления единого, многообразного, неделимого целого. Здесь уместно вспомнить, сколь глубокую этимологию усматривали римляне в глаголе „dividere“ и существительном „individuum“.

Наконец, тот фактор, что Гёте нередко диктует текст «Поэзии и правды», даёт повод усматривать определённую логику в произвольных на первый взгляд переходах из форм прошедшего времени в *praesens historicum*.

Глубокой формой самопознания с элементами языковой и семиотической игры становится «сказка для мальчиков» «Новый Парис». Здесь с точки зрения нарративного дискурса мы усматриваем как скрытую манифестацию гениальности (свойственную Гёте по замечаниям друзей и биографов), детская сказка рассказывается пожилым человеком, так и элементы автокомментария, саморефлексии и размышления. Благодаря тщательно отобранному языковым моделям здесь происходит вторичное «проживание», экзистенциальное переосмысление жизни как цельной семиотической системы. Об этом впервые подробно в отечественной нарратологии говорится в монографии Е. Е. Сапоговой [Сапогова 2017].

Меняя регистры нарративного дискурса, Гёте создаёт собственное семиотическое поле в автобиографии, что позволяет ему свободно варьировать как временные пласты, так и оценочные суждения: он то осмысляет события с позиции истории, то заглядывает в будущее, что для жанра автобиографии весьма нетипично.

Важной представляется и попытка доказать взаимосвязь построения структуры книги и развития (роста) героя в ней с гётевской идеей *энтелехии* – единой и неделимой сущности, а также с идеей пра-растения. Причём рассматривается это понятие не только в русле социологической концепции самореализации и раскрытия личности, в традиции изучения автобиографии у Г. Миша и Б. Ноймана (так, Нойман определяет личность поэта как „Modell ungestörter entelechischer Entwicklung“ [Neumann 1970, 144]). В свете новейших переводов естественнонаучного наследия поэта (вышло два тома его естественнонаучных трудов в новых переводах на русский язык) интересно и продуктивно совместить концепцию *пра-растения* и идею формирования личности гениального творца как некоего архетипа, имеющего определённое воздействие как на современников, так и на потомков. Несомненно, возможно увязать это и с нашей гипотезой «семиотического равновесия». Когда в 1827 году вокруг поэта, прежде всего вокруг его литературных и политических взглядов, разгорелась борьба, инициированная движением «Молодая Германия»: Людвигом Бёрне, Карлом Гуцковым и примыкающим к ним Вольфгангом Менцелем (то есть с появлением хулителей и ниспровергателей образа Великого олимпийца), почти одновременно возникли и его защитники: берлинский салон Рахели Фарнгаген фон Энзе, где царил «культ Гёте», высказывания Генриха Гейне, публикации Карла Густава Каруса

и Фридриха фон Боденштедта. Подобный поворот событий отчасти предвидел и сам поэт. Когда появилась книга „Goethe in den wohlwollenden Zeugnissen der Mitlebenden“, он тут же посоветовал создать сборник „Goethe in den mißwollenden Zeugnissen“.

В «Поэзии и правде», а также в романах о Вильгельме Мейстере показано развитие и становление идеальной, с точки зрения Гёте, личности. Его идея метаморфозы растений выкристаллизовывается в этом тексте, что даёт нам право утверждать: автобиография Гёте есть своего рода *практическое оправдание теоретических естественнонаучных штудий и идей поэта*. Насколько активно трансформировал он свои идеи о пра-растении в (свою) автобиографию? В чём смысл «самораскрытия личности»? Наконец, может ли в автобиографии присутствовать «заданность» и программирование, как и в реальной жизни? Отсюда логично вытекает вскрытие смысла названия – «Поэзия и правда». Наконец, идея типизации, выстраивания автобиографического канона соотносится с наблюдением, сделанным Г. Мишем ещё в 1940-е гг. В 1790-е годы Гердер и Гёте планировали собрать в единый корпус все известные автобиографические тексты всех стран мира, вышедшие с древности до эпохи Просвещения, перевести и издать их в формате единой библиотеки «истории человечества» [Lejeune 1994, 383].

Можно предположить, что под пером Гёте возникает некий «идеальный текст». Вполне вероятно, что с развитием жанра автобиографии в XIX веке и особенно при его переходе в век XX в текстах всё отчётливее выкристаллизовываются заложенные Гёте в «Поэзии и правде» приёмы, таким образом, некая «идеальность» и «синкретичность» исходного текста постоянно находят своё *практическое воплощение*. Вершиной же станет полное *разрушение* автобиографического канона у Гюнтера Грасса.

Обращение к фигуре Г. Грасса в контексте исследования динамики парадигмы автобиографического канона неслучайно, поскольку его писательская манера обеспечила как ренессанс классической формы автобиографического повествования, так и его последующую трансформацию, и итоговую энтропию, и разрушение. Речь идёт о его автобиографических экспериментах со временем и с читательской памятью.

Чрезвычайно важен и до конца ещё не оценён автобиографический потенциал поздней «трилогии памяти» Г. Грасса, создававшейся им в период с 2003 по 2015 годы и вмещающей в себя романы «Луковица памяти» (2006), «Фотокамера» (2008) и «Слова Гриммов» (2015). Указанные произведения знаменуют собой возникновение принципиально нового принципа повествования в формате автобиографической прозы. Трансформируя и даже пародуя

дируя заданный когда-то Гёте автобиографический канон, Грасс не столько анализирует свою жизнь и историю своего поколения, сколько исследует феномен индивидуальной и коллективной памяти, фокусируя внимание читателя на опасности утраты или «стирания» памяти как таковой. Образ памяти как «луковицы» возникает ещё в его раннем романе «Жестяной барабан», однако в позднем творчестве Грасс намерено усложняет семантическое поле памяти, вводя такие метафоры, как письма, зеркальный шрифт, витиеватые знаки и даже – секретный код. Всё имеет вариативность прочтения, ложь и истина всё время где-то по соседству. Более того, подчёркивает автор: «ложь и её младшая сестра подделка составляют наиболее устойчивую часть воспоминаний» [Грасс 2008, 10].

По сути, Грасс развивает в излюбленном гротесковом ключе метафору Гёте из «Поэзии и правды», названную Полом де Маном *«игрой масок»*. Автор постоянно меняется в автобиографии с самим собой местами, применяет различную оптику, так что в итоге мы зачастую перестаём отличать вымысел от реальности.

У Грасса вопросы, комментарии, отступления постоянно «взрывают изнутри» достаточно традиционную форму автобиографического повествования: из-за метатекстовых комментариев автора оно рассыпается на мелкие кусочки-взаимоотражения, а автор между строк, подобно трикстеру, высмеивает и пародирует автобиографический канон.

К полной энтропии этого канона Грасс придёт через концепт «Память как Образ» в небольшой автобиографической книге «Фотокамера», а завершит фактическим разрушением (или деконструкцией) формы немецкого языка и устойчивых категорий нашей памяти в своём последнем большом романе „Grimms Wörter“ («Слова Гриммов», 2015). Этот во многом итоговый роман писателя наметил и современные тенденции в трансформации и дальнейшем развитии жанра автобиографической прозы в Германии. Рассматриваемый жанр как единая динамическая модель в своём литературном, культурном и семиотическом движении через указанные эпохи понимается нами как структурно-типологическая *универсалия* каждого конкретного автора и подчиняется, с одной стороны, общим законам жанра автобиографической прозы, с другой – подвержен постоянной трансформации при неизбежном соотношении с текстом, названным нами «исходным», ключевым для немецкой литературы – «Поэзией и правдой» Гёте. Непреходящая ценность этого текста подтверждается, прежде всего, новейшими обращениями писателей-классиков к своему национальному автобиографическому канону.

Литература

- Гёте И.В. Поэзия и правда // Гёте И. В. Собр. Соч. в 10 т., т. 3. М., 1976.
- Грасс Г. Луковица памяти / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2008.
- Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. М., 2009.
- Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015. С. 29–60.
- Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб., 2017.
- Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. Калининград, 1999.
- Blod G. „Lebensmärchen“: Goethes „Dichtung und Wahrheit“ als poetischer und poetologischer Text. Würzburg, 2003.
- Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt a.M., 1993.
- Misch G. Geschichte der Autobiographie. In 4 Bd. Vierter Band, Zweite Hälfte. Von der Renaissance bis zu den autobiographischen Hauptwerken des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt a. M., 1969.
- Müller F. von. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1956.
- Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt a. M., 1970.

References (Monographies)

- Kemper D. Gyote i problema individual'nosti v kul'ture ehpoi moderna [Kemper D. Goethe and the problem of individuality in the culture of the modern era]. Moscow. 2009. (In Russian)
- Kibrik A.E. Kognitivnyj podhod kazyku. Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika. [Kibrik A.E. Cognitive approach to language. Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow, 2015. (In Russian)
- Sapogova E. E. Labirinty avtobiografii: ehkzistencial'no-narrativnyj analiz lichnyh istorij. [Sapogova E.E. Labyrinths of autobiography: an existential-narrative analysis of personal stories]. Saint-Petersburg, 2017. (In Russian)
- Blod G. „Lebensmärchen“: Goethes „Dichtung und Wahrheit“ als poetischer und poetologischer Text. Würzburg, 2003. (In German)
- Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt a.M., 1993. (In German)
- Misch G. Geschichte der Autobiographie. In 4 Bd. Vierter Band, Zweite Hälfte. Von der Renaissance bis zu den autobiographischen Hauptwerken des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1969. (In German)

- Müller F. von. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1956. (In German)
- Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt a.M., 1970. (In German)

Сведения об авторе:

Абрамов Пётр Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания и гуманитарных дисциплин «Высшей школы сценических искусств» (Москва), член Goethe-Gesellschaft (Weimar). – Научные интересы: личность и творчество И. В. Гёте, литература и культура эпохи Goethezeit, теория и практика поэтического перевода, семиотика и психология творчества, русско-немецкие литературные связи.
E-mail: p_abramow@mail.ru

Abramov Pyotr V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Art Studies and the Humanities in the Higher School of Performing Arts (Moscow), member of Goethe-Gesellschaft (Weimar). Scientific interests: I. Goethe's personality and work, literature and culture of the Goethezeit, theory and practice of poetic translation, semiotics and psychology of creativity, Russian-German literary connections.
E-mail: p_abramow@mail.ru

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Я.М.Р. ЛЕНЦА

В.В. Коваленко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***Аннотация.** Рассматривается использование эпистолярной формы в прозе и драмах Я.М.Р. Ленца. Ленц раскрывает многообразие художественных возможностей письма, интегрированного в различные литературные жанры: философскую прозу, литературную критику, эпистолярный роман и драму. Рассматривается поэтологический аспект романа в письмах «Лесной отшельник» и анализируются различные функции письма в драмах Ленца. Если в прозе Ленц отказывается от «психологизации» писем, свойственной сентиментализму, в пользу их подчёркнутой фикционализации, то в драму он, напротив, вводит письмо как индивидуальное средство самовыражения персонажей.*

***Ключевые слова:** Я.М.Р. Ленц, буря и натиск, сентиментализм, литературные жанры, эпистолярная форма, роман в письмах, эпистолярные формы в драме.*

EPISTOLARY FORMS IN THE WORKS OF J.M.R. LENZ

***Abstract.** The article analyzes the epistolary form of narrative in the works of J.M.R. Lenz. The letter is treated as a literary form integrated in different genres such as epistolary novel, philosophical essay, and drama. Lenz's epistolary novel "Waldbruder" breaks with the sentimental tradition of psychological portrayal. The written testimonies of multiple characters become unreliable and controversial, and the main focus of Lenz's narration shifts from storytelling to the level of poetological reflection, pointing out the fictitious nature inherent in the epistolary novel genre. On the other hand, letters in Lenz's dramas become tools to express the personalities of characters and achieve a particular psychological portrayal in drama.*

***Key words:** J.M.R. Lenz, Sturm und Drang, Storm and Stress, sentimentalism, literary genres, epistolary form, epistolary novel, epistolary forms in drama.*

Последнее из опубликованных писем Я.М.Р. Ленца, датированное январём 1792 г., содержит следующие строки: «Мне трудно вести переписку с моими братьями и сёстрами, ведь с тех пор, как некий гисенский профессор оказал мне честь и включил меня в один ряд с господином Гёте – известным автором романов, который, однако, состоит и на других должностях, – с тех пор они ищут и находят во всех моих письмах лишь невразумительные слова из области поэзии и романов» [Lenz, vol. 3, 683].

Жалоба Ленца на затруднённую коммуникацию с близкими касается не только житейской, но и внутрилитературной проблематики. У автора письма и его получателей разные жанровые установки: Ленц пишет письмо как некий подлинный биографический документ, родственники же прочтывают его как художественный текст, считая сообщаемые им сведения вымыслом. Включение эпистолярной формы в художественный контекст актуализирует аспект фикциональности, ставя перед читателем вопрос о «подлинности» письма. Кроме того, для литературы XVIII века, сосредоточившейся на личности и ее самовыражении, был важен также вопрос о том, насколько в тексте письма отражена личность человека, его написавшего.

В культуре сентиментализма размываются границы между личной перепиской и литературным текстом. Так, Й. К. Лафатер, швейцарский писатель и проповедник, автор популярной в XVIII веке теории о физиогномике, излагает свои морально-антропологические знания в личных письмах к друзьям, а затем собирает эти письма и публикует их отдельными книгами. Таким образом он доносит своё учение до широкого круга читателей, сохранив при этом доверительный тон переписки [Михайлов, 349].

Частная переписка и литературные эпистолярные формы сближаются в том числе и по той причине, что авторы писем использовали тот же стилизованный восторженно-чувствительный язык, что и в сентиментальных романах. Они часто прибегали к риторическим приемам и языковым клише, но вместе с тем постепенно вырабатывался язык, на котором современный человек писал о себе, о своем самосознании, самоосмыслении.

Философская проза и литературно-критические сочинения в письмах продолжали традицию философского диалога. Эпистолярная форма переосмыслялась как доступная широкому кругу читателей, к тому же обеспечивала удобный для прочтения формат, разделяя текст на небольшие отрезки. Среди произведений Ленца такую структуру имеет, например, рецензия на гётевского «Вертера» (Briefe über die Moralität der Leiden des jungen Werthers, 1775), написанная в письмах и по форме перекликающаяся с произведением, которому она посвящена.

К пограничному философско-повествовательному жанру можно отнести стилизованную эпитафию Ленца «Кое-что о характере Филоты» (Etwas über Philotas Charakter, 1779), написанную в письмах и обнаруживающую ряд автобиографических мотивов. Рассказчик, вспоминая ушедшего друга, попутно раскрывает и различные стороны собственной личности, в том числе касаясь темы безумия. Жанровый канон стилизованных писем, составляющих единый контекст, восходит к римскому литератору Плинию Младшему,

на которого и ссылается рассказчик в первом письме [Lenz, vol. 2, 464]. Особую роль эпистолярная форма сыграла в развитии такого жанра, как роман в письмах. При этом заимствование жанровых признаков было обоюдным: авторы романов использовали эпистолярную форму, но и стиль личной переписки менялся под влиянием быстро развивающегося романа. Х. Ф. Геллерт, на которого часто ссылается Ленц, был профессором философии в Лейпциге, автором популярных тогда эпистолярных романов, трогательных комедий и нравоучительной прозы. В 1751 г. он опубликовал знаменитый письмовник, состоявший из практической (сборник писем-образцов) и теоретической частей (рассуждения о жанре письма), в котором Геллерт подчёркивает, что письмо должно носить повествовательный характер, рассказывать какую-то историю. Многие из включенных в его сборник писем по своей поэтике приближаются к романским главам: имеют выраженный сюжет, общий биографический контекст и складываются в единое произведение, объединенное личностью рассказчика [Witte, 86].

Европейский sentimentalный роман XVIII века (например романы Ричардсона, Геллерта, Софии фон Ля Рош) развивался по пути психологического подражания доверительной переписке. Письмо выступало в романе как своего рода документ, подлинный рассказ о событиях, происходящих с героем, непосредственное свидетельство его переживаний. К тому времени, когда Ленц обратился к романному жанру, литературная история немецкого sentimentalного романа в письмах уже достигла своей вершины – в 1774 г. был написан «Вертер». Двумя годами позже Ленц пишет роман «Лесной отшельник, пандан к страданиям Вертера» (*Der Waldbruder, ein Pendant zu Werthers Leiden*, 1776), который содержит как открытые отсылки к гетевскому роману, так и скрытую полемику с Ф. фон Бланкенбургом, опубликовавшим в 1774 г. свой «Опыт о романе».

Любовная интрига в «Лесном отшельнике» основана на чисто эпистолярной ситуации: в руки Херцу, главному герою романа, случайно попадают письма графини, в которых «живёт и дышит (...) молодость, остроумие, любовь и дружба, но вместе с тем и божественная серьезность» [Lenz, vol. 2, 385]. Не будучи лично знаком с женщиной, которая эти письма написала, герой проникается к ней любовью и посвящает в свою тайну лишь ближайшего друга Роте. Имена двух друзей – Херц и Роте – указывают на автобиографический контекст: дружбу между Ленцем и Гете. Однако исследователи предостерегают от прочтения этого произведения как «романа с ключом», поскольку такая трактовка касалась бы главным образом сюжетной стороны и уводила от поэтологической проблематики, которая является центральной

в романе «Лесной отшельник». Предметом изображения у Ленца становится сам генезис романа – история о том, как собрание разрозненных писем превращается в единый романский текст.

Каждый из персонажей не столько участвует в описываемых событиях, сколько стремится рассказать собственную их версию. Так, сам Херц, подражая гетевскому Вертеру, пишет письма в духе sentimentalных романов. Он полностью погружен в свои любовные переживания и невосприимчив к другим точкам зрения. На письмо друга Херц отвечает так: «Из твоего письма мне по душе лишь просьба рассказать о характере той, кому я поклоняюсь в уединении, остальное я не читал» [Lenz, vol. 2, 385].

Фройляйн Шатуйёз рассказывает историю возвышенной любви Херца в комическом ключе. Влюбленный попадает в ситуацию *qui pro quo*: поскольку он влюблен в графиню по письмам и никогда не видел ее, он ошибочно принимает другую даму за объект своего поклонения, всюду следует за ней и тем самым дает повод для всеобщих насмешек.

Самую цельную и последовательную версию событий излагает героиня с говорящим именем Онеста (*Honesta* – от англ. *honest* «честная, искренняя, правдивая, подлинная»). Ей каким-то образом доступны различные представленные в романе точки зрения, и она комбинирует их, чтобы составить целостный рассказ. При этом ее письма изобилуют почти дословными цитатами из писем других персонажей. То есть Онеста выступает одновременно в двух ипостасях: как читатель писем и как автор собственной версии повествования, составленной на основе прочитанного [Krauß, 60]. Вместе с тем, она сама заставляет читателя усомниться в правдивости представленной ею версии, когда в конце письма задает риторический вопрос: «Не правда ли, у меня есть все задатки, чтобы писать романы?» [Lenz, vol. 2, 406]. Таким образом, ее стройное, «правдивое» повествование оборачивается иронической саморефлексией романного жанра.

Линия Онесты представляет собой скрытую полемику с «Опытом о романе» Бланкенбурга [Krauß 2011, 60]. Если Бланкенбург заявлял, что романное повествование должно быть последовательным, законченным, избегать лакун и скачков в изложении событий, отражать все причинно-следственные связи, а также, стремясь к объективности, по возможности отказаться от присутствия в тексте субъективной авторской инстанции, то Ленц создает роман, построенный на противоречиях и лакунах, а также вводит в текст фигуру Онесты, которая выступает в роли «всезнающего автора»: никак не участвует в событиях, но при этом претендует на максимально полное их изложение. Заявленной Бланкенбургом целостности Ленц противопоставляет

фрагментарность, которая в данном случае была осознанным выбором автора и не относится к разряду т.н. ситуативной фрагментарности, когда автор по каким-то причинам не мог закончить текст. Ленц намеренно создавал фрагментарную структуру, «собирал» этот роман из разрозненных писем и оборвал его на полуфразе.

Поэтика ленцевского текста основана на противоречии между «искусственностью», «литературностью» романного жанра, где всё подчинено замыслу автора, а действие последовательно движется к развязке, и кажущейся «естественностью», «неподдельностью» переписки, для которой характерны умолчания, прерывистость (переписка в любой момент может прерваться и снова возобновиться), несвоевременная доставка корреспонденции, недосказанность и возникающие по всем этим причинам недоразумения. На первый взгляд, на страницах романа разворачивается вполне естественная переписка, которую ведут между собой персонажи. Однако при внимательном анализе обнаруживается, что запутанная, причудливая система корреспонденции в романе не претендует на правдоподобие, а письма организованы и выстроены по неподвластной ни одному из участников переписки логике. Если фройляйн Шатуйёз – для наглядности назовем ее персонажем номер один – в своих письмах к персонажу номер два задает вопросы о персонаже номер три, то ответы на эти вопросы читатель находит в письмах персонажа номер четыре к персонажу номер пять (письма фройляйн Шатуйёз к Роте с вопросами о Херце, ответы на них – в письмах Онесты к пастору Клавдию).

История Херца представлена с различных точек зрения, причем свидетельства персонажей зачастую противоречат друг другу. Ни один из них не заслуживает в полной мере читательского доверия. Хронология писем не ясна, а порой и вовсе демонстративно нарушена. Тем не менее все эти разрозненные письма собраны неким «невидимым» [Krauß, 61] автором в единый текст, пронумерованы, разделены на четыре части, приведены к единому заглавию и снабжены чрезвычайно редкими минимальными комментариями – например, когда читателю сообщается, что «данное письмо осталось без ответа» [Lenz, vol. 2, 388].

Самоотражающая ироническая модель неправдоподобного повествования представлена в письме Онесты, где она рассказывает об удивительных способностях графини: «Особа, в которую он (Херц. – В.К.) влюблен, это некая графиня, поистине само совершенство, как мне о ней рассказывали (...) она лично ведёт переписку, на которую иному министру не хватило бы никаких секретарей, и все эти письма она пишет в то время, пока ей дела-

ют причёску...» [Lenz, vol. 2, 389]. Рассказывая о графине, Онеста ссылается на свидетельства других лиц, то есть предоставляет своему читателю информацию из вторых рук. Кроме того, её рассказ изобилует гиперболами, а также попытками «вписать» поведение Херца в известные ей литературные шаблоны (упоминаются «Вертер» Гете и «Идрис» Виланда). Возникает своего рода повествовательная рамка: Онеста пересказывает услышанное, а её письмо, в свою очередь, включено в повествовательную структуру следующего уровня – собственно, в роман «Лесной отшельник». Письмо, включенное в такую многоуровневую фикциональную повествовательную структуру, перестаёт быть первоисточником, непосредственным свидетельством душевных переживаний героя, утрачивает свою «аутентичность», на которой было основано доверие сентиментального читателя.

Ленц отказывается от традиционной психологически-миметической линии развития эпистолярного романа в пользу его подчеркнутой фикционализации. Р. Никиш указывает на другой, более поздний пример эксплицитной фикционализации эпистолярного жанра: в гётевском романе «Избирательное сродство» (Wahlverwandschaften, 1809) Эдуард пишет себе письма от имени Оттилии, и эта нарочито вымышленная переписка высвечивает фикциональный характер всего художественного мира романа. Письмо как «поэтически понимаемая фикция» приходит на смену бытовавшему в XVIII веке представлению о «документальном», «аутентичном» характере письма [Nickisch, 162–163].

В рассмотренных выше прозаических произведениях, и особенно в эпистолярном романе Ленца, письмо выполняет основную композиционную, организующую текст функцию. Повествовательная рамка отсутствует или является минимальной (если считать таковой, например, заглавие, эпиграф и нумерацию писем). Письма определяют ритм повествования, деление текста на определённые отрезки, удобные для восприятия, а в случае эпистолярного романа – задают перспективу, точку зрения на события. В драмах Ленца отношение между письмом как единицей текста и общей структурой произведения иное, чем в повествовательной прозе, что обусловлено жанровой спецификой драматического текста. Автор комбинирует эпистолярную форму с другими элементами драмы, такими как диалог, монолог, пантомима, авторские ремарки. При этом письмо выполняет различные функции: повествовательную (сообщать о событиях, не показанных на сцене), композиционную (замедлять или ускорять развитие действия), описательную (давать характеристику персонажу) и даже метонимическую – когда письмо выступает предметом, замещающим собой человека, его написавшего:

в таких случаях отношение к письму свидетельствует об отношении к его автору. Письмо пренебрежительно бросают на пол (как поступает тайный советник фон Берг с письмом Лойфера в драме «Домашний учитель»), прижимают к губам, как делает это Вильгельмина с письмом принца в драме «Новый Меноза» [Lenz, vol. 1, 169], постоянно носят на груди, как поступает Херц с письмами своей возлюбленной (ирония состоит в том, что они не являются любовными письмами и даже не адресованы ему).

В пятнадцатилетнем возрасте Ленц пишет свою первую драму «Раненый жених» (*Der verwundete Bräutigam*, 1766), которая обнаруживает несколько традиционных драматургических приемов, связанных с эпистолярной формой. В первой же сцене герой получает орден и сопроводительное письмо за подписью прусского короля Фридриха II. Функция этого эпизода, включенного в экспозицию драмы, – дать характеристику персонажу (доблестный воин, удостоенный почетной награды) и ввести исторический контекст или же отдать дань литературной моде: фигура Фридриха II была очень популярна в литературе того времени.

Завязка действия происходит в тот момент, когда герой получает ранение. Затем он распоряжается написать письмо, чтобы известить о своем ранении невесту. Это письмо не только информирует других персонажей (невесту и её отца) о произошедших событиях, но и выполняет композиционную функцию: с помощью письма реализуется приём ретардации. Сначала слуга, которому поручено доставить письмо, встречает неожиданные препятствия: служанка в доме невесты отказывается пускать его прежде, чем узнает содержание письма, следует сцена препирательств между слугами. Затем, когда гонец все же допущен в дом, он передает письмо не самой героине, а ее отцу, который, в свою очередь, не спешит сообщать дочери печальное известие. Невеста, напуганная таинственным умолчанием, предполагает самое худшее и пытается выведать у отца, не сказано ли в письме на самом деле о смерти ее жениха. Ситуация доставки, прочтения и интерпретации письма растягивается на целый акт, отодвигая завязку драмы.

В драме «Домашний учитель» (*Hofmeister*, 1774) не столько содержание писем, сколько сам факт их регулярной отправки играет решающую роль в развитии конфликта. Двоим влюбленным – Фрицу и Густхен – предстоит разлука на время учебы Фрица в университете. Расставаясь, влюбленные клянутся друг другу в верности и обещают писать письма. Эпистолярная ситуация становится частью системы мотивировок. Густхен не получает писем от Фрица, чувствует себя покинутой и вступает в любовную связь с домашним учителем Лойфером. Тем временем в университетском горо-

де Халле в Саксонии студент Фриц, охваченный тревогой за судьбу своей невесты, просит у приятеля письменные принадлежности и безотлагательно садится писать письмо. На сцене одновременно разворачиваются два действия: Фриц сидит за столом и сосредоточенно пишет, в то время как его приятели-студенты шутят, обсуждают насущные вопросы и готовятся к увеселительной прогулке по городу. Создается двухмерность, двуплановость сцены: Фриц ведёт студенческую жизнь вдали от возлюбленной, но вместе с тем мысленно погружен в события, её касающиеся.

В драме «Солдаты» (*Die Soldaten*, 1776), которую исследователи называют «драмой в письмах» [Lützel, 155], едва ли не все персонажи берутся за перо. Письма здесь служат и орудием интриги, и средством общения героев, и – что весьма необычно для драматического жанра – формой самовыражения для главной героини. Стремление Марианны к индивидуальному высказыванию как в устной речи, так и в письмах проходит лейтмотивом через всю драму. Порой эти попытки карикатурны: «Я ужасно люблю писать», – заявляет Марианна, «царапая» что-то пером на белой бумаге [Lenz, vol. 1, 194].

Главные герои драмы, Штольциус и Марианна, в развитии своего любовного конфликта выступают как фигуры сентиментального романа в письмах. Они ни разу не оказываются вместе на сцене, их общение происходит исключительно в письмах. При этом герои не зачитывают письма вслух, но выносят из них суждения о чувствах друг друга: «Взгляните, как она когда-то писала мне. Это сводит меня с ума. Какое доброе сердце!» [Lenz, vol. 1, 216] – восклицает Штольциус; или – сама Марианна: «Папа, подумайте только, что за письмо прислал мне этот грубиян, этот хам Штольциус, он назвал меня изменницей!» [Lenz, vol. 1, 213].

Когда Марианна оказывается вовлечена в любовную интригу барона, она утрачивает способность писать Штольциусу. На помощь ей приходит отец: «Тебе не следует сразу отталкивать Штольциуса, послушай. Я подскажу тебе, какое письмо ему написать» [Lenz, vol. 1, 204]. В другой раз Марианна обращается за помощью к сестре. Они вместе садятся писать, но результат не устраивает Марианну, и в конце концов она рвет письмо в клочья. Эта беспомощность, неспособность выразить свои чувства в слове усложняет характеристику героини, добавляет к ее образу дополнительную черту, которая, как и многие другие элементы ленцевских драм, обладает амбивалентной природой – одновременно трагической и комической.

Письмо в творчестве Ленца представляет собой форму, выполняющую множество художественных функций. Диапазон этих функций очень широк: от подлинного или фикционального биографического документа,

чрезвычайно важного для языка культуры в эпоху сентиментализма, до художественного приёма. Если в прозе Ленц отказывается от свойственной сентиментальной эпохе «психологизации» писем в пользу их подчеркнутой фикционализации, то в драму он, напротив, вводит письмо как индивидуальное средство самовыражения персонажей. В драмах Ленца письмо чаще представлено не как собственно текст, а как бытование этого текста: показан процесс его написания, отправки, прочтения и истолкования. Фокус изображения таким образом смещается с содержания писем на персонажей, которые их пишут и трактуют.

Литература

- Михайлов А.В. Йоанн Каспар Лафатер // Михайлов А.В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб., 2007. С. 348–394.
- Krauß A. Pendant: Zeitstruktur und Romantheorie in J. M. R. Lenz' Waldbruder-Fragment // *Variations*, vol. 19, 2011. Pp. 55–72.
- Lenz J.M.R. Werke und Briefe in drei Bänden. Damm S. (ed.) Leipzig, 1987.
- Lützel P.M. Jakob Michael Reinhold Lenz' *Die Soldaten* // *Dramen des Sturm und Drang. Interpretationen*. Stuttgart, 1987. Pp. 129–159.
- Nickisch R.M.G. Brief. Stuttgart, 1991.
- Reinhard N. Der fließende Gellert und der spitzige Rabener. Thematisierung von Anonymität und Autorschaft als Strategie der Selbst- und Werkpolitik in faktischen, fingierten und modifizierten Briefen // *Cahiers d'Études Germaniques*, vol. 70, 2016. Pp. 161–182.
- Stiening G., Vellusig R. Poetik des Briefromans. Wissens- und mediengeschichtliche Perspektiven // Stiening G., Vellusig R. (eds.). *Poetik des Briefromans: Wissens- und mediengeschichtliche Studien*. Berlin, 2012. Pp. 3–18.
- Witte B. Die Individualität des Autors: Gellerts Briefsteller als Roman eines Schreibenden // Witte B. (ed.) „Ein Lehrer der ganzen Nation“. *Leben und Werk Christian Fürchtegott Gellerts*. München, 1990. Pp. 86–97.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Krauß A. Pendant: Zeitstruktur und Romantheorie in J. M. R. Lenz' Waldbruder-Fragment. *Variations*, vol. 19, 2011: pp. 55–72. (In German).
- Reinhard N. Der fließende Gellert und der spitzige Rabener. Thematisierung von Anonymität und Autorschaft als Strategie der Selbst- und Werkpolitik in faktischen, fingierten und modifizierten Briefen. *Cahiers d'Études Germaniques*, vol. 70, 2016. Pp. 161–182. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Lützel P.M. Jakob Michael Reinhold Lenz' *Die Soldaten. Dramen des Sturm und Drang. Interpretationen*. Stuttgart 1987, S. 129–159. (In German).
- Michajlov A. V. Johann Kaspar Lavater. *Izbrannoe. Zaveršenie ritoričeskoj epochi*. [Selected works. End of the Rhetorical Era]. Saint Petersburg, 2007. Pp. 348–394. (In Russian).
- Stiening G., Vellusig R. Poetik des Briefromans. Wissens- und mediengeschichtliche Perspektiven. Stiening G., Vellusig R. (eds.). *Poetik des Briefromans: Wissens- und mediengeschichtliche Studien*. Berlin, 2012. Pp. 3–18. (In German).
- Witte B. Die Individualität des Autors: Gellerts Briefsteller als Roman eines Schreibenden. Witte B. (ed.) „Ein Lehrer der ganzen Nation“. *Leben und Werk Christian Fürchtegott Gellerts*. München, 1990. Pp. 86–97. (In German).

(Monographs)

- Nickisch R.M.G. Brief. Stuttgart, 1991. (In German).
- Lenz J.M.R. Werke und Briefe in drei Bänden. Damm S. (ed.) Leipzig, 1987. (In German).

Сведения об авторе:

Коваленко Вера Витальевна, дипломированный специалист-филолог (немецкий язык и литература), СПбГУ, 2006 г.; соискатель при кафедре истории зарубежных литератур, филологический факультет СПбГУ.
E-mail: vera.kovalenko@icloud.com

Kovalenko Vera V., BA and MA in Philology (German Language and Literature) from St. Petersburg State University in 2006; PhD student at World Literature Department, Philological Faculty, St. Petersburg State University.
E-mail: vera.kovalenko@icloud.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИРОДЫ В НАТУРАЛИЗМЕ И ЕЁ ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ДРАМЕ М. ГАЛЬБЕ «ПОТОК»

А.П. Склизкова

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

Аннотация. В статье речь идет о новом взгляде натуралистов на природу, что связано с перетолкованием вопросов, касающихся единства в природе, её религиозно-осмысления и сопоставления с искусством.

Новый взгляд на единство в природе требовал в век синкретизма комбинированного подхода – соединения точек зрения классической эпохи с её акцентом на внешнее бытие и романтической, подчеркивающей сокровенную внутреннюю суть окружающего мира. Монистическое мировоззрение натуралистов (тождество духа и материи Э. Геккеля и К. Штерна, исследование тайны любви в природе дарвиниста В. Бёльше) служит доказательством подобного подхода.

В монистической религии натуралистов происходит корректировка дуализма, замеченного романтиками у Спинозы, природа, в противовес *Natura Naturans*, величественна в своей сокровенности и одухотворяет саму себя.

Устраняются различия и между природой и искусством. Новая трактовка проблемы природы и искусства определяется стремлением к устранению различий между ними. Отказ натуралистов от доминанты природы (установка классического XVIII века) и от доминанты искусства (романтическая концепция) приводит их к трактовке языка природы как языка жизни, который находит в драме наиболее совершенное эстетическое воплощение.

Желание М. Гальбе максимально сблизить искусство с природой воплощается, во-первых, в особой организации сюжета в драме «Поток»: чем мощнее шторм, тем больше разлад между героями, и чем резче их разногласия, тем ощутимее буйство стихии. Во-вторых, в попытках героев воспринять шторм как живое существо, понять его природу. В-третьих, Якоб – один из ведущих персонажей – предстаёт в качестве природного героя, поскольку хотя бы отчасти приближается к постижению шторма как великого таинства всеобщего бытия.

Ключевые слова: натурализм, репрезентация, традиция, религия, олицетворение, первоэлемент, поток, сознание.

REPRESENTATION OF NATURE IN NATURALISM IN AND ITS LITERARY EMBODIMENT IN M.GALBE'S DRAMA "THE FLOW"

Abstract. The article deals with the new look of naturalists at nature at the turn of the XIX–XX centuries. The close connection with the tradition of the past and its simultaneous modernization led naturalists to a different interpretation of the former issues relating to unity in nature, its religious understanding and comparison with art.

Naturalists' new look at the unity in nature was to comprehend its secrets. It required in the age of syncretism, which is the main feature of the late XIX – early XX century, a combined approach connecting the points of view of the classical era with its emphasis on external being and romantic, emphasizing the innermost essence of the world around. The monistic worldview of naturalists (the identity of spirit and matter by E. Haeckel and C. Stern, the study of the mystery of love in nature by Darwinist B. Bölsche) is a proof of this approach.

Closely connected with the new view of nature, the monistic religion of naturalists, based on the comparison of B. Spinoza's pantheism and on F. Schelling and F. Schlegel's concepts, emphasizing the dualism between the God and nature by Spinoza, was determined by the complete replacement of the God by the concept of nature, which inspires itself.

This view led to the neutralization of dualism, spotted by romanticists at Spinoza, and at the same time, to a new perception of pantheism of the past: naturalists do not take nature out of the spirit but on the contrary, the spirit out of nature.

A new interpretation of the problem of nature and art is determined by the desire to eliminate the differences between them. The naturalists' rejection of the dominant nature (the installation of the classical XVIII century) and the dominant art (romantic concept) leads them to interpret the language of nature as the language of life, which finds the most perfect aesthetic embodiment in the drama.

M. Galbe's desire to bring art and nature as close as possible is embodied, firstly, in the special organization of the plot in the drama "The Flow": the more powerful the storm, the greater the discord between the characters, at the same time the sharper their differences, the more tangible the violence of the elements becomes. Secondly, it is embodied in the characters' attempts to perceive the storm as a living being, to understand its nature. Thirdly, Jacob – one of the leading characters – appears as a natural hero, at least partially approaching the comprehension of the storm as the great mystery of universal being.

Keywords: naturalism, representation, tradition, religion, personification, primary element, stream, consciousness.

Репрезентация природы в творчестве натуралистов основывалась на её восприятии как «живой традиции» [Ricoeur 2003, 34], предстоящей в качестве культурного феномена и подвергающейся переосмыслению. Живой античный космос, вселенная в качестве второго писания в Средние века, преобразование в природу идеи древнего космоса благодаря «искусству предположения» Н. Кузанского, герметизм XVI века, сокративший дистанцию между трансцендентным богом и тварным миром, научная революция века XVII, сделавшая природу предметом познания, и так называемая «дивизия классики и романтики», о которой ведёт речь Э. Курциус, говоря о процессе посредничества между эпохами [Curtius 1993, 274], – вот тот культурный багаж, который достаётся в наследство натуралистам на рубеже XIX–XX веков. В большей степени натуралисты, при несомненном контакте с другими эпохами, опирались на классико-романтическую «дивизию», задавая себе те вопросы, ответы на которые, казалось, были получены в XVIII и XIX веках.

Один из них касается рассуждений о единстве в природе. Несомненная связь натуралистов с эпохой Просвещения и её идеей порядка в природе оказывается весьма непрочной в тех случаях, когда речь идёт об эволюционных процессах. Натуралисты, говоря о небывалом успехе «теории развития, посредством которой обнаружено бесконечное богатство постоянных изменений и перевоплощений» [Бёльше 1998, 94], ведя речь о «постепенной эволюции земной жизни: от низших форм к высшим, саморазвитие органических форм из неорганических» [К. Штерн 1903, 222], ориентируются не только на осязаемое и зримое природное царство. В. Дильтей (1833–1911) в «Герменевтике» не случайно называл натурализм «великим фактором, когда за внешним угадывается внутренняя основа» [Дильтей 2001, 177]. Для того чтобы понять эту внутреннюю основу, необходимо обратиться к другой традиции – к романтической, которая для «друзей природы», как Э. Геккель именовал натуралистов, напластовывается на традицию классическую.

Трансцендентный принцип как принцип мира, выдвинутый Ф. Шеллингом, его сравнение природы с античным Протеем, «принимающем различные очертания и всё время возвращающемся к себе самому в бесчисленных явлениях» [Шеллинг 1987, 94], с «поэмой, скрытой от нас самих, Одиссеей духа, который в поисках себя бежит от себя самого» [Шеллинг 1987, 484], в значительной степени сопрягался с концепцией монистического мировоззрения в том значении, которое придаёт ему Э. Геккель – тождество духа и материи, неразделённость «естественных, видимых, природных законов и нематериального природного мира» [Геккель 1913, 88]. Представления

об окружающем бытии («äußerlich») у натуралистов, благодаря небывалому развитию естественных наук на рубеже веков, становятся всё более отчётливыми, но не менее отчётливо и осознание его загадочности, внутренней («innerlich») сути мироздания. Весьма значимыми в этом плане становятся рассуждения натуралистов о бессмертии, которое трактуется ими в контексте представлений об эволюции. Наиболее показательна работа В. Бёльше «Das Liebesleben in der Natur», 1904. Доминантой в исследовании Бёльше является тайна любви, тайна зачатия, которая выходит далеко за пределы естественных наук и эмпирическим путём не может быть осознана. Область видимого («der Anschein») – человеческий род – сопрягается с невидимым («die Unsichtbarkeit») – всеобщей, вселенской любовью.

Репрезентация природы натуралистами, обновление точки зрения на неё тесно связаны с трактовкой религиозных вопросов. Для новой монистической религии, строящейся на принципах пантеизма, наиболее совершенной оказывается религия Спинозы, воспринимаемая натуралистами в контексте весьма существенной для них идеи всеобщего одухотворения, корни которой уходят в романтическую культуру, а через неё простираются в античность. Между тем Спиноза в «Богословском трактате» называет язычество «суеверием, отвратительной догмой» и советует «навсегда забыть гнусных аристотеликов и платоников» [Спиноза 1957, 56]. Не случайно романтики ощущают сильнейший дуализм в монистических взглядах Спинозы, изначальную разделённость *Natura Naturans* и *Natura Natutata* – «бог Спинозы есть вне себя самого, он значим в своей сокровенности» [Шеллинг 1987, 425]. Натуралисты, подобно своим романтическим предшественникам, осознают разделение между богом и природой у Спинозы, но пытаются этот дуализм нейтрализовать. Понятие бога полностью заменяет понятие природы, одухотворяющей себя саму. Можно сказать, что натуралисты впервые после античности начинают постигать природу как фюсис, как само естество. Русский философ культуролог А. В. Ахутин (род. 1940), отмечая точки соприкосновения античной фюсис и новоевропейской природы, считал общим между ними «всегда скрытый, затаённый смысл бытия, его несводимость к мысли, сокровенность» [Ахутин 1988, 102]. Подобная сокровенность ощутима в философско-религиозных взглядах на природу у натуралистов прошлого столетия.

Восприятию мира в единстве способствовала и определённая трактовка проблемы природы и искусства. Эстетическое наследие, полученное натуралистами, включало в себя кантовскую уверенность в преимуществе природы перед искусством и противоположную романтическую установку

о доминанте искусства. Сглаживание разрыва между природой и искусством, выпадающего на долю художника-гения, представлялся натуралистам несколько сомнительным. Натуралисты говорят о «языке природы как языке жизни» [Hillebrant 1987, 40], о «подчинении искусства естественным природным законам» [Alberti 1987, 49], в одном из главных положений «Свободной сцены» («Freie Bühne») указывалось на необходимость расстановки «новых акцентов, связанных с отношением искусства и природы» [Tehesen 1987, 59]. В аспекте данной проблематики известная формула Хольца «K=N – X», предьявленная им в статье «Искусство» («die Kunst»), подлежит тщательному комментированию. Хольц, как известно, называет «X» таинственным фактором, являющимся частью природы и, соответственно, целью искусства. Тогда «искусство имеет тенденцию снова стать природой» («Die Kunst hat die Tendenz wieder die Natur zu sein») [Holz 1987, 148].

Думается, что в данном случае следует обратить внимание не столько на «X», сколько на знак «–». Если «X» является целью искусства, то природа эту цель отторгает от себя, не принимая целеполагание вообще. Чтобы стать подобным природе, искусство должно, считает Хольц, отказаться от цели, в первую очередь от той, которая долгое время связывалась с подражанием прекрасному.

Произведения Макса Гальбе (Max Halbe, 1865–1944) являются доказательством подобных рассуждений натуралистов. В драме «Поток» («Der Storm», 1904) речь идёт о трёх братьях, один из которых – Петер – утаил истинное завещание отца. Не совсем ясно, какова была действительная воля покойного, однако не вызывает сомнений, что один Петер не может быть владельцем всего имущества. Спор из-за наследства, жуткие воспоминания прошлого (смерть маленьких детей Петера и его жены Ренаты), непрестанно усиливающийся шторм, попытка Якова прорубить плотину, чтобы отомстить Петеру, старания последнего подобных действий не допустить, гибель обоих в воде в финале составляют содержание данной драмы.

Нетрудно заметить, что М. Гальбе, желая максимально сблизить искусство с природой, организывает сюжет так, что в развитии событий обнаруживается тесная связь между бушующим потоком и поступками (как в прошлом, так и в настоящем) ведущих персонажей: чем мощнее шторм, тем неистовее оказывается разлад между героями, в то же время чем резче их разногласия, тем ощутимее становится буйство стихии.

Намеренно создаваемая панорама всеобщего одушевления позволяет М. Гальбе достаточно чётко выявить оппозиции – «там снаружи» и «там внутри». Их значение может быть раскрыто через толкование слов «die

Bewegung» und «das Treiben». Кажущиеся синонимичные пары в тексте Гальбе перестают быть таковыми, приобретают смысл антонимов, поскольку их семантика предполагает разное восприятие хода шторма, выявление его природы: «die Bewegung» – свободное, ничем и никем не ограниченное движение, «das Treiben» – движение, в котором доминирует принуждение.

В связи с этим чрезвычайно важной оказывается позиция ведущих персонажей, двух братьев, враждующих между собой, — старшего Петера и младшего Якова. Например, в депеше о надвигающемся шторме, которую получает Петер, представление о стихии вводится словом «Bewegung»: «Storm hier setzt sich soeben in Bewegung» [Halbe 2014, 37], задача Петера, соответственно, справиться с тем, что снаружи: «Nehm' ich' s mit dem da draußen auf <...>» [Halbe 2014, 69]. Однако Петер подсознательно чувствует, что в шторме есть некое таинственное начало. Шторм, разыгравшийся «там снаружи», действует по какой-то своей определённой логике, которая причудливым образом акцентируется на том, что «там внутри». Петер не знает и не хочет знать эту логику, однако его рассказ о гибели детей на плотине формулируется странным образом – шторм кажется Петеру живым существом, грозящим ему кулаком: «Es ist, als wenn der Storm selber seine Faust nach ihnen ausgestreckt hat» [Halbe 2014, 22]. Олицетворение, оформленное посредством словосочетания «как если бы» («als wenn»), служит доказательством сильнейшей эмоциональной реакции Петера, которая не утратила свою силу и мощь даже спустя годы. С одной стороны, ему не в чем себя упрекнуть, он действительно не виновен в смерти детей, но, с другой стороны, созданный его воображением образ шторма, простирающего свою карающую длань в направлении Петера, невольно заставляют его свою вину ощущать. Сам не отдавая себе в этом отчёта, Петер интуитивно воспринимает движение шторма с позиции «das Treiben». Не случайно именно в этот момент он признаётся Ренате в содеянном прошлом преступлении – в сокрытии завещания отца.

Иначе воспринимает шторм Яков. М. Гальбе в «Заметках о литературе и искусстве» (1900) писал о необходимости «введения в драму естественного, природного человека» [Halbe 1987, 266]. Таков и его герой в драме «Поток». Он является, по замыслу М. Гальбе, тем персонажем, благодаря которому искусство приобретает высокий статус природы, поскольку младший брат Петера оказывается единственным, кто хотя бы отчасти приближается к постижению стихии как великого таинства всеобщего бытия.

Доказательством служит его сон, в котором важны природные образы, позволяющие назвать драму природной: трясина, в которой на некоторое время завяз Яков, свет луны, освещающий всё вокруг, звезды, сияющие

на тёмном небосклоне. Думается, что эти образы следует трактовать в контексте работы И. Я. Бахофена (Johann Jakob Bachofen, 1815–1887), связанной с исследованием древней символики могил («Versuch über die Gräber der Alten», 1859). Среди натуралистов, в частности в кружке на Фридрихсхаген, членом которого был М. Гальбе, пользовалась особой популярностью данная книга швейцарского учёного. Он, размышляя об идее становления, усматривает её реализацию в тех природных началах, которые свидетельствуют, с точки зрения Бахофена, о господстве перемен, непостоянстве. Одним из таких природных начал является луна, которая «предстаёт в вечном изменении – увеличении (росте) и уменьшении (убывании)» [Bachofen 1857, 77], под светом луны, считает Бахофен, «кажется всё преходящим, бранным, расплывчатым» [Bachofen 1857, 72], звёзды, благодаря своей световой природе, «соединяют видимый (материальный) и невидимый (нематериальный) мир, <...> высвечивая первый, позволяют предугадать второй» [Bachofen 1857, 74], наконец, болото, к которому «луна имеет прямое отношение, поскольку природа как у болота, так и у луны ночная, <...> тёмная глубина порождает активные жизненные потенции» [Bachofen 1857, 119].

Пробуждение подобных потенций у Якоба показывает М. Гальбе. Младший брат Петера благодаря свету месяца, блеску звёзд не только постигает природные границы между мирами, но и ощущает союз с ними, осознает свою принадлежность как к видимому бытию, так и к невидимому. Такое проникновение в тайны вселенной, совершающееся на подсознательном уровне, располагает к ощущению в себе разрушительной силы шторма – он хочет разбить плотину и выпустить стихию на волю. Однако попытка подобного разрушения приводит к созиданию. Конфликтная ситуация разрешается – Генрих становится единственным хозяином имения, их предполагаемый союз с Ренатой оказывается вполне вероятным. Кроме того, вина в значительной степени слагается с Петера, он её загладил тем, что, как говорит Генрих, «<...> пал ради нас всех <...> спас плотину и всю землю» («Peter ist für uns alle gefallen. Peter hat den Damm und das Land gerettet») [Halbe 2014, 111]. Что касается Якоба, то он называется жертвой, так считает Генрих и задаёт риторический вопрос: «Кто может сказать (имеет мужество), что он виноват?!» («Er war ein Opfer! Wer hat den Mut, ihn schuldig zu sprechen?») [Halbe 2014, 110].

Итак, хотя практически все герои драмы воспринимают шторм с позиции «там снаружи», подсознательно они оценивают его под углом зрения «там внутри». Такая оценка приближает их к овладению великой природной тайной, осознанию в ней нерушимого единства двух противоположных начал (äußerlich – innerlich).

Литература

- Ахутин А. Понятие природы в античности и в новое время (фюсис и натура). М., 1988.
- Бёльше В. Тайны любви в природе. Минск, 1998.
- Геккель Э. Монизм или связь между религией и наукой. Лейпциг – СПб., 1907.
- Геккель Э. Лекции по естествознанию и философии. СПб., 1913.
- Геккель Э. Бог в природе. СПб., 1906.
- Дильтей В. Герменевтика. М., 2001.
- Спиноза Б. Богословский трактат. Избранные произведения в двух томах. М., 1957. Т. 2.
- Шеллинг Ф. К истории новой философии // Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М., 1987. Т. 2. С. 375–561.
- Шеллинг Ф. О мировой душе // Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М., 1987. Т. 1. С. 39–89.
- Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М., 1987. Т. 1. С. 227–490.
- Шлегель Ф. Развитие философии в 12 книгах // Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М., 1983. Т. 2. С. 102–192.
- Штерн К. Становление и исчезновение. М., 1908.
- Alberti C. Die zwölf Artikel des Realismus // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. S. 49–58.
- Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel, 1857.
- Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Tübingen und Basel, 1993.
- Halbe M. Monatsschrift für Literatur und Kunst // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. S. 266–271.
- Halbe M. Der Storm. München, 2014.
- Hillebrand J. Naturalismus schlechweg // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. S. 36–43.
- Holz A. Die Kunst // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. S. 140–151.
- Ricoeur P. Die Metapher und das Hauptproblem der Hermeneutik // Texte zur Literaturgeschichte der Gegenwart. Stuttgart, 2003. S. 56–70.
- Thesen der freien literarischen Vereinigung // Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Spinoza B. Bogoslovskij traktat. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah [Theological treatise. Selected works in two volumes]. Moscow, 1957. V. 2. (In Russian).

- Shelling F. K istorii novoj filosofii [To the history of the new philosophy]. Sochineniya v dvuh tomah [Compositions in two volumes]. Moscow, 1987. V. 2. P. 375–561. (In Russian).
- Shelling F. O mirovoj dushe [About the world soul] Sochineniya v dvuh tomah [Compositions in two volumes] Moscow, 1987. V. 1. P. 39–89. (In Russian).
- Shelling F. Sistema transcendental'nogo idealizma [The system of transcendental idealism] Sochineniya v dvuh tomah [Compositions in two volumes]. Moscow, 1987. V. 1. P. 227–490. (In Russian).
- Shlegel F. Razvitie filosofii v 12 knigah [The development of philosophy in 12 books] Sochineniya v dvuh tomah [Compositions in two volumes]. Moscow, 1983. V. 2. P. 102–192. (In Russian).
- Alberti C. Die zwölf Artikel des Realismus. Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. P. 49–58. (In German).
- Halbe M. Monatsschrift für Literatur und Kunst. Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. P. 266–271. (In German).
- Hillebrand J. Naturalismus schlechweg. Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. P. 36–43. (In German).
- Holz A. Die Kunst. Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. P. 140–151. (In German).
- Ricoeur P. Die Metapher und das Hauptproblem der Hermeneutik. Texte zur Literaturgeschichte der Gegenwart. Stuttgart, 2003. P. 56–70. (In German).
- Thesen der freien literarischen Vereinigung. Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart, 1987. (In German).

(Monographs)

- Ahutin A. Ponyatie prirody v antichnosti i v novoe vreme (fyysis i natyra) [The concept of nature in antiquity and in modern times (Physis and nature)] Moscow, 1988. (In Russian).
- Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel, 1857. (In German).
- Belshe V. Tajny lyubvi v prirody [Secrets of love in nature]. Minsk, 1998. (In Russian).
- Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. Tübingen und Basel, 1993. (In German).
- Gekkel E. Monizm ili svyaz' mezhdyy religiej i naukoy [Monism or the link between religion and science]. Leipzig – Saint-Petersburg, 1907. (In German).
- Diltey V. Germenevtika [Hermeneutics]. Moscow, 2001. (In Russian).
- Shtern K. Stanovlenie i ischezovanie [The formation and disappearance]. Moscow, 1908. (In Russian).
- Halbe M. Der Storm. München, 2014. (In German).

Сведения об авторе:

Склизкова Алла Персиевна, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, к.ф.н., доц. кафедры русской и зарубежной филологии ВлГУ. – Научные интересы: немецкий романтизм и рубеж веков.
E-mail: burelomy@list.ru

Sklikova Alla P., Vladimir State University of Stoletovi, Ph.D. in Philology, associate professor.

E-mail: burelomy@list.ru

ПОИСКИ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНКА ВЕДЕКИНДА

Е.А. Придорогина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассматривается концепция «нового человека» в творчестве Франка Ведекинда, представляющая из себя своего рода реакцию на идеи о появлении «новой женщины», женской эмансипации и равенства полов в контексте культуры на рубеже XIX–XX веков. Анализируются ключевые понятия концепции писателя, нашедшие свое наиболее полное воплощение в женских образах. На основе отдельных произведений, в частности, новелл «Мине-Гага, или О физическом воспитании девушек» (1903) и «Эдем» (1890/92) прослеживается трансформация авторских идей – от образовательных проектов до создания утопического общества или государства нового типа. В основе концепции писателя при этом лежит центральная для творчества Ведекинда идея реабилитации плоти, в которой писатель видел возможность освобождения, обновления человеческой личности и общества в целом, а также восстановления утраченной гармонии между духом и плотью. Концепция автора представляет собой его ответ на научный и общественный дискурс эпохи, касающийся исследований возможностей человеческой психики и физиологии, а также связанной с этим идеей развития и усовершенствования человеческой природы – того, что будет реализовано в евгенических теориях первой половины XX века.

Ключевые слова: Франк Ведекин, женственность, эмансипация, «новая женщина».

THE SEARCH FOR A «NEW MAN» IN FRANK WEDEKIND'S WORKS

Abstract: In this article, the author considers the conception of the «new man» in Frank Wedekind's works as a reaction to the idea of the «new woman», the female emancipation and the gender equality in the culture of the 19th-20th century. The author analyses the key elements of the Wedekind's conception, reflected in his female images. The novels «Mine-Haha or On the Physical Education of Young Girls» (1903) and «Eden» (1890/92) help to follow the transformation of the Wedekind's ideas from the education projects to the creation of the utopian society. Basing on the idea of the sexual liberty the intention of the Wedekind's conception is the creation of the free personality as a part of the «new» society, and also the rehabilitation of the lost balance between the body and the mind. The

author demonstrates, that the search for a «new man» in Wedekind's works is an answer to the discussion about the human improvement and evolution in the Eugenic theory of the 20th century.

Key words: Frank Wedekind, femininity, emancipation, «new woman»

Поиски «нового человека» в контексте культуры «рубежа веков» тесно связаны с экономическими, политическими, социокультурными процессами, происходившими в Западной Европе во второй половине XIX века. Обновление мира влекло за собой появление «нового общества» и «нового человека» [Bahr 2004, 11], представления о которых наиболее полно воплотились в образе современной, или «новой женщины». По словам критика Ойгена Вольфа, женщина («прекрасная», «чистая» и «мудрая») стала «божеством» эпохи [Wolff 1886, 1–2].

За понятием «новая женщина» стоят изменения социально-культурного статуса женского субъекта, возникшие, очевидно, под воздействием новой волны женского движения во второй половине XIX века, открытий в сфере медицины и психиатрии, а также процессов модернизации и индустриализации, определивших на несколько десятилетий вперед развитие западноевропейского общества. Расширение общественной роли женщины – возможность получить работу, бороться за свои политические права, получить образование – превратило женщину в конкурента мужчины, подняв, таким образом, проблему борьбы полов на уровень их социального и интеллектуального соперничества. «Смешение половых характеристик» [Ле Ридер / Le Rider 2009, 184] меняло представление о женственности, о ее миссии, принципы которой были сформулированы еще просветителями, и заставило общество говорить о появлении так называемого «нового пола» – эмансипированной современной женщины, работающей и отстаивающей, подобно ибсеновской Норе, свое право на самостоятельность. В то же время реакцией на феминизацию общества, стимулировавшей то, что принято называть «кризисом мужской идентичности», стал взрыв мизогинных настроений и так называемая «ностальгия по женственности» [Ле Ридер 2009, 151]. В искусстве и литературе на рубеже XIX–XX веков результатом «преображения» женщины стали, с одной стороны, появление образов демонических женщин – *femme fatale* – библейских злодеек и сказочных унди, одерживающих верх над мужчинами, манипулирующих ими с помощью своей чувственности, а с другой стороны, поиски утраченного равновесия между «мужским» и «женским», попытка примирить между собой два противоборствующих начала – дух и плоть, культуру и природу.

Франк Ведекинд (1864–1918), как многие его современники, воспринял появление «новой женщины» с осторожностью. Попытка женщины интеллектуально сравняться с мужчиной представлялась писателю искажением истинной природы женщины, раскрывающейся прежде всего в чувственности, красоте и способности следовать своим инстинктам. Женщина Ведекинда, как героиня дилогии «Лулу» («Lulu», 1895/1902), «не может жить любовью, потому что жизнь ее любовь» [Ведекинд 1908, 125]. Интеллектуалок писатель изображал в своих пьесах закомплексованными старыми девами и дурнушками, выступающими за «права красивых женщин» [Wedekind 1990, II, 225]. Недостаток женственности и чувственности в героинях восполняют их социальная активность и безупречная нравственность. Однако рвение, с которым они отстаивают свои принципы, вызывают у остальных героев лишь усмешку. Ведекинд, согласно его дневникам, считал идею женской эмансипации и особенно женского образования чрезвычайно важной для современного общества. Но в решительности и категоричности «эмансипе» автор видел угрозу вирилизации женщины. Кстати, именно с этим связаны его упреки по отношению к Генрику Ибсену, чья Нора, героиня пьесы «Кукольный дом» (1879), считалась «пугающе современной» [Gutjahr 2000, 35]. «Норы есть везде, но их избегают, даже если не прочитали драму Ибсена», – писал в связи с этим Франк Ведекинд [Wedekind 1990, I, 406]. Вступая в дискуссию о женской эмансипации, начало которой положила пьеса Ибсена, он по-своему расставил акценты в решении этой проблемы. Герои комедии Ведекинда «Молодая жизнь» (1891) с иронией, присущей в этом вопросе, как кажется, и самому автору, относятся к призывам и лозунгам студентки-медики Анны, выступая с которыми, она требует вернуть женщинам «человеческие права» [Ведекинд 1908, 44]. А альтернативу женской эмансипации и чтению пьесы Ибсена, в частности, герои Ведекинда находят в занятиях любовью.

Реакцией на маскулинизацию женщин и феминизацию мужчин стали на рубеже XIX–XX веков появление мизогинных теорий в духе Отто Вейнингера (1880–1903), а также поиски «настоящих» мужчины и женщины. Последнее, как представляется, стало особенно важным моментом для творчества Франка Ведекинда. Идеи автора об истинной женственности нашли свое отражение в образах его героинь, самой знаменитой из которых по праву считается Лулу из одноименной дилогии. Лулу, появляющаяся на сцене в образе змеи, библейского символа искусительницы Евы, призвана показать зрителю «образ женщины» [Ведекинд 1908, 7], т.е. истинную женственность, не деформированную «типичным» буржуазным воспитанием, принципами морали и нравственности, а также новыми представлениями о современной женщи-

не, «чванящейся, согласно Карлу Краусу, теми знаниями, которые она получила в «женской школе» высшего общества» [Ле Ридер 2009, 222].

В XIX веке вопрос женского воспитания и образования сводился главным образом к проблеме обучения женственности. Ведекинд внимательно изучал медицинскую литературу, связанную с попыткой объяснить сущность женской природы: как известно, «настойной книгой» писателя была «Половая психопатия» (1886) Рихарда фон Крафт-Эбинга (1840–1902); не вызывает сомнения и знакомство Ведекинда с трудами Зигмунда Фрейда. По утверждению немецкого литературоведа Хартмута Винкона, писатель штудировал книги с целью составить «феноменологию сексуальности» «на примере женщины» и «с отсылкой к мужчине» [Vinçon 2005, 274]. Познакомившись с архивами и личными записями писателя, Винкон обнаружил там «таблицы и концепции», относящиеся к концу 1890-х гг. и названные автором «Пантеон / компендиум / универсальный справочник по женственности» («Pantheon / Compendium / Universalhandbuch der Frauenkunde»), а также «энциклопедию женственности», кратко озаглавленную «Ева», включающую в себя обширные культурно-исторические данные [Vinçon 2005, 274]. Очевидно, результаты этих исследований легли в основу новеллы 1903 г. «Мине-Гага, или О физическом воспитании молодых девушек» («Mine-Haha oder Über die körperliche Erziehung der jungen Mädchen») и «Эдем» («Eden» 1890/1892).

В новелле «Мине-Гага» Ведекинд представил программу обучения в закрытой школе для девочек «Эдем». Воспитанницы, изолированные от окружающего мира в стенах школы как в райском саду, целыми днями находятся под бдительным присмотром своих воспитателей, занимаясь гимнастикой, акробатикой, танцами и балетом. Безжалостная дрессура, которой подвергаются девушки, нацелена на физическое совершенствование тела. Главная героиня новеллы описывает свое обучение (упомянув воспитательницу Гертруду, бывшую воспитанницу школы, похожую на дрессированную лошадь): «Мы становились перед канатом, приподнявшись на носки. Стоило кому-нибудь сделать хотя бы маленький шаг, как ему тот час же доставалось по ногам. Когда Гертруда кого-нибудь ударяла, она при этом всегда улыбалась. Бывало, она сама хлестнет себя кнутом по вытянутым ногам» [Энгель 1908, 18]. Такое же «воспитание» проходит и Лулу, «выдрессированная» своими любовниками и мужьями (кстати, так же, как и воспитанницы «Эдема», с использованием кнута), и Кадидья из пьесы «Цензура» («Die Zensur», 1907/1908), которую подстегивает кнутом во время занятий пением ее возлюбленный и учитель и т.д. Дрессура помогает героиням Ведекинда «облагородить» [Ведекинд 1908, 93] тело, достичь той особенной «гибкости» («Elastizität») [Wedekind 1990, I, 356], необходимой для

физической и духовной гармонии в человеке. Поэтому героини писателя «скупают по плетке» [Ведекинд 1908, 60], как Лулу, или умоляют о ней, как Анна из пьесы «Маркиз фон Кейт» («*Marquise von Keith*», 1900–1901). О своем методе воспитания Ведекинд упоминает и в личных дневниках, размышляя о будущем своих еще не рожденных детей: «Моя дочурка должна научиться отлично ходить на руках. Сначала я подниму ей ноги так, как с детьми едут на тележке. На ней будет надето трико и короткие голубые штанишки. Затем я позволю ей выпрямиться, встать на руки и опереться ножками о стену. (...) Затем придет черед совершенствовать начатое, главным образом, тянуть носочки, поочередно сгибать колени, удерживая груз на самых кончиках ног. NB никаких наказаний, а только дружеское подстегивание тонкой плеткой по нижней части тела. (...) Ее сестра выучится ходить по канату» [Wedekind 1986, 109].

В статье «Размышления о цирке» («*Zirkusgedanken*», 1887) Ведекинд, оперируя метафорикой Ницше, дал подробное описание ключевых для его концепции воспитания понятий. Поделив человечество на две категории – «акробатка на трапеции» («*Trapezkünstlerin*») и «канатная плясунья» («*Seiltänzerin*») (примечательно, что это существительные женского рода), писатель отдает все свои симпатии последней [Wedekind 1990, I, 355–359]. «Канатная плясунья» – то, как ее видел Ведекинд, гибкая, балансирующая, танцующая на натянутом канате, идущая «сквозь радость и страдание» к своей цели – «высшему человеческому совершенству» [Wedekind 1990, I, 361], – очевидно, является аллегорией ницшеанского сверхчеловека или «нового человека», о котором размышляли и современники писателя.

Концепция «нового человека», разработанная писателем, безусловно, ущербна. «Канатная плясунья» (как аллегория истинной женственности и прообраз «нового человека») Ведекинда оказывается в действительности «*Freudenmädchen*» – девушкой, prostituteирующей на улицах Лондона и гибнущей под ножом Джека Потрошителя (Лулу), или изгнанницей, как едва ли не все героини писателя. Герои Ведекинда – мужчины, которыми овладела женщина, – теряют свой социальный статус, а вместе с ним свою мужскую идентичность, или, подобно маркизу фон Кейту, превращаются в погоне за удовольствиями в изгоев общества и гибнут, пустив себе пулю в лоб. «Естественность», возможность быть собой, о которой грезят герои и героини Ведекинда, по иронии судьбы может быть реализована только в борделе, который трансформируется в пьесах в изолированное от внешнего мира утопическое общество или эдемский райский сад, где прославляются Эрос и свобода желаний, как, например, в пьесах «Солнечный спектр» («*Sonnenspektrum*», 1895/96), «Замок Веттерштайн» («*Schloss Wetterstein*», 1910). Ведекинд по сути буквально реализовал в своих

пьесах то, от чего предостерегал Крафт-Эбинг, и превратил мир своих героев «в дом терпимости», в котором конвенциональные связи – брак и семья – стали «немыслимыми» [Крафт-Эбинг 1996, 27]. Взамен «новый человек» Ведекинда обретал свободу и возможность удовлетворить потребность в «солнечном, смеющемся чувственном наслаждении» [Wedekind 1990, II, 312], погоня за которым превращается для него в вопрос жизни и смерти.

Показательно, что когда автору удается наконец сформировать идеальную среду обитания для «нового человека» (и женщин, и мужчин), создать своего рода новый тип человеческого общества, основанный на принципах свободной любви, то «счастье», обрести которое стремятся герои, вновь обращается для них несвободой. В новелле «Эдем» Ведекинд описал город, в котором чувственные желания получили абсолютную легитимность. Жители Эдема (независимо от их половой принадлежности) равны перед «могучим природным инстинктом» (Крафт-Эбинг 1996, 27). Священным для них является удовлетворение половой потребности, а основу морали и религии составляет культ красоты. «Город» состоит из многочисленных «институтов», подчиняющихся строгой иерархии. Кульминацией жизни «города» являются изощренные публичные (в отличие от романов маркиза де Сада) обряды и культовые праздники [Wedekind 1996]. Так, ключевые моменты празднеств происходят на подиуме храма в окружении, под наблюдением и при участии «публики», или «народа»: «публика является строгим судьей», «она шикает и аплодирует» и т.д. [Wedekind 1996, 894]. Ведекинд сознательно сделал выбор в пользу публичности, детабуируя половой акт и превращая его в лишенный эмоций (духа), предсказуемый, механический процесс, а его участников («экземпляры») в безликие, примитивные существа, которыми движут их «желание», «звериная злоба», «возбуждение» и т.д. [Wedekind 1996, 894]. Реализация идеи сексуальной свободы обернулась для героев новеллы проблемой взаимоотношений сексуальности и власти, поскольку принципы существования идеального «города» направлены, прежде всего, на подчинение и манипулирование человеком и человеческим сознанием. А строгая иерархия Эдема, выбраковывающая некрасивые «экземпляры», как и в «Союзе по культивированию породистых людей» из пьесы «Гидалла» («*Karl Hetmann, der Zwergriese (Hidalla)*», 1904), вплотную подводит читателя к проблемам евгеники. Представляется, что в новелле писателя еще не идет речь об идее расовой гигиены, получившей широкую известность в начале XX века, и «Эдем» – это очередная попытка автора открыть «новому человеку» переход между закомплексованным сознанием буржуазного общества и закрытым для обывателей миром чувственности [Vinçon 2005].

Литература

- Ведекинд Ф. Лулу. Вампир (Дух земли): Трагедия в 4 д. с прологом. Пер. с нем. изд. В. Мейерхольда; пролог и эпигр. в перев. С. Городецкого. СПб., 1908.
- Ведекинд Ф. Молодая жизнь. Комедия в 3 актах с прологом. Пер. с нем. Ашунг. М., 1908.
- Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращения полового чувства. Пер. с нем. Н.А. Вигдорчика, Г.И. Григорьева. М., 1996.
- Ле Ридер Ле Ж. Венский модерн и кризис идентичности. Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.
- Энгель Е. Мине-Гага, или О физическом воспитании молодых девушек. Из лит. наследства Елены Энгель. Изд. Франком Ведекиндом. Пер. с нем. П.Б. под ред. Э. Бескина. М., 1908.
- Bahr H. Moderne // Die Überwindung des Naturalismus. Hermann Bahr. Kritische Schriften in Einzelausgaben. Hrsg. von Claus Pias. Weimar, 2004. S. 11–16.
- Gutjahr O. Unter Innovationsdruck: Autorinnen der literarischen Moderne // Nora verlässt ihr Puppenheim. Hrsg. von W. Wende. Stuttgart; Weimar, 2000. S. 35–65.
- Vinçon H. Inszenierung der Sexualität. Zur Verwissenschaftlichung und Literarisierung des Sexualdiskurses im 19. Jahrhundert am Beispiel von Frank Wedekinds «Eden»-Konzept // Alle Welt ist medial geworden. Hrsg. von M. Luserke-Jaqui Tübingen, 2005. S. 261–292.
- Wedekind F. Werke in 2 Bänden. Mit einem Nachwort und Anmerkungen. Hrsg. von E. Weidl. München, 1990.
- Wedekind F. Eden // Wedekind F. Werke. Kritische Studienausgabe in acht Bänden mit 3 Doppelbänden. Hrsg. unter der Leitung von E. Austermühl, R. Kieser, H. Vinçon. Darmstadt, 1996–2014. Bd. 3/1. S. 886–914.
- Wolff E. Die Moderne. Zur «Revolution» und «Reform» der Literatur // Deutsche Akademische Zeitschrift. Berlin, 1886. № 33. Erstes Beiblatt. S. 4, Zweites Beiblatt. S. 1–2.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Wolff E. Die Moderne. Zur «Revolution» und «Reform» der Literatur // Deutsche Akademische Zeitschrift. Berlin, 1886. № 33. Erstes Beiblatt. S. 4, Zweites Beiblatt. S. 1–2. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Bahr H. Moderne // Die Überwindung des Naturalismus. Hermann Bahr. Kritische Schriften in Einzelausgaben. Hrsg. von Claus Pias. Weimar, 2004. S. 11–16. (In German).
- Gutjahr O. Unter Innovationsdruck: Autorinnen der literarischen Moderne // Nora verlässt

- ihre Puppenheim. Hrsg. von W. Wende. Stuttgart; Weimar, 2000. S. 35–65. (In German).
- Vinçon H. Inszenierung der Sexualität. Zur Verwissenschaftlichung und Literarisierung des Sexualdiskurses im 19. Jahrhundert am Beispiel von Frank Wedekind F. Eden // Wedekind F. Werke. Kritische Studienausgabe in acht Bänden mit 3 Doppelbänden. Hrsg. unter der Leitung von E. Austermühl, R. Kieser, H. Vinçon. Darmstadt, 1996–2014. Bd. 3/1. S. 886–914. (In German).
- Wedekinds «Eden»-Konzept // Alle Welt ist medial geworden. Hrsg. von M. Luserke-Jaqui Tübingen, 2005. S. 261–292. (In German).

(Monographs)

- Engel' E. Mine-Gaga, ili O fizicheskom vospitanii molodykh devushek. Iz lit. nasledstva Eleny Engel'. [Mine-Gaga or About the physical education of the young people. From the literary heritage of Elena Engel]. Izd. Frankom Vedekindom. Per. s nem. P.B. pod red. E. Beskina. M., 1908. (In Russian).
- Kraft-Ebing R. Polovaya psikhopatiya s obrashcheniem osobogo vnimaniya na izvrashcheniya polovogo chuvstva. [Sexual psychopathy with special attention to perversions of sexual feeling]. Per. s nem. N.A. Vigdorichika, G.I. Grigor'eva. M., 1996. (In Russian).
- Le Rider Le Zh. Venskiy modern i krizis identichnosti. [Vienna modernity and crises of identity]. Per. s fr. T. Baskakovoy. SPb., 2009. (In Russian).
- Vedekind F. Lulu. Vampir (Dukh zemli): tragediya v 4-kh deystviyakh s prologom i epigrafom. [Lulu. Earth Spirit. Tragedy in Four acts]. Per. s nem. izd. Vs. Meyerkhof'da; prolog i epigr. v perev. S. Gorodetskogo. SPb., 1908. (In Russian).
- Vedekind F. Molodaya zhizn'. Komediya v 3 aktakh s prologom. [Young life. Comedy in three acts]. Per. s nem. Ashung. M., 1908.
- Wedekind F. Werke in 2 Bänden. Mit einem Nachwort und Anmerkungen. Hrsg. von E. Weidl. München, 1990.

Сведения об авторе:

Придорогина Елена Александровна, кандидат филологических наук СПбГУ, старший преподаватель
E-mail: e.pridorogina@mail.ru

Pridorogina Elena A., PhD in Philology, State University Saint Petersburg, lecturer
E-mail: e.pridorogina@mail.ru

KORPUS DER SPENDER-TEXTE IN DER ÜBERSETZUNGSREZEPTION DER LYRIK DES DEUTSCHEN EXPRESSIONISMUS

A.E. Krascheninnikow, E.W. Narbut
Nord-Östlicher Staatlicher Universität, Magadan

Аннотация. В статье даётся определение текстов-доноров применительно к методике художественного перевода. Определяется поле текстов-доноров в аспекте перевода лирики немецкого экспрессионизма, описывается ядро и периферия данного поля. Представлен открытый список русских переводчиков экспрессионистской поэзии. Также подчёркивается необходимая критичность при изучении тех корпусов текстов-доноров ядра и периферии, где представлены переводы лирики немецкого экспрессионизма на русский язык. Авторы статьи связывают это с проблемой литературной мистификации, преломленной сквозь призму художественного перевода, который определяется как своеобразный вид литературной мистификации и которому присущи многие черты данного литературного явления. Предлагаются примеры переводческого мистифицирования читателя во внутритекстовой области, приводящие к ошибочному взгляду читателя не только на творческие приёмы автора оригинала, но и на поэтику экспрессионизма в целом.

Ключевые слова: тексты-доноры, экспрессионизм, лирика, художественный перевод, литературная мистификация.

DONOR-TEXTS IN TRANSLATIONAL RECEPTION OF GERMAN EXPRESSIONISTS POETRY

Abstract. The definition of donor-texts with regard to the methods of literary translation is given in the article. The field of donor-texts in the aspect of German expressionism lyric poetry translation is determined, core and periphery of the field are described. The open list of Russian translators is presented. Essential scrupulousness in the studies of the core and periphery donor-texts corps where translations of German expressionism lyric poetry into Russian are presented is emphasized. Authors of the article associate this with the problem of literature mystification refracted through the prism of literary translation, which is determined as a peculiar kind of literature mystification and has many features of this literature notion. Examples of hoax performed by the translator on the reader in intra-textual sphere leading to erroneous view of the reader not only on creative methods of the author of the original, but also on the expressionism poetics in general are given.

Key words: donor-texts, expressionism, lyric poetry, literary translation, literature mystification.

In der langen Geschichte der literarischen Übersetzung in den unterschiedlichsten Sprachkombinationen wurde eine große Anzahl an Techniken und Methoden zum Erreichen der Adäquatheit des Originals herausgearbeitet. Eine dieser Methoden, auf der Ebene des Inhalts und der Form die Übereinstimmung des übersetzten Textes mit dem Original zu gewährleisten, ist nach unserer Ansicht die Nutzung sprachlicher Ressourcen der Spender-Texte.

Ein Spender-Text wird von uns definiert als ein Text oder die Gesamtheit von Texten ähnlicher Thematik (Hypertext), die dem Übersetzer als Quelle für die Lösung der bei der Arbeit an dem entsprechenden Original entstehenden Probleme dienen kann. Der Vorschlag, diese Möglichkeit bei der Arbeit an einer literarischen Übersetzung zu nutzen, entspricht den Überlegungen von L. Makarowa über die prinzipielle Intertextualität der literarischen Übersetzung und die Berücksichtigung der Vorlagen der literarischen Sprache der inkorporierenden Kultur [Russkij ekspressionizm 2005 11]. Wir stellen fest, dass nicht nur Wissenschaftler über diese Orientierung an Traditionen schreiben, sondern auch die Schriftsteller und Übersetzer selbst, wie zum Beispiel J. Parandowski: „Solange Literatur existiert, werden ihre Schöpfer immer der bereits entstandenen Tradition Rechnung tragen und anstatt sich eigene Ziele zu setzen, die Arbeit der Vorgänger begutachten und klären, was sie davon übernehmen können“ [Parandowski 1972, 153].

Im vorliegenden Artikel unternehmen wir ausgehend von diesen Positionen erste Schritte in der Untersuchung der Übersetzungsrezeption der Werke deutscher expressionistischer Dichter in Russland.

Aus verständlichen Gründen ist der Untersuchungsrahmen eingengt: Wir untersuchen nicht Korpora von russischen Texten aller Richtungen der Lyrik der Moderne (Imagismus, Futurismus, u. a.) und russische Übersetzungen ähnlicher Richtungen der deutschen Poesie. Dabei verstehen wir zweifellos, dass in diesen Text-Korpora sich eine beträchtliche Anzahl von russischen Gedichten und russischen Übersetzungen aus dem Deutschen befindet, die eine bedeutende, wenn auch periphere, Ebene des Feldes der Spender-Texte darstellt, die für die Übersetzungsrezeption deutscher expressionistischer Poesie geeignet sind.

Vorerst widmen wir unsere Aufmerksamkeit dem Kern des genannten Feldes, genauer gesagt, der „Hälfte“ des Kerns: den Übersetzungen der Lyrik deutscher Expressionisten ins Russische (in der zweiten „Hälfte“ des Kerns begegnen wir poetischen Texten des russischen Expressionismus, wie beispielsweise den

Gedichten der Gruppe von Ippolit Sokolow, der Fuisten, des „Moskauer Parnasse“, der Emotionalisten).

Dem Übersetzer expressionistischer Gedichte ist ein bedeutendes Korpus übersetzter Texte bereits in gedruckter Form sowie im Internet zugänglich, die von Zeitgenossen angefertigt wurden (zweite Hälfte des 20. Jh. bis heute). Man muss anmerken, dass die Präsentation des einen oder anderen expressionistischen Dichters dieses Korpus für den russischen Leser unterschiedlich ausfällt. Es gibt eine große Anzahl gedruckter Übersetzungen der Lyrik von Georg Trakl [8], Georg Heym [2], Gottfried Benn [1], expressionistischer Dichter von Weltrang, man findet aber deutlich weniger Übersetzungen von Gedichten von Else Lasker-Schüler (in der verkürzten Anthologie «Сумерки человечества» (*Menschheitsdämmerung*) [7], sowie im Internet, wo man die Übersetzungen von G. Rathaus und D. Schtschedrowitzkij finden kann). Noch problematischer steht es um Übersetzungen ins Russische von expressionistischen Dichtern wie Jakob van Hoddis, Alfred Lichtenstein, Gustav Sack, Walter Hasenclever u. a.

In diesem Zusammenhang muss der Übersetzer auch die wenigen Übersetzungen von Gedichten deutscher Expressionisten beachten, die von ihren Zeitgenossen in Russland in den 20er Jahren des 20. Jh. verfasst wurden. Leider sind die Ausgaben, in denen sie veröffentlicht wurden, heute Raritäten, mit einem Teil dieses Übersetzererbes kann man sich aber in der ersten vaterländischen Anthologie «Русский экспрессионизм» (*Russischer Expressionismus*) bekannt machen [Russkiy ekspressionizm 2005, 411–426]. Von besonderem Interesse in dieser Anthologie sowohl für den Übersetzer als auch für den Wissenschaftler im Bereich literarischer Übersetzung ist das Gedicht von Alfred Lichtenstein „Die Dämmerung“: Im Unterschied zu den anderen Texten, die nur mit einer Übersetzung vertreten sind, gibt es hier den Originaltext zusammen mit drei Übersetzungen, die von B. Pasternak, V. Neistadt und R. Rok angefertigt wurden.

Insgesamt kann man die nicht ganz gleichmäßige Aneignung expressionistischer Poesie mit den Mitteln der russischen Sprache aber auch optimistischer bewerten. Einerseits gibt es für den Übersetzer noch ein großes Feld an interessanter kreativer Arbeit und andererseits entstand doch ein gewisses Korpus an Spender-Texten, die von folgenden Übersetzern angefertigt wurden:

O. Mandelstam, B. Pasternak, S. Awerinzew, M. Gasparow, I. Alekseewa, I. Ahmetjew, W. Babenko, E. Bajewska, O. Barasch, T. Baskakowa, M. Belorusez, K. Bogatyrow, I. Bolytschew, W. Weber, E. Witkowskij, E. Woropajew, D. Wygodskij, R. Gering (Pseudonym: Rjurik Rok), A. Egorschew, N. Zacharewitsch, I. Znamenskaja, M. Zenkewitsch, A. Ikonnikow-Galizkij, S. Gorodezkij, I. Kalugin, M. Karp, B. Krylow, I. Kusnezow, Ju. Kuimow, W. Kuprjanow,

L. Lewenstern, W. Letutschij, A. Lunatscharskij, W. Mikuschewitsch, A. Naumenko, W. Neistadt, Ju. Neli, A. Nikolaew, R. Nudelman, A. Prokopjew, A. Parin, G. Petnikow, A. Purin (benutzte auch das Pseudonym A. Olin), W. Pjast (eigentlicher Nachname: Pestowski), D. Raskin, G. Rathaus, A. Raschba, I. Rostowzewa, I. Rust, D. Samojlow, W. Santschuk, B. Skuratow, K. Sokolowa, A. Soljanow, S. Stepanow, S. Tartakower, O. Tatarinowa, W. Toporow, W. Fadejew, N. Cholodnaja, T. Tschurilin, A. Steinberg, D. Schtschedrowitzkij.

Die zweite „Hälfte“ des Kerns stellen die poetischen Texte des russischen Expressionismus (der Fuisten, des „Moskauer Parnasse“, der Emotionalisten) dar. Dies sind die Gedichte von Ippolit Sokolow, Boris Lapin, Michail Kuzmin, Boris Zemenkow, Gurij Sidorow, Sergej Spasskij, Evgenij Gabrilowitsch, Warwara Monina, Boris Pereleschin, Alexander Rakitnikow, Boris Nesselow, Nikolaj Lepok, Anna Radlawka u. a.

Zur Peripherie des Feldes der Spender-Texte ist Folgendes zu rechnen:

a) das Korpus der Texte der russischen Literatur aller Richtungen der poetischen Lyrik des Modernismus (Imagismus, Futurismus, u. a.),

b) das Korpus der russischen Übersetzungen poetischer Texte ähnlicher Richtungen, die in anderen Literaturen vertreten sind.

Der Übersetzer muss, wenn er das Feld der Spender-Texte untersucht, äußerst aufmerksam und kritisch mit den Text-Korpora des Kerns und der Peripherie, in denen die Übersetzungen vertreten sind, umgehen: Übersetzungen der Lyrik des deutschen Expressionismus ins Russische (Kern) und Gedichte ähnlicher Richtungen der deutschen Poesie (Peripherie). Die, unserer Ansicht nach, notwendige Kritikfähigkeit, obwohl der Wissenschaftler, als auch der Übersetzer, entsteht aus dem Problem der literarischen Mystifikation, die durch das Prisma der literarischen Übersetzung gebrochen wird.

Literarische Mystifikationen haben bei weitem keinen eindeutigen Platz bei den Themen, die ein Literaturwissenschaftler behandeln kann. Einerseits wertet man sie als *literarische* Werke, in denen die Autorschaft einer realen oder erdachten Person zugeschrieben wird, manchmal tritt sie als Volkskunst auf, und manchmal ist sie begleitet von der Angabe einer falschen Primärquelle des zugrundeliegenden Textes. Andererseits werden literarische Mystifikationen oft negativ gewertet, ungeachtet einer gewissen positiven Bewertung einzelner Mystifikationen zeigt sich die allgemeine Beziehung zu dieser Erscheinung im negativ aufgeladenen Ausdruck *Fälschung/Betrug* (forgery/imposture).

Diesbezüglich ist N. Klimentjuks Artikel «Мистификация как приём» (*Mystifikation als Kunstgriff*) von Interesse, in dem man sowohl die nötige Bibliografie, die die zeitgenössischen Positionen zum Genre der literarischen Mystifikation

widerspiegelt, als auch die Analyse des Phänomens der literarischen Mystifikation, sowie die Unterscheidung des Begriffs der literarischen Mystifikation und der Nachahmung, finden kann.

N. Klimenjuk unterstreicht die verzerrende Wirkung der Figur des Autors auf die Rezeption des Textes: Wenn der Leser plötzlich erfährt, dass das Gedicht, als dessen Schöpfer er Goethe ansah, von einem anderen, unbekanntem Dichter geschrieben wurde, dann kann sich für ihn der Wert dieses Gedichts verringern. Der Dichter wird für einen Epigonen gehalten, das Gedicht für eine Nachahmung. Umgekehrt kann der subjektive Wert eines Gedichts steigen, wenn bekannt wird, dass dessen Autor ein anderer, nicht weniger bekannter Dichter ist.

Ähnliche Überlegungen brachten uns auf den Gedanken, dass die literarische Übersetzung auch eine eigene Form der literarischen Mystifikation ist, der viele Merkmale dieser literarischen Erscheinung eigen sind.

Das oben genannte hypothetische Beispiel mit dem Gedicht von Goethe zeigt die Beziehung des Lesers zum Text im System ein und derselben Sprache: Der Text bleibt derselbe Text, in derselben Sprache, die Beziehung zu ihm aber ändert sich aufgrund der Änderungen im Bewusstsein des Lesers über die Autorschaft des Textes. Was aber geschieht, wenn der Versuch unternommen wird, den literarischen Text in eine andere Sprache zu übersetzen? Die Mehrheit der Leser, die die Übersetzung dieses Goethe liest, nimmt ihn als Text wahr, den Goethe selbst geschrieben hat, und denkt nicht daran, dass sie vor sich einen Text hat, der auf andere Art zu Goethe in Beziehung steht, da dieser Text nicht von Goethe geschrieben wurde, sondern von dem Übersetzer.

Die Praxis zeigt, dass viele Studierende der Russistik sich bei der Untersuchung ausländischer Literatur nicht bewusst sind, dass sie es mit Übersetzungen zu haben und nicht mit Originaltexten. Daher ziehen sie oft falsche Schlussfolgerungen, besonders bei der stilistischen Analyse der Werke, wenn sie die Übersetzungen analysieren und Schlüsse über den Autor des Originals ziehen (z. B. Begeisterung über den Wohlklang der Zeilen von Goethe «Горные вершины/ Спят во тьме ночной...», sie vergessen dabei, dass diese Zeilen von Lermontow stammen, von Goethe aber – „Über allen Gipfeln/ Ist Ruh...“).

Wir denken, dass praktisch jede literarische Übersetzung selbst eine besondere Form der literarischen Mystifikation darstellt, mit dem einzigen Unterschied, dass der Autor der Übersetzung über die Übersetzung den Namen des Autors des Originals setzt, aus anderen, völlig verständlichen Gründen als Autoren literarischer Mystifikation schlechthin. Aus Sicht der Rezeption des unbelebten, normalen Lesers aber besteht zwischen literarischer Mystifikation und literarischer Übersetzung kein wesentlicher Unterschied.

Der Vorgang der Mystifikation in der literarischen Übersetzung kann sich auf innertextuelle und außertextuelle Bereiche erstrecken. Im innertextuellen Bereich befindet sich die Namensnennung des Autors des Originals über der Übersetzung – eine notwendige Erscheinung, die Verluste durch die Übersetzung sind minimal, wenn der Grad der Adäquatheit der Übersetzung zum Original hoch ist.

Eine Übersetzung, die ein hohes Maß an Adäquatheit zum Original besitzt, kommt aber selbst auch in den meisten Fällen nicht um eine Mystifizierung des Lesers im innertextuellen Bereich herum, da der Übersetzer zum Erreichen eines hohen Maßes an Adäquatheit bestimmter Merkmale des Originals andere Merkmale vernachlässigen muss (z. B. bei der Wiedergabe des Rhythmus des Originals die bildliche Struktur des Originals brechen).

Dies ist wie auch die Namensnennung des Autors des Originals ein praktisch unvermeidbarer Vorgang. Ernsthafter steht es um die Gegebenheiten, die mit falschen Übersetzungen verbunden sind.

Eine falsche Übersetzung führt oft nicht nur zu einem falschen Verständnis eines einzelnen Wortes oder Satzes, sondern auch zur Mystifizierung des Lesers und zur Verzerrung bei der Rezeption eines konkreten literarischen Textes. Dies kann zu einem falschen Blick des Lesers nicht nur auf die schöpferischen Techniken des Autors des Originals führen, sondern auch auf die Poetik der literarischen Richtung im Ganzen.

Als Beispiel dafür, wie eine falsche Übersetzung die Poetik eines konkreten Autors mystifiziert, nehmen wir die Übersetzung des Okkasionalismus „rosenschaurig“ in dem Gedicht von Georg Trakl „Das Gewitter“:

Schon zuckt im schwarzen Gewühl
Der Rosse und Wagen
Ein rosenschauriger Blitz
In die tönende Fichte. [Trakl' 1996, 306]

(Ужé пробегает (сверкает) в чёрной суете / Коней и экипажей / Розово-жуткая молния в звучащую ель (пихту).) (Interlineare Übersetzung – А. К., Е. N.)

Wir denken, dass in diesem poetischen Kontext keine Verbindung besteht zwischen dem Epitheton rosenschaurig und dem Bild und der Symbolik der Rose, während diese Verbindung für den Übersetzer Viktor Weber ersichtlich ist:

И вот уже среди чёрной
Толчеи рысаков, колесниц
В поющие сосны целится
Молния, трепетная, как роза. [Trakl' 1996, 307]

Wir sind der Meinung, dass der Bestandteil „rosen-“, von rosa Farbe bedeutet und die Hinzufügung des gewöhnlichen Epithetons *трепетный* (*zitternd*) zur

Figur des Blitzes in diesem Fall zweifelhaft ist. Man könnte diese Übersetzungsentscheidung damit begründen, dass die Figur der zitternden Rose vorkommt, allerdings nicht in diesem Text, sondern in anderen Gedichten von Trakl. Allerdings ist eine derart sentimentale Figur seiner Poetik nicht eigen: Das Wort *Rose* kommt mit den Eigenschaften *gelb, rot, wild, erblichen, verblüht* vor, mit den symbolischen Inhalten von Schmerz und Tod.

Das folgende Beispiel der Übersetzung des Gedichts von Walter Hasenclever „Schon aus roten Kasematten“ zeigt die Mystifizierung nicht nur des Autors, sondern auch wichtiger Merkmale der expressionistischen Poetik.

Wir nehmen zum Vergleich das Original und die Übersetzung:

Schon aus roten Kasematten
Schäumt die Meute sich hervor,
Pfeift Empörung sich wie Ratten
In der Promenaden Chor.
Schwarz im Saal des Dirigenten
Aufgeschwungener Arm zerbricht;
An den schön bemalten Wänden
Löscht das weiße Zirkuslicht.
Haß steigt auf aus grünen Dämpfen:
Dazusein und mitzukämpfen.
Nicht hindert triumphale Allüren
Ein Krüppel vor Mahagonitüren –
Am Spiegel des grenzenlosen Geschehens
Stürzt sich vorbei der Lebendigen Schein;
In wenig Jahren unendlichen Sehens
Werden wir nicht mehr vergänglich sein.
Kraft, zu wirken und zu vollenden
Im höchsten Geist, der mein Antlitz flieht!
Glück – daß wir nicht in Verzweiflung enden!
Unglück – du Marseillaisenlied!
[Menschheitsdämmerung 2008, S. 303]

Из красных казематов пеней
Прут полчища голодных крыс –
Бунтовщики! Весь мир ареной
Они заделать собрались!
Ломают руки дирижёру.
И предвкушение побед
Неистовую гонит свору.
Погашен в цирке яркий свет.
Воздвигнут Ненависти столп
Среди воинствующих толп.
Они грядут царить навек,
Сметая нищих и калек.
В осколках тысячи зеркал
Свет брэнной жизни раздробился.
Тот, кто бессмертия искал –
Едва ли этого добился.
А сила в том и состоит,
Чтобы ковать своё железо.
Победа – в том, что предстоит!
И поражение – «Марсельеза»!
[Sumerki 1990, 187]

Уже даже из красных казематов / Пенится наружу свора (банда), / Свистит возмущение (бунт) как крысы / В хоре с променадов (бульваров). / Черно в зале дирижёра / Взмахнувшая рука ломается; / На прекрасно расписанных (раскрашенных) стенах / Гаснет белый свет цирка. / Ненависть поднимается из зелёных испарений: / Быть рядом и вместе бороться. / Не помешают триумфальные замашки (манеры) / Калек перед дверями из красного дерева – / В зеркале бесконечного события (бытия) / Рвётся (проносится) вдоль живущих свет; / В немногие годы беспредельного (бесконечного) видения / Мы

больше не будем (не станем) брэнными (преходящими). / Сила действовать и заканчиваться (воплощаться) / В наивысшем духе, что сбегает с моего лица (лика)! / Счастье (удача) – что мы не закончим отчаянием! / Несчастье (неудача) – ты Марсельеза! (Interlineare Übersetzung – A. K., E. N.)

In der Übersetzung von S. Stepanow erscheint Hasenclever dem Leser als wütender bürgerlicher Dichter, der aktiv gegen die „revolutionären Unruhen“ in Deutschland auftritt, die unter anderem vom Ersten Weltkrieg hervorgerufen worden waren. Der Hauptheld (oder genauer, der Antiheld), in der Übersetzung – die Aufrührer (бунтовщики), wird durch das Bild von Heerscharen hungriger Ratten, einer rasenden Meute, kampflustigen Menge dargestellt. Mit ihnen ist auch die Basis des Hasses gegen die ganze Welt verbunden, die für sie eine Arena geworden ist, und die Zerstörung von allen und allem (рука дирижёра, осколки тысячи зеркал). Die Forderung der Aufrührer ist entsprechend von weltweitem Maßstab (царить навек), und für deren Umsetzung tragen sie nichts und niemandem Rechnung (сметая нищих и калек). Dabei sieht Hasenclever, wie der Leser verstehen soll, die Vergeblichkeit des Aufstandes des Pöbels (тот, кто бессмертия искал, едва ли этого добился).

Selbst wenn dies das einzige übersetzte Gedicht Hasenclevers in der Anthologie wäre, könnte eine bestimmte „axiologische“ Sackgasse oder sogar ein Paradox entstehen: Es sieht aus, als wären der Poetik der deutschen Expressionisten sowohl antibürgerliche als auch stark bürgerliche Ansichten zur bestehenden Welt eigen.

In dem poetischen Text wird eins der Hauptmotive der Lyrik des deutschen Expressionismus verwendet: das Ende der Welt, die Apokalypse. Die Ratten kriechen aus den Kasematten und füllen die Plätze für friedliche Spaziergänge, der gebrochene Arm des Dirigenten wird zum Symbol des Untergangs der althergebrachten Ordnung, das Schöne versinkt in der Finsternis. Der Hass, der aus dem Gestank der Wirklichkeit geboren wird, ist bei Hasenclever allerdings nicht kontemplativ, sondern handelnd, aktiv: Man muss zusammenstehen und gemeinsam kämpfen. Gerade im Kampf für das Neue und Bessere können wir aufhören, vergänglich zu sein, erklärt der Dichter. Und da erscheinen die beiden letzten Gedichte nicht mehr als Antithese, sondern als Varianten der Entwicklung des Kampfes gegen das Ende der Welt: Das Glück besteht schon darin, dass wir aufhören, den Mut sinken zu lassen, und wenn uns jetzt eine Niederlage widerfährt, dann gehen wir wieder in den Kampf, dann ertönt wieder die „Marseillaise“. (Das Motiv der Gegenüberstellung der alten Welt gegen die neue in diesem Gedicht sieht auch W. Rothe, der Autor grundlegender Forschungsarbeiten zu den theologischen, soziologischen und anthropologischen Aspekten der Poetik des Expressionismus [Rothe 1977, 415].)

Es ergibt sich, dass die Übersetzung mit ihren Heerscharen an Ratten, die den Arm des Dirigenten brechen, auf ihrem Weg leidende Bettler und Versehrte vernichten und die ewige Hölle auf Erden unter den Klängen der Revolutionshymne vorwegnehmen, keine Übersetzung ihrer ursprünglichen Bedeutung wird, sondern zu einer Konvertierung des Originals mit unweigerlicher Mystifikation führen.

Die kritische Einstellung zum Korpus der Spender-Texte hinsichtlich ihrer Übersetzungen schmälert nicht den Wert der vorliegenden Herangehensweise an den Prozess des literarischen Übersetzens. Doch sie beweist wohl ein einmal mehr, dass der Übersetzer literarischer, besonders poetischer, Texte gegen fehlerhafte Übersetzerentscheidungen nicht gefeit ist. Um die Menge dieser Fehler bei seiner Arbeit maximal zu verringern, muss der Übersetzer ständig seine Übersetzungskompetenz weiterentwickeln und insbesondere auch das Korpus der Spender-Texte aufmerksam untersuchen.

Литература

- Бенн Г. Собрание стихотворений. СПб., 1997.
 Гейм Г. Небесная трагедия: Стихотворения. СПб., 2004.
 Клименюк Н. Мистификация как приём // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 434–444.
 Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода. М., 2004.
 Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1972.
 Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика. М., 2005.
 Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма. М., 1990.
 Тракль Г. Стихотворения. Проза. Письма. СПб., 1996.
 Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus. Köln, 2008.
 Rothe W. Der Expressionismus: Theologische, soziologische und anthropologische Aspekte einer Literatur. Frankfurt/Main, 1977.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Klimenyuk N. *Mistifikatsiya kak priyom* [Mystification as a Method]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1999, Vol. 37. Pp. 434–444. (In Russian).

(Monographs)

- Makarova L.S. *Kommunikativno-pragmatische osnovyi hudozhestvennogo perevoda* [Communicative and Pragmatic Foundations of Literary Translation]. Moscow, 2004. (In Russian).
 Parandovskiy Ya. *Alhimiya slova* [The Alchemy of Word]. Moscow, 1972. (In Russian).
 Russkiy ekspressionizm: Teoriya. Praktika. Kritika [Russian Expressionism: Theory. Practice. Criticism]. Moscow, 2005. (In Russian).
 Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus. Köln, 2008. (In German).

Сведения об авторах:

Крашенинников Андрей Евгеньевич, Северо-Восточный государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии.

E-mail: kroschke@yandex.ru

Andrei E. Krashenniniov, North-Eastern State University, PhD in Philology, доцент Head of the Department of foreign literature

E-mail: kroschke@yandex.ru

Нарбут Елена Владимировна, Северо-Восточный государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, проректор по развитию международной деятельности, декан филологического факультета.

E-mail: narbut@rambler.ru

Elena V. Narbut, North-Eastern State University, PhD in Philology, Prof., Dean on the department of filology, Vice-Rector for International Cooperation.

E-mail: narbut@rambler.ru

ВЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 12 НОЯБРЯ 1918 г. В ПЕРЕПИСКЕ, ЭССЕ И РОМАНЕ «ЛУНАТИКИ» ГЕРМАНА БРОХА

О.В. Бессмельцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассмотрено влияние революционных событий в Австрии на творчество Г. Броха. В социальные перевороты в Австрии в ноябре 1918 г. были вовлечены не только политические группы, но и широкие круги писательской интеллигенции. Пример Броха показывает, что даже если писатель не принимал непосредственного участия в уличных демонстрациях или политических дебатах, он, тем не менее, испытывал потребность осмыслить эти события. В творчестве Броха это осмысление проходит в несколько этапов и выражается в разных жанровых формах. В письме от декабря 1918 г. дана непосредственная реакция на массовые выступления 12 ноября 1918 г. Понятию массы, представленной как хаотическое брожение человеческой материи, Брох противопоставляет идею «общности» свободных индивидуумов. В дальнейшем следы этой первой реакции нашли отражение в третьем томе романа «Лунатики», своего рода художественном осмыслении опыта революции. Третья ступень осмысления исторического события представлена в политических и философских эссе. Здесь Брох показывает революцию как часть естественного процесса «эволюции» истории культуры и философской мысли.

Ключевые слова: ноябрьская революция, Вена 1918 г., Брох, «Лунатики», политические и философские эссе, масса, общность.

THE REVOLUTION IN VIENNA 12.11.1918 IN THE CORRESPONDENCE, ESSAYS AND THE NOVEL “THE SLEEPWALKERS” BY HERMANN BROCH

Abstract. The article argues for the influence of revolution in Austria 1918 on the Oeuvre of H. Broch. The social turbulence of 1918 involved not only politicians, but also the spread circles of intellectuals and writers. The example of novelist H. Broch shows that even when the writer was not immediately a participant of the street-demonstrations or political controversies, he was nevertheless reflecting deeply the happenings in Vienna. Such reflections come through some stadiums in the Oeuvre of Broch and were expressed in diverse genres. Broch's letter of December 1918 views an immediate reaction on the mass-processions at 12th November 1918. The mass was seen by Broch as chaotic fermentation of human-mate-

rial, which was confronted in Broch's vision with the idea of community of free individuals. Further the threads of this very first reaction could be found in the third part of the novel “The Sleepwalkers”, that could be interpreted as an artistic treatment of the revolution-experience. The third stage of reflection of the historical event got the form of political and philosophical essays, where Broch showed the revolution as a necessary part of the “natural” process of “evolution” within the cultural and philosophical history.

Key-words: November-Revolution, Vienna 1918, Broch, “The Sleepwalkers”, political and philosophical essays, mass, community

Революционные события ноября 1918 г. в Вене впечатлили австрийского романиста Германа Броха (1886–1951), в ту пору еще начинающего писателя, широкая известность к которому пришла уже в зрелом возрасте, после выхода его романа-трилогии «Лунатики» (1931). Отношение Броха к ним отличалось от восприятия революции со стороны его коллег по перу Ф. Блая, Э.Э. Киша и Ф. Верфеля, которые находились в самой гуще событий. В декабре 1918 г. Брох попытался представить свою реакцию на ноябрьские события в открытом письме «Улица», адресованном Францу Блау. Примечательно, как Брох описывает толпу на площади перед венской ратушей: человеческую массу он воспринимает не как некое единство, но как скопление разрозненных элементов – «многочленная масса, состоящая из ртов, носов, бород, животов» [Broch 1981, 31]. Антиподом «массы» у Броха предстает «сообщество» (Gemeinschaft).

Представления Броха об атомарности, неоднородности и несогласованности массы отражают картину, сложившуюся в медиальной среде вокруг революционных событий: газеты, сообщая о становлении немецко-австрийской демократической республики, по-разному расставляют акценты и оценивают события в Вене 12 ноября.

«Новая газета» (13.11.18) сообщает: «В праздничном шествии члены правительства, президиум и члены государственного совета вышли к рампе здания парламента. Вокруг здания стояли сотни тысяч мужчин и женщин... В тот момент, когда на многочисленных флашптоках должны были взмыть государственные флаги с красно-бело-красной символикой, появились [...] социал-демократы, захватили флаги и принялись отрывать белые куски материи, так что на флашптоках остались только красные полотнища. Покой и порядок, которые ещё пять минут назад царили в стотысячной толпе, вмиг исчезли. Солдаты забрались на фонтаны и на статую Афины и водрузили там красные флаги. Это было первым неприятным нарушением программы» [Die neue Zeitung 1918, 1] (курсив в оригинале. – О.В.).

Социал-демократическая газета «Рабочий» (13.11.18) призывает продолжать борьбу: «От победы к новым битвам» гласит заголовок. Далее следует:

«Каким бы облегчением ни было для нас освобождение от демона войны и как бы ни ликовали мы ввиду победы демократии, нам сейчас нельзя сидеть сложа руки. Мир и демократическая республика – это главные предпосылки для достижения нашей цели, но не сама эта цель. Следует не теряя времени воспользоваться потрясением, которое вызвала война в душах людей, и устремиться к нашей последней цели – к социализму!» [Arbeiter-Zeitung 1918, 1].

Иная оценка событий в заголовках утреннего выпуска «Новой свободной прессы» от 13 ноября: там значится – «Стрельба и паника перед зданием парламента» [Neue freie Presse 1918, 1]. Сходным образом показаны вещи в «Новом восьмичасовом листке» (12.11.18). Рядом с гигантскими заголовками: «Великий день. Присоединение немецкой Австрии к немецкой республике. – Народный праздник» стоит таким же крупным шрифтом: «Бойня перед зданием парламента» [Neues 8 Uhr Blatt 1918, 1].

Похожий сумбур (одним – бойня, другим – праздник) предстаёт перед читателями Броха в заключительной части третьего тома романа «Лунатики», озаглавленного «Хугенау, или Деловитость»¹ [Брох 1996]. Человеческая масса как хаос, как скопление элементарных частиц, ведомых природными инстинктами, – эта картина отличается от массовых сцен в творчестве Броха 1930–40-х гг.: в романах «Наваждение» (1953) и «Смерть Вергилия» (1945) или в его «Психологии масс» (1959). Эти поздние вещи появились в других исторических обстоятельствах на фоне стремительного распространения фашистской идеологии в 1930–40-е гг.

События «Лунатиков» помещены в другие временные рамки – они разворачиваются вокруг трёх исторических вех: 1888, 1903 и 1918 гг. Первые два тома – это на первый взгляд не связанные друг с другом истории двух «типичных» представителей своего времени: офицера Пазенова и служащего Эша. В третьем томе вводится новый персонаж, некий Хугенау, предприниматель и дезертир. Но здесь же появляются и персонажи из предыдущих томов, и ряд других протагонистов. Общий нарративный поток в третьем томе распадается на множество рукавов – историй и судеб эпизодических фигур, при этом каждая история разворачивается в своём дискурсивном поле: представлены бытовая, военная, философская, публицистическая, предпринимательская дискурсы. В конце третьего тома, во время массовых беспорядков, вызванных слухами о прекращении войны и волной переворотов, все истории и судьбы смешиваются, и персонажи из отдельных глав вновь появляются в сценах предпоследней главы. Глава «Никто никого не видит во мраке.

¹ В соответствии с французским (эльзасским) произношением оригинала – «Hugenaou» – имя главного персонажа должно звучать Югено. В переводе Н. Кушнира используется немецкое произношение имени [Кушнир 1996].

События 3, 4 и 5 ноября 1918 г.» – это своего рода хроника событий в крошечном городке под Кёльном с 3 по 5 ноября 1918 г.

Следует заметить, что действие романа «Лунатики» происходит в Германии. Иными словами, Брох в этой книге не затрагивает напрямую тему распада Австро-Венгерской монархии. Возможно, Брох желал напомнить о событиях 1918 г. из другой перспективы. Как показал анализ заголовков газет, датированных 12–13 ноября 1918 г., для австрийцев и венцев было важно не только учредить республику, но и тотчас войти с ней в состав немецкого государства. Так, в ноябре 1918-го в Вене была провозглашена Немецко-австрийская республика (Deutschösterreich), и венские газеты с восторгом разносили весть о слиянии Австрии с немецкой республикой. Эта обращённость к Германии к концу 1920-х гг. стала приобретать всё более отчётливый националистический характер и характеризовала не в последнюю очередь австрийских сторонников НСДАП. Конечно же, Брох, работая над «Лунатиками» между 1928 и 1931 гг., осмыслял не только историю, но и современность.

Действие романа «Лунатики» завершается 6 ноября 1918 г., т.е. за несколько дней до «исторического» начала революционных событий в Германии и Австрии. Тем не менее в последних сценах романа легко узнаются образы, связанные с ноябрём 1918 г., с июльскими событиями 1927 г. (пожар Дворца правосудия в Вене и горящая ратуша в романе Броха). В предпоследней главе почти с сарказмом обыгрывается известный иконографический сюжет – картина Делакруа «Свобода ведёт народ» 1830 г. (или более поздняя «цитация» этой картины в фильме Ф. Ланга «Метрополис» 1927 г., где сцена восстания рабочих сопровождается звуками Марсельезы, причём мелодия постепенно искажается и распадается): «Толпа насчитывала около двухсот человек, всевозможный сброд, среди них и заключенные, выделявшиеся [...] серой одеждой. Некоторые пытались заводить “Марсельезу”, кто-то – “Интернационал”. Чей-то фельдфебельский голосок постоянно орал: “В колонну по четыре – разберись”, но никто его не слушал. Во главе шествия над головами марширующих болталась какая-то кукла: к палке, своего рода виселице, привязана была набитая тряпьем и платками форма тюремщика – с этой целью они, наверное, раздели его догола [...] С ними был даже ребенок, он восседал на плечах у одного парня, маленькая девочка, напоминавшая Маргериту»² [Брох 1996, 335–336].

Далее в тексте романа встречается ещё одно обращение к визуальным ассоциациям, на это раз к политической цветовой символике: «В небо

² По сюжету отец Маргериты – француз.

взлетали (красные, желтые, чёрные, оранжевые – О.Б.)³[...] языки пламени горящей ратуши, тогда как дальше все еще дымились (грязно-коричневым чадом. – О.Б.)⁴ остатки казармы и склада. [...] Хугюнау посмотрел на все это, и [...] ему стало ясно, что все было правильно...» [Брох 1996, 342].

В процитированном фрагменте смешиваются разные хронологические пласты – история Габсбургской империи (чёрно-жёлтый флаг Австро-Венгрии) сливается с цветами революции 1918 г. (представленной красными полотнищами партии социал-демократов). Всё это закономерно ведёт к событиям конца 1920-х гг., когда коричневый «цвет» – цвет партии НСДАП – занимает всё более существенное пространство в политической палитре. При этом Брох видит свою задачу как писателя и аналитика не в том, чтобы отделить опасные идеологии от «полезных». Скорее он стремится обнаружить общую причину, некую общую потребность, из которой вырастают столь разные политические и социальные образования. Теория культуры Броча опирается на концепцию единого стиля, характерного для определённой эпохи. Поэтому и для нового исторического периода, открывшегося революциями 1918 г., существует, по мнению Броча, некий общий принцип, общий вектор, общая потребность, которая объединяла людей самых разных политических «конфессий» – как сторонников, так и противников революции. И эту общую потребность стремились удовлетворить, каждый на свой лад, многочисленные союзы, партии, политические и религиозные собрания, карикатурно представленные в третьей книге «Лунатиков».

Так, сквозь внешний образный ряд здесь то и дело проступает более глубинный, как бы сквозной и общий для всего действия образ – это изображенное Матиасом Грюневальдом Вознесение⁵ – раскинувший руки мученик на фоне оранжевых зарниц. Исходя из контекстов, в которых этот образ возникает, именно он и является для Броча квинтэссенцией революции: смерти и возрождения одновременно. Впервые образ Вознесения с Изенгеймского алтаря является Хугюнау в военных окопах: «Камера пыток и землянка все больше погружались в немного грязноватые, но все же яркие цвета [...] грюневальдского алтаря; снаружи в оранжевом свете пушечного фейерверка [...] простирали к небу ветки-руки голые деревья, а в сияющую разорванную высь взмывал человек с поднятой рукой» [Брох 1996, 9]. И эту же кар-

³ «rot, schwarz, gelb, orangefarben» – в переводе Кушнира нарушена последовательность, и чёрный цвет выступает обособленно.

⁴ «qualmten schmutzigbraun» – у Кушнира цветовой эпитет опущен.

⁵ О месте и роли Изенгеймского алтаря в композиции «Лунатиков» пишет П. М. Люцелер [Lützel 2001].

тину «цитирует» Брох в предпоследней главе романа на фоне ноябрьских переворотов: «Горящая ратуша хорошо освещала городскую стену, на неё отбрасывали тени деревья, с крыши ратуши вверх взметнулся последний оранжево-жёлтый сноп искр и огня – Хугюнау не мог не вспоминать человека, душа которого поднималась в распахнутое небо, и лучше всего он потряс бы ему протянутую правую руку, так легко и радостно было у него на душе» [Брох 1996, 346].

В рецензии 1922 г. на книги неокантианца Артура Либберта [Broch 1986] Брох проводит мысль о том, что революция есть такое же проявление абсолютного разума, как и история в её «нормальном» течении. По мере того, как история теряет эволюционный потенциал и мысль затвердевает, превращаясь в догму, запускается процесс обновления (революция духа). В результате мысль и культура обретают новое, более совершенное оформление и приближаются на шаг к абсолютному. Образ распятого и воскресшего Спасителя на фоне революционных зарниц воплощает это представление о единстве и непрерывности истории мысли и истории цивилизации, включая и её «революционные» фазы. Таким образом если начальные стадии революционной эпохи у Броча ассоциируются с образом корпускулярной массы разнородных элементов (не людей, а глоток, животов и носов), то образ Спасителя, к которому обращены все взоры, символизирует пик революционной эпохи – освобождённый дух вновь являет себя в первоначальной чистоте. Этот явленный дух символизирует некое гуманное начало в каждом человеке, объединяющее всех людей. В итоге получается, что у Броча – в силу исторических и биографических обстоятельств – революционная масса становится символом разобщённости, а фигура одиночки – символом «общности», единства и примирения всех людей.

В 1919 г. Брох пишет своё первое политическое эссе «Конституционная диктатура как демократическая система Советов», созданное на волне революционных событий, под влиянием дебатов о выборе нового государственного устройства. В этом эссе абсолютная свобода индивидуума утверждается как центральная идея и основа нового государства [Broch 1978, 12]. По Брочу, идеальное государство – это «общество свободных людей» [Broch 1978, 23]. Органом управления таким государством должна стать союз «свободных и работоспособных людей» из всех классов и сословий, воспитанных в стремлении к кооперации [Broch 1978, 16].

Брох делает ещё один вывод. В последних строках письма к Блау он отмечает: «политика – это то, чего не миновать» [Broch 1981, 34]. Словно подчиняясь этому закону, Брох отводит политике важную роль как в эссеистическом,

так и в художественном творчестве. При этом во всех сферах – литературной, политической, философской – Брех исходит из одной и той же концепции истории культуры и обращается к сходным методам решения как художественных, так и философских и политических проблем. В рецензии на книги Либерта Брех утверждает, что революция духа есть часть его исторической эволюции: «В “свободе” разума, в силу его абсолютной автономии, заключается его мощь, но также и этический закон, который вынуждает критически переосмыслить [...] истины, ставшие частью исторического процесса [...]. Прогресс разума всегда движется одним путём – если он и “размалывает” данность, то только чтобы вновь выстроить из её элементов систему высшего порядка...» [Broch 1986, 262]. Так, по Бреху, «Критики» Канта не столько превалили линию развития философской мысли, сколько вывели эту мысль на новый уровень. Рассматривая в той же оптике труды Маркса, Брех приходит к выводу, что Маркс был в меньшей степени революционер и в большей – кантианец (т.е. радикальный реформатор). Расширяя рамки до всеобщей и «основной логической сферы», Брех стремится выявить «то кардинальное гуманистическое основание, которое обнаруживало бы “прогресс” в любом проявлении и было бы способно объяснить как духовную, так и социально-политическую революцию» [Broch 1986, 263].

Обретение этой «гуманистической основы» (человечности) напрямую связано с преобразованием языка – основы человеческого общения. Брех, подобно многим его современникам, пишет о кризисе художественного языка, непрестанно твердит об «онемении» мира, критикует «репортажный стиль» и называет человека модерна траппистом (монахом, давшим обет молчания) [Брех 1996, 402]. В «Лунатиках» Брех показывает такой онемевший мир: «серый, неподвижный и совершенно безжизненный мир был погружен в нерушимую тишину» [Брех 1996, 10]. История этого мира буквально распадается на фрагменты не связанных друг с другом «историй». Тем не менее, рассказанные одним автором и в одной книге, они создают впечатлительное единство, общности художественного стиля и языка. При этом принцип единства действует не только на формальном уровне. Проблема обретения общности, взаимопонимания оказывается важной темой «Лунатиков»: всем персонажам, несмотря на их мировоззренческие противоречия, свойственно «лунатическое» состояние поиска чего-то неведомого, призрачного, нематериального. Все они словно бы в равной степени разделяют это чувство утраты некоего объединяющего духовного основания. Тем самым Брех подводит к мысли, что в силу этой всеобщей тоски по общности есть надежда на обретение общей истории – как в художественном смысле (истории как рассказа,

появления новых художественных форм, обновления романного жанра), так и на социально-политическом уровне (истории как истории человечества: чувство общности, единения, поддержки в рамках государства, управляемого союзом свободных граждан, где представлены интересы всех социальных групп). Соединяя творческую и гражданскую задачи, Брех тем самым следует правилу, выведенному им из опыта ноябрьской революции 1918 г.: «политика – это то, чего не миновать».

Литература

- Брех Г. 1918 – Хугюнау, или Деловитость // Брех Г. Лунатики. Роман-трилогия в двух томах. Том второй / Пер. с нем. Н. Кушнира. – СПб., 1996.
- Broch H. Konstitutionelle Diktatur als demokratisches Rätssystem // Broch H. Politische Schriften. Frankfurt am Main, 1978. S. 11–23.
- Broch H. Die Straße // Broch H. Briefe 1: 1913–1938. Frankfurt am Main, 1981. S. 30–35.
- Broch H. Die erkenntnistheoretische Bedeutung des Begriffes „Revolution“ und die Wiederbelebung der Hegelschen Dialektik. Zu den Büchern Arthur Lieberts // Broch H. Philosophische Schriften 1, Kritik. Frankfurt am Main, 1986. S. 257–263.
- Der erste Tag der neuen Republik. Vor dem Parlament // Die neue Zeitung. Illustriertes unabhängiges Tagblatt. 1918. Nr. 310. S. 1.
- Der große Tag. Deutschösterreichs Anschluss an die deutsche Republik. – Die Vorlksfeier. Eine Schlacht vor dem Parlament // Neues 8 Uhr Blatt. 1918. 5. Jahrgang. Nr. 1246. S. 1.
- Lützel P.M. Kulturbruch und Glaubenskriese. Brochs *Schalfwandler* und Grünwalds *Isenheimer Altar*. Tübingen, Basel, 2001.
- Schießerei und Panik vor dem Parlament // Neue freie Presse. Morgenblatt. 1918. Nr. 19476. S. 1
- Vom Siege zu neuen Kämpfen // Arbeiter-Zeitung. Morgenblatt. 1918. Nr. 310. S. 1.

References (Articles from Journals)

- Der erste Tag der neuen Republik. Vor dem Parlament [The First Day of the New Republic. In front of the Parliament]. *Die neue Zeitung. Illustriertes unabhängiges Tagblatt* [The New Paper. Illustrated Independent Daily Paper]. 1918, no. 310, p. 1. (In German).
- Der große Tag. Deutschösterreichs Anschluss an die deutsche Republik. – Die Vorlksfeier. Eine Schlacht vor dem Parlament [The Grate Day. German-Austria Connection to the German Republic. A Struggle in front of Parliament]. *Neues 8 Uhr Blatt* [The New 8 o'clock Newspaper]. 1918, Vol. 5, no. 1246, p. 1. (In German).

Schießerei und Panik vor dem Parlament [Shooting and Panic in front of Parliament]. *Neue freie Presse. Morgenblatt* [The New Free Press. Morning-Paper]. 1918, no. 19476, p. 1. (In German).

Vom Siege zu neuen Kämpfen [From Victory to the New Battles]. *Arbeiter-Zeitung. Morgenblatt* [The Worker-Newspaper. Morning-Paper]. 1918, no. 310, p. 1. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Broch H. Konstitutionelle Diktatur als demokratisches Rätssystem [Constitutional Democracy as Councils-System]. *Politische Schriften* [Political Essays]. Frankfurt am Main, 1978. Pp. 11–23. (In German).

Broch H. Die Straße. [The Street]. *Briefe: 1913–1938* [Korrespondence 1913–1938]. Frankfurt a. M., 1981. Pp. 30–35. (In German).

Broch H. Die erkenntnistheoretische Bedeutung des Begriffes „Revolution“ und die Wiederbelebung der Hegelschen Dialektik. Zu den Büchern Arthur Lieberts [The Epistemological Meaning of the Term „Revolution“ and the Revival of Dialectic by Hegel. On the Books by Arthur Liebert]. *Philosophische Schriften* [Philosophical Essays]. Frankfurt am Main, 1986. Pp. 257–263. (In German).

(Monographs)

Broch H. (author), Kushnir N. (transl.). *1918 – Hugjunau, ili Delovitost'. Lunatiki. Roman-trilogija v djuh tomah. Tom 2* [Sleepwalkers. A Novel-trilogy on two volumes. Volume 2], SPb., 1996 (Translated from German to Russian).

Lützel P.M. *Kulturbruch und Glaubenskriese. Brochs Schalfwandler und Grünewalds Isenheimer Altar* [The Breaking of Culture and the Crisis of Believe. Broch's Sleepwalkers and Grünewald's Isenheim Altarpiece]. Tübingen, Basel, 2001. (In German).

Сведения об авторе:

Бессмельцева Олеся Васильевна, Санкт-Петербургский государственный университет. Магистр в области «Исследования литературы и культуры немецкоязычных народов» (СПбГУ), аспирантка кафедры истории зарубежных литератур. E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

Bessmeltseva Olesia V., Saint Petersburg State University.

M.A. in Literature- and Culture-Studies (Saint Petersburg State University), Ph.D. student at Historie of Foreign Literatures Department at Saint Petersburg State University. E-mail: lesyabessmeltseva.tjumen@gmail.com

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В МОРАЛИТЕ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ИМЯРЕК»

Ю.Л. Цветков

Ивновский государственный университет, Иваново

Аннотация. Социальная критика в моралите австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофмансталя «Имярек. Представление о смерти богатого человека» (1911), с одной стороны, обусловлена картиной мира средневекового человека, который по христианскому кодексу хотя и презирал богатство, но использовал его в земной жизни для своих удовольствий. С другой стороны, Имярек не совсем пренебрегал моральным законом: он не делился богатством с бедными, но подавал милостыню. Он не прощал долги беднякам, но не давал умереть с голоду их семьям. Социальная критика богатого «праведника» ограничивалась, во-первых, упованиями на вечное несовершенство земной юдоли без какой-либо мысли её изменения. Во-вторых, что не свойственно образу мыслей христианина, Гофмансталь привносит в образ Имярека современную автору новую идеологию денег, которую он заимствовал в труде Г. Зиммеля «Философия денег». Имярек рассуждал о роли денег в процессе превращения социального хаоса в порядок и об их абсолютной самоценности. «Модернизированное сознание» Имярека гармонизирует социальные противоречия в обществе, утверждая их вечность. Аллегория богатства – Маммон соблазняет Имярека и показывает над ним свою власть. Но Имярека нельзя считать закоренелым грешником. Смерть, совершая суд над Имяреком, и сопротивление Веры с Дьяволом подчёркивают значение Добрых деяний и Веры в жизни Имярека. Он искренне раскаивается, и его ждёт спасение. Крайне ограниченная роль социальной критики в моралите не касается глубинных противоречий общества, а служит прикрытием произвола богачей и их незаконного обогащения за счёт бедных. Консервативные идеи Гофмансталя превращают моралите в аллерию незыблемости монархической власти в обществе, что в дальнейшем получит название «австрийской идеи».

Ключевые слова: средневековая картина мира, христианский кодекс поведения, моральная заповедь, аллегория, моралите, социальная критика, ирония, сатира, гротеск.

THE ROLE OF SOCIAL CRITICISM IN HUGO VON HOFMANNSTHAL'S MORALITY "EVERYMAN"

Annotation. Social criticism in the morals of the Austrian poet and playwright Hugo von Hofmannsthal „Everyman. The idea of the death of a rich man“ (1911), on the one

hand, is due to the picture of the world of the medieval man, who according to the Christian code, though despised wealth, but used it in earthly life for his pleasures in dissolute life. On the other hand, Everyman did not completely neglect the moral law: he did not share wealth with the poor, but gave alms. He did not forgive the debts of the poor, but did not let their families die of hunger. The social critique of the rich "righteous man" was limited, first, to the hopes of the eternal imperfection of the earthly life without any thought of its change. Secondly, that is not peculiar to the Christian way of thinking of the righteous, even if he adds Everyman contemporary new ideology of money that he borrowed in the work of G. Simmel, „Philosophy of money“. Everyman talked about the role of money in the process of transformation of the social order out of chaos and the absolute value of money. The "modernized consciousness" of Everyman harmonizes social contradictions in society, asserting their eternity. Allegory of wealth – Mammon seduces Everyman and dictates over him his power. But Everyman can not be considered as a hardened sinner. Death, making a trial of Everyman, and the confrontation of Faith with the Devil emphasize the importance of Good deeds and Faith in the life of Everyman. He sincerely repents, and his salvation awaits. The extremely limited role of social criticism in morality does not concern the deep contradictions of society, but serves as a cover for the arbitrariness of the rich and their illicit enrichment at the expense of the poor. Conservative ideas of Hofmannsthal turn moralite into an allegory of the inviolability of monarchical power in society, which in the future will be called the „Austrian idea“.

Key words: *medieval picture of the world, Christian code of conduct, moral commandment, allegory, morality, social criticism, irony, satire, grotesque.*

В аллегорической драме Гуго фон Гофманстля (1874–1929) «Имярек» земная сфера традиционно для жанра моралите тесно переплетается с небесной. Богатый Имярек представлен в кругу семьи, Друга, Бедного соседа, Должника и Родственников. Высшую сферу представляют Смерть и Дьявол. Кроме того, со времён барокко в моралите действуют аллегорические персонажи с поучающим смыслом: Страсть, Вера, Деяния человека и Богатство (Маммон).

Моралите XV века как средневековая модель общества

Моралите (от лат. *moralis*, англ. *morality play*) является «нравственным действием» позднего Средневековья. Оно возникло в Западной Европе как реализация игрового начала античного театра в новых реалиях Средних веков [Андреев 1989, 7]. Уместны в моралите сатирический элемент [Бахтин 1997, 26] и ограниченная социально-критическая направленность, поскольку

Священное писание являлось тем текстом, который устанавливал социальную справедливость. Если и случались крестьянские выступления, например в Германии Ганса Бёма из Никластаузуна (1476), то их предводители «фигурировали в роли религиозных пророков и посланцев Христа» [Гуревич 1990, 351]. Однако в целом, несмотря на расслоение общества, бедность и богатство, социальная проблематика не находила в литературе адекватного выражения. Господствующей тональностью были «социальный конформизм и фатализм» [Там же, 336].

Типичные персонажи моралите являлись универсальными, поскольку пороки и добродетели свойственны всем людям [Попова 1992, 39]. Основной драматический конфликт в моралите: «Это мысль о постоянной, неизменной борьбе сил добра против сил зла, схватке сакрального и демонического принципов – конфликте, который охватывает весь универсум и вместе с тем вовлекает в себя каждого индивидуума» [Гуревич 1990, 305–306]. Нравственные принципы моралите согласуются с христианскими заповедями, а сцена является моделью мира. Финал моралите утверждал особое значение исповеди и покаяния, и после этого следовало прощение грешной души. При этом даже закоренелым грешникам было уготовано небесное блаженство.

Гофмансталь следует христианскому учению, по которому богатство для средневекового человека не является определяющим: «Праведник мыслился бедным, ибо бедность – добродетель, каковой ни в коем случае не могло быть богатство. Имущество – воплощение земных интересов, отвлекающее человека от мыслей о загробной жизни и от забот о спасении души. Вера требует отрешения от земных дел и интересов. Поэтому праведному последователю Христа богатство должно внушать презрение» [Гуревич 1984, 249]. Гофмансталь чётко разделяет мир на бедных и богатых. «Имярек» представляет собой исповедь грешника, для которого богатство, однако, является неотъемлемой частью его жизненного преуспевания. Социальная несправедливость, в основе которой лежит имущественное неравенство, подчёркивает автор, может быть смягчена, если богатый человек руководствуется добрыми деяниями и верой. Несмотря на сатирический образ Маммона – аллегория богатства, моралите Гофманстля уповаает на идеалистическую идею всеобщего блага, не обостряя социальных противоречий в обществе. Консервативная позиция автора вполне согласуется с типичным средневековым разрывом между высшим идеалом и практической жизнью: «Человек Средних веков сознавал мировую дихотомию: высшему царству святости, благодати и справедливости противостоит смрадный от греха и соблазнов мир земной» [Там же, 255].

Роль предтекстов в моралите Гофмансталя

Английское моралите «Всякий человек» (1490), лежащее в основе «Имярека», «... как во всех моралите, проявляется в наставлениях к Человеку – развивать свой характер и своевременно обуздывать страсти» [Алексеев 1943]. Всякий человек живёт, наслаждаясь жизнью. Неожиданно к нему приходит Смерть, призывая его на суд Божий. Он молит об отсрочке, пытается подкупить Смерть, но она неумолима. Всякий человек просит помощи у Дружбы, Родни и Собственности, но они отворачиваются от него. Только Добрый поступок и Знание обращают его к Небесным силам, и они принимают душу Всякого человека, очистившуюся раскаянием [Everyman 1973].

Моралите Гофмансталя сохраняет основные этапы развития действия английского моралите. Гофмансталь приписывает образу Смерти роль судьи в судьбе человека. Так происходило в стихотворных драмах Гофмансталя «Смерть Тициана» (1892), «Глупец и Смерть» (1893) и «Алкеста» (1894). Как и в них, Смерть настигла Имярека во время праздника жизни. Новым персонажем в «Имяреке» становится Маммон – персонификация денег и золота, гротескный образ, символизирующий маниакальную степень жадности богатства.

Кроме «Всякого человека» автор использовал «Комедию о смерти богатого человека» Ганса Сакса, «Молитву в стихах» Альбрехта Дюрера, «Сборник песен миннезингеров XIII века» и первую часть трагедии И. В. Гёте «Фауст» [Wentzlaff-Eggebert 1971]. «Имярек» Гофмансталя написан, как и «Фауст», книттельферсом – тонически рифмованным стихом. Гофмансталь мастерски стилизовал диалогическую речь персонажей под особенности речи драматических произведений Г. Сакса: шванки, нравоучительные комедии, «трагедии» и фастнахтшпили. Из других источников Гофмансталь заимствовал отдельные мотивы, яркие образы и детали.

Социальный конформизм «Имярека»

Гофмансталя глубоко тревожила разрушительная сила эгоизма людей и необузданное стремление к обогащению как причина мирской неурядицы. В статьях «Действо перед толпой» (1911) и «Старинная пьеса «Имярек» (1912) автор подчёркивал, что «в этой, принадлежащей всем временам и общепризнанной сказке», которая «ни в коей мере неразрывно не связана с христианской догмой» [Hofmannsthal 1986, 90], выражено «целостное отношение к миру нынешнего времени с невыразимо искажёнными законами» [Hofmannsthal 1986, 106]. Нынешнее время характеризовала «уверенность парить над бездной бытия», что предполагало исчезновение «понятия времени, а прошлое и будущее сливаются в одно сплошное настоящее» [Гофмансталь 1995, 603].

В «настоящем» времени центральной темой для Гофмансталя становится роль денег из трактата берлинского социолога Георга Зиммеля «Философия денег» (1900). Вслед за К. Марксом он указывал на расслоение общества, роскошь и сверхпотребление. Деньги, по мнению Зиммеля, разрушали родственные отношения, поддерживали преступность, проституцию и т.д. Альтернативой погоне за деньгами мог быть не социализм, как мыслил К. Маркс, а новая денежная общность. Деньги способствовали преобразованию социального хаоса в порядок: «обмен есть социологическое образование *sui generis*, изначальная форма и функция межличностной жизни...» [Зиммель].

По Зиммелю, деньги создали единый экономический мир, а людей объединил только денежный интерес. Деньги стали не только средством свободы, но и равенства, т.к. все равны в использовании денег. Зиммель, по сути дела, завуалировал очень важный аспект социального неравенства в обществе, который, по мнению К. Маркса, приводил к социальному взрыву и революции. Для Гофмансталя идеи Зиммеля, объясняющие стабильность и порядок в обществе, в условиях надвигающегося краха государственности в Австро-Венгрии (1918) были спасением как в общественном, так и в личном плане. Гофмансталь модернизирует в «Имяреке» отношения между персонажами, заменяя остроту социальных противоречий на целесообразность разумных денежных отношений. При этом гротескный образ Маммона, сходного по своей провокационной роли с Мефистофелем Гёте, стал символом крайнего проявления стяжательства и подвергся открытому осмеянию.

В статье «Старинная пьеса «Имярек» Гофмансталь утверждал: «Новейшее время смотрит другим, более свободным и благосклонным взглядом на «Маммона», чем старые набожные времена. <...> ... в центре внимания остаётся аллегория слуги – Маммона, который является замаскированным демоном, более сильным, чем господин, и который проявляет себя как господин своего господина» [Hofmannsthal 1986, 90].

Ирония над Бедняком

Первый диалог Имярек ведёт с Бедным соседом. Имярек владеет своеобразным «кошельком Фортуна», который позволяет ему исполнять все желания. Бедный сосед наивно полагает, что Имярек легко спасёт его от нищеты, если будет милосердным. Имярек вынимает одну монету и даёт её соседу, но тот просит ровно половину кошелька. Имярек объясняет ему важный закон жизни, по которому деньги ему не принадлежат. Деньги, по Зиммелю, абстрактное понятие для безграничного обмена всего со всем:

Laß! – Mann, da bist du in der Irr, Постой. Не знаешь вещи ты простой:

Wenn du meinst, ich könnt ohnweilen Bcë, что здесь, в кошельке, лежит,
Den Beutel Geld da mit dir teilen. Уже не мне принадлежит;
Das Geld ist gar nit länger mein, Я им делиться не могу,
Muß heut noch abgeliefert sein Коль не хочу я быть в долгу.
Als Kaufschilling für einen Lustgarten¹. Его в задаток отдаю
За землю новую мою².

Тогда Бедный сосед просит отдать половину другого кошелька Имярека. Но это невозможно, объясняет он, поскольку у него много больших расходов, а свободных денег нет: деньги должны увеличивать капитал:

Mein Geld muß für mich werken und laufen, Мне деньги для чего нужны?
Mit Tod und Teufel hart sich raufen, Работать на меня должны,
Weit reisen und auf Zins ausliegen, Бороться с дьяволом и рваться,
Damit ich soll, was mir zusteht, kriegen (16). Далеко по миру скитаться
И мне доходы приносить (93).

Имярек сознает, что вокруг него много нищих и бедных людей, но всем помочь в полной мере он не может, но какую-то часть, если разделить богатство на всех бедных, – один шиллинг, он может дать. Бедный сосед соглашается на милостыню. Автор воспроизводит исключительно личные качества Бедняка. Он наивен, доверчив и необразован. Скрытая насмешка автора над ним завуалировала остроту социального конфликта в общении с богатым Имяреком.

Должник как социальный тип

Бедного соседа сменил Должник. Он появился с Женой и Детями в лохмотьях. Должника арестовали за неуплату в нужный срок и повели в долговую тюрьму. Он объяснил, что влез в долги по вине Имярека или его управителя, поскольку они «ошиблись» в своих записях. Должник осознаёт свою правоту и вступает в спор с Имяреком, утверждая дьявольскую власть денег:

Geld ist nicht so wie andre War, Нет, деньги – не любой товар!
Ist ein verflucht und zaubrisch Wesen, Они полны проклятых чар;
Wer seine Hand ausreckt darnach, Кто протянул за ними руку –
Nimmt an der Seele Schaden und Schmach, На душу принял стыд и муку, –
Davon er nimmer wird genesen. И он спасенья не найдёт

¹ Hofmannsthal H. von. Jedermann // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Op. cit. S. 15. Далее цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

² Гофмансталь Г. фон. Имярек / пер. Т. Щепкиной-Куперник // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М., 1995 С. 93. Далее цитаты по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Des Satans Fangnetz in der Welt От этих дьявольских тенёт.
Hat keinen andern Namen als Geld (19). Вот имя деньгам – сети зла! (97–98)
Имярек признался, что высшим божеством он считал деньги, поскольку
в них «много новых сил» и они правят людьми и миром с Божеского согласия:
... Das alle Zeit unschätzbar ist Bcë продаётся, видит Бог,
Und eingesetzt von Jesu Christ, Bcë будет куплено в свой срок.
Davon ist ein gerechtsam Theil Bcë и доступно, и продажно,
Für Geld halt allerwegen feil, На свете лишь богатство важно,
Darüber weiß ich keine Gewalt... (20) Им держится весь мир земной.
Не знаю власти я иной... (98–99)

Должник смело заключил, что Имярек хвалил Сатану и льстил Маммону и тем самым воздал ему честь, как Богу. Жена Должника напомнила о милосердии и любви к ближнему. Эти слова не остались неуслышанными Имяреком. Он «втихомолку» распорядился помочь Жене должника и её детям. Кроме того, Имярек напрямую поставил вопрос о социальной несправедливости в мире и сам ответил на него: “Das ist seit Adams Zeit der Lauf” (22), «Так ведётся от Адама» (100). Таков тысячелетний закон жизни, и ни о каком реформировании общества не может быть и речи. Охранительная позиция Гофманстала в социальном вопросе позволяет говорить о складывающейся позиции защитника австрийской монархии. В дальнейшем Гофмансталь будет автором консервативной идеологии, которую он назовёт «австрийской идеей» [Цветков 2015].

Гротескный образ Маммона

Пришедшая с музыкантами Страсть (Buhlschaft) устроила пир. Неожиданно из земли поднялся богато накрытый стол. Гости разгульно праздновали, а Имярек рассуждал в духе денежной философии:

Jawohl... nur bloß... mir steht zu Sinn, Что я подумал невзначай:
Wie ihr da seid hereingelaufen, Что всех вас мог бы я купить
So könnte ich euch alle kaufen И снова переуступить,
Und wiederum verkaufen auch, И пожалел бы... не шутя...
Daß es mir nit so nahe ging Не больше кончика ногтя... (111)
Als eines Fingernagels Bruch (32).

Имярек обратился к гостям с вопросом: «Разделили бы они с ним гробовое ложе?». Гости уклончиво молчали. Неожиданно для всех появилась Смерть и потребовала от Имярека «отчёта». Смерть была уверена, что спутников для Имярека среди гостей не найдётся. Так и случилось. Имярек кичился перед Смертью тем, что он богат и возьмёт с собой в мир иной всё

своё богатство – тяжёлый ларец. Неожиданно из него поднимается «толстый и огромный» Маммон:

Dein Reichtum bin ich halt, dein Geld, Твоё богатство я! Я – золото,
Dein eins und alles auf der Welt (55). Что для тебя так было свято! (135)

Маммон считал себя сильнее всех в мире, но и он отказался сопровождать Имярека. Маммон – злой демон, повелитель Имярека, управлявший им, как марионеткой. Теперь Имярек «уйдёт в царство темноты», а Маммон «останется здесь» навсегда. На защиту Имярека приходят его Деяния (Werke) и Вера (Glaube) – сестра Деяний. Имярек признаётся, что сгубил свою душу прегрешениями, но он был верующим человеком. Вера решает, что он прощён и ему уготовано спасение. Имярек произносит молитву. Звучит орган. Неожиданно появляется Дьявол – второй демон-искуситель. Он требует грешную душу Имярека. Между Верой и Дьяволом разгорается спор. Дьявол разоблачает Имярека и доказывает, что у него с ним много общих черт. Но Вера утверждает обратное, а Дьяволу «небес не побороть». Имярек раскаялся и тем самым очистился в ожидании спасения. Деяния и Вера помогли Имяреку «войти в могилу, входя за ним» (153). В концовке моралите слышится хор ангелов: “Wie sie in ihren himmlischen Reihen Die arme Seele lassen ein” (72). «И бедная душа больная С восторгом входит в двери рая!» (153).

Моралите Гофманстала имело большой успех. При жизни автора вышло в свет 70 изданий [Maueg 1993, 66]. Представлением «Имярека» с 1920 г. открывается Зальцбургский фестиваль. По словам автора, в нём объединились два типично австрийских начала – «театральное и духовное»: «... мы не собираемся выставлять новые требования, но хотим наконец выполнить старые» (Гофмансталь 1986, 800). Несмотря на наличие социальных противоречий в «Имяреке», заведённый столетиями общественный порядок незыблем. Жажда наживы богачей может быть оправдана как с религиозной точки зрения (раскаяние грешника), так и с новой – философской (деньги правят миром и человеком). Сверхбогатство одних предполагает бедность других. Конфликт между ними вечен и разрешается одним способом – милосердием богатых, а злоупотребление богатством в гротескной форме высмеивается (Маммон). Имярек в личных отношениях холоден и жесток. Нет пути его реального исправления в жизни, существует в предсмертный час лишь раскаяние, открывающее путь к спасению.

Литература

- Алексеев М.П. Драма в XV веке. Зарождение театра в Англии // История английской литературы. М.; Л., 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/moralite.htm> (дата обращения 27.09.2018).
- Андреев М.Л. Средневековая европейская драма: Происхождение и становление. М., 1989.
- Бахтин М.М. Сатира // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 26–38.
- Гофмансталь Г. фон. Зальцбургский фестиваль / пер. Э. Венгеровой // Гофмансталь Г. фон. Избранное. Указ. соч. С. 799–802.
- Гофмансталь Г. фон. Поэт и нынешнее время / пер. А.А. Гугнина // Гофмансталь Г. фон. Избранное. Указ. соч. С. 579–603.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Зиммель Г. Философия денег. URL: http://srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (дата обращения 20.10.2018).
- Попова М.К. Английское моралите как явление средневековой культуры // Филологические науки. М., 1992. № 5–6. С. 38–44.
- Цветков Ю.Л. Австрийская идея Гуго фон Гофманстала в публицистике Первой мировой войны // Литература и война: ситуация 1914–1918 годов. Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 12. М., 2015. С. 220–227.
- Everyman. A morality play. London, 1906 // Hugo von Hofmannsthal. Jedermann. Das Spiel vom Sterben des reichen Mannes und Max Reinhardts Inszenierungen. Texte. Dokumente. Bilder. Frankfurt am Main, 1973. S. 213–251.
- Hofmannsthal H. von. Das alte Spiel von Jedermann // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Frankfurt am Main, 1986. S. 89–102.
- Hofmannsthal H. von. Das Spiel von der Menge // Hofmannsthal H. von. Dramen III. Op. cit. S. 103–106.
- Mayer M. Hugo von Hofmannsthal. Stuttgart; Weimar, 1993.
- Wentzlaff-Eggebert F. W. Hofmannsthal's “Jedermann” als allegorisches Spiel für die “lebendige Bühne” // Hofmannsthal Blätter. Heft 6. Frühjahr 1971. S. 461–471.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Popova M.K. Angliyskoye moralite kak yavleniye srednevekovoy kul'tury [The English morality play as a phenomenon of medieval culture]. Filologicheskiye nauki, 1992, no. 5–6. pp. 38–44. (In Russian).

Wentzlaff-Eggebert F. W. Hofmannsthals "Jedermann" als allegorisches Spiel für die "lebendige Bühne. Hofmannsthal Blätter. Heft 6. Frühjahr 1971. S. 461–471. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Alekseyev M.P. Drama v XV veke. Zarozhdeniye teatra v Anglii [Drama in the XV century. The birth of theater in England]. Istoriya angliyskoy literatury [History of English literature]. Moscow; Leningrad, 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/moralite.htm> (accessed 27.09.2018). (In Russian).

Bakhtin M.M. Satira [Satire]. Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy [Collected works]. Vol. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Works of 1940 – early 1960s]. Moscow, 1997. Pp. 26–38. (In Russian).

Tsvetkov Yu.L. Avstriyskaya ideya Gugo fon Gofmanstalya v publitsistike Pervoy mirovoy voyny [The Austrian idea of Hugo von Hofmannsthal in the journalism of the First world war]. Literatura i voyna: situatsiya 1914–1918 godov. [Literature and war: the situation of 1914–1918]. Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. [Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German studies]. Vol. 12. Moscow, 2015. Pp. 220–227. (In Russian).

(Monographs)

Andreyev M.L. Srednevekovaya evropeyskaya drama: Proiskhozhdeniye i stanovleniye. [Medieval European drama: Origins and formation]. Moscow, 1989. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury. [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Srednevekovyy mir: kul'tura bezmol'vstvuyushchego bol'shinstva. [Medieval world: culture of the silent majority]. Moscow, 1990. (In Russian).

Mayer M. Hugo von Hofmannsthal. Stuttgart; Weimar, 1993. (In German).

Zimmel' G. Filosofiya deneg. [Philosophy of money]. URL: http://srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (accessed 20.10.2018). (In Russian).

Сведения об авторе:

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет. Заведующий кафедрой зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор. E-mail: jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuri L., Ivanovo state University. Head of the Department of foreign literature, doctor of Philology, Professor. E-mail: jzvetkow@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ТРЕТЬЕЙ РЕВОЛЮЦИИ ДУХА
В ЭССЕ ТОМАСА МАННА «ГЕТЕ И ТОЛСТОЙ»**

А.И. Жеребин

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

***Аннотация.** Историко-литературный этюд Томаса Манна «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1921–1932) – выразительный пример немецкой эссеистики XX века, последняя отчаянная попытка возрождения гуманистической традиции накануне нацистского переворота. Интерпретируя факты личной и литературной биографии Толстого на фоне жизни и творчества Гете, Т. Манн отнюдь не стремится к научной объективности. Его книга – не научное исследование, а образец синкретической философской прозы, в которой эмпирический материал проецируется на бытийные универсалии, а идея как принцип изображения сливается с художественной формой. Толстой и Гете (как и контрастная пара Шиллер – Достоевский) получают у Т. Манна функцию "personnages conceptuels" (Deleuz/Guattari 1991b 93), обеспечивающих развитие авторской мысли. Имена исторических личностей, которые они носят, в значительной степени условны, их связь не теснее, чем связь между литературным героем и его реальным прототипом. Искусство психологического портрета, яркие повествовательные эпизоды, парадоксальность философской аргументации, своевольная интерпретация обильных цитат – все служит Т. Манну средством создания художественно-идеологической конструкции, преобразующей антитезу варварской России и цивилизованной Европы в сверхнациональный миф о западно-восточном культурном синтезе. Несущим элементом этой конструкции является неохристианство Д.С. Мережковского, в котором Т. Манн узнает наследие классической немецкой культуры. Идеиная встреча Т. Манна с Мережковским происходит в общем методологическом поле, ограниченном, с одной стороны, от традиционного историко-генетического изучения литературных фактов, с другой – от филологического анализа текста как чистой художественной формы. Подобно Мережковскому, Т. Манн видит свою задачу в создании целостного образа творческой личности художника, представляющей собой сплав его личных биографических переживаний и эпохального чувства жизни, поэтики его произведений и духовного опыта их толкователя.*

***Ключевые слова:** гений, герменевтика, гуманизм, концептуальный персонаж, миф, революция духа, русская идея, синтез, утопия, эссе.*

CONCEPT OF THE THIRD REVOLUTION OF THE SPIRIT IN THOMAS MANN'S ESSAY "GOETHE UND TOLSTOY"

Abstract. *The historical and literary sketch of Thomas Mann "Goethe and Tolstoy. Fragments to the problem of humanism" (1921–1932) is an expressive example of the 20th century German essays, the last desperate attempt to revive the humanistic tradition on the eve of the Nazi coup. Interpreting the facts of Tolstoy's personal and literary biography against the backdrop of Goethe's life and creativity, T. Mann does not aim at scientific objectivity. His book is not a scientific study, but a sample of syncretic philosophical prose in which empirical material is projected onto existential universals, and the idea as an image principle merges with an art form. Tolstoy and Goethe (like the contrasting pair Schiller – Dostoevsky) receive from T. Mann the function of "personages conceptuels" (Deleuze / Guattari 1993), who ensure the development of author's thought. The names of the historical figures they carry are largely conditional, their connection is not closer than the connection between the literary hero and his real prototype. The art of the psychological portrait, vivid narrative episodes, the paradoxical nature of philosophical argumentation, the self-willed interpretation of abundant quotations – all serve to Mann as a means of creating an artistic and ideological construction that transforms the antithesis of barbarous Russia and civilized Europe into a super-national myth of Western-Eastern cultural synthesis.*

The bearing element of this construction is the neo-Christianity of D.S. Merezhkovsky, in which T. Mann learns the legacy of classical German culture. The ideological meeting of T. Mann with Merezhkovsky takes place in a general methodological field, limited, on the one hand, from the traditional historical-genetic study of literary facts, on the other hand, from the philological analysis of the text as a pure artistic form. Like Merezhkovsky, T. Mann sees his task in creating a holistic image of the artist's creative personality, which is a fusion of his personal biographical experiences and epochal sense of life, the poetics of his works and the spiritual experience of their interpreter.

Key words: *genius, hermeneutics, humanism, conceptual character, myth, revolution of spirit, Russian idea, synthesis, utopia, essay.*

Эссе Томаса Манна «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1925; окончательная редакция – 1932) представляет собой развернутую версию доклада, который его автор читал на немецко-скандинавском форуме 1921 г. в Любеке. [Mann 2002, 45–84; 313–314]. Как показывают подготовительные материалы к любекскому докладу [Koelb 1984], из русских источников Т. Манн опирался на мемуары П. И. Бирюкова (1905; нем. 1906–1908), очерк Максима Горького «Воспоминания о Льве Николаевиче

Толстом» (1919; нем. 1920) и прежде всего на получившую широкое распространение в Германии книгу Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский» (1900–1902; нем. 1903) с ее противопоставлением «ясновидца плоти» Толстого «ясновидцу духа» Достоевскому.

Развертывая эту антитезу, Т. Манн дополняет Мережковского Шиллером, который в большой статье «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) различает два типа творчества, проистекающие из различного отношения к природе: «Поэт или является природой, или тоскует по ней и ее ищет» [Schiller 1909, 127]. Гете олицетворяет для Шиллера первое, сам он – второе. Т. Манн прямо называет статью Шиллера в числе своих источников и, удваивая сравнение, вводит контрастную пару. Одна пара – Гете и Толстой – баловни природы, ее дети, плоть от плоти ее, недоступные и загадочные, как боги; другая – Шиллер и Достоевский – одухотворенные мученики невоплощенной еще идеи, неудовлетворенные собой и миром, родные и понятные каждому, с каждым связанные братски-участливой солидарностью страждущих, обреченных, взыскующих спасения.

По мысли Т. Манна, гениальный художник, как наивный, так и сентиментальный, страдая от своей односторонности и тоскуя по противоположному дару, живет и творит в предчувствии высшего синтеза. «Торжественная встреча природы и духа, страстно стремящихся друг к другу» [Mann 1955, X, 238] – таков бессознательный идеал, смутно предчувствуемый гениальным художником, какой бы тип творчества он ни представлял. Все драматические коллизии, определяющие в книге Т. Манна жизнь и творчество ее героев, изображаются им на фоне грядущего синтеза, которому и предстоит стать решением проблемы гуманизма: «Тоска детей духа по природе, детей природы по духу свидетельствует о том, что цель, стоящая перед человечеством, – это высшее единство, и человечество окрестило его собственным своим именем – humanitas» [Mann 1955, X, 272].

К решению проблемы гуманизма Гете и Толстой движутся, согласно Т. Манну, различными путями. Начиная с главы «Природа и нация» образ Толстого все больше смещается в смысловое пространство «азиатской России», в область «могучей и варварской стихии Востока» [Mann 1955, X, 230]. Несколько раз, как лейтмотив, возникает на страницах эссе Т. Манна заимствованный им из очерка Горького о Толстом образ «языческого славянского бога, восседающего на кленовом престоле под золотой липой» [Mann 1955, X, 163; 230; 235]. Богатырская сила, первобытная и преизбыточная, необоримая чувственность, мудрость древнего волхва, дарованная таинственной связью сына природы с органическим миром и вызывающая «мистическое

благоговение» [Mann 1955, X, 218] – таков круг мотивов, в котором Т. Манн замыкает свой стилизованный образ Толстого.

Обаяние экзотического варварства, которое он в себе несет, прочувствовано и выражено Т. Манном с дистанции, отделяющей от него человека поздней европейской культуры, пресыщенной своими собственными богатствами и замороженной видениями гибели в «тяжелых нежных лапах» грядущих гуннов. От восхищения Т. Манна Толстым веет декадансом, но одновременно оно подсвечено и европейским высокомерием. Как и многие его современники, Т. Манн исходит из убеждения в том, что славянству осталась чуждой классическая античная традиция, что оно не было ею облагорожено. В Германии эта идея высказывалась целым рядом мыслителей, сделавших предметом своих размышлений отношения России и Запада [Lehmann 2015, 91–94]; в России реакцией на нее стала влиятельная в свое время нео-славянофильская концепция «Третьего Возрождения», представленная у Фаддея Зелинского, Вячеслава Иванова, Иннокентия Анненского, Сергея Соловьева, а позднее и у Бахтина [Грюбель 2015, 123–141].

Отрешенность Толстого от классических источников европейской духовности явилась, по Т. Манну, причиной того, что все его попытки преодолеть свою зависимость от природы оборачиваются шутовским маскарадом и трагическим самообманом. Сквозь его «одухотворенную святость» продолжает просвечивать «плотский анимализм» [Mann 1955, X, 225], его отказ от художественного творчества во имя нравственного самоусовершенствования оборачивается изменой самому себе, его жажда религиозного отречения и анархическая критика общества остаются свидетельством кризиса современной культуры, но не становятся орудием ее преобразования. Вскоре после Т. Манна и, быть может, не без его влияния так же писал о Толстом в статье «Толстой как мыслитель и художник» С. Л. Франк [Frank 1933, 65–95].

Толстовская революция духа не порождает, с точки зрения Т. Манна, синтетического феномена одухотворенной природы, лишь обнажая исходную антитезу. Различие между Гете и Толстым Т. Манн видит прежде всего в том, что Гете классического периода не просто отрицает чувственно-телесную природу своей гениальности, а пресуществляет и сублимирует ее в художественном творчестве как творчестве жизни. Природа, плоть мира не есть для него что-то грешное и дьявольское, низменное и скотское, как для позднего Толстого с его антитезой «грешная плоть – бесплотная святость». Гете знает, что дух есть не только отрицание низшего, но и утверждение высшего состояния плоти, что возможна святая плоть [Mann 1955, X, 238].

Гете значит для Т. Манна больше, чем Толстой, и хотя последняя редакция эссе создавалась накануне фашистского переворота, основным социально-политическим фоном, на котором получает развитие тема их неравенства, продолжают оставаться, как и в докладе 1921 г., события русской революции.

О Толстом как пророке русской революции писали в двадцатые годы много и страстно. Все писавшие сравнивали Толстого с Руссо, видя в том и другом идеологов надвигающейся революции, а революцию воспринимали под знаком отрицания лживой культуры и возврата к природе. «Большевизм – зверство, – пишет в статье «Толстой и большевизм» Мережковский. – Но когда я читаю Руссо, мне хочется, следуя злой шутке Вольтера, встать на четвереньки и убежать в лес. Глядя на большевиков, всей Европе захотелось в лес. От Руссо к Толстому растет и ширится воля к дикости, к варварству, и Европа стоит на краю бездны» [Mereschkowskij 1921, 195]. Т. Манн разделяет этот взгляд на Толстого. Идеолог анархии, Толстой является, по Т. Манну, пророком большевистской революции, которая не только отменила европейский путь развития России, предудказанный ей Петром Великим, но и взорвала символический порядок старой Европы, положила конец всей эпохе «бюргерского гуманизма» [Mann 1955, 263–266].

В контексте творчества Т. Манна анархист Толстой, бунтующий против Петра, предвосхищает композитора-анархиста Адриана Леверкюна, стремящегося своей авангардистской музыкой отменить «Девятую симфонию» Бетховена – символ европейского гуманизма. Так же, любя и запрещая себе любить, отвергает музыку Бетховена и Толстой, о котором у Т. Манна читаем: «Рассказывают, что когда он слушал музыку, то бледнел от страха. Но без музыки он жить не мог» [Mann 1955, X, 190]. Примечательно, что Бетховеном заслушивался и Ленин, и, заслушиваясь, испытывал, по свидетельству Горького, почти толстовское чувство – чувство запретной любви, смешанной со страхом, что не выдержит искушения [Горький 1979, 169]. У Т. Манна, посвятившего Ленину небольшую, но выразительную заметку («О Ленине», 1924) [Mann 2002, 228] эта параллель отсутствует, но она бы соответствовала ходу его мыслей.

Музыка революции, которую призывал в годы революции слушать Блок, противопоставляя ее гуманистической культуре Запада и русской интеллигенции, – это музыка не Бетховена, а Леверкюна, музыка разрушения, оправданная по Ницше и Бакунину: «Die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffende Lust» («Страсть разрушения есть также творческая страсть») [Bakunin 1001]. Статья Блока, написанная незадолго до первого варианта эссе Т. Манна, называется, как известно, «Крушение гуманизма».

Именно крушение гуманизма знаменует, по Т. Манну, русская революция – того гуманизма, который зародился, как он пишет, в эпоху Возрождения, победил в эпоху Французской революции и был неразрывно связан с интересами третьего сословия, с принципом свободы личности, политическим либерализмом и демократической формой государства [Mann 1955, X, 265–266]. Уязвимость европейского гуманизма заключается, с точки зрения Т. Манна, в том, что он остановился в своем развитии, стал лживой нормой и мертвой догмой. Буржуазная Европа опошшила, профанировала идею гуманизма, изгнав из культуры дионисийскую стихию разрушения и обновления, воспетую Ницше.

«Большевистский» радикализм Толстого, его болезненный разрыв с природой и форсированная святость рассматриваются Т. Манном как свидетельство кризиса профанного гуманизма, воли к его ресакрализации и метафизическому оправданию. «Я могу понять, – пишет он, – почему юность выбирает Москву, а не Рим» [Mann 2002, 83], т.е. выбирает революционный протест против тех ценностей западной культуры, которые на длинном пути от античности к XIX веку трансформировались настолько, что Ницше и Флобер, Герцен и Достоевский, Ибсен и Бернард Шоу задохнулись от ненависти и отвращения к торжествующему мещанству.

Но красная, большевистская Москва, отождествленная Т. Манном с толстовским «царством духа», представляется ему такой же ложью и самообманом, как и фальшивая святость русского гения Толстого, изменившего своему призванию. И Москве, и Риму Т. Манн противопоставляет Веймар, символ немецкой идеи и первообраз будущей чаемой Германии – «Германии нашей надежды» [Mann 2002, 83]. Надежда, воплощенная в личности и творчестве Гете, сбудется, по Т. Манну, тогда, когда Германия станет его достойной наследницей.

В двадцатые годы имя «Веймар» и имя «Гете» употребляются Т. Манном как синонимы, обозначающие немецкую национальную идею, но парадокс заключается в том, что эта немецкая идея формулируется Т. Манном в свете идеи русской и с прямой ссылкой на русского автора – Д. С. Мережковского, которого он ценит настолько высоко, что в предисловии к «Русской антологии» 1921 г. называет его «самым гениальным критиком и психологом мирового класса со времен Ницше» [Mann 1955, XI, 576]. Опровергая одного русского – Толстого, Т. Манн берет себе в союзники другого – Мережковского.

Повышенный интерес Т. Манна к Мережковскому не раз привлекал внимание его исследователей [Heftrich, 71–79], но книга «Гете и Толстой» примечательна тем, что идейная встреча немецкого писателя с Мережковским получает здесь дополнительную методологическую мотивировку.

Одним из центральных признаков, по которому Т. Манн сближает Гете и Толстого, служит подчеркнутый автобиографический характер творчества того и другого, явная и осознанная самими авторами связь литературных фактов с фактами внутренней биографии, личной и социальной. Для Т. Манна этот признак чрезвычайно важен, и он вводит его уже в самом начале своего эссе, когда, напомнив читателю известное признание Гете из «Поэзии и правды» – «Все мои произведения – лишь отрывки одной большой исповеди» – тут же сопоставляет его с наблюдением Мережковского, писавшего, что все художественные произведения Толстого есть, «в сущности, не что иное, как один огромный дневник, одна бесконечная развернутая исповедь» [Mann 1955, X, 167].

Подчеркивая роль автобиографических переживаний, Т. Манн, как и Мережковский, вступает в противоречие с методологией XX века, которая все решительнее отказывается видеть в произведениях писателя лишь свидетельства его душевной жизни, пусть и отразившие сознание эпохи, все явственнее переносит центр тяжести с личности автора на тексты его произведений, выявляя в них следы безличных структур языка, жанра, дискурса. По отношению к Мережковскому влияние этой тенденции ощутимо уже в ранней статье Б. М. Эйхенбаума «Мережковский-критик» [Эйхенбаум 1915, 134].

Между тем, ни у Мережковского, ни у Т. Манна внимание к личности автора отнюдь не подменяет осмысление его произведений наивной психологической индукцией, сводя творчество к психологическому документу, обусловленному биографическим переживанием как причиной. Переживание творческой личности не есть для них сырой материал, внешний и независимый от творчества. Подобно Дильтею [Dilthey 1907] и Гундольфу [Gundolf 1920], они исходят из того, что переживание художника, вобравшее в себя чувство жизни его эпохи, изначально преобразено его творческой волей и находится в нерасторжимом единстве с его творчеством. Чем интенсивнее творческие силы художника, тем полнее «во-ображает» он то или иное событие одновременно и в реальность своей жизни, и в реальность своих произведений. Так рождается автобиографический миф гения [Ср. Магомедова 1913, 7–22], на основе которого критик, актуализируя его в свете своего личного и исторического опыта, создает миф во второй степени – целостный образ поэта, его «гештальт» (Гундольф).

Логическим следствием этой общей для Т. Манна и Мережковского методологической установки является принцип подчинения эмпирического материала философской конструкции, которой придается идеологическое и политическое значение. Последний абзац последнего фрагмента эссе

Т. Манна почти буквально воспроизводит пассаж из книги «Толстой и Достоевский», где Мережковский оглашает тайну грядущего соединения бездуховной плоти и бесплотного духа. Их синтез – одухотворенная плоть или воплощенный дух, будет преодолением векового дуализма язычества и христианства, земли и неба, человека и Бога – земля станет небесной, небо земным, а человек – богочеловеком [Mereschkowskij 1903, 300].

Идея «Третьего Царства», определившая все творчество Мережковского, в том числе и концепцию его книги о Толстом и Достоевском, опирается, как известно, на многовековую традицию европейской культуры; через Ибсена и Ницше, Гейне и Новалиса, Шиллера и Лессинга она уходит своими корнями в средневековую мистику. Однако Мережковский был убежден и убедил своих западноевропейских читателей в том, что законная наследница и естественная среда этой идеи в XIX веке – культура русская, и Т. Манн это убеждение разделяет. Заканчивая свое эссе, он прямо ссылается на Мережковского: «Некий ум с Востока рано узрел медленно разгорающийся свет новой веры. Дмитрий Мережковский утверждает, что в земном человеке заключен и человек-животное, и человек-бог. Человечество еще не постигло сущности телесно-духовного, животного-божественного» [Mann 1955, X, 272].

Проблема гуманизма будет решена, как пишет Т. Манн, когда-нибудь, когда наступит «Третье царство» и будут преодолены все противоречия современной культуры, в том числе и противоречие между Востоком и Западом, Россией и Европой. Когда небо станет земным, а земля небесной, человек богом, а бог человеком, то и Восток станет Западом, а Запад Востоком, Россия станет Европой, а Европа Россией. Как это «Третье царство» будет называться, не так важно. Мережковский думает, что оно будет называться Россией, Т. Манн, что Германией, но и у того, и у другого провозвестницей грядущего преображения выступает личность гениального художника – «безмерно любимый образ совершенной человечности» [Mann 1955, X, 273].

Литература

- Горький М. В.И. Ленин // Собр. соч.: В 16 т. М., 1979. Т. 16. С. 135–175.
 Грюбель Р. «Третий Ренессанс» как концепт «другого модерна» // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 76 (2015). С. 123–142.
 Магомедова Д. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа. [Opuskula slavica sedlcensia. Т. V]. Siedlce, 2013.
 Эйхенбаум Б. Мережковский-критик // Северные записки. 1915. № 4. С. 130–138.

- Bakunin M. Die Reaktion in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen. In: Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst. 1842. № 247–251, 17. 21. 10. 42. S. 985–1002.
 Deleuz G. / Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991.
 Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1907.
 Frank S. Leo Tolstoj als Denker und Künstler. In: Zeitschrift für slawische Philologie. 1933, Bd. X. Doppelheft ½, S. 65–95.
 Gundolf F. Goethe. Berlin, 1920.
 Heftrich U. Thomas Manns Weg zur slavischen Dämonie. In: Thomas Mann-Jahrbuch 8, 1995. S. 71–79.
 Koelb C. (Hg.). Thomas Mann's "Goethe und Tolstoy": Notes and Sources, The University of Alabama Press, 1984.
 Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Metzler, 2015.
 Mann Th. Gesammelte Werke in zwölf Bänden. Berlin, 1955.
 Mann Th. Essays. 6 Bde. Hrsg. v. Hermann Kurzke u. Stefan Stachorski. Frankfurt a. M., 2002. Bd. II: 1914–1926.
 Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens. Deutsch von Carl von Gütschow. Leipzig, 1903.
 Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Bolschewismus, in: Mereschkowskij, Dmitrij [et al.]. Das Reich des Antichristen. Russland und der Bolschewismus. München, 1921. S. 191–198.
 Schiller F. Über naive und sentimentalische Dichtung. In: Schillers Werke. Vollständige Ausgabe in 15 Teilen. Hrsg. von Arthur Kutscher. Berlin-Leipzig-Wien-Stuttgart, 1909. Th. VIII, S. 105–191.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Ejhenbaum B. Merezchkowskij-kritik [Merezchkowskij as a critic] // *Severnyje zapiski*, 1915, № 4, 130–138. (In Russian).
 Gryubel' R. «Tretij Renessans» kak koncept «drugogo moderna» [„Third Renaissance“ as a concept of „the other modernity“] // *Wiener Slavistischer Almanach*. Bd. 76 (2015). (In Russian).
 Frank S. Leo Tolstoj als Denker und Künstler. In: *Zeitschrift für slawische Philologie*. 1933, Bd. X. Doppelheft ½. S. 65–95.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Paper)

- Bakunin M. Die Reaktion in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen. In: *Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*. 1842. № 247–251, 17. 21. 10. 42. S. 985–1002.

- Heftrich U. Thomas Manns Weg zur slavischen Dämonie. In: *Thomas Mann-Jahrbuch* 8, 1995. S. 71–79.
- Koelb C. (Hg.). Thomas Mann's "Goethe und Tolstoy": Notes and Sources, The University of Alabama Press, 1984.
- Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Bolschewismus, in: Mereschowskij, Dmitrij [et al.]. Das Reich des Antichrist. Russland und der Bolschewismus. München, 1921. S. 191–198.

(Monographs)

- Deleuz G. / Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991
- Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1907.
- Gundolf F. Goethe. Berlin, 1920.
- Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2015.
- Magomedova D. Aleksandr Blok: biografiya i poehtika v svete avtobiograficheskogo mifa. [Alexandr Blok. Biography and poetics in view of autobiographical myth] [Opuskula slavica sedlcensia. T. V]. Siedlce, 2013.
- Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens. Deutsch von Carl von Gütschow. Leipzig, 1903.

Сведения об авторе:

Жеребин Алексей Иосифович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Область научных интересов: литература Германии, сравнительное литературоведение.
E-mail: zerebin@mail.ru
195112, Санкт-Петербург, Новочеркасский проспект, 26/16, кв. 123.

Zherebin Alexej I. – Doktor of Philology, Professor at the Department of Foreign Literature, The Herzen State Pedagogical University of Russia. Research interests: German and Western literature, Comparative Studies
E-mail: zerebin@mail.ru
Sankt-Peterburg 195112, Novočerkassky prospect, 26/16, 123.

ДОКТОР КРОКОВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ Т. МАННОМ ПСИХОАНАЛИЗА

Д.А. Беляков

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Аннотация. Статья посвящена двум малоисследованным в отечественном манноведении вопросам. Во-первых, предпринимается попытка рассмотреть роль психоаналитика Эдвина Кроковского в становлении главного героя романа «Волишебная гора». Подчеркивается, что излагаемое Кроковским учение возникает на горизонте Ганса Касторпа как шанс преодолеть глубинный личностный кризис. Это обстоятельство с течением времени превращает доктора из второстепенного собеседника в одного из главных наставников героя на пути, ведущем к «новому гуманизму». Во-вторых, на примере Кроковского автор статьи исследует эволюцию отношения Т. Манна к глубинной психологии и ее создателям. Показывается, как, проблематизируя и деконструируя несоответствующую реалиям усложнившейся действительности рационально-просветительскую гносеологическую модель, психоанализ З. Фрейда на определенном этапе сам приближается к пределам своих когнитивных возможностей и уступает место юнгианской аналитической психологии, постулирующей более адекватные подходы к динамике психической жизни человека и закономерностям развития его личности. Делается вывод, что процесс индивидуации главного героя «Волишебной горы» постепенно претворяется в сюжетобразующий мотив романа.

Ключевые слова: Томас Манн, манноведение, «Волишебная гора», новый гуманизм, Зигмунд Фрейд, психоанализ, Карл Густав Юнг, аналитическая психология.

DOCTOR KROKOWSKI AND SOME SPECIAL ASPECTS OF THOMAS MANN'S RECEPTION OF PSYCHOANALYSIS

Abstract. The article is devoted to two under-investigated issues in Russian Thomas Mann Studies. On the one hand, an attempt is made to consider the role of the psychoanalyst Edvin Krokowski in the personal formation of the protagonist of the novel "The Magic Mountain". It is emphasized that the theory presented by Krokowski arises on the horizon of Hans Castorp as a chance to overcome a deep identity crisis. This circumstance gradually turns the doctor from a secondary interlocutor into one of the main mentors of the protagonist on the path leading to "new humanism". On the other hand, on the example of Krokowski the author of the article explores the evolution of Th. Mann's attitude towards

depth psychology and its creators. It is explicated that having destructed the rational-enlightened gnosiological model Freud's psychoanalysis reaches its cognitive limit and gives place to Jungian analytical psychology, the more adequate method of study of human's emotional experiences. The author comes to the conclusion that the individuation process of Hans Castorp becomes gradually a plot-forming motive of the novel.

Key words: *Thomas Mann, Thomas Mann Studies, "The Magic Mountain", new humanism, Sigmund Freud, psychoanalysis, Carl Gustav Jung, analytical psychology.*

Длительный период работы над романом «Волшебная гора», задуманным в 1913 г. и опубликованным в 1924 г. – время не только глобальных исторических перемен, но и значительной трансформации политических, эстетических и мировоззренческих установок Томаса Манна. Эволюционировали и взгляды писателя на психоанализ. Цель статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, рассмотреть роль психоаналитика Эдвина Кроковского в становлении главного героя «Волшебной горы» Ганса Касторпа, а с другой стороны, пролить дополнительный свет на проблему художественной и философско-антропологической рецепции Т. Манном психоаналитического учения.

Томас Манн и Зигмунд Фрейд

На протяжении 1910-х гг. отношение Т. Манна к теории З. Фрейда было скорее настороженным, о чем – среди прочего – свидетельствует статья «Старик Фонтане» (1910), а также «Размышления аполитичного» (1918).

В силу своего консерватизма Манн с подозрением отнесся к сексуальности как базовому принципу психоанализа и акцентированию иррационального начала в человеческой психике. При этом следует заметить, что, с одной стороны, первое знакомство писателя с психоанализом было достаточно поверхностным. С другой стороны, «его истинный облик, – как справедливо отмечает М. Диркс, – был еще неразличим» [Dierks 1995, 175], поскольку примитивно понятое учение Фрейда проповедовалось большим числом дилетантов и откровенных шарлатанов.

В 1920-х гг. подход к психоаналитическому учению претерпевает серьезные изменения. Манн приобретает собрание сочинений Фрейда, приступает к тщательному изучению его трудов, вступает с ним в переписку, знакомится лично. Впоследствии он создаст целый цикл заметок и статей по психоанализу: «Мое отношение к психоанализу» (1925), «Место Фрейда в современной истории духа» (1929), «Фрейд и будущее» (1936).

Ретроспективно обзревая свое творчество, Т. Манн так объяснял логику собственной эволюции: «Стоило мне как повествователю перейти от бюргерски-индивидуального к мифически-типическому, моя тайная связь

с психоаналитической сферой вступила, так сказать, в свою активную стадию» [Манн 2008, 209].

Следует заметить, что непрерывно эволюционировал и сам З. Фрейд: если в 1900–1910-х гг. в его работах доминирует психотерапевтическая, клиническая составляющая, то в 1920–1930-х гг. акцент смещается на близкую Т. Манну философско-антропологическую проблематику.

В заметке «Мое отношение к психоанализу», появившейся в печати сразу после выхода «Волшебной горы», Т. Манн отмечает, что доктор Кроковский – «фигура несколько комичная, но комизм его, пожалуй, есть лишь своего рода компенсация глубокого признания, которое автор выражает психоанализу в недрах своего творчества» [Манн 1990, 749]. Забегая вперед, отметим: излагаемое Кроковским учение возникает на горизонте Ганса Касторпа как шанс разобраться в «разное и беспорядке» собственной психики, что стремительно превращает доктора из второстепенного собеседника в одного из главных наставников героя.

Ганс Касторп и Эдвин Кроковский

Обратимся к тексту «Волшебной горы». Помимо эпизода (Unterkapitel) «Психоанализ» (середина главы 4), описывающего первое посещение лекции доктора Кроковского, психоаналитические опыты героя изображаются еще в двух эпизодах: «Перемены» (начало главы 6), кратко информирующем о развитии взаимоотношений Ганса и Кроковского, и «Очень сомнительное» (конец главы 7), описывающем участие героя в организованном психоаналитиком спиритическом сеансе.

Значительная часть подробностей знакомства Касторпа с психоанализом, хронологически расположенная между этими точками, не отражена в тексте романа, однако этот процесс, несомненно, протекал интенсивно и системно. Известно, что Ганс продолжает регулярно, раз в две недели, посещать публичные лекции Кроковского. Кроме того, на определенном этапе он начинает проходить индивидуальные сеансы психоанализа. В эпизоде «Перемены» описывается, как Иоахим оказывается случайным свидетелем исчезновения кузена в «аналитическом подземелье» Кроковского. В эпизоде же «О граде божьем и о лукавом избавлении» Касторп размышляет о том, чем Кроковский «с недавних пор занимался с ним в тиши затемненного кабинета» [69]¹. Т. Манн прибегает к излюбленной технике нарративного эллипсиса,

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Манн Т. Волшебная гора (главы шестая-седьмая) // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 4. 541 с. В квадратных скобках указывается номер страницы.

заставляя читателя лишь догадываться о случившемся посредством намеков. Собственно говоря, в свете теории психоанализа беседы Ганса и Кроковского и должны оставаться «за кадром», поскольку еще во «Введении в психоанализ» (1916–1917) Фрейд отмечал, что психоаналитический сеанс категорически не допускает присутствия постороннего, ставящего под угрозу «волшебную силу» (Zauberkraft) врача [Фрейд 2009, 9–10].

Фигура доктора Эдвина Кроковского нарочито парадоксальна. Парадоксально первое впечатление Касторпа от Кроковского, будто бы сочетающего в себе основательность и идеалистичность. Парадоксальна «чернявая бледность» доктора: его необычайно прозрачное, просвечивающее лицо и свинцово-черные брови, борода и костюм. Парадоксальна постулируемая Кроковским принципиальная двусмысленность явлений. Наконец, парадоксально расположение рабочего места Кроковского. Психоаналитический кабинет находится на так называемом «подвальном» этаже, из которого – по причине крутизны горного склона – открывается вид на альпийскую долину. Работая одновременно и над землей, и под ней, Кроковский словно посредничает между сферами духа и тела. Приобщающее к учению Фрейда посещение лекции Кроковского способствует интенсивному расширению сознания героя. Ощущение «неустойчивости смысла» (schwankender Sinn), порожденное амбивалентными формулировками доктора, прежде было незнакомо Гансу, привыкшему к четкому изложению материала на лекциях по кораблестроению, но именно оно запускает механизм осмысления и изживания полимотивного внутреннего кризиса, остро ощущаемого по прошествии первой недели «наверху».

В частности, «блаженный восторг» предстает проекцией неведомой ранее стихии бессознательного. Смутно ощущаемое столкновение «бездонных преимуществ греха» и «гнета чести» оказывается конфликтом инстинктивных влечений и требований культуры. Трудоемкий поиск баланса между ними становится смыслом пребывания Касторпа на «волшебной горе».

Второй элемент душевного кризиса Ганса – интерес к «невоспитанной» Клавдии Шоша – также коренится в бессознательном. Клавдия как бы указывает Гансу на те черты его характера, которые ощущаются им как наиболее опасные: склонность к созерцательности, отсутствие интереса к практическому труду, известная болезненность. Другими словами, некоторые важные бессознательные стремления Ганса «проецируются» на мадам Шоша. Именно поэтому консервативное («равнинное») сознание героя до поры инерционно противится признавать власть своих чувств к ней. В свете фигуры Пшибыслава Хиппе взаимоотношения Ганса и Клавдии иллюстрируют

процесс «возвращения вытесненного». Извилистым путем вытесненные влечения к польскому однокласснику возвращаются любовью к русской пациентке.

«Ограничивающее» воздействие аргументации Сеттембрини являет собой третий элемент кризиса Ганса. Психоанализ отводит итальянцу место проекции культуры – «Сверх-Я». В этой связи понятна сюжетообразующая антагонистичность образов Сеттембрини и Клавдии, соотносящихся друг с другом как «Сверх-Я» и подчиненное принципу удовольствия «Оно». «Я» Касторпа оказывается в промежуточном положении между ними. В «разряженной» атмосфере «Волшебной горы» описанные Фрейдом защитные механизмы рационализации, сопротивления и вытеснения, обеспечивающие устойчивость бюргерской психологии, все очевиднее дают сбой, подготавливая символическое прощание героя с Сеттембрини на карнавале.

Истоки четвертого элемента «разнобоя и беспорядка» – недомогания, а затем и болезни Ганса – проясняет будоражащий санаторную общественность тезис Кроковского о вторичном характере органических явлений. Самочувствие Ганса объясняется феноменом «бегства в болезнь» – неосознаваемого стремления к заболеванию как способу ухода от конфликта с реальностью.

Таким образом, волей истории гносеологическая модель героя обречена на радикальные трансформации. В свете психоанализа картезианско-просветительский рационализм сводится лишь к «рационализации» – одному из многочисленных «защитных механизмов» психики.

Несмотря на нередко звучащий в адрес Кроковского ироничный тон (достаточно вспомнить сомнения секунданта накануне дуэли в умении этого «спиритуалиста» перевязать рану), повествователь не склонен недооценивать познавательную продуктивность психоаналитических штудий доктора. Эдвин Кроковский выступает одним из компетентных проводников на пути, ведущем к «новому гуманизму». Особенно наглядно это проявляется в эпизоде «Мингер Пеперкорн (продолжение)». Описывая душевный русский поцелуй, подаренный Клавдией Гансу после ее возвращения в «Бергхоф», повествователь не упускает возможности проанализировать его сложную природу и при этом «невольн» привлекает некоторые положения из лекций Кроковского. Положения эти при первом упоминании характеризуются как «далеко не бесспорные и даже зыбкие» – ведь феномен любви трактуется доктором неоднозначно: и как благоговейное чувство, и как плотская страсть. В дальнейшем, однако, эта амбивалентность описывается повествователем как единственно возможное, соразмерное целому человеческой личности, определение: «Разве это не прекрасно и не возвышенно, что в языке

существует одно слово для всего, что под ним разумеют, начиная от высшего молитвенного благоговения и кончая самым яростным желанием плоти? Тут полное единство смысла в двусмысленности...» («vollkommene Eindeutigkeit in der Zweideutigkeit») [363]. Этот парадоксальный тезис берется на вооружение повествователем, а затем и Гансом Касторпом с подачи Эдвина Кроковского. Личность психоаналитика, его бытовое поведение и научные взгляды лейтмотивно увязываются с концептами «зыбкости» и «двусмысленности», которые в контексте эволюции Ганса положительно трансформируются в новое, более адекватное усложнившейся действительности качество.

Рассмотрим еще одну принципиальную характеристику Кроковского. Исследовательская позиция доктора такова, что научное содержание его лекций не противоречит, а гармонично сочетается с поэтичной манерой изложения. Таким образом, фигура психоаналитика предвосхищает возможность *гуманистического синтеза* науки и искусства, к которому взрослеющий Касторп придет в эпизодах «Изыскания» и «Избыток благозвучий».

«Очень сомнительное»?

Особого внимания заслуживает эпизод «Очень сомнительное». Распространенная интерпретация изображенных в нем событий в качестве подтверждения окончательной дискредитации научной позиции доктора Эдвина Кроковского [ср.: Neumann 2001, 68] нуждается в существенной коррекции.

Прежде всего стоит обратить внимание на буквальное значение немецкого прилагательного *fragwürdig*, субстантивированный суперлатив которого лежит в основе оригинального названия эпизода (“*Fragwürdigstes*”) – «достойный спроса». Оживление этимологии лейтмотива меняет акценты восприятия, поскольку сближает его с ключевой авторской характеристикой эволюционирующего Касторпа, этого «вопрошающего» героя (*der Fragende*) [Манн 1960, 169].

Ироничный, а порой и насмешливый тон автора в адрес предпринятого Кроковским перевода «главного аттракциона заведения» – психоанализа – на «путь магии» сменяется замечанием, проблематизирующим исходный тезис: «философские горизонты настолько расширились, что перед слушателями вдруг вспыхивали такие загадки, как связь между материей и психикой, и даже загадки относительно сущности самой жизни, приблизиться к решению которых, оказывается, можно было скорее дорогами жути и болезни, чем здоровья...» [441].

То обстоятельство, что научные интересы Кроковского и проблематика его лекций с течением времени претерпевают существенную коррекцию, прочитывается как факт непрерывного исследовательского поиска, отверга-

ющего монологические «истины». Именно эта недогматичность психоаналитика подкупает сторонящегося готовых ответов Ганса.

И вот уже автор желает «посрамить легковверные умы», усмотревшие в научных изысканиях Кроковского неподобающие интимные мотивы, тогда как на самом деле действующего на свой страх и риск ученого направляет «логическая последовательность» и «сама необходимость». Следующая характеристика доктора в эпизоде – «патологический идеалист», противопоставленный «материалисту, опирающемуся лишь на философию ядреного здоровья (*der bloßen Robustheit*)» [442], – раскрывается в контексте всего творчества Т. Манна как сугубо комплиментарная.

Анализ участия Ганса в спиритическом сеансе, осуществляемый в контексте его личностного роста, выявляет два аспекта. Во-первых, именно Гансу Кроковский поручает контролировать медиума – Элли Бранд. Эти «особые, почетные права» соответствуют этапу эволюции героя, пытающегося посредничать между сферами духа и жизни, т.е. самому выполнять в ценностном отношении функцию медиума. Во-вторых, две детали обнаруживают познавательную продуктивность спиритизма. Вызываемый участниками сеанса дух Холгера дает Гансу правильный ответ на вопрос героя об итоговом сроке его пребывания в «Бергхофе». Напомним, что вопрошающему надлежало «пройти свою комнату поперек» (“*quer durch sein Zimmer gehen*”) [457]. «Ходьба» поперек номера 34 разделяет это число на 3 и 4, сумма которых указывает на роковую для Касторпа семерку. Дух Иоахима же предстает перед собравшимися в военной форме, с саблей и кобурой на поясе, недвусмысленно указывая на надвигающуюся на континент мировую войну.

От психоанализа к аналитической психологии

В свете высказанных положений роман Т. Манна «Волшебная гора» предстает ярким примером продуктивной встречи литературы и глубинной психологии, пережившей бурное развитие в начале XX в. – в эпоху, которая, по выражению А. И. Жеребина, «узнавала себя в образах болезни» [Жеребин 2011, 414]. Однако логика сюжета и вектор эволюции героя демонстрируют, что речь здесь не только о художественной объективации перехода от бюргерского психического синкретизма к дифференциации сознательно-бессознательного содержания психики. В недрах глубинной психологии, олицетворяемой доктором Кроковским, определенно просматриваются очертания исторически закономерного перехода от психоанализа З. Фрейда к аналитической психологии К. Г. Юнга. Приведем несколько примеров из рассмотренного выше эпизода «Очень сомнительное».

Во-первых, рассуждения повествователя о глубинных связях между «индивидуальной» и «общей» душой недвусмысленно коррелируют с феноменом коллективного бессознательного. На страницах своего романа Т. Манн обращается к этой психической реальности почти одновременно с ее активной разработкой К. Г. Юнгом (сам термин «коллективное бессознательное» введен швейцарцем в научный обиход в 1916 г.).

Во-вторых, символичен и исторически мотивирован момент перехода к исследованию оккультизма. Позитивистской по своей сути программе Фрейда, состоящей в обращении ведомого сексуальной энергией либидо «Оно» в «Я», Юнг противопоставляет реабилитацию культурной ценности бессознательного, осуществляемую им с опорой на сравнительную мифологию, историю религии и литературы, средневековую мистику, антропологию и этнографию.

Наконец, в-третьих, известно, что в основу эпизода «Очень сомнительное» положены впечатления писателя от личного участия в спиритическом сеансе, проведенном известным парапсихологом А. Шренк-Нотцингом в 1923 г. Этот опыт был подробно описан Манном в статье «Оккультные переживания». Однако за пределами внимания критики часто остается тот факт, что Шренк-Нотцинг активно сотрудничал с Юнгом в 1920-х гг., проводя с ним исследования в цюрихской клинике «Бургхольци» [Jaffé 1982, 23]. Этим обстоятельством косвенно обуславливается еще один юнгианский подтекст данного эпизода.

На страницах «Оккультных переживаний» Манн пишет, что наблюдаемое им в течение сеанса «болото духов» – кощунство, издевательство над человеческим достоинством, но при этом делает важную оговорку: «Обладают ли понятия достоинства и хорошего вкуса весомыми правами там, где речь идет о науке, об исследовании истины?» [Манн 2009, 83]. Эту мысль не дано вербализовать Касторпу, однако он во многом реализует ее на практике. И далее Манн недвусмысленно обозначает свою позицию, подчеркивая, что «лишь средний академический уровень подвержен опасности научного чванства», состоящего в самодовольном игнорировании всего противоречащего «точному» знанию о природе и жизни [Манн 2009, 107]. Релевантность вышеприведенных размышлений писателя в свете психоаналитической проблематики «Волшебной горы» подтверждается тем, что статья «Оккультные переживания» фигурирует в числе трех «прямых духовных отпрысков» романа [Манн 1960, 161].

Юнгианский подтекст и контекст романа не исчерпываются вышеизложенными наблюдениями. Как нами было показано ранее [Беляков 2014],

«Волшебная гора» раскрывает эстетический потенциал иной фундаментальной категории аналитической психологии Юнга – процесса индивидуации.

В свете этого подхода все главные действующие лица романа предстают элементами своеобразной архетипической матрицы, ведущей к пробуждению в душе Ганса Касторпа Самости – т.е. архетипа целостности – равноудаленного как от сознания, так и от бессознательного. Характерно, что Т. Манн говорил об идее середины как о лейтмотиве романа.

Кульминационную фазу автономного процесса индивидуации знаменуют события эпизода «Снег». Попытка убежать от себя непреднамеренно подводит героя к возможности возвратиться к себе – найти себя. Посредством символического «снежного» видения к герою приходит понимание того, что оба педагога: и Нафта – «злой сладострастник» (*wollüstig und boshaft*), и Сеттембрини – дискредитирующий гуманизм бесконечной игрой на «дудке разума» (*Vernunfthörnchen*) – «болтуны». Касторп осознает, что «воспитатели» исчерпали свои монологические аргументы, и принимает ответственное решение дистанцироваться от них и положиться на самого себя. «Человек – хозяин противоречий» [215] – так звучит одна из новоиспеченных максим Ганса: противоречий между жизнью и смертью, духом и телом, наконец – по Юнгу – между различными архетипическими фигурами бессознательного.

Момент спонтанного востребования Самости, манифестируемый в главе о лыжной вылазке Ганса, объективируется на различных уровнях. С одной стороны, привычно парадоксально. «Шестиугольное неистовство» – такие слова находит Т. Манн для описания снежной бури, этого «хаоса белой тьмы», вырастающего в символ примирения противоположностей: именно в конструктивно-деструктивной стихии, экстерииорирующей динамику бессознательных процессов, герой приходит к своим принципиальным открытиям. С другой стороны, нарративно: ведь это один из немногих моментов в романе, когда фабульное время (*erzählte Zeit*) почти полностью совпадает с повествовательным (*Erzählzeit*). Наконец, чисто графически. «Во имя любви и добра человек не должен позволять смерти господствовать над его мыслями» [216], – единственное в романе выделенное курсивом предложение предстает его обобщающим итогом.

Томас Манн и Карл Густав Юнг

В заключение необходимо остановиться на истории взаимоотношений Т. Манна и К. Г. Юнга.

Известно, что в 1920-х гг. отношение автора «Волшебной горы» к личности и трудам швейцарца было сугубо положительным. По инициативе Манна

состоялось их личное знакомство в мюнхенском доме писателя. В течение следующих лет они, по-видимому, обменялись несколькими письмами [см.: Bishop 1999].

В 1930-х гг. наступает перелом в отношении Манна к К. Г. Юнгу. Дело в том, что в 1933 г. швейцарец, сменяя на этом посту еврея Э. Кречмера, становится президентом Немецкого общества психотерапевтов, а также главным редактором его печатного органа – «Журнала по психотерапии и смежным областям» и занимает эти должности вплоть до 1940 г. Многие интеллектуалы восприняли этот шаг как выражение открытой симпатии нацистскому режиму. Начиная с середины 1930-х гг. на страницах писем и дневников Т. Манна все чаще появляются критические замечания в адрес Юнга.

Ирония судьбы состоит в том, что Манн пишет их, находясь в добровольной эмиграции, в тот момент, когда сам он еще публично не высказал осуждения новой нацистской власти и многие европейские интеллектуалы взируют на него самого с тем же неодобрением, с каким он смотрит на Юнга. Психологический усмотрел бы здесь защитный механизм проекции: К. Г. Юнг в известном смысле выступает в качестве Тени Т. Манна.

В любом случае, какие бы изменения ни претерпевало отношение Т. Манна к личности швейцарского мыслителя в 1930-х гг., его интерес к аналитической психологии не ослабевал. Сам же образ К. Г. Юнга попадает под защитную амнезию: отныне Манн фактически приписывает его идеи более «конвенциональным» мыслителям: З. Фрейду и, отчасти, К. Кереньи.

Выводы

В уже упоминавшейся речи «Фрейд и будущее» Т. Манн, одобрительно размышляя об ориентации глубинной психологии на депатетизацию жизни и проблематизацию ее наивности, остроумно оживляет этимологию немецкого слова “Bescheidenheit” (скромность), происходящего от “Bescheid” (информация, “Bescheid wissen” – владеть какой-либо информацией). «Скромность оттого, что ты в курсе дела, – заключает Т. Манн, – предположим, что таково и будет главное настроение весело отрезвевшего мирного мира, приблизить который призвана, быть может, и наука о бессознательном» [Манн 2008, 216].

Именно такова природа поведения «солнечных людей» из видения главного героя «Волшебной горы», их «разумного и благородного товарищества» на фоне «омерзительного кровавого пиршества» [214]. Именно такова природа интереса Ганса Касторпа к Кроковскому. Именно такова природа интереса Томаса Манна к Фрейду и Юнгу.

Литература

- Беляков Д.А. Эволюция главного героя романа Т. Манна «Волшебная гора» в свете аналитической психологии К.Г. Юнга // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Филологические науки. 2014. № 21 (707). С. 18–44.
- Жеребин А.И. Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб., 2011.
- Манн Т. Введение к «Волшебной горе» // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 153–171.
- Манн Т. Оккультные переживания // Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / под ред. И. Эбаноидзе. М., 2009. С. 81–110.
- Манн Т. Фрейд и будущее // Манн Т. Путь на Волшебную гору / сост. С.К. Апта. М., 2008. С. 198–217.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. СПб., 2009.
- Bishop P. Thomas Mann and C. G. Jung // Jung in Contexts / Ed. P. Bishop. London and New York, 1999. P. 154–190.
- Dierks M. Doktor Krokowski und die Seinen. Psychoanalyse und Parapsychologie in Thomas Manns “Zauberberg” // Das “Zauberberg”-Symposium 1994 in Davos / Hrsg. von Th. Sprecher. Frankfurt am Main, 1995. S. 173–196.
- Jaffè A. Aufsätze zur Psychologie C.G. Jungs. Einsiedeln, 1982.
- Mann Th. Mein Verhältnis zur Psychoanalyse // Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main, 1990. Bd 13. S. 748–749.
- Neumann M. Thomas Mann. Romane. Berlin, 2001.

References

(Primary sources)

- Mann Th. Freyd i budushcheye [Freud and the Future]. Mann Th. *Put' na Volshebnyuyu goru* [Path to the Magic Mountain]. Moscow, 2008. Pp. 198–217. (In Russian).
- Mann Th. Mein Verhältnis zur Psychoanalyse [My Attitude to Psychoanalysis]. Mann Th. *Gesammelte Werke in 13 Bänden* [Collected Works in 13 Volumes]. Frankfurt am Main, 1990, vol. 13. Pp. 748–749. (in German).
- Mann Th. Okkul'tnyye perezhivaniya [Occult experiences]. Thomas Mann. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [Thomas Mann. The Aristocracy of the Spirit. Collection of Articles and Essays]. Moscow, 2009. Pp. 81–110. (In Russian).
- Mann Th. Vvedeniye k “Volshebnoi gore” [Introduction to the “The Magic Mountain”]. Mann Th. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Volumes]. Moscow, 1960, vol. 9. Pp. 153–171. (In Russian).

(Articles from Scientific Journals)

Belyakov D.A. Evolyutsiya glavnogo geroya romana T. Manna "Volshebnyaya Gora" v svete analiticheskoy psikhologii K.G. Yunga [The Evolution of the Protagonist in Th. Mann's Novel "The Magic Mountain" in Light of Jungian Analytical Psychology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Filologicheskoye nauki*, 2014, no. 21 (707). Pp. 18–44. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Bishop P. Thomas Mann and C. G. Jung. *Jung in Contexts*. London and New York, 1999. Pp. 154–190. (In English).

Dierks M. Doktor Krokowski und die Seinen. Psychoanalyse und Parapsychologie in Thomas Manns "Zauberberg". *Das "Zauberberg"-Symposium 1994 in Davos*. Frankfurt am Main, 1995. Pp. 173–196. (in German).

(Monographs)

Freud S. *Vvedeniye v psikhoanaliz: lektzii* [Introduction to psychoanalysis: lectures], Saint-Petersburg, 2009. (In Russian).

Jaffé A. *Aufsätze zur Psychologie C.G. Jungs*. Einsiedeln, 1982. (in German).

Neumann M. *Thomas Mann. Romane*. Berlin, 2001. (in German).

Zherebin A.I. *Vertikal'naya liniya. Venskiy modern v smyslovom prostranstve russkoy kul'tury* [The Vertical Line: The Viennese Modern in the Semantic Space of Russian Culture]. Saint-Petersburg, 2011. (In Russian).

Сведения об авторе:

Беляков Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет, старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы. – Научные интересы: немецкая литература XVIII–XX вв., творчество Томаса Манна.
E-mail: d_belyakov@bk.ru

Belyakov Dmitry A., Ph.D. in Philology, Moscow State Linguistic University, Faculty of Translation and Interpreting, Senior Lecturer at Department of Russian and World Literature. Research areas: German Literature of the 18-20th Centuries, Thomas Mann Studies.

E-mail: d_belyakov@bk.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ФАКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР)

Г.В. Синило

Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация: В статье на примере выдающейся немецкоязычной поэтессы Розы Ауслендер (1901–1988) показано, как знание социокультурного контекста и биографического «кода» является ключом к пониманию особенностей поэтики, индивидуального стиля автора, а также необходимым дополнением к методу целостной интерпретации художественного текста. Творчество Р. Ауслендер порождено поликультурной ситуацией Буковины и генетически связано с различными культурами. Духовный и реально-исторический ландшафт, сформировавший личность поэтессы и определивший хронотоп ее поэзии — это ландшафт Черновиц, города, в котором вели плодотворный диалог различные культуры и который сама поэтесса называла «городом, где побратались четыре языка», прежде всего немецкий, румынский, украинский, идиш. Социокультурная ситуация в Буковине, ставшей после раздела Речи Посполитой составной частью Австрии, привела к тому, что языком творчества многих поэтов — уроженцев Черновиц и евреев по происхождению стал немецкий (самые известные из них — П. Целан и Р. Ауслендер). Утверждается, что поэтические тексты Р. Ауслендер не вполне открываются читателю вне контекста диалога немецко-австрийской и еврейской культур, вне знания специфики хасидской традиции, равно как и традиции поэзии Ф. Гёльдерлина и Г. Тракля, вне библейского контекста, а также вне контекста трагических событий Холокоста, во многом определивших судьбу поэтессы.

Ключевые слова: немецкоязычная поэзия XX в., поэзия Розы Ауслендер, австрийская культура, немецкая культура, еврейская культура, хасидизм, Библия, социокультурный контекст, биографический «код», целостная интерпретация художественного текста.

SOCIO-CULTURAL AND BIOGRAPHICAL CONTEXTS AS NECESSARY FACTORS FOR TEXT INTERPRETATION (USING ROSE AUSLÄNDER'S POETRY AS AN EXAMPLE)

Abstract: We demonstrate how the knowledge of socio-cultural contexts and biographical "code" can be key to understanding peculiarities of poetic methods and individual style of an author as well as how it can serve as a necessary addition to the method of holistic

interpretation of a text. We use Rose Ausländer, an outstanding German-speaking poetess, as an example in this paper. Ausländer's work was born out of the multicultural situation in Bukovina and it is genetically connected to various cultures. Spiritual and true historical landscape that formed the poetess' personality and determined the chronotope of her poetry is the landscape of Chernowitz (Chernovtsy), a town where diverse cultures were engaged in a fruitful dialogue and which the poetess called "a town where four languages made it a brotherhood" — primarily German, Romanian, Ukrainian and Yiddish. The socio-cultural situation in Bukovina, which became an integral part of Austria after the partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, led to the fact that the language of many poets — Chernovtsy natives of Jewish origins — was German (most famous of them were P. Celan and R. Ausländer). We argue that poetical texts of R. Ausländer do not fully reveal themselves to a reader without the context of the dialogue between German-Austrian and Jewish cultures, without the knowledge of the specifics of Hasidic tradition as well as traditions of the poetry of F. Hölderlin and G. Trakl, without the biblical context and without the context of tragic events of the Holocaust which largely determined the fate of the poetess.

Key words: *German-speaking poetry of the XXth c., poetry of Rose Ausländer, Austrian culture, German culture, Jewish culture, Hasidism, the Bible, socio-cultural context, biographical "code", holistic interpretation of a text.*

Как известно, в первой половине XX в. на основе достижений русских «формалистов», утвердивших понимание поэзии прежде всего как «искусства слова» и необходимость соответствующей ее интерпретации, возникает новая литературоведческая школа в нескольких вариантах: швейцарско-немецкая школа «Интерпретации произведения» (*Werkinterpretation*), англо-американская школа «Новой критики» (*The New Criticism*), французская школа «Толкования текста» (*Explication de texte*) и др. Представители этих школ противостояли сугубо историческим, социологическим и философским интерпретациям литературного произведения, полагая, что оно представляет собой органическое единство внешнего и внутреннего, целостный космос, что оно все содержит в себе и достойно интерпретации само по себе. «Отцом» «Новой критики» называют И. А. Ричардса, который считал идеальными чтение и интерпретацию произведения без каких-либо знаний о времени и условиях его создания и даже без знания имени автора (работа «Принципы литературной критики» — *Principles of Literary Criticism*, 1925). Как известно, он раздавал своим студентам неизвестные им произведения без названий и имен авторов, а затем из их толкований устанавливал, насколько по-разному разные читатели понимают один и тот же текст. Из этого И. А. Ричардс сделал вывод, что литературное произведение творится тогда, когда оно воспри-

нимается читателем (см.: [Richards 1929]). Отсюда следует возможность абсолютно субъективного толкования текста. Однако ныне и сторонники «Новой критики» не отрицают полностью историко-биографического подхода, важности для правильного понимания произведения истории его создания, знания социокультурного контекста. Так, один из крупнейших представителей школы *Werkinterpretation* Е. Штайгер утверждает: «Чем лучше я знаю время, к которому принадлежит литературное произведение, тем меньше вероятность, что я впаду в заблуждение» [Staiger 1963, 135]. Цель данного исследования — показать важность и необходимость знания социокультурного контекста и биографического «кода» для адекватной интерпретации произведения на примере поэзии Р. Ауслендер.

Поэзия выдающейся австрийско-еврейской (немецкоязычной) поэтессы Розы Ауслендер (Rose Ausländer, 1901–1988), как и творчество близких ей по духу и поэтике еврейских немецкоязычных поэтов Нелли Закс и Пауля Целана, представляет собой выдающийся феномен литературы XX в., связанный с обновлением поэтического мышления и самого немецкого языка, что признано большинством немецких и австрийских литературоведов. Так, Р. Шнелль в «Истории немецкоязычной литературы с 1945 года» пишет о П. Целане и Р. Ауслендер: «Они внесли в развитие немецкого языка XX в. вклад, не сравнимый ни с чем. Трагедия и исторический парадокс заключаются в том, что они, родившиеся далеко за пределами Германии, пережившие ужасы войны, чудом спасшиеся, стали элитой немецкой культуры, творцами европейского гуманизма» [Schnell 1993, 23]. Действительно, величайшим парадоксом является то, что эти «аутсайдеры» с точки зрения национальности и географии выразили с наибольшей полнотой суть немецкого слова, став в один ряд с Гёте, Гёльдерлином, Гейне, Гофмансталем, Траклем, Рильке.

Специфика модели мира, предстающей в лирике Р. Ауслендер, и своеобразие ее поэтического языка обусловлены самим местом рождения поэтессы и формирования ее личности: это Черновицы (нем. *Chernowitz*; в советской «редакции» — *Черновцы*) — исторический центр Буковины, где волею судеб переплелись различные культуры. Этот же необычный город сформировал и П. Целана. В одной из автобиографических заметок Р. Ауслендер так ответила на собственный вопрос: «Почему я пишу?»: «Возможно, потому что я пришла в этот мир в Черновицах, потому что в Черновицах этот мир пришел ко мне. Это была особая местность, особые сказки и мифы, которые носились в воздухе и которые мы вдыхали с воздухом. Четырехязычные Черновицы были музыкальным городом, городом, приютившим многочисленных художников, поэтов, любителей искусства, литературы

и философии» (цит. по: [Hainz]). Здесь 11 мая 1901 г. в еврейской семье Шерцер родилась дочь Розалия, которой волею судеб суждено было превратиться в Розу Ауслендер. Сам ее псевдоним — *Ausländer* (точнее, фамилия мужа, принятая ею после развода как особо осмысленный поэтический псевдоним), который можно перевести как «чужестранец», «иностранец», вполне подтверждает, что она ощущала себя чужестранкой везде, даже в родных Черновицах, и что подлинную родину она обрела лишь в поэтическом слове. Не случайно в одном из своих стихотворений она напишет: *Mein Vaterland ist tot / sie haben es begraben im Feuer / Ich lebe in meinem Mutterland / Wort* [Ausländer 1982, 33] («Мое отечество умерло / они погребли его в огне / я живу на моей родине [в моей материнской стране] / слове»). Но парадокс заключается в том, что «родиной-словом» стало для нее изначально чужое для евреев немецкое слово.

Friedliche Hügelstadt / von Buchenwäldern umschlossen... [Ausländer 1982, 31] («Мирный город на холмах / буковыми лесами укрытый...»). «Буковый лес» по-немецки звучит как *Бухенвальд* — мирное и прекрасное слово, обретшее страшный смысл (одна студентка так и перевела строки Розы Ауслендер: «...Бухенвальдами окруженный»). И хотя концлагерь Бухенвальд находился совсем в другом месте, с ним также был связан прекрасный буковый лес. И Буковина получила свое название от многочисленных буковых лесов, обернувшихся для евреев в годы Второй мировой войны Бухенвальдами. В Буковине, на территории между Восточными Карпатами и Верхним Днестром, евреи поселились еще в XIV в. — тогда же, когда они в результате гонений времен «черной смерти» в Западной Европе двинулись в Восточную Европу и поселились также в Польше, Беларуси и Литве. Тогда Буковина была частью Молдавского княжества, находившегося под властью Османской империи. В 1775 г. Буковина вошла в состав Австрийской империи, точнее — в состав округа Галиция. В результате, с одной стороны, началась борьба за «освобождение» Буковины от «засилья» евреев, их изгнание из Черновиц, с другой — онемечивание евреев, введение обязательного обучения на немецком языке. Так немецкий язык постепенно стал родным для многих образованных евреев Буковины, вытесняя идиш. В 1867 г. Австрия была преобразована в двуединую монархию — Австро-Венгрию. В связи с этим были отменены все антиеврейские ограничения, евреи получили полные гражданские права. Австрийские власти положительно смотрели на возвращение евреев в Черновицы, видя в них, особенно в немецкоязычной интеллигенции, проводников влияния немецкой и австрийской культур. По переписи 1910 г. в городе проживали 28 013 евреев (32,8% населения). В 1910 г. они получили равное с другими этнически-

ми группами представительство в ландтаге. Это было так называемое «буквинское равновесие» (*bukowiner Ausgleich*) — в соответствии с австрийским экспериментом этнического уравнивания. Либеральные депутаты от различных этнических групп (румыны, украинцы, евреи, немцы) сотрудничали, объединившись в «союз вольнодумцев». Терпимость проявлялась и в области религиозной, в общении христиан и евреев. Здесь был достигнут известный компромисс и внутри иудаизма — между реформистами и различными направлениями ортодоксального иудаизма — раббанитами и хасидами. Среди евреев Черновиц было много последователей Ружинско-Садагорской хасидской династии (сейчас Садагора — часть Черновиц). Мистика хасидизма, атмосфера чуда, окружавшая садагорских цадииков, оказала значительное влияние на формирование поэтического мира Р. Ауслендер и многократно отозвалась в ее стихах.

Таким образом, несколько идиллическое восприятие Черновиц в поэзии Р. Ауслендер как «мирного» города, в котором «четыре языка понимают друг друга» (*vier Sprachen / verständigen sich* [Ausländer 1982, 31]), имеет под собой определенные реальные основания (четыре языка — немецкий, румынский, украинский, идиш). Из четырех языков поэтесса не случайно выбрала как язык творчества немецкий (точнее, как она полагала, сам этот язык выбрал ее). Немецкий литературовед Ю. Зерке отмечает: «Это был родной язык большей части населения Черновиц. Третья часть этого населения была еврейской» [Serke 1992, 140]. Здесь родились известные немецко-еврейские поэты А. Маргуль-Шпербер, И. Вайсглас, З. Меербаум-Айзингер, А. Киттнер и др. Однако самыми яркими именами, прославившими Черновицы, стали имена П. Целана и Р. Ауслендер. Немецкий исследователь К. Шлегель пишет: «Это была “маленькая Австро-Венгрия”... В этом городе был велик, говоря словами Шопенгауэра, интерес к размышлениям, а не к размышлениям над интересами. Здесь были: последователи Шопенгауэра, ницшеанцы, марксисты, фрейдисты, Спинозисты; они увлекались Гёльдерлином, Рильке, Стефаном Георге, Траклем, Эльзой Ласкер-Шюлер, Томасом Манном, Гессе, Готфридом Бенном, Бертольдом Брехтом... <...> Исчезнувший город, исчезнувший мир» [Шлегель 2000, 74]. Таким — реальным и в то же время призрачным, в определении Р. Ауслендер — «городом мечтателей и почитателей» (*eine Stadt von Schwärmern und Anhängern* (цит. по: [Serke 1992, 140]) — этот город предстанет в ее поэзии — как символ братства народов, «четырёхязыко побратавшихся песен» (*viersprachig verbünderte Lieder*) и одновременно как символ крушения утопии.

В 1920-е гг. Р. Ауслендер вместе с мужем уезжает на поиски заработка и счастья в США, делает там успешную карьеру журналистки и одновременно

пробует себя в поэзии. Однако в 30-е гг. она возвращается в Черновицы, чтобы ухаживать за тяжело больной матерью. В этот трудный период своей жизни поэтесса познакомилась с Альфредом Маргуль-Шпербером (1898–1967), который редактировал журнал «Czernowitzer Morgenblatt» («Черновицкий утренний листок») и в свое время открыл талант П. Целана. Именно он впервые опубликовал в своем журнале стихи Р. Ауслендер и назвал ее «черной Сапфо восточного ландшафта», «мыслящим сердцем, которое поет» (*ein denkendes Herz, das singt* (цит. по: [Ausländer 1992, 3]). С его помощью в Черновицах в 1939 г. вышел первый сборник поэтессы — «Радуга» (*Der Regenbogen*). А. Маргуль-Шпербер провидчески определил поэзию Р. Ауслендер как «духовный ландшафт внутри нее самой» (*eine geistliche Landschaft in ihr* [Ausländer 1992, 3]).

В июне 1940 г. Черновицы, как и вся Буковина, были присоединены к Советскому Союзу. Советские власти прекратили деятельность большинства еврейских общественных и культурных учреждений, тысячи евреев (особенно предпринимателей и интеллигентов) были арестованы и высланы в Сибирь. Многие были мобилизованы в ряды Красной армии, которая уже 30 июня 1941 г. оставила Черновицы. Еврейское население города в это время составляло более 50 тыс. человек (оно увеличилось за счет беженцев, прибывавших в город). Еще до прихода фашистов в Черновицах начались еврейские погромы, что стало для поэтессы началом крушения ее мира. 6 июля 1941 г. румынские и немецкие войска заняли город. Уже 8 июля были расстреляны примерно 6 тысяч евреев. 11 октября в городе было создано гетто, в котором оказалось 45 тысяч человек. Евреев использовали на тяжелых принудительных работах, затем начались высылки в лагеря и гетто Транснистрии. 12 октября 1941 г., в праздник Суккот (библейский праздник Кушей), по улицам города прошли 6 тысяч высланных, среди которых — большая группа садагорских хасидов во главе с цадилом Аароном бен Менахемом Нахумом. Они шли, неся перед собой Свитки Торы и танцуют с ними, как и положено в этот праздник (вероятно, эта картина, не раз всплывавшая в памяти Р. Ауслендер, вызвала к жизни ее «Садогорского хасида»).

В это тяжелое время Р. Ауслендер вместе с больной матерью, братом и другими преследуемыми укрывается в подвале черновицкой ткацкой фабрики. Здесь, в атмосфере ужаса и страха, она продолжает писать стихи. Но здесь же происходит еще одно чудо в ее жизни: встреча с П. Целаном — тогда еще П. Анцелем (Анчелем). Его стихи производят на нее огромное впечатление, дают ей новый духовный и творческий импульс. В темном подвале черновицкой фабрики два поэта читают друг другу стихи любимых поэтов

и свои собственные стихи. Так поэзия стала для них спасением и подлинным убежищем. Эти мгновения, когда Р. Ауслендер ощутила в себе как никогда острую потребность писательства, она причислит к самым знаковым событиям своей жизни. В автобиографических заметках она писала: «Мы, обреченные на смерть евреи, невыразимо нуждались в поддержке. И в то время, когда мы ждали смерти, многие из нас жили в словах-мечтах, ставших для нас приютом от боли в отсутствии Родины (*Heimatlosigkeit*). Стихи помогали выжить, были самой жизнью» (цит. по: [Helfrich 1995, 58]).

29 марта 1944 г. Советская армия освободила Черновицы. Из 50 тысяч евреев города только 5 тысяч остались в живых. Уцелевшие стали возвращаться в город, но местное население встречало их враждебно, дома были заняты или разграблены. В 1944–1946 гг. большинство уцелевших черновицких евреев покинули родной город, столь неузнаваемо изменившийся духовно. Это стало шоком для Р. Ауслендер. Она вновь уезжает в Америку, становится гражданкой США, получает там небольшую пенсию. Ей словно бы отказывает немецкая речь, она больше не пишет по-немецки, не может вернуться в свою «родину-слово» (*Mutterland Wort*). После войны Р. Ауслендер долгое время (более десяти лет) пишет по-английски. А затем произошла новая встреча с П. Целаном, уже написавшим свою «Фугу смерти». Это стало для Р. Ауслендер импульсом к новому возвращению в «родину» немецкой речи.

В 1964 г. поэтесса вернулась в Европу — сначала в Вену, а затем, в 1965 г., Германию, в Дюссельдорф, где она нашла себе приют в местной еврейской общине, в доме престарелых имени Н. Закс, в маленькой комнатке, ставшей ее «последним приютом» (*das letzte Daheim*). Наконец-то, после четвертьвекового перерыва, выходит ее сборник на немецком языке, изданный в Вене, — «Слепое лето» (*Blinder Sommer*, 1965). И хотя впоследствии вышли еще четыре сборника, уже в Германии, — «36 праведников» (*36 Gerechte*, 1967; само название непонятно без знания представления еврейской религиозной традиции о 36 скрытых праведниках, которые в каждом поколении спасают все грешное человечество), «Инвентарь» (*Inventar*, 1972), «Без визы» (*Ohne Visum*, 1974), «Другие знаки» (*Andere Zeichen*, 1975) — имя поэтессы все еще оставалось неизвестным широкой читающей публике. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока в 1975 г. с Р. Ауслендер не встретился Хельмут Браун, искавший новых авторов для своего издательства. Он был потрясен стихами поэтессы, которая в свои семьдесят четыре года сохраняла невероятную творческую мощь. Эта мощь была возмещением ее все возраставшей физической слабости: слабели руки, она уже не могла самостоятельно записывать свои стихи, но продолжала сочинять их. Порой ей казалось, что

она беспредельно одинока и всеми покинута, что остались только ее мертвые, которые «молчат глубоко» (*meine Toten schweigen tief* [Ausländer 1987, 51]), что она давно выпала из времени и играет словами, как неразумное дитя (...*und spiele / mit Worten / wie ein / törichtes Kind* [Ausländer 1987, 30]). Однако эта «игра» оказалась полностью оправданной и исполненной высочайшего смысла. Х. Браун издал полное собрание стихотворений Р. Ауслендер в семи томах (1976–1988) и написал ее первую биографию. За год до смерти поэтесса успела получить самую высокую награду ФРГ — орден Большой крест «За заслуги». Ее поэзия отмечена несколькими престижными литературными премиями, в том числе премией Баварской Академии изящных искусств, премией имени А. Дросте-Хюльсхоф (1967), имени А. Грифиуса (1977) и некоторыми другими. Нелегкая земная жизнь Р. Ауслендер завершилась 3 декабря 1988 г., но продолжается ее жизнь в «родине-слове», которое продолжает покорять сердца читателей своей новизной, мощью, лапидарностью и одновременно многомерностью смыслов.

Художественный мир Р. Ауслендер, будучи универсальным по выраженным в нем гуманистическим ценностям, не открывается исследователю и читателю (даже на уровне простых смыслов, тем более — символики) без знания принадлежности поэтессы еврейской культуре, вне контекста более чем трехтысячелетней судьбы еврейского народа. В одном из стихотворений поэтесса написала: *Ich / Mosestochter / wandle durch die Wüste / Ein Lied / Ich hör / Sand und Steine weinen / Hungersnot* [Ausländer 1987, 71] («Я / Моисея дочь / бреду через пустыню / Песня / Я слышу / Песок и камни плачут / Голод»). Однако чем отчетливее Р. Ауслендер осознавала свою причастность судьбе своего народа, тем острее же ощущалась ею привязанность к немецкому слову. Парадокс заключается именно в том, что Р. Ауслендер нужно было родиться еврейкой, чтобы по-новому ощутить силу немецкого слова и по-новому выразить себя в нем (нечто подобное произошло и с П. Целаном). Наиболее релевантной для поэтессы оказывается поэтическая традиция Ф. Гёльдерлина. В послевоенном творчестве она напрочь отказывается от урегулированной силлаботоники, от рифмы, предпочитая свободные ритмы (*freie Rhythmen*), как еще в XVIII в. назвали верлибр немецкие поэты, первыми открывшие его в европейской поэзии. По поводу кардинального изменения формы своей поэзии она заметила: «То, что окружало нас, не имело рифм... столько пережито ужаса... что рифмы развалились, слова-цветы завяли. Эпитеты сделались подозрительными в механизированном мире».

Зрелая лирика Р. Ауслендер представляет собой, как и поэзия Гёльдерлина (особенно его поздние гимны), свободный поток ассоциаций, а потому

взломан конвенциональный синтаксис, текст насыщен «крамольными» свернутыми конструкциями, допускающими пропуски глагольных связей, артиклей, предлогов, обильно включающими словотворчество. Начало подобной манере положил еще Ф. Клопшток, но именно у Гёльдерлина она доведена до совершенства, а вслед за ним — у Г. Тракля, Н. Закс, П. Целана, И. Бобровского, под пером которых возникает ландшафт духа, исторической памяти, самой культуры, в который вписаны судьбы отдельных людей и целых народов. У Р. Ауслендер это в наибольшей степени ландшафт внутреннего «я», вбирающего в себя ландшафт скитаний и судьбы еврейского народа и ландшафт мировой судьбы. В то же время это предельно конкретный и очень пластичный ландшафт Буковины, и в этой пластичности Р. Ауслендер особенно близка И. Бобровскому с его ландшафтом Сарматии, с его попыткой сохранить голоса ушедших — уничтоженных некогда тевтонцами пруссов, истреблявшихся нацистами евреев и цыган. Ландшафт Буковины высвечивается в поэзии Р. Ауслендер мгновенными вспышками памяти, мгновенными «мазками» коротких строк, создающих непрерывную цепь ассоциаций, так что правомерно отступают знаки препинания.

Чувство невозвратимой утраты, щемящей любви к исчезнувшему миру, ставшему пеплом, ушедшему в небытие и приобшившемуся одновременно к подлинному бытию, инобытию (*Jenseits*), определяет тональность знаменитого сборника Р. Ауслендер «Слепое лето». «Слепое лето» — несомненно, страшное лето 1941 г. Тема Холокоста в поэзии Р. Ауслендер звучит в контексте не только судьбы еврейского народа, но и мировой судьбы; в ней теснейшим образом переплетаются национальные и общечеловеческие экзистенциальные мотивы. «Бесконечное солнечное затмение» становится определением мира, живущего во мраке ненависти, отвергнувшего любовь. Время словно остановилось, став «слепым летом» (*Blindersommer*), а еще — «пепельным летом» (*Ashensommer*) в одноименном стихотворении:

Die Rosen schmecken ranzig-rot
es ist ein saurer Sommer in der Welt

Die Beeren füllen sich mit Tinte
und auf der Lammhaut ruht das Pergament

Das Himbeerfeuer ist erloschen
es ist ein Aschensommer in der Welt

Die Menschen gehen mit gesenkten Lidern
am rostigen Rosenufer auf und ab

Sie warten auf die Post der weissen Taube
aus einem fremden Sommer in der Welt

Die Brücke aus pedantischen Metallen
darf nur betreten wer den Marsch-Schritt hat

Die Schwalbe findet nicht nach Süden
es ist ein blinder Sommer in der Welt [Ausländer 1978, 35]

(Розы вкуса прогоркло-красного / это кисло-соленое лето в мире / Ягоды наполняются чернилами / и на ягнячьей коже покоится пергамент / Малиновый огонь [огонь малинового куста] погас / это пепельное лето в мире / Люди идут с опущенными веками / по заржавленному берегу роз вверх и вниз / Они ожидают почты от белой голубки / из чуждого лета в мире / На мост из педантичного металла / может ступить только тот, кто держит маршевый шаг / Ласточка путь не находит на юг / это слепое лето в мире)

Перед нами герметичный текст, не открывающий вполне смыслы вне социокультурного и библейского контекстов, а также вне контекста еврейской и христианской мистики (Р. Ауслендер, как Н. Закс и П. Целан, была чужда любой ортодоксии и живо ощущала единство иудейско-христианской культуры). Ключевыми образами-символами этого стихотворения являются роза, огонь, пепел, голубка, «малиновый огонь», пергамент, «педантичный металл», ласточка. Нельзя не заметить, что поэтесса, обыгрывая семантику принятого ею имени, опирается на древнюю мистическую традицию, и еврейскую, и христианскую. Роза — символ мистической Тайны — важна для обеих традиций. Как Роза о тринадцати лепестках (тринадцати принципах веры) предстает Сам Всевышний в каббалистической и опирающейся на нее хасидской традиции, — образ, несомненно, связанный с аллегорическим и мистическим толкованиями Песни Песней. Роза Шарона (Роза Саронская), упоминаемая в Песни Песней, прочитывается в еврейской аллегорической интерпретации также как символ Общины Израиля (Кнесет Йисраэль), заключившей Союз любви и верности с Богом, в мистической традиции — как символ человеческой души и Шехины (букв. с иврита «пребывание», «присутствие»; слово женского рода) — имманентности Бога

миру, Его пребывания в мире, «обитания» в среде Своего народа. Роза в христианской мистике символизирует Деву Марию (Sancta Rosa), но в равной степени и рожденного ею Иисуса Христа, идущего на добровольную смерть в багряннице, которую затем срывают с Него; роза символизирует страдания Иисуса, Его кровь, пролитую во имя Спасения человечества.

Оба эти сакральных ряда сливаются в символике Р. Ауслендер. Поэтесса напоминает, что и Сам Иисус — в христианской традиции воплощенное Слово Божье — плоть от плоти и дух от духа еврейского народа, вновь истекающего кровью, уничтожаемого. Алая роза, роняющая лепестки, как капли крови, выступает как символ страданий и обреченности смерти; ее цвет сливается с цветом крови и становится этой кровью. Розами цвета и вкуса крови (прогоркло-красными, кисло-солеными) становятся люди, обреченные на смерть, кровь которых розами вытекает из ран, превращается в пепел (это перекликается с образом П. Целана, который пишет о наполненных человеческой «царской кровью» (mit deinem / Königsblüt, Mensch) «чашах большой Розы-Гетто»: ...alle / Kelche der grossen / Ghetto-Rose [Celan 2008, 166]). Вся боль своего народа принимает в себя и изливает в своих стихах еще одна Роза — сама поэтесса.

Символика Розы, символика крови и страданий, святой невинной жертвы, заданная в первом двустишии, перетекает в символику священного Слова: чернилами ягод из спелой малины (ежевика) испещряется пергамент и рождается Свиток Торы (его действительно переписывают чернилами органического происхождения на пергаменте из ягнячьей кожи), Слово Божье, вся суть которого противостоит смерти, насилию, крови. Так закономерно подготавливается появление образа «малинового огня [костра]» — Неопалимой Купины. В оригинале Книги Исхода под объатым пламенем и не сгорающим Кустом, в котором Моисею открывается Всевышний (см. Исх 3), имеется в виду, скорее всего, разновидность дикой ежевики или малины; отсюда классический латинский перевод Иеронима Блаженного в Вульгате — *Rubus Sanctus* 'святая малина'. Именно этот образ «Святой Малины» (Неопалимой Купины) обыгрывает Р. Ауслендер. Ее угасание, превращение в пепел символизирует гибель народа Божьего и духовности вообще, образа Божьего в душе человека, Самого Бога (как известно, издревле именно так еврейскими комментаторами прочитывался образ Неопалимой Купины). Следует напомнить, что в христианской традиции Неопалимая Купина символизирует Деву Марию и Иисуса, Непорочное зачатие, Святое семейство и изображается часто как куст белых роз, объятый пламенем, из которого поднимаются фигуры Богоматери и Младенца. Согласно Р. Ауслендер,

гибель Неопалимой Купины — это растворение мира Божьего в хаосе энтропии, и виновата в этом духовная слепота человеческая.

Обреченные на гибель идут с опущенными веками «по заржавленному берегу роз» (заржавленному от ржавой колючей проволоки или цвета спекшейся крови?). Их движение вверх и вниз, возможно, символизирует падение убитых в страшные ямы, наполненные кровью — убиенными розами, и восхождение их душ к Богу. Обреченные напрасно ждут «почты белой голубки» — вести о спасении (аллюзия на образ голубки, принесшей с листком оливы в клюве радостную весть о близком спасении Ною и всему послепопотоному человечеству и понимаемой еврейской и христианской традициями как символ Духа Святого; здесь также аллюзия на символику голубки в Псалмах и Песни Песней). «Педантичный металл» и «маршевый шаг» вводят тему убийц, ритм нацистских колонн, враждебный живой жизни, всему, что воплощено в Розе. Но ласточка не находит путь на юг, и все тонет в пепельно-слепом лете. Финальные строки звучат как указание на страшный холод небытия и смерти, сковавший все живое, как символ тупика, в котором оказалась человечество.

Тем не менее воспринимать стихотворение *Ashensommer* необходимо в контексте всего творчества Р. Ауслендер, где роза сохраняет свои коннотации древнего символа любви, противостоящей смерти, любви, которая «сильнее смерти» (Песн 8:6). В самом своем имени Р. Ауслендер видит собственное предназначение — нести память, утверждать жизнь, созидать ее в слове вопреки страданиям и ужасу: *Ich Überlebende / des Grauens / schreibe aus Worten / Leben* [Ausländer 1987, 33] («Я выжившая / среди ужаса / пишу из слов / жизнь»).

Таким образом, на примере анализа стихотворения Р. Ауслендер, как и ее поэзии в целом, можно убедиться в значимости знания социокультурного контекста и судьбы поэтессы для максимально адекватной интерпретации ее текстов. Кроме того, для этого необходимо хорошее знание Библии, еврейской и христианской мистики, мистики хасидизма, еврейской истории и культуры, а также контекста немецкой поэзии, прежде всего творчества Ф. Гёльдерлина, Г. Тракля, Э. Ласкер-Шюлер, Н. Закс, П. Целана.

Литература

- Шлегель К. Прогулки в Ялте и другие: пер. с нем. М., 2000.
 Ausländer R. *Aschensommer: Ausgewählte Gedichte*. München, 1978.
 Ausländer R. *Ich spiele noch: Gedichte*. Frankfurt a. M., 1987.

- Ausländer R. *Im Atemhaus wohnen: Gedichte*. Frankfurt a. M., 1992.
 Ausländer R. *Mutterland: Einverständnis; Gedichte*. Frankfurt a. M., 1982.
 Celan P. *Gedichte; Prosa; Briefe = Целан П. Стихотворения; Проза; Письма / под общ. ред. М. Белоруца*. М., 2008.
 Hainz M. *Rose Ausländer*. URL: http://www.de.geocities.com/martinhainz/Rose_Auslaender (дата обращения: 12.11.2018).
 Helfrich C. «Es ist ein Aschensommer in der Welt»: *Rose Ausländer: Biographie*. Beltz, 1995.
 Richards I. A. *Practical Criticism*. N. Y., 1929.
 Serke J. *Rose Ausländer: Ein Porträt // Ausländer R. Im Atemhaus wohnen: Gedichte*. Frankfurt a. M., 1992. S. 137–148.
 Schnell R. *Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945*. Stuttgart, 1993.
 Staiger E. *The Critical Moment: Essays on the Nature of Literature*. London, 1963.

References (Literary Texts)

- Ausländer R. *Aschensommer: Ausgewählte Gedichte* [An Ashy Summer: Selected Poems]. Munich, 1978. (In German).
 Ausländer R. *Ich spiele noch: Gedichte* [I'm still playing: Poems]. Frankfurt a. M., 1987. (In German).
 Ausländer R. *Im Atemhaus wohnen: Gedichte* [Live in the House of Breath: Poems]. Frankfurt a. M., 1992. (In German).
 Ausländer R. *Mutterland: Einverständnis: Gedichte* [Maternal Country: Consent]. Frankfurt a. M., 1982. (In German).
 Celan P. *Gedichte; Prosa; Briefe = Celan P. Stikhotvoreniya; Prosa; Pis'ma* [Poems; Prose; Letters]. Ed. by M. Belorusets. Moscow, 2008. (In German and Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Hainz M. *Rose Ausländer*. Available at: http://www.de.geocities.com/martinhainz/Rose_Auslaender (accessed 12.11.2018). (In German).
 Serke J. *Rose Ausländer: Ein Porträt* [Rose Ausländer: A Portrait]. In: *Ausländer R. Im Atemhaus wohnen: Gedichte* [Live in the House of Breath: Poems]. Frankfurt a. M., 1992. Pp. 137–148. (In German).

(Monographs)

- Helfrich C. „*Es ist ein Aschensommer in der Welt*“: *Rose Ausländer: Biographie* [„This is an Ashy Summer in the World“: Rose Ausländer: Biography]. Beltz, 1995. (In German).
 Richards I. A. *Practical Criticism*. New York, 1929.

Schlegel K. *Progulki v Yalte i drugie* [Walking in Yalta and Others]. Transl. from Germ. Moscow, 2000. (In Russian).

Schnell R. *Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945* [History of German-speaking Literature since 1945]. Stuttgart, 1993. (In German).

Staiger E. *The Critical Moment: Essays on the Nature of Literature*. London, 1963.

Сведения об авторе:

Синило Галина Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, Минск). – Научные интересы: германистика (немецкая поэзия XVII–XX вв.), библеистика, гебраистика.

E-mail: sinilo@mail.ru

Sinilo Galina V., PhD (Philology), Professor at Department of Cultural Studies at the Faculty of Social and Cultural Communication, Associate Professor at the Department of Foreign Literature at the Faculty of Philology at Belarusian State University (Belarus, Minsk). Area of interest: German Studies (German Poetry of 17–20 c.), Biblical Studies, Hebraistic.

E-mail: sinilo@mail.ru

ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК «ИСКУССТВО ФУГИ»: МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В ПРОЗЕ ТОМАСА БЕРНХАРДА

В.В. Котелевская

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Исследуется квазимузыкальная проза Томаса Бернхарда (1931–1989), подражающая полифоническому письму И. С. Баха. Интермедиаальный трансфер рассматривается в нескольких аспектах: как выражение шопенгауэровской иерархии органов чувств, в которой слуху отводится первое место; отображение, с одной стороны, стиля мышления Бернхарда, тяготеющего к «волебству теоретического» (*der Zauber des Theoretischen*) и жестовой риторизации дискурса, с другой стороны, тенденций модернистской прозы – редукции мимесиса, бегства в «абсолютную музыку» (К. Дальхауз), метаизации. Перенос приемов фуги в поэтику связывается с риторическим схематизмом баховской фуги, отличающейся «строгостью моноидеи» (Ю. Холопов). В культурно-историческом аспекте подражание фуге трактуется как ностальгия по барочному божественному «кругу», при этом возврат к теме обусловлен у Бернхарда не столько «вечной гармонией» (Гете), сколько фрейдовским «принуждением к повторению» травмирующей ситуации и «влечением к смерти».

Ключевые слова: музыка барокко, полифония, фуга, интермедиаальность, модернизм, метапроза, И.С. Бах, Т. Бернхард.

NARRATIVE AS “ART OF FUGURE”: MUSIC-LITERATURE TRANSFER IN THE PROSE OF THOMAS BERNHARD

Abstract. The paper examines the quasi-musical prose of Thomas Bernhard, that imitate the polyphonic writing of J.S. Bach. Intermedial transfer is considered in some aspects: as an representation of the Schopenhauer hierarchy of sense organs, in which hearing is coming to the fore; display, on the one hand, of Bernhard's thinking style, which leads to “the theoretical magic” (*der Zauber des Theoretischen*) and gestural rhetorization of discourse, on the other hand, the trends of modernist prose such as reduction of mimesis, flight to “absolute music” (C. Dahlhaus), metaization. The transfer of the fugue technique to poetics correlates with the rhetorical schematism of the Bach fugue, which is characterised by the “rigidity of the monoidea” (Yu. Kholopov). In the cultural-historical aspect, I interpret the imitation of the fugue as nostalgia for the baroque divine “circle”, while

Bernhard's return to the subject is determined not so much by "eternal harmony" (Goethe) as by Freud's "Wiederholungszwang" of the traumatic situation and "Todestrieb".

Keywords: *baroque music, polyphony, fugue, intermediality, modernism, metafiction, J.S. Bach, Th. Bernhard.*

Известна реплика Гете о музыке Баха. В неотправленном – но сохраненном и посмертно опубликованном – продолжении письма композитору и дирижеру К.Ф. Цельтеру от 27 июня 1827 г. Гете делится своим давним впечатлением: «Как будто вечная гармония беседовала сама с собой, как это было, вероятно, в груди Бога перед самым сотворением мира. Такое же волнение охватило и меня, и, казалось, у меня уже нет ни ушей, ни глаз или других органов чувств, ни необходимости в них» (цит. по: [Borchmeyer 2004, 193]). Это состояние Гете испытал, слушая в 1818 г. «Хорошо темперированный клавир» в органном исполнении Шютца. В беседе с ним он выразил свое понимание музыки Баха как исполняемой «для самой себя» («...da sie für sich selbst musiziert»), не нуждающейся в слушателе, в то время как «другая музыка охотно ждет слушателя, чтобы прислуживать ему и отвечать поклоны» [Borchmeyer 2004, 192]. (Это признание парадоксальным образом совпадает с модернистским кредо манновского Адриана Леверкюна.) Наряду с другими полифоническими циклами, такими как «Искусство фуги» и «Гольдберг-вариации», «ХТК» относят к вершинам инструментальной музыки барокко и, что важно, к своего рода прецедентам «абсолютной музыки» модернизма. У Гете, в унисон с концепцией Шопенгауэра, звучит мысль о музыке как «самодостаточном» (selbstständig) искусстве, которое, в духе романтической эстетики, связывается со сферой «дочувственно-метафизического» [Borchmeyer 2004, 193].

В высказываниях Гете намечены ключевые компоненты баховской полифонии, не только составляющие специфику барочной музыкальной эстетики, но и позволяющие говорить о «трансмюзикальном» (термин А. Е. Махова [Махов 2005, 22]) эксперименте в литературе модернизма, в том числе в творчестве австрийского писателя **Томаса Бернхарда (1931–1989)**. Сформулируем их:

1) *пифагорейско-платоническая модель музыки*, связывающая музыкальную архитектонику, «музыку как “науку о числах”» [Махов 2005, 13] с сакральным; Р. Вагнер писал о «лишенных чувств фигурациях» Баха-полифониста, а архитектонику его фуг и инвенций характеризовал так: «Это подобно мирозданию, которое движется в согласии с вечным законом, без аффекта» (цит. по: [Borchmeyer 2004, 194]); «математическая» сущность музыки при-

влечет в XX в. философов и писателей, склонных строить «утопии точности» (Р. Музиль), – Витгенштейна, Гессе, Валери, Жида, Бернхарда;

2) *очищенность от аффектов*: лишенная сюжетно-драматической программности, полифония не апеллирует к психологическому – вызываемое ею состояние близко христианскому религиозно-мистическому экстазу, избавляющему от бремени сенсорного, телесно-бытового;

3) *беспредметность (нон-референциальность)*: не будучи связанной с какими-либо психологическими коллизиями, полифония обретает свое содержание в форме, приближаясь к идеалу формалистской музыкальной эстетики (Э. Ганслик, К. Дальхауз); ее строгость может быть соотнесена с беспредметным изобразительным искусством XX в. (Малевич, Кандинский, Мондриан и др.), с экспериментами по распредмечиванию, ре- и десемантизации слова в литературе;

4) *автореференциальность*: в соответствии со своими метафизическими свойствами – самодостаточность, целостность, завершенность, бесконечность – вечность не нуждается в Другом (в то время как Другой, реципиент музыкального произведения или, редуцируя ситуацию к сакральному, верующий, в ней нуждается), отсюда *беседующая с собой вечная гармония* баховской музыки; кроме того, полифонические циклы Баха, в особенности же «Искусство фуги», поэтологичны, поскольку являются риторическими образцами «как писать хорошую фугу» (см. подробно: [Вязкова 2006, 5–13]): это тяготение к метапоэтике, к конструированию произведения как генеративной модели некоего совершенного, *абсолютного* текста (ср.: Р. Вагнер о «ХТК»: «музыка как таковая» [Borchmeyer 2004, 195]) или, во всяком случае, развертывание полемики о возможностях такого конструирования на внутритекстовом уровне, обнаруживается, например, у А. Жида («Фальшивомонетчики»), Р. Кено («Упражнения в стиле») и писателей группы УЛИПО, у Т. Бернхарда (не только его откровенно метафикциональные романы «Корректур», «Известковый завод», «Бетон», «Пропаший», роман-эссе «Ходить», но и параболы «Имитатора голосов» и «Происшествий» читаются как автореференциальные тексты: композиция «Происшествий» («Ereignisse»), например, основана на разработке одной и той же повествовательной модели, вследствие чего сборник читается как компендиум повествовательных казусов, своего рода *упражнений в протокольном стиле*).

Эти предварительные наблюдения позволяют перейти к предмету нашего исследования – музыкально-литературному трансферу в прозе Бернхарда. Трансфер затрагивает как уровень семиотики (перевод из своего кода

в код *другого* искусства), так и культуры, поскольку Бернхард адаптирует конкретную культурно-историческую модель музыки – полифонию Баха.

«Стратегии музыкализации» [Poller 2007] прозы Бернхарда – одна из наиболее разработанных тем в европейском бернхардоведении, однако начиная с первых монографий (Г. Кун, Б. Дидерихс, М. Блемзаат-Веркнехт) и до настоящего времени (С. Лёффлер, М. Латини и др.) исследования отличаются высокой степенью дискуссионности. Причина – в сложности совмещения и корректного использования разных дисциплинарных оптик и терминосистем (музыковедения, философии искусства, литературоведения), непроясненность некоторых теоретических вопросов взаимодействия литературы и музыки, разночтения в понимании семиотической природы как музыки, так и отдельных литературных жанров, тем более когда речь идет о гибридизации, авторском переписывании жанров в XX–XXI вв. (Краткий, но емкий обзор исследований по теме «Бернхард и музыка» можно найти в недавно изданном энциклопедическом справочнике о писателе [Huber, Mittermayer 2018, 381–390].)

В рамках данной статьи более пристально, чем это принято, будет рассмотрен культурно-исторический аспект литературно-музыкального трансфера у Бернхарда. Нас будут интересовать следующие вопросы: работа Бернхарда с сакральным в полифонии Баха; «беспредметная» проза модернизма и «полифония» Бернхарда; трансформация и ресемантизация приемов контрапункта у Бернхарда.

Тяготение Бернхарда к музыке общеизвестно, начиная с профессиональных занятий (скрипка и вокал, обучение в «Моцартеуме», несостоявшаяся карьера оперного певца) и до спасительного воздействия музыки, жизни меломана как *modus vivendi* (последнее хорошо показано в «Племяннике Витгенштейна»). Еще важнее то, что в своих поисках абсолютно нового языка – выразителя внутренней «правды» (Wahrheit) – Бернхард именно в музыке находит семиотического (медиального) Другого литературы [Котелевская 2018, 178–182]. Усиление музыкальности его текстов с 1970-х гг. позволяет говорить о «бегстве в музыку» (Т. Манн) – вытеснении предметно-образительного элемента чистой выразительностью лишённого денотата музыкального знака (о нон-референциальности музыкального языка см.: [Арановский 1974; Poller 2007, 44–51; Diederichs 1998, 192–193]).

Как верно отмечает У. Вайманн, музыкализация поэтического языка в XX в. сопряжена с проблематизацией словесного кода как такового, «критикой языка» и, вследствие этого, гипертрофированной поэтологической рефлексией [Weymann 2007, 159–162]. Исследовательница указыва-

ет на семиотическую разноприродность музыкального «bezeichnen» и вербального «bedeuten» [Weymann 2007, 158]. Б. Дидерихс обращает внимание на различие денотата в двух искусствах: музыкальная тема эксплицитна, тождественна определенной комбинации музыкальных означающих («фразе»), в то время как тема литературная имплицитна, относится к уровню содержания и связана с внетекстуальной действительностью [Diederichs 1998, 192]. Т. Р. Поллер пишет о «денотативной интернализации» как «базовом свойстве» и музыки, и языка Бернхарда [Poller 2007, 50]. Как и в музыке, в его текстах предметность вытеснена музыкальным тематизмом: повторяются микроблоки текста (от слова до синтаксической единицы), объем повторяемого материала беспрецедентно велик, что приводит к ограничению «лексического репертуара», «семантической расфокусировке» и, в целом, «утрате денотативной соотнесенности с миром», а также порождает чисто музыкальную – ритмо-синтаксическую, звуковую – суггестию [Poller 2007, 45–53].

Действительно, в большинстве прозаических текстов и во всех без исключения пьесах в разной мере реализован музыкальный тематизм, т.е. система формальных повторов, сближающая «прозу» австрийца с поэзией, которая отличается имманентной «теснотой стихового ряда» (Ю. Тынянов). Ввиду ослабления денотативных связей усиливается роль комбинаторики, композиционно-контекстуальных отношений элементов: в поэтике Бернхарда это выражено в частотности грамматических, синтаксических повторов при минимализации лексико-семантического материала, в итоге, в обнажении конструкции. (Например, в «Gehen» фатальность, безвыходность (Ausweglosigkeit) существования внутри «привычки», невыносимость бытия демонстрируется настойчивым повтором конструкции «(wenn)... (so) müssen wir + Infinitiv, was für etwas (unerträgliche)», которая затем как бы удваивается сравнением, что усиливает суггестию [Bernhard 2006, 146–147].) Ср. о роли комбинаторики в создании музыкальной семантики: «...элементы музыкального языка получают значение друг через друга. <...> Детерминированность и направленность связи элементов подчеркивает принципиальную важность самого явления связи не просто как “технического” средства соединения элементов, а как фактора, определяющего осмысленное восприятие музыкального текста. Речь идет о том, что Ю.М. Лотман назвал реляционным значением. <...> элементы музыкальной ткани не имеют денотатов. Они получают свои функции участников семантических процессов только посредством отношений с другими, им подобными» [Арановский 1974, 112–113].

Интермедиаальный трансфер осуществляется, таким образом, в виде «перевода», «переноса» определенных «конструктивных принципов» других

искусств на словесную ткань [Ханзен-Лёве 2016, 41], в частности, музыки – на повествовательную форму.

Названные выше произведения Бернхарда нельзя отнести к традиции прозы, которая, «изобретая бесконечно подробный мир», выдвигает на первый план опыт, а не абстрактную рефлексию, зрение, а не слух [Венедиктова 2018, 229, 204]. Напротив, Бернхард, солидаризируясь с ценностной иерархией Шопенгауэра, предпочитает слух как инструмент сенсорного и метафизического познания, а спекулятивные размышления нарратора и персонажей – мимесису. Ранее мы останавливались на проблеме «недоверия... пластически-телесному» у Бернхарда [Котелевская 2018, 182–192]: истоки его кроются и в личной травме (отсутствие отца, холодная мать), и в послевоенном посттравматическом синдроме (влечение к смерти, восприятие телесного как подверженного угрозе разрушения и уничтожения), и в тяготении Бернхарда, одержимого «волшебством теоретического» («Амрас»), к беспредметному искусству.

Роман-эссе «Ходить» идеально иллюстрирует свойства квазимузыкальной прозы (вряд ли можно принять издательскую традицию именовать всю малую прозу Бернхарда, в том числе «Gehen», *Erzählung*: фабульно-психологическое начало, обязательное в жанре рассказа или повести, здесь редуцировано, в то время как свободная рефлексия и открытая форма являются ключевыми жанровыми свойствами этого и других подобных текстов Бернхарда). При этом в качестве конструктивной модели, медиального Другого, выступает «полифоническое письмо», словно воплощая мечту героя «Фальшивомонетчиков» А. Жида о романе как словесном «искусстве фуги» [Котелевская 2018, 178–180].

Весьма условной «сюжетной» рамкой этого романа-эссе является прогулка Элера и рассказчика туда и обратно по Клостернойбургерштрассе в Вене. Условной, поскольку пространство и время никак не конкретизируются, а прогулка осуществляется исключительно в форме «блуждания между всеми возможностями человеческого мозга» [Bernhard 2006, 142], словно застыв во вневременности нескончаемого (*immer wieder*) повтора. В отличие от других литературных модернистских прогулок, здесь предельно редуцирован и мимесис предметного мира, и «мимесис сознания», т.е. внутренней, психической жизни (Д. Кон) (цит. по: [Рикер 1998, 96]). Несмотря на то что темой, в музыкальном и литературном значении, является сумасшествие Каррера (именно вокруг нее выстраиваются все тирады Элера, главного голоса в романе, и именно тема «*Karrer ist verrückt geworden*» и лейтмотивы «*Karrer*», «*verrückt*» снова и снова возвращаются в дискурс, обра-

стая лексико-семантическими вариациями, вплоть до финала), произведение лишено ожидаемого художественного психологизма. Нет в нем также ничего, подобного интроспективному «*tunneling*» в романе-прогулке «*Миссис Дэллоуэй*» В. Вулф, ассоциативному богатству прустовских прогулок «по направлению к Свану» и Германтам, метафорическому головокружению «Египетской марки» О. Мандельштама, детализированной урбанистической и психофизиологической репрезентации Джойса в «Улиссе». Даже экспрессионистски-лирическая мерцательность прогулок у Рильке («*Записки Мальте Лауридса Бригге*») и Р. Вальзера («*Прогулка*», «*Разбойник*» и др.) воспринимается как *миметическая* в сравнении с депсихологизированным, абстрактно-риторическим пространством Бернхарда. Предполагаемые топикой городского фланирования, уходящей корнями к французскому и русскому физиологическому очерку XIX в., наглядность и сенсорная оснащенность полностью «изничтожены» Бернхардом. Способность создавать избавленный от бремени мира дискурс («*weltentleert*») [Poller 2007, 142] проявляется в этом тексте Бернхарда более последовательно, чем в других.

Тема безумия разрабатывается здесь с помощью вариаций исходной лексико-семантической группы и добавления и дальнейшей разработки лейтмотивов (*Ausweglosigkeit*, *Denken*, *Gehen*, *Kunst*, *Natur*, *Verstand*, *Irrtum*, *Ruhe* и др.) и тем, представляющих собой повторяющиеся синтаксические конструкции наподобие музыкальных фраз. Наряду с безумием (тема Каррера) аналогично разрабатывается и, казалось бы, обладающая богатым ресурсом художественного психологизма тема самоубийства (тема Холленштайнера). Технически здесь узнаваем метод классической риторической «разработки» аргументации и контраргументации при редукции повествовательной части – «инвенции». Риторизация дискурса также сближает стиль Бернхарда с барочной музыкой, в которой материал развертывается согласно правилам ораторского искусства (о музыкальной риторике барокко см.: [Захарова 1983; Друскин 2004]). Формально-техническая связь темы безумия или, как минимум, депрессии и угрозы суицида (ср. новелла «Да»), с приемом повтора у Бернхарда реализована в «*Стуже*», «*Амрасе*», «*Помешательстве*», «*Ходить*», «*Племяннике Витгенштейна*», «*Корректуре*», «*Известковом заводе*», «*Пропащем*», «*Старых мастерах*», «*Рубке леса: Возбуждении*», «*Изничтожении: Распаде*».

В романе-эссе «Ходить» одна из групп лейтмотивов связана с семантикой движения (*Gehen* – *Spaziergehen* – *Spaziergang* – (*Hin-*, *Hinein-*, *Her-*, *Ab-*, *Weg-*, *Unter-*)*Gehen* – *Weg* – *Beweg(-en/-ung)* – *Ausweglos* – *Ausweglosigkeit* и т. д.). Начинается текст с усиленного педалирования мотива хождения

планирования: лексема *gehen* фигурирует в первом предложении 5, во втором – 1, в третьем – 5, в четвертом – 2, в пятом – 3 раза и далее, на протяжении всего текста, она повторяется во всевозможных словообразовательных и грамматических модификациях. Тематизируется сам процесс пешей ходьбы по заданному маршруту и в заданные дни недели, а также значения, связанные с возможной или невозможной переменной поведенческой и жизненной траектории: *abgehen, weggehen*. По прочтении текста становится ясно, что отсутствие детализации маршрута и ощущений, игнорирование любых реалистических примет планирования связаны с идеей фатальной «безвыходности» существования героев и человека вообще: опыт ничему не учит и не ведет к принципиально новому – не важно, что наблюдали планирующие Каррер, Элер или рассказчик, если обречены на один и тот же маршрут всю жизнь, если не способны изменить его, вырваться за пределы «привычки». Элер, эмигрировавший из Вены в Америку, вернулся, чтобы, как оказалось, застать самоубийство одного и «окончательное» сумасшествие другого соотечественника. Верность «моноидеи» (Ю. Н. Холопов), настойчивое кружение вокруг темы, как в фуге, распределяющей тему по голосам и оттого лишь усиливающей эффект возвращения к одному и тому же, выражена у Бернхарда на эксплицитном уровне формы. Особенно ощутимым тематический каркас становится при повторе даже не лексем, а грамматических и синтаксических конструкций. Ср.: *«Wir besitzen keinerlei Fähigkeit, aus der Klosterneubergerstrasse wegzugehen. Wir haben keine Entschlusskraft mehr. Was wir tun, ist nichts. Was wir atmen, ist nichts. Wenn wir gehen, gehen wir von einer Ausweglosigkeit in die andere. Wir gehen und gehen wieder immer in eine noch ausweglosere Ausweglosigkeit hinein. Weggehn, nichts als weggehn, sagte Karrer, so Oehler, immer wieder»* [Bernhard 2006, 224].

Важно отметить, что в «Ходить», как и в аналогичных по форме «Корректуре», «Пропашем», «Изнитожении: Распаде» и других упомянутых романах, из «полифонического письма» Баха адаптируются несколько конструктивных приемов, связанных с темпоральностью: 1) проведение темы; 2) по преимуществу имитационная форма фуги (канон); циклизация (романы Бернхарда членятся на множество микрофуг, с темой и вариациями внутри каждой, при этом в конце произведения происходит возвращение к сверхтеме, связывающей воедино весь цикл, – так, в «Пропашем» 32 раза фигурирует словесная тема *Гольдберг-вариации*, открывая и замыкая роман, подражая круговому движению в одноименном цикле Баха, который имеет сквозную тему-фразу в d-moll, состоит из 32 фуг и замыкается повтором первой фуги в качестве *Aria da capo* (см. подробно: [Bloemsaat-Voerknecht 2006,

177–226]). Ю. Н. Холопов характеризовал тематизм Баха через модель круга: «Баховская идея утверждается через полноту раскрытия различных сторон в процессе плавного кругообразного движения, в результате которого идея возвращается вновь к самой себе; пафосом баховской идеи является каждременная самоотждественность, ощущающая истинность в постоянной неизменности музыкального образа, в верности себе, никогда-себе-не-измене» [Холопов 2003, 17]. Не только тема, но и менее крупная единица – мотив – отличается настойчивым присутствием в разных голосах на протяжении всего музыкального текста: Ю. Н. Холопов пишет о «введении долбящего», «остро характеристического мотива» [Холопов 2003, 12].

Все эти свойства очевидно присущи и стилистическому рисунку Бернхарда. Но если полифонический тематизм воплощен у него довольно последовательно, принцип многоголосия, напротив, ослаблен. В то время как в концепции М. М. Бахтина «полифонический роман» связывается именно с множественностью «голосов», Бернхард подчеркнуто нивелирует разницу между партиями персонажей: как правило, проведение темы осуществляется почти без изменений, т.е. в имитационной форме канона. Именно с ней можно соотнести многочисленные отсылки к Другому («как сказал Каррер, сказал Элер, думал я» и т. п.). Указание на цитацию служит своего рода свернутой формой канона: Элер повторяет тему Каррера, рассказчик цитирует Элера, повторяющего тему Каррера. Гипертрофия имитационного принципа лишь усиливает заданную в баховской фуге «неделимость полифонической темы», «строгость моноидеи» [Холопов 2003, 28]. Несмотря на то что в поэтике Бернхарда важен принцип устной речи, голосоведения (на значимость «голоса» указывала уже Г. Кун [Kuhn 1996, 7–20]), собственно окраска голоса (то, что в музыке связано с тембром и регистром, а в литературе – с характером, психофизиологической и социальной уникальностью) нивелирована. Персонажи схематизированы или как своего рода двойники (ср. в «Племяннике Витгенштейна»: *я так же, как и Пауль...*), или антиподы (*в то время как Элер (боялся замерзнуть насмерть)... я (боялся задохнуться)*).

Однако у Баха круговое движение мелодии, тождественной себе вопреки «бегству» в другие регистры (*fuga* букв. – ‘бег’, ‘бегство’, ‘отступление’), символизирует неизменность божественной вечности, «вневременность», «вневременное созерцание различных аспектов одной мысли» [Berger 2006, 99]. У Бернхарда повтор мотивов и тем-фраз не только и не столько стилизует полифоническое письмо, сколько проблематизирует его содержательную сторону, меняя исходную культурную семантику барочной фуги как модели божественного круга. Повторение у Бернхарда, как видится, воплощает

возвращение к травме, фрейдовское «принуждение к повторению», Wiederholungszwang (кульминация представлена в сцене «окончательного» сумасшествия Каррера в лавке Рустеншахера: к ней и возвращается свидетель и друг Элер). Если у Баха доминирует пафос созерцательной сосредоточенности, у Бернхарда преобладают гнев, смятение, «возбуждение» (ср. в особенности романы «Рубка леса: Возбуждение», «Старые мастера», «Изнитожение: Распад»). Травма богооставленности, развернутая в ранних произведениях (лирика, «Стужа», «Амрас») как на метафизическом, так и профанном уровне (сын, брошенный отцом и матерью), приводит героев Бернхарда к бунту, к негативному познанию истины в абсурде.

Музыковед К. Берджер предложил оппозицию понятий – «круг» Баха и «стрела» Моцарта – для описания двух разных моделей *времени / музыки* – христианской и современной [Berger 2007]. Вторая связана с устремленностью в будущее, «богатством мелодических инвенций», культом нового: в противовес фуге, цель которой «заключалась в том, чтобы вывести весь дискурс из одной идеи» и «отменить» время, дух «концерта», воплощающего музыкальное мышление модерна и достигшего виртуозности в музыке Моцарта, был «более расслабленным и беспорядочным: чем больше идей, тем лучше» [Berger 2007, 192]. Исходя из этой формальной и ментальной дихотомии, можно заключить, что Бернхард соединил в своей поэтике формальное *новаторство* (адаптировав полифонические стратегии на чужеродном музыкальном материале) и, на уровне идеологии, *консерватизм*, выразив в привязанности к барочной музыке ностальгию по «вечной гармонии» (той самой, о которой писал Гете), тяготение к до-модерному миропорядку, с его архетипическим повторением одного и того же, – устремление, коренящееся в травме (бого)оставленности и страхе нового.

Литература

- Арановский М.Г. Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления: сб. статей. Сост. и ред. М.Г. Аграновский. М., 1974. С. 90–128.
- Венедиктова Т.Д. Литература как опыт, или Буржуазный читатель как культурный герой. М., 2018.
- Вязкова Е.В. «Искусство фуги» И.С. Баха. М., 2006.
- Друскин Я.С. О риторических приемах в музыке И.С. Баха. СПб., 2004.
- Захарова О.И. Риторика и западноевропейская музыка XVII–XVIII веков. М., 1983.
- Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов-на-Дону: Таганрог, 2018.

- Махов А.Е. Musica literaria: идея словесной музыки в европейской поэтике. М., 2005.
- Рикер П. Время и рассказ. В 2 т. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе / Пер. с фр. Т.В. Славко. СПб., 2000.
- Ханзен-Лёве Оге А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. М., 2016.
- Холопов Ю.Н. Структура баховской фуги в контексте исторической эволюции гармонии и тематизма // Музыкальное искусство барокко: стили, жанры, традиции исполнения / Ред.-сост. Т.Н. Дубравская, А.М. Меркулов. М., 2003. С. 4–31.
- Berger C. Bach's Cycle, Mozart's Arrow: An Essay on the Origins of Musical Modernity. Berkley, 2007.
- Bernhard Th. Gehen // Bernhard Th. Werke in 22 Bänden. Bd. 12. Erzählungen II. Frankfurt a. M., 2006. S. 141–227.
- Borchmeyer D. "Laß mich hören, laß mich fühlen": Johann Sebastian Bach im Urteils Goethe // Richter S. (Ed.). Goethe Yearbook 12. New York, 2004. S. 189–196.
- Diederichs B. Musik als Generationsprinzip von Literatur. Eine Analyse am Beispiel von Thomas Bernhards Untergeher: PhD Thesis. Gießen, 1998.
- Huber M., Mittermayer M. (Hg.). Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart, 2018.
- Kuhn G. "Ein philosophisch-musikalisch geschulter Sänger": Musikästhetische Überlegungen zur Prosa Thomas Bernhards. Würzburg, 1996.
- Poller T.R. Strategien der Musikalisierung von Literatur. Eine exemplarische Untersuchung der Erzählung "Gehen." von Thomas Bernhard. PhD Thesis. 2006.
- Weymann U. Intermediale Grenzgänge: 'Das Gespräch der drei Gehenden' von Peter Weiss, 'Gehen' von Thomas Bernhard und 'Die Lehre der Sainte-Victoire' von Peter Handke. Heidelberg, 2007.

References

- Aranovskij M.G. Myshlenie, jazyk, semantika [Thinking, Language, Semantics]. Problemy muzykal'nogo myshlenija [Problems of Musical Thinking]. Ed. by M.G. Agranovskij. Moscow, 1974. Pp. 90–128. (In Russian).
- Venediktova T.D. Literatura kak opyt, ili Burzhuznyj chitatel' kak kul'turnyj geroj [Literature as an Experience or Bourgeois Reader as a Cultural Hero]. Moscow, 2018. (In Russian).
- Vjazkova E.V. «Iskusstvo fugi» I.S. Bakha [Bach's "Art of Fugue"]. Moscow, 2006. (In Russian).
- Druskin Ja.S. O ritoricheskikh priemah v muzyke I.S. Bakha [About rhetorical devices in Bach's Music]. Saint-Petersburg, 2004. (In Russian).

- Zaharova O.I. Ritorika i zapadnoevropejskaja muzyka XVII–XVIII vekov [Rhetoric and Western European Music of the 17–18th Centuries]. Moscow, 1983. (In Russian).
- Kotelevskaya V. V. Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman [Thomas Bernhard and the Modernist Metafiction]. Rostov on Don, Taganrog, 2018. (In Russian).
- Makhov A.E. Musica literaria: ideja slovesnoj muzyki v evropejskoj pojetike [The idea of verbal music in European poetics]. Moscow, 2005. (In Russian).
- Rikjor P. Vremja i rasskaz [Time and Narrative]. Vol. 2. Konfiguracija v vymyshlennom rasskaze [Configuration in Narrative Emplotment], Translated from French by T.V. Slavko. Saint-Petersburg, 2000. (In Russian).
- Hanzen-Ljove Oge A. Intermedial'nost' v russkoj kul'ture: Ot simvolizma k avangardu [Intermediality in Russian Culture: From Symbolism to Avant-garde], Translated from German by B.M. Skuratoa, E.Ju. Smotrickij. Moscow, 2016. (In Russian).
- Holopov Ju.N. Struktura bahovskoj fugi v kontekste istoricheskoj jevoljucii garmonii i tematizma [The Structure of Bach's Fugue in the Context of the Historical Evolution of Harmony and Thematism]. Muzykal'noe iskusstvo barokko: stili, zhanry, tradicii ispolnenija [Baroque Musical Art: Styles, Genres, Traditions of Performance]. Ed. by T.N. Dubravskaja, A.M. Merkulov. Moscow, 2003. Pp. 4–31. (In Russian).
- Berger C. Bach's Cycle, Mozart's Arrow: An Essay on the Origins of Musical Modernity. Berkley, 2007. (In English).
- Bernhard Th. Gehen. Bernhard Th. Werke in 22 Bänden. Bd. 12. Erzählungen II. Frankfurt a. M., 2006. Pp. 141–227. (In German).
- Borchmeyer D. "Laß mich hören, laß mich fühlen": Johann Sebastian Bach im Urteils Goethe. Richter S. (Ed.). Goethe Yearbook 12. New York, 2004. Pp. 189–196. (In German).
- Diederichs B. Musik als Generationsprinzip von Literatur. Eine Analyse am Beispiel von Thomas Bernhards Untergeher: PhD Thesis. Gießen, 1998. (In German).
- Huber M., Mittermayer M. (Ed.). Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart, 2018. (In German).
- Kuhn G. "Ein philosophisch-musikalisch geschulter Sänger": Musikästhetische Überlegungen zur Prosa Thomas Bernhards. Würzburg, 1996. (In German).
- Poller T.R. Strategien der Musikalisierung von Literatur. Eine exemplarische Untersuchung der Erzählung "Gehen." von Thomas Bernhard. PhD Thesis. 2006. (In German).
- Weymann U. Intermediale Grenzgänge: ‚Das Gespräch der drei Gehenden‘ von Peter Weiss, ‚Gehen‘ von Thomas Bernhard und ‚Die Lehre der Sainte-Victoire‘ von Peter Handke. Heidelberg, 2007. (In German).

Сведения об авторе:

Котелевская Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы (Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации), г. Ростов-на-Дону. – Научные интересы: поэтика европейского романа, литература модернизма, интермедialность, немецкая литература XX века.
E-mail: vvkotelevskaya@sfned.ru

Kotelevskaya Vera V. – PhD, Associate Professor, South Federal University, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Rostov on Don; poetics of European novel, modernist literature, intermediality, German literature of 20th
E-mail: vvkotelevskaya@sfned.ru

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ КАК ОПЫТ «СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ»

М.С. Потёмкина

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград

Аннотация. В контексте опыта культурной травмы в статье рассматривается механизм выстраивания интракультурного диалога восточных и западных немцев после 1989 года. Художественные тексты, созданные в этот период, становятся важной частью метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современности. «Стена в головах», судя по художественным текстам этого периода, может оказаться намного прочнее, чем берлинская стена. «Восточные и Западные немцы отдаляются друг от друга», – таковы результаты многочисленных опросов населения Германии.

В связи с отражением этого явления в современной немецкой литературе возникает необходимость проследить через нарратив «историю разъединений» (Ю. Беккер) с целью выявления способов инсценировки в художественном дискурсе происходящих в обществе процессов.

В литературном поле Германии этого периода, с одной стороны, наблюдается содержательная и формальная манифестация литературного консерватизма, с другой – важным элементом авторской саморефлексии становится деконструкция текста, субъекта и языка. При этом литературные границы нарушаются писателями в нескольких аспектах: 1) через экстремизм неприкрашенного изображения всех граней интеракции общества и индивидуума на содержательном уровне (П. Шнайдер, Г. Нойманн); 2) через экспериментальную эстетику бескомпромиссного изображения действительности, осваивающую новые формы выражения на орфографически-типографическом уровне (Р. Йиргль).

Ключевые слова: Объединение Германии, немецкая проза, травма, П. Шнайдер, Р. Йиргль, Г. Нойманн.

GERMAN REUNIFICATION AS “SOCIOCULTURAL TRAUMA” EXPERIENCE

Abstract. The article examines the mechanism for constructing an intracultural dialogue between East and West Germans after 1989 in the context of the “cultural trauma” experience. Literary texts created during that period of time become an important part of meta-discourse, in which a multiperspective panorama of the present is formed. Judging

by the literary texts of that period “the wall in the heads” (P. Schneider) may turn out to be much more solid than the Berlin wall. The results of the numerous opinion polls in Germany show that “East and West Germans are drifting away from each other”.

Due to the reflection of this phenomenon in modern German literature it becomes necessary to trace “the history of separation” (J. Becker) through the narrative in order to find means to depict occurring in the society processes in the literary discourse.

In the literary field of Germany of this period there is a content and formal manifestation of literary conservatism, on the one hand, and deconstruction of the text, subject and language becomes an important element of the author’s self-reflection, on the other hand. At the same time, literary boundaries are violated by writers in several aspects: 1) through extremism of picturing unvarnished all facets of the interaction between the society and the individual at the content level (P. Schneider, G. Neumann); 2) through the experimental aesthetic of an uncompromising depiction of reality, mastering new forms of expression at the orthographic-typographical level (R. Jirgl).

Key words: Reunification of Germany, German prose, trauma, P. Schneider, R. Jirgl, G. Neumann

Объединение Германии стало для немецких читателей, писателей и их протагонистов травматичным событием, запустившим механизм де(конструкции) воспоминаний. В контексте опыта «культурной травмы» на локальном уровне производится переоценка прошлого, а на глобальном уровне, благодаря медийным инструментариям, в фокус внимания попадают события, которые долгое время находились на периферии общественного сознания.

Термины «память», «воспоминания» и «травма» все чаще рассматриваются в контексте научной парадигмы, которая, начиная с 1990-х годов, представляет собой широкое трансдисциплинарное исследовательское поле. Вопросы памяти и травмы занимают представители нейронаук и психологии [Schacter 1996; Williams, Banyard 1998], исторических наук [Roth 2012], социологии [Welzer 2001], культурологии [Assmann, Höllscher 1988; Assmann 1992; Assmann 2002] и литературоведения [Gansel 2009; Erl, Nünning 2005; Basseler, Birke 2005].

Спустя несколько лет после Объединения в СМИ отмечается рост предубеждений и латентной агрессии, появившийся между Востоком и Западом после падения Берлинской стены. Объединение Германии рассматривается как «стресс» (Wendestress) [Schmitz 1995] и «кризис» (Vereinigungskrise) [Kocka 1995], а также часто сравнивается с такими формами душевных заболеваний, как шизофрения и диссоциативное расстройство идентичности [Roters 1997, 18].

Характерной формой реакции на происходящие события в обществе, по мнению К. Дикмана, становится молчание. На Западе – это «безмолвие,

граничащее с презрением», в то время как «Восток Германии судорожно сжимается и замыкается в себе – реакция, характерная для первых признаков депрессии» [Dieckmann 1998]. А. Тумфарт, изучив результаты исследования об образе Восточной Германии в СМИ после 1989 г., делает следующий вывод: «Несмотря на то что СМИ избегают создания образа врага в лице восточного или западного немца, это избегание достигается путем «молчания и тишины». При этом «молчание и растерянность, показанные по телевизору, сопровождаются таким же молчанием у сидящих перед экраном» [Thumfart 2002, 716].

Примером изображения подобного молчания может служить роман Герта Ноймана «Расчёт» (“Anschlag”) [Neumann 1999], в котором автор говорит о невозможности немецко-немецкого диалога, поскольку любая коммуникация восточного и западного немца априори будет отягощена недосказанностью и предположениями, не находящими подтверждения или опровержения, а также имплицитными обвинениями.

Главный герой – восточный немец – мечется между откровением и самоотрицанием и, в итоге, принимает решение «заботиться о чистоте молчания» [Neumann 1999, 50]. Слова, используемые в разговоре с западнонемецким собеседником, подвергаются ревизии и проверяются на соответствие их обозначаемому и, тем самым, на правдивость и достоверность. А поскольку «после такого решения единственной достоверной данностью разговора стало молчание» [Neumann 1999, 51], оно становится неотъемлемой частью имплицитного диалога. «При этом нельзя было разобрать, связаны ли он и я молчаливым дуэтом или молчаливой дуэлью», – отмечает герой [Neumann 1999, 27]. Молчание становится частью коммуникации. При этом создавшееся положение разбирается и обсуждается, а предъявляемые друг другу чрезмерные требования, вынуждающие одного говорить, а другого слушать, ставятся под сомнения.

Чрезмерные требования предъявляются и к литературе. Процесс объединения сопровождается не столько синергетической аккумуляцией двух литературных традиций, сколько многочисленными попытками поглотить одну культуру (ГДР) другой (ФРГ).

В первое десятилетие после объединения Германии, как отмечает в своем исследовании Т. Мозер, наблюдается удручающая ситуация, когда литература ГДР рассматривается западными писателями как литература, принадлежащая чужой иноязычной культуре. В «моральной драме Поворота» [Moser 1992, 206] произведения и даже личность писателей из ГДР подвергаются сомнению и дискредитируются (немецко-немецкий литературный спор),

поэтому западные писатели воспринимаются их восточными коллегами как колонизаторы чужой культуры.

Обесценивание восточнонемецкой литературы западными издателями ярко описывается в романе Р. Йиргля «Прощание с врагами» (“Abschied von den Feinden”). Передача автобиографической рукописи редактору становится не только травматичным опытом для восточнонемецкого автора, но и обнажает внутренний и внешний конфликт, сопровождающий писателей из бывшей ГДР, обнаруживших себя в обесценивающем их и их творчество контексте.

Фрагменты манускрипта не просто зачитываются редактором, но и иронично комментируются. Описанные в сценарии драматические события саркастично рассматриваются как часть «немецкой-комедии-с-глубоким-смыслом» [Jirgl 2010, 82], кульминационные моменты не только высмеиваются и банализируются, но и каталогизируются как «скуотища от наводящего скуку отродья для наводящего скуку отродья» [Jirgl 2010, 83]. Постепенно от оценки рукописи сотрудники редакции переходят к обсуждению восточнонемецких писателей. У «этих, с той стороны стены» нет «ничего своего, никакого самоуважения», они не годятся даже на то, чтобы быть «литературными неграми», так как хотят показаться ироничными, но «эти немцы не способны и на это» [Jirgl 2010, 82]. Их «действительность еще глупее, чем выдуманная реальность» [Jirgl 2010, 83], «этих зоны нельзя допускать к написанию текстов: до *Этих* все еще не дошло, что их попрошайничество и давление на жалость на современном рынке уже давно не в тренде... Что это были за прекрасные времена, когда стена еще стояла!» [Jirgl 2010, 87] Не удивительно, что все авторы из бывшей ГДР, с которыми был заключен договор, по наблюдениям редактора, в «последние годы впали в депрессию, перестали писать» [Jirgl 2010, 80]. Как видно из примеров, западный издатель через обесценивающие комментарии самоутверждается, находит в этом действии источник собственной силы и могущества, а восточнонемецкий автор оказывается в ситуации жертвы, эмоционально уязвимой и истощенной, впадает в уныние и разочарование, ощущение беспомощности и ничтожности. «Немецкая-комедия-с-глубоким-смыслом» [Jirgl 2010, 82] проигрывает ходовому товару каннского и голливудского уровня [Jirgl 2010, 83].

Такой процесс вытеснения всего чужого кажется логичным в предлагаемых обстоятельствах. Музыкант и режиссер Ханс-Экардт Венцель отмечает в одном из своих интервью: «Неудивительно, что колонизаторы убивали сначала колдунов, певцов племени, так как именно они сохраняли культурную идентичность народа» [цит. по Hirdina 1990, 154].

Метафоричное описание критиком Тильманом Мозером событий, разворачивающихся в Германии после 1989 г., как театральной постановки, кажется, очень ярко отражает и всё происходящее в литературном сообществе этого времени: «Ликвидация прошлого “по ту сторону стены” [...] приобрела форму медийного спектакля. Бесчисленные преступники и жертвы играют в этой моральной драме на открытой сцене. Гигантский хор окружает актеров, как в греческой трагедии. Вот только функции хора разнообразнее: основной задачей его является не только комментировать и разъяснять, но и реализовать авторские манипулятивные техники. При этом речь идет, например, о демонстрации силы, травле, обвинениях, реализации собственных политических целей, увеличении тиражей, отвлекающих маневрах, скрытых политических средствах воздействия, замещающих войны. Перед нами борьба за обладание таким капиталом, как новейшая информация, получаемая зачастую из подозрительных источников» [Moser 1992, 20]. Если в театре гетерогенные культурные системы синтезируются, пересекаются друг с другом, накладываются друг на друга, то в постмодернистском медийном театре друг на друга наслаиваются гетерогенные дискурсы.

Похожая идея реализуется и на страницах романа Петера Шнайдера «Возвращение Эдуарда» (“Eduards Heimkehr”) [Schneider 2005]. Главный герой отправляется со своим другом писателем Теодором Ванебергом в театр. На сцене Фольксбюне его внимание привлекают сюрреалистичные переплетения сценического действия: «Постепенно зритель замечает, что одни и те же четыре или пять актеров играют на сцене и периодически меняются ролями: тот, кто только что играл западного немца, в следующей сцене должен был оказаться в шкуре своего противника. Каждое действие и порождающие его конфликты никак не завершались. Только ты вставал на сторону одного из участников, как сцена повторялась в слегка измененной конstellляции. Старик с Востока возвращается на сцену в образе молодого мужчины-сотрудника службы госбезопасности, чтобы признаться, что он смог обманым способом благодаря доносу получить участок своего соседа. В следующей вариации его жертва, мужчина из Западной Германии, вынужден ответить на вопрос, каким образом его отец получил этот участок в собственность во времена нацизма...» [Schneider 2005, 185]. Важно при этом, что главных героев романа интересует не столько то, что происходит на сцене, сколько реакция на спектакль зрителей. Они чувствуют себя все в большей растерянности, реагируют невпопад, сдерживают свое возмущение и даже физическое отторжение происходящего на сцене. Актеры же становятся все агрессивнее, используют запрещенные табуированные приемы,

изображают ту ненависть, которая существовала между еще совсем недавно разделенными немцами.

Зрители проявляют неадекватную когнитивно-поведенческую реакцию на происходящее. С одной стороны, они «растеряны», «нерешительны», «ошеломлены», с другой, после того, когда момент протеста был упущен, они все с большей «завороченностью» следили за неистовством и блевотиной на сцене» [Schneider 2005, 186]. Утратив чувство собственного достоинства, пытаясь сдержать свой страх, публика все глубже погружается в эмоциональную зависимость от травмы: «Там, где любая другая публика мира просто встала бы и ушла, для этой публики, казалось, наслаждение театром только начиналось. Она чувствовала себя по-настоящему хорошо лишь тогда, когда со сцены её оскорбляли, в нее плевали, оскверняли и обливали помоями – так, словно жизнь снаружи страдала от избытка красоты» [Schneider 2005, 186].

Такая реакция публики очень удивляет главного героя и его спутника. По мнению писателя Тео, искусство — это реакция на общество, пытающееся подавить поток. Именно в этой части Германии публика десятилетиями удерживалась в состоянии колонизированных, а поток энергии, всё креативное и эмансипированное, уходило в подполье, там искривлялось и коржилось, поэтому смогло выйти наружу только через водосток. «Совсем без насилия, как этого бы всем хотелось, отделение от диктатуры не разыграется. Он [Тео], а еще больше режиссер, не сделали бы ничего иного, чем просто немного приподнять крышку этого люка» [Schneider 2005, 188].

Творчество, действительно, часто становится для писателя, режиссера или читателя средством, с помощью которого ему удастся справиться с переживаниями. Так, Райнхард Йиргль отмечает в одном из своих интервью, что письмо – это его способ быть в этом мире. «Я пишу не для того, чтобы найти себе место в какой-то уже зарекомендовавшей себя системе координат, скорее, наоборот, мне важно изобрести из двух реальностей “Я” и “Другого” – этого поля конфликтов и напряжения человека – свой собственный текстуальный порядок (в орфографии и пунктуации)» [Kammler 2007, 24].

М. И. Демир отмечает, что даже язык Йиргля является отражением «коммуникативных расстройств» общества [Demir 2016: 34]. Основными темами его прозы становятся насилие, садизм, страх, уничтожение, боль и дезориентированные, окаменевшие от горя люди, чья агрессия направлена как наружу, так и на самих себя.

В трилогии Р. Йиргля «Генеалогия убийства» (“Genealogie des Tötens”) [Jirgl 2010b] показаны все аспекты травматического опыта.

В тексте «Мама-папа-роман» (“Muter Vater Roman“) [Jirgl 1990] изображены (пост)травматичные переживания берлинской супружеской пары непосредственно после Второй мировой войны. При этом на первый план выдвигается не столько реконструкция определенного исторического периода, сколько экзистенциальный опыт двух изуродованных войной и разделением Германии личностей. Чувства главных героев, рассмотренные почти под микроскопом, позволяют читателю составить мозаичную картину исходящего от государственного аппарата насилия, чья разрушительная сила приводит к размыванию идентичности и отчуждению людей друг от друга.

Отчуждение как основа человеческого бытия становится центральным мотивом и романа Р. Йиргля «В открытом море» (“Im offenen Meer“) [Jirgl 1991]. В отличие от «Мама-папа-романа» фокус внимания автора направлен не на судьбы людей в контексте их идеолого-политического прошлого, а на отношение «Я-фигуры», находящейся в пограничном состоянии между трансом и травмой, к Восточному Берлину 1980-х годов. Восточный Берлин показан в романе как обезличенный преступный мир. Жестокие убийства описываются через создание сюрреалистичных образов. Отчуждение при этом гиперболизируется: коллеги кочегара бросают его в котельную установку, тяжело раненный дает прохожим указания, как следует разрезать его внутренности, на скотобоине истощенные человеческие тела перерабатываются в консервы.

С опытом травмы связаны и лейтмотивы, повторяющиеся во многих произведениях Р. Йиргля. Одним из таких мотивов являются рои мух – «крошечные атакующие машины» [Jirgl 2010a, 63], которые кружат вокруг человека и «отнимают воздух для дыхания» [Jirgl 2010a, 168]. Другой мотив – крик. Будь то крик от бессилия и страха («Мама-папа-роман», «Прощание с врагами») или крик боли или смерти («Собачьи ночи», «Генеалогия убийств»). В третьей части «Генеалогии убийств» крик выступает как перформативный элемент, который, имея потенциал отчуждения, наряду с другими стилистическими средствами, нацелен на ирритацию привычных способов рецепции.

В третьей части «Генеалогии убийств» «Новости простофили из разрушенной = жизни» (“Kaffer-Nachrichten aus dem zerstörten = Leben“) проводится параллель между отдельным телом и общественным телом, формированием собственного тела и государственной политикой тела. В книге показана языковая борьба между полностью отвергающим интеграцию в обществе пожилым человеком и его психиатром, олицетворяющим патриархальную модель мышления власти государства. Текст большей частью состоит из монологов старика, который переезжает из провинциального городка Биркхайма в Бер-

лин, после того как он якобы выколол глаза полицейскому во время жестокого нападения. В то время как старик в своей старой восточнонемецкой квартирке впадает в фантастические воспоминания, его охраняет и за ним наблюдает психиатр, который использует его в качестве подопытного объекта и наказывает электрошоком.

Овеществление человека показано в этом произведении и через язык. (Из обретающий собственные воспоминания мужчина отказывается производить с помощью слов имеющие смысл и отражающие правду предложения, которые могли бы помочь психиатру составить законченную картину болезни при помощи критериев психоанализа. В отличие от психоанализа, язык не позволяет обнаружить секрет тяжело определяемого Я, язык представляется как игровая комбинация словесного материала. Столкнувшись с границами собственной речи, пациент спрашивает себя, не является ли и существование психиатра лишь эхом его разговоров с самим собой [Jirgl 2010b, 576].

Приемы, которыми пользуется автор, часто вызывают у читателя когнитивный диссонанс. Полифоничные голоса рассказчиков, неожиданные изменения темпа повествования, нарушающего линейность временных и пространственных структур, а также содержательная грубая наглядность позволяют реципиенту заглянуть в самые темные глубины человеческих душ.

Саморефлексия и автокоммуникация, таким образом, становятся наиболее репрезентативными формами художественного мышления писателей прежде всего восточной части Германии после объединения. Художественные тексты, созданные в этот период, становятся важной частью метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современной немецкой истории.

Литература

- Assmann A. Vier Formen des Gedächtnisses. In: Erwägen, Wissen, Ethik, Streitforum für Erwägungskultur. Stuttgart, 2002. H. 13. S. 183–198.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. München, 1992.
- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: Assmann J., Hölscher T. (Hrsg.): Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a.M., 1988.
- Basseler M., Birke D. Mimesis des Erinnerens. In: Erll A., Nünning (Hrsg.). Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin; N. Y., 2005. S. 123–148.
- Diekmann Ch. Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität. Berlin, 1998.

- Gansel C. Rhetorik der Erinnerung. Zur narrativen Inszenierung von Erinnerung in der Kinder- und Jugendliteratur und Allgemeinliteratur. In: Gansel C., Korte H. (Hrsg.): *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie*. Göttingen, 2009. S. 13–40.
- Hirdina K. Umgang mit den alten Erfahrungen. In: *Neue Deutsche Literatur*. 38 Jg., 1990, Heft 454 (Oktober), S. 154–163.
- (a) Jirgl R. *Abschied von den Feinden*. München, 2010.
- (b) Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010.
- Jirgl R. *Muter Vater Roman*. Berlin, Weimar, 1990.
- Jirgl R. “Schlußwort für einen ‘Nachlaß zu Lebzeiten’”. In: Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010.
- Kammler C., de Winde A. “Schreiben – das ist meine Art, in der Welt zu sein“. Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl. In: Clarke D., de Winde A. (Hrsg.). *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam, New York, 2008. S. 21–59.
- Kocka J. *Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart*. Göttingen, 1995.
- Moser T. *Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe Und Stasi-Angst*. Frankfurt a. M., 1992.
- Neumann G. *Anschlag*. Köln, 1999.
- Roth, M. S. *Memory, Trauma, and History: Essays on Living with the Past*. I-Vi. Columbia University Press, 2012.
- Rotters E. Die Spannweite der Konflikte. In: Gillen E. (Hrsg.) *Deutschlandbilder: Kunst aus einem geteilten Land*. Köln, 1997. S.18–20.
- Schacter D. *Searching for Memory*. New York, 1996.
- Schmitz M. *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit*. Berlin, 1995.
- Thumfart A. *Die politische Integration Ostdeutschlands*. Frankfurt am Main, 2002.
- Welzer H. (Hrsg.) *Das soziale Gedächtnis*. Hamburg, 2001.
- Williams L., Banyard L. (Hrsg.) *Trauma and Memory*. Thousand Oaks; London; New Delhi, 1998.

Refere references

(Articles from Scientific Journals)

- Assmann A. Vier Formen des Gedächtnisses [Four formats of memory]. *Erwägen, Wissen, Ethik, Streitforum für Erwägungskultur*. Stuttgart, 2002. H. 13. S. 183–198. (In German).
- Hirdina K. Umgang mit den alten Erfahrungen [Dealing with the old experiences]. *Neue Deutsche Literatur*, 38 Jg., 1990, Heft 454 (Oktober), S. 154–163. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität [Collective memory and cultural identity]. Assmann J., Hölscher T. (Hrsg.): *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt a. Main, 1988. (In German).
- Basseler M., Birke D. Mimesis des Erinnerns [Mimesis of remembering]. Erll A., Nünning (Hrsg.). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven*. Berlin; N. Y., 2005. S. 123–148. (In German).
- Gansel C. Rhetorik der Erinnerung. Zur narrativen Inszenierung von Erinnerung in der Kinder- und Jugendliteratur und Allgemeinliteratur [Rhetoric of memory. On the narrative staging of memory in children’s and youth literature and general literature]. Gansel C., Korte H. (Hrsg.): *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie*. Göttingen, 2009. S. 13–40. (In German).
- Kammler C., Arne de Winde. “Schreiben- das ist meine Art, in der Welt zu sein“. Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl [“Writing – that’s my way of being in the world”. Conversation in letters with Reinhard Jirgl]. Clarke D., de Winde A. (Hrsg.). *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesearten, Kontexte*. Amsterdam, New York, 2008. S. 21–59. (In German).
- Rotters E. Die Spannweite der Konflikte [The span of conflicts] // Gillen E. (Hrsg.) *Deutschlandbilder: Kunst aus einem geteilten Land*. Köln, 1997. S. 18–20. (In German).

(Monographs)

- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis* [Cultural memory]. München, 1992. (In German).
- Diekmann Ch. *Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität* [The real life in the wrong. Stories from the East German identity]. Berlin, 1998. (In German).
- (a) Jirgl R. *Abschied von den Feinden*. München, 2010. (In German).
- (b) Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010. (In German).
- Jirgl R. *Muter Vater Roman*. Berlin, Weimar, 1990. (In German).
- Jirgl R. “Schlußwort für einen ‘Nachlaß zu Lebzeiten’”. Jirgl R. *Genealogie des Tötens*. München, 2010. (In German).
- Kocka J. *Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart* [Unification crisis. To the history of the present]. Göttingen, 1995. (In German).
- Moser T. *Vorsicht Berührung. Über Sexualisierung, Spaltung, NS-Erbe Und Stasi-Angst* [Careful touch. About Sexualization, Division, Nazi Inheritance, and Stasi-Anxiety]. Frankfurt a. M., 1992. (In German).
- Neumann G. *Anschlag*. Köln, 1999. (In German).
- Roth, M. S. *Memory, Trauma, and History: Essays on Living with the Past*, I-Vi. Columbia University Press, 2012. (In English).

- Schacter D. *Searching for Memory*. New York, 1996. (In English).
- Schmitz M. *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit* [Turning stress. The psychosocial costs of German unity]. Berlin, 1995. (In German).
- Thumfart A. *Die politische Integration Ostdeutschlands* [The political integration of East Germany]. Frankfurt am Main, 2002. (In German).
- Welzer H. (Hrsg.) *Das soziale Gedächtnis* [Social memory]. Hamburg, 2001. (In German).
- Williams L., Banyard L. (ed.) *Trauma and Memory*. Thousand Oaks; London; New Dalhi, 1998. (In English).

Сведения об авторе:

Потёмкина Марина Сергеевна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

Potyomina Marina S., Immanuel Kant Baltic Federal University, PhD in Foreign Literature, Associate Professor at Institute for Humanities Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

**МЕТАДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД
К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ**

Л.А. Чистякова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Аннотация. Немецкоязычная литература 90-х годов стала предметом горячих дискуссий не только в литературных кругах, но и во всем медийном пространстве объединенной Германии.

Одним из подтекстов общественного резонанса литературных событий было восточно-западное ментальное противостояние. Оценка политических взглядов и общественной позиции авторов со знаком «плюс» или «минус» стала определяющей для вынесения вердикта о собственно эстетических достоинствах их произведений. Литературные дебаты были перенесены в область общественного и политического скандала. Яркий пример тому – резкая критика рассказа Кристины Вольф «Что остается».

Вопрос о политической ангажированности писателей ГДР имеет и другую сторону. Запрещенные ранее в Восточной Германии книги вызвали, напротив, особый интерес на Западе. Так же, как официальная ГДР ожидала похвалы в свой адрес, так и западные рецензенты в каждой книге искали свидетельства бунта. Несогласие с культурной политикой ГДР стало своего рода барьером, который должна была преодолеть любая книга из ГДР, чтобы быть принятой на Западе. Сами художники негативно оценивали такую ситуацию, понимая необъективность и пристрастность читателя ФРГ по отношению к их произведениям. Ситуация, в которой оказались восточногерманские писатели после объединения, становится, наиболее наглядной на примере популярного и активно обсуждаемого в 1990-е годы автора Юрека Бекера.

Ключевые слова: объединение Германии, социокультурное событие, литературные дебаты, эстетические критерии, Юрек Бекер, социализм.

**METADISCOURSE APPROACH TO THE WORKS
OF GERMAN LITERATURE
AFTER UNIFICATION OF GERMANY**

Abstract. The 90s literature in the German language became an object of heated discussions not only in literary circles but in the whole media space of united Germany.

One of the concealed meanings of social response to literary events was the East-West mental confrontation. Positive or negative appreciation of the authors' political views and

social positions became determining in giving a verdict to proper aesthetic merits of their works. Literary debates were transferred to the sphere of social and political scandal. A striking example of this is the sharp criticism of Krista Volf's story "What remains".

The problem of GDR writers' political engagement has also another side. Books, forbidden earlier in Eastern Germany, on the contrary, stimulated interest in the West. In the same way as the official GDR waited for a praise in its address, the western reviewers sought for an evidence of revolt in every book. Disagreement with the GDR cultural policy became a kind of barrier, which every book from GDR had to get over in order to be accepted in the West. The writers themselves were negative in estimating such a situation and understood non-objectivity and bias of FRG readers in relation to their works. The situation, in which West German writers found themselves after the Unification, turns out to be most clear on the example of Jurek Becker, the author who was popular and was actively discussed in the 1990s.

Key words: *unification of Germany, social and cultural event, literary debates, aesthetic criteria, Jurek Becker, socialism.*

Скандал как часть литературного процесса

Первоначальная эйфория немцев, вызванная объединением Германии 1990, быстро сменилась разочарованием, и началась эпоха длительного противостояния «осси» и «весси» во всех сферах жизни, в том числе и в литературном процессе. Достаточно продолжительное существование в разных политических системах в эпоху разделения на ГДР и ФРГ наложило свой отпечаток не только на социально-политические, но и на литературные вкусы немцев с той и с другой стороны. Изменения в общественно-политической жизни вызвали не менее серьезные литературные перемены.

Исследователь Д. А. Чугунов высказывает мысль о том, что противостояние писателей запада и востока было далеко не равным: «Следует констатировать и тот факт, что 1990-е годы прошли под знаком разоблачения бывшей политики ГДР. Это не могло не отразиться и на литературной жизни, вызвав, в частности, серьезнейший идейный, мировоззренческий кризис в сознании многих восточногерманских авторов, повлекший за собой годы творческого молчания или эмиграцию из страны» [Чугунов 2006, 8]. Западные писатели, как правило, полностью игнорировали восточное культурное пространство и признавали только молодых собратьев по перу. Ставшая известной в 90-е годы западногерманская писательница Юдит Германн даже поддерживала слухи о своем «восточном» происхождении, вовремя сыграв на интересе, пробужденным ранее именно начинающими авторами из бывшей ГДР.

В объединенном пространстве литературного поля наметилась и другая тенденция. Немецкий ученый Михаэль Браун отмечает, что после 1990 года средства массовой информации начали принимать активное участие в оскандаливании авторов и их произведений. «Личность и произведение, частная сфера и общественный статус так же неотделимы друг от друга в литературном споре, как и вопросы об эстетическом качестве (текста) и моральной незапятнанности (автора)» [Braun 2010, 78]. Скандал становится для литературного произведения своего рода серьезным тестом, в котором выражены общественные ожидания. Любые поступки и публичные выступления автора тут же сказываются на оценке его произведений. Как зарубежные, так и отечественные исследователи обращают внимание на тот факт, что скандал в настоящее время вырос до уровня объекта литературоведческого исследования. В 2008 году в Сорбонне в Центре славянских исследований проходила международная конференция «Скандал как механизм культуры», материалы которой были проанализированы в одном из выпусков журнала «Вопросы литературы». По верному замечанию автора критического очерка, «скандал обязательно направлен вовне, «коммунальность» скандала с неизбежностью предполагает «вынос сора», ибо, как показывает культурно-исторический, политический и жизненный опыт, среди «своих» (то есть находящихся внутри установленной системы) скандалов не бывает» [Осовский 2010, 69]. Стремление к делению на «своих» и «чужих» можно проследить во многих событиях литературной жизни Германии 90-х годов.

Произведения известных немецких писателей Кристи Вольф „Was bleibt“ (1990), Гюнтера Грасса „Ein weites Feld“ (1995), Петера Хандке „Serbienbuch“ (1996) и другие широко дискутировались не как литературные, а в первую очередь, как социокультурные события с политическим оттенком. Литературные дебаты были перенесены в область общественно-политического скандала. Начало целому ряду громких разбирательств и обвинений в сотрудничестве с «режимом» Хоннекера положила запоздалая (1990) публикация повести Кристи Вольф «Что остается», написанная еще в 1979 году. Критики в буквальном смысле слова ополчились на писательницу, совсем недавно имевшую в ФРГ репутацию оппозиционерки. Негативное отношение к рассказу связано, прежде всего, со временем его публикации – после падения ГДР и исчезновения угрозы преследования со стороны властей. Факты сотрудничества писательницы с органами госбезопасности стали поводом для сомнения в литературных достоинствах ее творчества вообще. Разумеется, этот скандал был лишь частью большого разговора о судьбе литературы ГДР вообще, о том, какое место она займет

в едином литературном процессе. Потому и название доклада Вольфа Бирмана на литературных дебатах (1990–1991) кажется нелогичным, но очень точным: «Речь идет о Кристе Вольф, точнее, речь идет не о Кристе Вольф» [Anz 1992].

Ситуация, в которой оказались восточногерманские писатели после объединения, становится наиболее наглядной на примере популярного и активно обсуждаемого в 1990-е годы автора Юрека Бекера. Выход за рамки литературного дискурса при оценке его творчества произошел несколько раньше, поскольку он задолго до объединения покинул ГДР по политическим убеждениям и последние двадцать лет своей жизни провел в Западном Берлине.

Писатель и «реальный социализм» в творчестве Юрека Бекера

Юрек Бекер был в числе немногих, кто выразил протест против исключения из Союза писателей Райнера Кунце в октябре 1976 года и против лишения гражданских прав Вольфа Бирмана. В ноябре того же года Бекера исключают из партии. Добровольный выход из Союза писателей в 1977 году означал окончательный разрыв с социалистической системой. «С ГДР его прежде всего связывал коммунизм. Он верил, что участвует в изменении мира. И он действительно делал это, только не в желаемом направлении и не с теми результатами, на которые надеялся. То, что он считал благословенной страной, оказалось всего лишь Fata Morgana. После этого логично было его решение покинуть ГДР» [Reich-Ranicki 1993, 156]. Большую роль сыграло и то, что в результате опалы писатель оказался в полной изоляции: его книги перестали издавать, на киностудии ДЕФА не принимали сценарии.

В Западном Берлине у Бекера появилась не только возможность печататься, но и реализовать писательское призвание в его собственном понимании. Созданное в ГДР за последнее время было лишь реакцией на политические события в стране и в мире, что не соответствовало представлениям художника о литературе: «Я задал себе вопрос: быть писателем – это то же, что и быть борцом Сопротивления? Это не одно и то же. Я должен был решить-ся и выбрать какую-то одну карьеру» [Der Spiegel 1997, 216].

Немецкими литературоведами неоднократно подчеркивалось, что Ю. Бекер во всех произведениях выступал в защиту социализма. Высказывания самого писателя помогают понять его позицию. В статье «О последних днях» он высказал «небольшое возражение против великой немецкой эйфории» после объединения Германии. Он считал, что до падения «реального социализма» существовала надежда на способность соцстран стать чем-то бóльшим, чем общество потребления западного образца. «Мы на

Западе живем без представления о целях... Самое важное в социалистических странах не действительная реальность, а возможность. Там не все так предрешено, как здесь. Это неведение не означает ничего хорошего, но оно поддерживает единственную надежду в жизни, что после нас с людьми будет все в порядке. Восточная Европа представляется мне последней попыткой. И если она окажется неудачной, можно снять со счета последние деньги и пропить» [Becker 1990, 231].

Уже первые публикации привлекли к начинающему автору пристальное внимание критики и в ГДР, и в ФРГ. При анализе отдельных произведений прослеживается следующая тенденция: однозначно высоко оцениваются два романа – «Якоб-лжец» и «Дети Бронштейна»; в отношении других высказываются разные, порой взаимоисключающие друг друга мнения.

«Якоб-лжец» вызвал самые восторженные отклики. «Никому другому во всей мировой литературе не удалось написать так совершенно, и в то же время так занимательно, можно сказать, остроумно, об ужасе истребления евреев национал-социализмом, не опускаясь ни в одном эпизоде до безвкусицы или мрачного цинизма. «Якоб-лжец» был и остается достойным ответом на все якобы хорошие, но на самом деле низкопробные переработки этой темы» [Rotschild 1987, 4], – отмечал критик спустя восемнадцать лет после выхода романа.

Оценка других произведений неоднозначна: от чрезмерных похвал до едкой иронии. Значительное расхождение во мнениях восточно- и западногерманских критиков особенно наглядно на примере романа «Боксер». Образ главного героя Арона Бланка воплощает трагедию человека, жестоко преследуемого воспоминаниями и не имеющего возможности жить настоящей жизнью. По окончании войны главный герой обречен на страдания и мучительные воспоминания о жизни в лагере, он по-прежнему ощущает себя жертвой. Пережив концлагерь, бывшие узники превращаются в заложников собственной памяти, и из этого плена, подчеркивает Бекер, освободиться ничуть не легче.

Несмотря на то что произведение по своему содержанию не может быть отнесено к оптимистическим историям об «активистах первого часа», критики ГДР выделяли проблему общественной активности в социалистическом государстве как основную. При таком взгляде вполне закономерно высказывание Хенеля относительно «исторически справедливой оценки жизни Арона Бланка», которую можно было заострить «...если бы автору удалось обогатить духовно-мировоззренческий облик молодого рассказчика новым жизненным опытом и новым сознанием» [Hähnel 1977, 150]. Анна

Шарлони, напротив, считает, что «Бекер открыто полемизирует с поучительным тоном некоторых произведений литературы ГДР и отрицает линейное развитие сюжета в общем» [Chiarloni 1990, 690]. Более того, она рассматривает структуру романа как протест против монологизированного, авторитарного «партийного» повествования. В условиях жесткого ограничения свободы слова авторские комментарии не допускались, оставалась единственная возможность – расположить материал в определенном порядке, представляя субъективные мнения, различные точки зрения. Читателю необходимо самому ориентироваться среди неоднородного, временами противоречивого материала, чтобы составить собственное мнение о прошлом.

Вследствие разных интерпретаций идейного замысла произведения критики расходятся также и в оценке речевого и предметно-образного аспектов. Одни отмечают, что автор в полной мере использует возможности композиционного построения, и это позволяет отнести роман к высокохудожественным произведениям. Другие считают, что у Бекера бедный событиями, рыхлый сюжет, неточный язык, сухой тон протоколиста.

Упреки в отсутствии у Бекера принципиально критического взгляда на социализм, в приспособлении, в том, что он неполно, в искаженном виде представил действительность ГДР, легко опровергаются фактами биографии писателя, получившего известность на Западе благодаря смелой и бескомпромиссной политической позиции. Более справедливо, на наш взгляд, следующее мнение: «Случай с Бекером демонстрирует неразрывную связь литературы и политики... Юрек Бекер именно как писатель был социалистом. Впрочем, не менее важно, что социалист Бекер, выразивший себя в литературе, оставался прежде всего писателем» [Lüdke-Härtel 1993, 12].

Прожив большую часть жизни в Западном Берлине, Бекер навсегда остался для критиков представителем литературы ГДР. То обстоятельство, что в Восточной Германии его книги были запрещены, вызвало особый интерес на Западе и в определенной мере способствовало росту его популярности. Сам художник негативно оценивал такую ситуацию, понимая необъективность и пристрастность читателя ФРГ по отношению к его романам: «Мне также было ясно, что попытка стать “нормальным западным писателем” обречена на провал. Написанные в ГДР и изданные на Западе книги читаются и воспринимаются не как обычные книги. Так же, как официальная ГДР ожидала похвалы в свой адрес, так и западные рецензенты в каждой книге искали свидетельства бунта. Несогласие с культурной политикой ГДР стало своего рода барьером, который должна была преодолеть любая книга из ГДР, чтобы быть принятой здесь» [Becker 1990, 211].

В последнем романе «Бессердечная Аманда» Ю. Бекер подвел своего рода итог истории существования ГДР и, вопреки ожиданиям многих критиков, не стал живописать ни страдания жертв политического преследования, ни коррумпированность партийных чиновников. Понимая ситуацию намного глубже, он показывает с помощью своих героев разные способы приспособления человека к условиям ограниченной свободы: Людвиг Венигер, поющий гимн советско-германской дружбе, и Фриц Гетман, выступивший однажды перед собранием Союза писателей с речью о нарушении прав человека, руководствуются одними и теми же мотивами. Диссидентство, как это ни парадоксально, давало еще большие преимущества, чем поддержка официальной политики. Неудобные в ГДР писатели быстро находили признание в ФРГ: у них брали интервью для телевидения и крупных газет и журналов, их книги издавали большими тиражами. В финале Аманда принимает предложение западногерманского журналиста Станислауса Долля, уверенного в себе красавца, далекого от политики, за которого она начала писать репортажи, и уезжает в Западную Германию.

Семейный союз Аманды и Станислауса можно рассматривать как символ объединения Германии. Но он же воплощает и объединение двух немецких литератур. Что получится в результате слияния политической ангажированности в сочетании с весьма скромным талантом и веселого, остроумного легкомыслия? Роман предоставляет читателям свободу в разрешении вопроса.

Что касается мнения Ю. Бекера, то оно четко выражено в статье «Объединение немецкой литературы». «Без сомнения, в бывшей ГДР литература играла другую роль, чем на Западе, более важную, как я думаю. Литературы ГДР больше не будет... Она потеряет все свои отличительные признаки, благодаря которым представляла из себя что-то особенное. Бывшая когда-то литературой ГДР, она будет продолжать жить под новым названием – просто как немецкая литература или, говоря открытым текстом, как западногерманская» [Becker 1992, 69].

Литература

- Воротникова А.Э. Криста Вольф: приход к самой себе. Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://nrgumis.ru/articles/347/> (дата обращения 6.01.2019).
- Осовский О.О., Осовский О.Е. «Драку заказывали?» Скандал как объект культурологического описания и историко-литературного чтения // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 123–129.
- Чугунов Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: Ситуация «поворота». Воронеж, 2006.

- Anz Th. Es geht nicht um Christa Wolf. Der deutsch-deutsche Literaturstreit. Frankfurt a. M., 1992.
- Becker J. Materialien. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
- Braun M. Die deutsche Gegenwartsliteratur. Köln Weimar Wien, 2010.
- Chiarloni A. Von der Schuld, noch Leben zu sein. Einige Bemerkungen zum Roman "Der Boxer" von J.Becker // Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1990. No 6. S. 686–690.
- Hähnel K.-D. Jurek Becker: Der Boxer // Weimarer Beiträge. 1977. No 7. S. 144–150.
- Lüdke-Härtel S. / Lüdke W.M. Jurek Becker // Kritisches Lexikon zur deutschen Gegenwartsliteratur. München, 1993.
- Reich-Ranicki M. Über Ruhestörer. Juden in der deutschen Literatur. München, 1993.
- Rotschild Th. Opfer als Täter als Opfer // Die Neue Gesellschaft. Bonn. 1987. No 1. S. 4–5. Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur/ Herausgegeben von Heinz Ludwig Arnold. – Heft 116. Jurek Becker. – Oktober 1992.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Vorotnikova A.E. Krista Vol'f: prikhod k samoy sebe [Christa Wolf: coming to herself]. Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/347/> (accessed 06.01.2019). (In Russian).
- Osovskiy O.O., Osovskiy O.E. «Draku zakazyvali?» Skandal kak ob"yekt kul'turologicheskogo opisaniya i istoriko-literaturnogo chteniya ["Did you order the fight?" Scandal as an object of a description in cultural studies and of historical-literary reading]. Voprosy literatury, 2010, no. 5. Pp. 123–129. (In Russian).
- Rotschild Th. Opfer als Täter als Opfer [Victim as Criminal as Victim]. Die Neue Gesellschaft, 1987, no. 1. Pp.4–5. (In German).
- Hähnel K.-D. Jurek Becker: Der Boxer [Jurek Becker "Boxer"]. Weimarer Beiträge, 1977, no. 7. Pp. 144–150. (In German).
- Chiarloni A. Von der Schuld, noch Leben zu sein. Einige Bemerkungen zum Roman "Der Boxer" von J. Becker. [On the fault of the survived. Commentaries to the novel by Jurek Becker]. Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1990, no 6. Pp. 686–690. (In German).
- Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 116. Jurek Becker [Jurek Becker]. 1992. October. (In German).
- Lüdke-Härtel S. Lüdke W.M. Jurek Becker [Jurek Becker]. Kritisches Lexikon zur deutschen Gegenwartsliteratur, München, 1993. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Anz Th. Es geht nicht um Christa Wolf [We don't speak of Christa Wolf. Literary debate

- between Germans and Germans]. Der deutsch-deutsche Literaturstreit. Frankfurt a. M., 1992. Pp. 86–97. (In German).
- Becker J. Materialien [Collection of articles]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992. Pp.236–246. (In German).

(Monographs)

- Čugunov D.A. Nemeckaya literatura 1990-h godov: Situaciya «povorota» [German literature of the 1990s: Situation of "turning"]. Voronež, 2006. (In Russian).
- Braun M. Die deutsche Gegenwartsliteratur [Modern German literature]. Köln Weimar Wien, 2010. (In German).
- Reich-Ranicki M. Über Ruhestörer. Juden in der deutschen Literatur [On disturbers of calmness. Jews in German literature]. München, 1993. (In German).

Сведения об авторе:

Чистякова Людмила Александровна, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода.
E-mail: luchis@mail.ru

Chistyakova Lyudmila A., Bunin Elets State University, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Romanice and Germanic languages and translation.
E-mail: luchis@mail.ru

БЕРЛИН В СТИЛЕ НУАР: ФОЛЬКЕР КУЧЕР И ЭРИК ЛАРСОН

Г.Г. Ишимбаева

Башкирский государственный университет, Уфа

Аннотация. В статье исследуются текстуальные стратегии и способы создания образа нуарного Берлина в романе Ф. Кучера «Вавилон-Берлин» и книге Э. Ларсона «В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине», находящихся в интертекстуальном диалоге с Откровением Иоанна Богослова и с романом К. Ишервуда «Прощай, Берлин». Смысловое единство и семантическая связность анализируемых произведений проявляется в том, что писатели выстраивают систему проблемных «узлов» и ключевых слов своих повествований, дают недвусмысленные указатели в названиях, пользуются одинаковыми способами языкового кодирования основных составляющих берлинского текста и воссоздают через изображение криминального Берлина атмосферу всей Германии кануна переворота и первых лет нацистского режима. В статье доказывается, что Берлин Кучера и Ларсона выступает как текст и как механизм порождения текстов, для которого характерны интертекстуальные и интермедийные компетенции. Текст города, подразумевающий гетероморфную медийность, получил зримое выражение в экранизациях – так происходит смысловое гиперкодирование образа Берлина в стиле нуар в мультикультурном XXI в.

Ключевые слова: Ф. Кучер, Э. Ларсон, К. Ишервуд, Иоанн Богослов, текст города, интертекстуальность, интермедийность, гиперкодирование.

BERLIN IN NUAR STYLE: VOLKER KUTSCHER AND ERIK LARSON

Abstract. The article examines textual strategies and ways to create the image of noir Berlin in the novel by F. Kutscher “Babylon Berlin”, and E. Larson’s book “In the Garden of Beasts: Love, Terror, and an American Family in Hitler’s Berlin” which are in intertextual dialogue with the Revelation of Saint John the Theologian and with Ch. Isherwood’s novel “Farewell to Berlin”. The semantic unity and semantic connectivity of the analyzed works are manifested in the fact that the writers construct a system of problematic “nodes” and keywords of their narratives, give unambiguous pointers in the names, use the same methods of language coding of the main components of the Berlin text, and recreate the atmosphere of the whole Germany on the eve of the coup and the early years of the Nazi regime through the image of criminal Berlin. The article proves that Kutscher and Larson’s Berlin acts as a text

and as a mechanism for generating texts which is characterized by intertextual and intermedia competences. The text of the city, implying a heteromorphic mediality, has been visibly expressed in film adaptations. This is the way the semantic hypercoding of the image of Berlin in the noir style in the multicultural XXI century occurs.

Key words: F. Kutscher, E. Larson, Ch. Isherwood, Saint John the Theologian, text of the city, intertextuality, intermediality, hypercoding.

В отечественном литературоведении конца XX века после публикации знаменитой работы В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» [Топоров 1995] стало актуальным изучение города как текста. Цель настоящей статьи – проанализировать «берлинский текст» двух книг (немецкой и американской), появившихся с разницей в несколько лет в первое десятилетие XXI века. В них изображается Берлин в стиле нуар – «Der nasse Fisch» (в английском и русском изданиях «Вавилон-Берлин») Ф. Кучера (2007, 2008) и «В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине» Э. Ларсона (2011).

Термином «нуар», возникшим во французской кинокритике середины 1940-х гг. [Nagel 1998], сначала обозначали определенный стиль голливудского детективного «черного кино» 1930–1950 годов с характерным рядом признаков. Это изображение депрессивного состояния общества, мрачного и враждебного внешнего мира, города как средоточия пороков, а также акцентирование идей фатализма, пессимизма и скепсиса, которые определяют внутреннее состояние одинокого в толпе человека, находящегося на грани своих возможностей и в конфликте с социумом. Собственно преступление оказывается в этих кинофильмах фоном, на котором раскрываются сложные и запутанные отношения героев в обстановке тревожного и напряженного ожидания развязки в духе «Заката Европы».

Стилистика фильмов-нуар, близкая немецкому экспрессионизму, стала востребованной и в литературе, обращающейся к проблемам отчужденности, дезинтеграции и дезориентации общества на грани распада и художественно осмысляющей их с опорой на культурный код «черного кино».

Для литературных произведений в стиле нуар, которые, по формулировке Г.К. Косикова, «замешаны на жестокости и эротике» и умело спекулируют на острых социальных проблемах [Косиков 1983, 5], характерны жесткий реалистический рисунок повествования, циничные персонажи, склонные к саморазрушению и порокам, обязательная сексуальная линия и роковая женщина.

Эти стилевые схемы, на наш взгляд, присутствуют и в произведениях Ф. Кучера «Вавилон-Берлин» и Э. Ларсона «В саду чудовищ. Любовь

и террор в гитлеровском Берлине». Действие первого романа разворачивается в Берлине 1929 г., действие второго – накануне государственного переворота и в первые годы Третьего рейха в 1933–1937 гг. В основе сюжета романа Кучера – художественный вымысел на фоне реальных исторических событий: жизнь комиссара Гереона Рата, его профессиональная деятельность, связанная с расследованием преступлений, его отношения с женщинами приурочены к определенному времени – к эпохе кризиса и падения нравов в Веймарской Германии. «В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине» – документальная книга, которая воспроизводит реальную жизнь семьи Уильяма И. Додда, в 1933 г. получившего назначение на пост первого посла Америки в Германии, и подробно рассказывает о любовных увлечениях дочери Додда, в числе поклонников которой были глава гестапо Р. Дильс, тайный агент НКВД Б. Виноградов, многочисленные представители партийной верхушки НСДАП и берлинской богемы. Любовная линия книги Ларсона выстраивается по законам романа с прологом, завязкой, развитием сюжета, кульминацией, развязкой, эпилогом, с воспроизведением внутреннего монолога героини и диалогов героев-любовников, логика поведения которых обусловлена фрустрацией, порожденной эпохой.

Немецкий и американский писатели используют разные жанровые формы: исторический детектив («Вавилон-Берлин») и документальное исследование («В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине»), однако близки в отношении рецепции и рефлексии города. Следующие разным моделям текста и разным жанрам, оба автора в изображении берлинского хронотопа прибегают к межжанровой диффузии, в результате чего художественный вымысел романа Кучера обретает документальное звучание, а нон-фикшн книги Ларсона (письма, дневники, мемуары и другие исторические источники) – художественное. Единство текстовых стратегий наглядно раскрывается в изображении Берлина.

Уже в первом эпиграфе к своему роману, в словах министра иностранных дел Германии в 1922 г. Вальтера Ратенау, «Афин-на-Шпрее больше нет, / а Чикаго-на-Шпрее процветает» [Кучер 2017, 5] Кучер обозначает «нуарную» изобразительную традицию, которой придерживается. Берлин 1929 г. перестал быть мировой сокровищницей художественных ценностей и общеевропейским центром культурной жизни, превратившись в криминальную столицу мира. В этом смысле рецепция берлинского хронотопа Кучера близка концепции немецкого историка и культуролога Тодда Герцога, который в книге «Криминальные истории: криминалистическая фантазия и культура кризиса в Веймарской Германии» [Herzog 2009] дает описание интеллекту-

альной атмосферы того времени, когда в общественном сознании было укоренено представление о Берлине как о «Чикаго-на-Шпрее», наводненном всевозможными преступниками.

Поэтому ожидаемы краски, которыми пользуется Кучер, рассказывая о Берлине, воспринимаемом глазами Гереона Рата: «адская смесь алкоголя, кокаина и адреналина» [Кучер 2017, 190]. Служащий в полиции нравов, бывший фронтовик, Рат по долгу службы имеет дело с представителями берлинского дна, со всевозможными типами маргиналов и извращенцев, с проститутками, сутенерами, и ежедневно наблюдает «сюрреалистические» сцены [Кучер 2017, 190], круто замешанные на порнографии, наркотиках, политике, убийствах.

Гереон Рат – программный герой Кучера с прозрачно символическим именем: Гереон – святой покровитель города Кельна, Рат (der Rat) – в переводе с немецкого языка означает «советник», т.е. имя героя несет в себе коннотации его святости, чистоты, образцовости. И это при том, что Рат далеко не идеален: он превысил полномочия во время службы в Кельне и убил преступника, затем убил гангстера в Берлине и утопил его тело в бетоне, у него есть опыт приема кокаина. Однако именно Рат распутывает загадочное убийство, с которого начинается роман, политическую подоплеку дела «золотого поезда», грязные игры секретной службы. Сам тип этого следователя вполне соответствует героям американских нуаров.

Принципиально то, что Рат – чужак в Берлине, переведенный из отдела по расследованию убийств полиции Кельна, поэтому его взгляд, взгляд человека со стороны, особенно остр и фотографически точен. Рат знакомится в первую очередь с ночной жизнью Берлина. Она дается под знаком Апокалипсиса, начальные аккорды которого прозвучали после окончания Первой мировой войны: «В 1919 году революция перевернула все моральные ценности, а в 1923-м инфляция уничтожила все материальные блага» [Кучер 2017, 17]. То состояние города, которое застал Рат, кажется ему закономерным следствием недавних катастрофических событий.

Берлин эпохи заката Веймарской республики в восприятии героя близок образу из Откровений Иоанна Богослова, который «увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами <...> и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» [Откровение 1968, 1340].

Блудница выступает символом города, отвратившегося от Бога: действие многих эпизодов романа разворачивается в притонах и сомнительных клубах, где царят гангстерские нравы, похоть и грязь.

Метафора Берлина = Вавилона была, несомненно, использована как переводчиками романа Кучера на русский и английский языки, так и создателями сериала. Изменение оригинального названия романа стало следствием очевидных содержательных и выразительных особенностей этого произведения, в котором все детали портрета города интертекстуально отсылают к образам Откровений святого Иоанна Богослова – зверю, который выйдет из бездны и погибнет, царям на один час, людям разных племен и языков, подчиненным блуднице.

Берлин Кучера, погрязший в пороках и преступлениях, живет в ожидании краха. Мотив грядущего конца с его ведущей эсхатологической идеей о неумолимом приближении краха разворачивается в романе «Вавилон-Берлин» буквально в каждом эпизоде, уточняя социально-политическую обстановку, сложившуюся в Берлине к 1929 г.: приближается власть нацистского зверя.

Портрет кучерского Берлина за несколько лет до государственного переворота многолюден и пестр: здесь изображены представители разных немецких земель, политических партий (коричневых, красных, бесцветных), эмигрантов – прежде всего разнообразных русских (монархистов, троцкистов, сталинистов), и все они так или иначе находятся во власти вавилонской блудницы.

Концептуально важная интертекстуальная связь романа Кучера с Откровениями Иоанна Богослова усиливается за счет его внутритекстового диалога с романом Кристофера Ишервуда «Прощай, Берлин» (1939). Английский писатель воссоздал жизнь и нравы берлинской богемы в период с осени 1930 по зиму 1932–1933 годов, которые показал через призму восприятия автобиографического героя. Ишервуд рисует образ Берлина, фиксируя те моменты, которые позже, 70 лет спустя, получают развернутое изображение в романе Кучера. Это, во-первых, маргинальная среда, неслыханная свобода нравов, политическая и идеологическая растерянность интеллигенции и представителей «потерянного поколения», усиление позиций национал-социалистов. Это, во-вторых, сам тип нарратора – чужака в городе, Криса Ишервуда, который сразу же заявляет: «Я – камера с открытым объективом, совершенно пассивная, не мыслящая – только фотографирующая» [Ишервуд 1996, 5]. Это, наконец, эпизодические герои романа – русский Д., бывший комиссар полиции во время Веймарской республики герр Н., и, в целом, портрет Берлина, находящегося на краю пропасти и падающего в пропасть, и берлинцев, которые в этом падении «вписываются в обстановку по законам природы, как зверь, зимой меняющий шерсть» [Кучер 2017, 190].

Если диалог романа Кучера с романом «Прощай, Берлин!» имеет внутритекстовый характер и проявляется в подобии общей картины хроно-

па и портрета города, то Ларсон в своей книге «В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине» демонстративно обнажает традицию, которой следует. В авторском послесловии «Источники и благодарности» Ларсон подчеркивает: «Особая ценность похожих на мемуары романов Кристофера Ишервуда (особенно «Прощания с мистером Норрисом» и «Прощай, Берлин») для меня заключалась в описаниях Берлина и царившей в ней атмосферы в годы, предшествовавшие взлету Гитлера, когда Ишервуд сам жил в Берлине» [Ларсон 2014, 426].

В восьмой главе, посвященной истории вхождения Марты Додд в берлинское общество, Ларсон прямо цитирует роман Ишервуда, искусно переплетая собственный текст с ишервудским. Говоря о неофициальных, так называемых «бобовых вечеринках», он выделяет итальянский ресторанчик «Таверна», где был всегда накрыт «стол для постоянных посетителей» [Ларсон 2014, 82]. «Этот своеобразный клуб был достаточно известен в узких кругах», – замечает Ларсон и сразу вслед за этими словами приводит цитату с указанием источника цитирования и со сноской: «Посетители ресторана не сводили с них глаз и прислушивались, стараясь узнать, о чем они говорят, – писал Кристофер Ишервуд в книге «Прощай, Берлин». – Если у вас были для них какие-нибудь новости – подробности об аресте или адрес пострадавшего, родственники которого могли бы дать интервью, – кто-нибудь из журналистов вставал из-за стола и отпраивался вместе с вами погулять туда-обратно по улице» [Ларсон 2014, 82].

Для Ларсона, таким образом, «присваивающего» текст романа Ишервуда, последний выполняет функцию прямого документального свидетельства. В результате роман Ишервуда оказывается маркером, подчеркивающим определенную художественную рецепцию берлинского хронотопа, и происходит визуализация художественной картины ишервудского Берлина в портрете Берлина от Ларсона. Неудивительно, что в десятистраничной библиографии [Ларсон 2014, 485–495], которой заканчивается его книга и которая состоит из сугубо научной литературы вопроса (исторической, социологической, политической), указан и роман Ишервуда «Прощай, Берлин» [Ларсон 2014, 490].

Ларсон, в отличие от Кучера, обращается не к маргинальному слою берлинского мира, в котором разворачивается профессиональная деятельность комиссара полиции. Его герои – представители высшего дипломатического корпуса, верховной власти, элитной богемы. Однако Берлин в его книге, как и в романе Кучера, изображен вавилонской блудницей в восприятии чужаков, людей с другого континента. В этом городе совершаются безнаказанные преступления против евреев, американцев и немцев, наводят ужас

на обывателей штурмовики, на глазах изменяется политическая ситуация, «красно-бело-черные нацистские эмблемы с неизменным ломаным крестом в центре» [Ларсон 2014, 107] главенствуют повсюду. В подзаголовке к названию своей книги Ларсон выделяет два концепта, которые исследует: «любовь» и «террор» в гитлеровском Берлине, где оборотной стороной террора оказывается любовь. Ее патологически извращенные формы раскрываются благодаря образу Марты Додд с ее «разнообразными романтическими увлечениями» [Ларсон 2014, 177].

Атмосфера эпохи «любви и террора в гитлеровском Берлине» воспроизводится в более или менее подробных дневниковых записях членов семьи Доддов и в их переписке.

При этом Ларсон интертекстуально и метафорически играет с заголовками частей своей книги, которым дает говорящие названия, находящиеся в диалоге с мировой литературой или друг с другом. Так, первая часть, в которой разворачивается история назначения Додда в Германию, называется «В сумрачный лес» [Ларсон 2014, 7], и этот образ восходит к дантову «сумрачному лесу» «Инферно». В третьей части, посвященной отношениям Марты Додд и шефа секретной полиции Рудольфа Дильса, – «Люцифер в саду» [Ларсон 2014, 105], – появляются призраки Фауста и Мефистофеля Гете [Ларсон 2014, 107]. Пятую часть, действие которой датируется январем 1934 года, – «Тучи сгущаются» [Ларсон 2014, 239], предваряет снимок, изображающий Гитлера и Рема, и закачивается она словами об ощущении «разлитого в воздухе напряжения» [Ларсон 2014, 301]. Часть шестая – «Сумерки над Берлином» [Ларсон 2014, 303] – подхватывает и продолжает найденную метафору. Первая глава этой части начинается с констатации: «Город дрожал от предчувствия скрытой опасности, вибрировал так, словно сквозь самый его центр проложили провод под высоким напряжением» [Ларсон 2014, 305]. Седьмая часть открывается одним из изображений Гитлера в артистическом экстазе и называется «И грянули перемены» [Ларсон 2014, 347]. Ее камертоны обозначены названиями первой и последней глав: «Расстрелять! Расстрелять!» [Ларсон 2014, 349], «И пала тьма» [Ларсон 2014, 400]. Таким образом, книга с метафорическим названием «В саду чудовищ» раскрывает уже на уровне наименований отдельных частей свою главную идею, которая диалогична по отношению к первому эпиграфу романа Кучера «Вавилон-Берлин»: этот город больше не Афины-на-Шпрее, а Чикаго-на-Шпрее.

Текстуальные стратегии Кучера и Ларсона, рисующих Берлин конца 1920–1930 гг., одинаковы – при том, что ближе к канону стиля нуар, безусловно, Кучер в своем детективе, а не Ларсон, который изображает не нуар-

ную среду и не расследование конкретных убийств, но преступления нацистского режима против человечества в целом. Однако смысловое единство и семантическая связность двух произведений проявляются в сюжете берлинского текста, имеющего нуарную стилистику. Его авторы выстраивают систему проблемных «узлов» и ключевых слов своих повествований, дают недвусмысленные указатели в названиях, пользуются одинаковыми способами языкового кодирования основных составляющих берлинского текста и воссоздают через изображение криминального Берлина атмосферу всей Германии кануна переворота и первых лет нацистского режима.

Таким образом, Берлин Фолькера Кучера и Эрика Ларсона выступает как текст и как механизм порождения текстов, для которого характерны интертекстуальные и интермедийные компетенции. Текст города, подразумевающий гетероморфную медиальность, получил зримое выражение в экранизациях – в сериале 2017 г. «Вавилон-Берлин» (режиссеры Т. Тыквер, Х. Хандлетген, А. фон Боррис), и в драме 2018 г. «В саду чудовищ» (режиссер М. Хазанавичус). Показательно, что обе экранизации очевидно аллюзивны по отношению к кинофильму Б. Фосса «Кабаре» (1972), созданному по мотивам романа Ишервуда.

Так происходит смысловое гиперкодирование образа Берлина в стиле нуар в мультикультурном XXI в.

Литература

- Ишервуд К. Прощай, Берлин / Пер с англ. А. Курта. М., 1996.
- Косиков Г.К. О прозе Бориса Виана // Виан Б. Пена дней. Роман. Новеллы / Составление и вступительная статья Г. К. Косикова. М., 1983. С. 3–22.
- Кучер Ф. Вавилон-Берлин / Пер. с нем. Т.В. Садовниковой. М., 2017.
- Ларсон Э. В саду чудовищ. Любовь и террор в гитлеровском Берлине / Пер. с англ. И. Ющенко. М., 2014.
- Откровение святого Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1968. С. 1325–1346.
- Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.
- Herzog T. Crime Stories: Criminalistic Fantasy and the Culture of Crisis in Weimar Germany. New York, Oxford, 2009.
- Naremore J. More than Night: Film Noir in its Contexts. Berkeley and Los Angeles, 1998.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Kosikov G.K. (ed.). O proze Borisa Viana [About the prose of Boris Vian]. *Pena dnei. Roman. Novelly* [The Foam of the Days. Novel. Novels]. Moscow, 1983. Pp. 3–22. (In Russian).
- Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury» (Vvedenie v temu) [Petersburg and the “Petersburg text of Russian literature” (Introduction to the topic)]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites.]. Moscow, 1995. Pp. 259–367. (In Russian).

(Monographs)

- Isherwood C. (author), Kurt A. (transl.). *Proshchay, Berlin!* [Goodbye to Berlin]. Moscow, 1996. (Translated from English to Russian).
- Kutscher V. (author), Sadovnikova T.V. (transl.). *Vavilon-Berlin* [Babylon Berlin]. Moscow, 2017. (Translated from German to Russian).
- Larson E. (author), Yushchenko I. (transl.). *V sadu chudovishch. Lyubov' i terror v gitlerovskom Berline* [In the Garden of Beasts: Love, Terror, and an American Family in Hitler's Berlin]. Moscow, 2014. (Translated from English to Russian).
- Otkrovenie svyatogo Ioanna Bogoslova [The Revelation of Saint John]. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of Holy Writ of Old and New Testament]. Moscow, 1968. Pp. 1325–1346. (In Russian).
- Herzog T. *Crime Stories: Criminalistic Fantasy and the Culture of Crisis in Weimar Germany*. New York, Oxford, 2009. (In English).
- Naremore J. *More than Night: Film Noir in its Contexts*. Berkeley and Los Angeles, 1998. (In English).

Сведения об авторе:

Ишимбаева Галина Григорьевна, Башкирский государственный университет, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета. – Научные интересы: немецкая филология, компаративистика.
E-mail: galgrig7@list.ru

Ishimbaeva Galina G., Bashkir State University, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature and Publishing at Bashkir State University.
Research Interests: German philology, Comparative studies.
E-mail: galgrig7@list.ru

TRANSLATIONAL TURN. ШИШКИН О РОБЕРТЕ ВАЛЬЗЕРЕ

Н.А. Бакши

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Аннотация: Исходя из широкого понимания «перевода» как перевода культур в контексте „translational turn“, сформулированного Бахман-Медик, автор рассматривает перевод новеллы швейцарского писателя первой половины 20 века Роберта Вальзера «Прогулка» современным русским писателем Михаилом Шишкиным, а также сопровождающее этот перевод эссе Шишкина «Вальзер и Томцак». С помощью различных механизмов, таких как противопоставление по контрасту, описание творчества Вальзера в категориях русской культуры, сопоставление, Шишкин шаг за шагом включает швейцарского автора в контекст русской культуры, совершая тем самым не только текстовый, но и культурный перевод. Шишкин продолжает линию игры с читателем, заложенную Набоковым и Вальзером, и делает самого Вальзера героем русской литературы, то есть героем текста русского писателя Михаила Шишкина.

Ключевые слова: переводческий поворот, Михаил Шишкин, Роберт Вальзер, прогулка, культура.

TRANSLATIONAL TURN. SCHISCHKIN ABOUT ROBERT WALSER

Abstract: Based on the understanding of „translation“ as a translation of cultures in the context of the “translational turn”, formulated by Bachmann-Medick, the author considers the translation of the novel by the Swiss writer of the first half of the 20th century Robert Walser “Walk” by the modern Russian writer Mikhail Schischkin and his essay „Walser and Tomzak“. With the help of various mechanisms, such as opposition in contrast, the description of Walser's work in categories of Russian culture, juxtaposition, Schischkin gradually includes the Swiss author in Russian culture, thereby making not only textual, but also cultural translation. Schischkin continues the line of play with the reader, laid down by Nabokov and Walser, and makes Walser himself a hero of Russian literature, that is, a hero of the text of Russian writer Mikhail Schischkin.

Key-words: translational turn, Michail Schischkin, Pobert Walser, walk, culture

Известная немецкая исследовательница-культуролог Дорис Бахман-Медик пишет в 2009 году книгу „Cultural turn“ [Bachmann-Medick 2009], в которой констатирует «переводческий поворот» как все более

метафоризирующееся и размывающееся понятие перевода. Перевод перестает быть текстовым и словесным переводом, а превращается – в более широком смысле – в перенос из одной культуры в другую. Вслед за Бахман-Медик Мартин Фукс в том же 2009 году пишет о переводе как расширенной форме понимания [Fuchs 2009].

И хотя оба автора понимают под «переводом» культур в первую очередь западные культуры, пострадавшие в результате колонизации, идея перевода культуры представляется применимой, в том числе, и к европейским литературам и плодотворной для их анализа. В качестве примера переводческого поворота далее будет рассмотрен перевод русским и швейцарским писателем Михаилом Шишкиным рассказа швейцарского писателя Роберта Вальзера «Прогулка» [Вальзер 2014].

Роберт Вальзер (1878–1956) стоит особняком не только в швейцарской, но и в целом в немецкоязычной культуре. «Автор неудач» (Autor der Erfolglosigkeit) [Unselde 1994] – так называет свое выступление о нем его немецкий издатель Зигфрид Унзельд. Открытие Р. Вальзера для читателей и исследователей произошло через 20 лет после смерти автора благодаря новому комментированному изданию его произведений германистом Йохеном Гревеном [Walser 1978]. Именно благодаря Гревену Вальзер из изгоя превратился в классика литературы модерна. Интересен огромный, порой прямо противоположный спектр интерпретаций Вальзера от „spiritus helveticus“ [Middleton 1992, 50] и „Swiss anima“ [Middleton 1958, 425] до «экстерриториальной суверенной сущности» [Hinz, Horst 1991, 8], что как нельзя лучше демонстрирует его подвижность и неуловимость в определенном культурном пространстве. Швейцарский исследователь Михаэль Белер считает именно эту подвижность или «детерриториальность» свойством «малой литературы» в смысле Делеза/Гваттари [Böhler 1994, 43].

В 1994 году в Лозанне состоялся коллоквиум по проблемам перевода текстов Вальзера на различные языки, в котором приняли участие переводчики с английского, испанского, французского, польского. По следам этого коллоквиума был выпущен сборник материалов. Так, переводчица с английского Сьюзан Бернофски пишет об особых свойствах языка Вальзера, который отделяет язык от мира, то есть, поскольку он не описывает мир, его «язык становится конститутивным вместо дескриптивного» [Bernofsky 1994, 115]. И переводчик должен попытаться «станцевать» все шаги его стиля ему вслед. Переводчики часто используют в отношении Вальзера метафору танца или актерской игры, где «переводчик подобно актеру должен передать текст на своем собственном языке» [Bernofsky 1994, 115]. Бернофски пишет:

«Переводчик должен быть читателем, обладающим не только чутьем к языковым играм, но и соответствующей чуткостью по отношению к своему родному языку»¹ [Bernofsky 1994, 121]. Именно это делает Шишкин с текстом Вальзера. «Вальзер играет с импровизацией [...] Рассказчик упорядочивает, структурирует и преобразует мотивы в примеры, как и фланер, только через свою субъективность придающий переживаемому миру форму. Связь между импульсом к импровизации и манией движения пронизывает все произведения Вальзера [...] Творец – тот, кто постоянно находится в пути, либо в ландшафте, либо у себя в голове»² [Bernofsky 1994, 124–125]. Именно эта импровизация дает большую свободу переводчику в узком и широком смысле и позволяет встроить Вальзера в иное культурное пространство.

Совершенно очевидно, что Михаил Шишкин сознательно включается в активный процесс культурного и переводческого поворота, когда переводит на русский язык «Прогулку» Роберта Вальзера, а затем снабжает ее эссе, равным по объему самому тексту Вальзера, под названием «Вальзер и Томцак» [Вальзер 2014]. За это эссе он получил премию журнала «Иностранная литература» «Инолиттл» за лучшее произведение малой формы. Тем самым Шишкин совершает акт перевода текста и не менее важный акт перевода культуры.

Формально эссе Шишкина соответствует классической структуре предисловия: автор описывает биографию Вальзера, приводит отрывки из писем и высказывания современников, на примере одного текста демонстрирует черты поэтики. Однако классическую структуру предисловия он наполняет совершенно особым содержанием. Биографию писателя он пересказывает не с фактографической стороны, а подчиняет все события жизни Вальзера одной идее – становлению писателя, на пути к чему швейцарский автор последовательно устраняет все препятствия. А говоря о чертах поэтики, Шишкин почти не упоминает швейцарскости Вальзера. Более того, он очевидно избегает упоминания какой-то специфической швейцарской литературной традиции или швейцарских реалий, тем самым указывая на универсальный характер вальзеровского гения.

¹ „Ein Übersetzer muss also ein Leser sein, der nicht nur Sinn für das geschickte Sprachspiel hat, sondern sich auch mit entsprechender Feinfühligkeit seiner Muttersprache bemächtigen kann“.

² „Walser spielt unverkennbar mit der Improvisation... Der Erzähler ordnet, strukturiert und verwandelt Motive in Muster; so wie der Spaziergänger, der erst durch seine Subjektivität der erlebten Welt Form gibt. Überhaupt besteht eine Verbindung zwischen dem improvisatorischen Impuls und der Bewegungsmanie, die Walsers Oeuvre durchzieht... Der Künstler ist derjenige, der immer unterwegs ist, entweder draußen in der Landschaft oder drinnen im Kopf“.

Интересно, что стоящий особняком в немецкоязычной литературе Вальзер прекрасно вписывается в обрамление мировой литературы. Так, пишущая к американскому изданию его избранных рассказов предисловие Сьюзан Зонтаг отмечает, что Вальзер – это скрещивание Стиви Смита и Беккета, «Беккет добродушный, в хорошем расположении духа» [Walser 2002].

В своем эссе Шишкин констатирует, что Вальзер принадлежит к тем писателям, «которые рождены непорочным зачатием» [Вальзер 2014, 15], то есть не встраиваются в определенную литературную традицию и не имеют предшественников. Однако все эссе построено как механизм постепенного включения Вальзера в русскую культуру. В дальнейшем мы проследим, какие механизмы использует Шишкин для переноса Вальзера на русскую почву.

1. В первом предложении Шишкин противопоставляет писателя типу святого, сразу же включая Вальзера в классическую семантическую оппозицию русской литературы. На этой оппозиции построено эссе Томаса Манна «Гете и Толстой. К проблеме гуманизма».

Вторая линия – театр – связана с Шиллером. Неудачный актер актерствует в жизни, примеряя маски, как роли. Говоря о театрализации жизни и дуализме реального и театрального, Шишкин вписывает Вальзера в идейную систему модерна.

2. Второе противопоставление – Вальзер и Ленин, и, в лице Ленина, политика и современность в целом. Вальзер проходит как бы сквозь политику, не интересуясь глобальными и большими проблемами.

3. Служебную линию Вальзера Шишкин также вписывает в русский дискурс. Вальзер оказывается продолжателем линии маленького человека, натягивая на себя шинель Акакия Акакиевича.

4. Отсылки к русским в его текстах – поверхностные, по мнению Шишкина. Русские на него не повлияли. Шишкин отрицает влияние в пользу соответствия. И тем самым подтверждает тезис Мартина Фукса о расширении культурного пространства за счет перевода. Шишкин расширяет швейцарское культурное пространство, сопоставляя Вальзера в русской культуре с Платоновым.

Суть дара Вальзера Шишкин формулирует опять-таки в русских категориях: «писательство как юродство» [Вальзер 2014, 25], а его стиль письма «говорение как заговор» [Вальзер 2014, 41]. Хотя юродство не является исключительно русским понятием, все же наибольшее распространение оно получило именно в православной культуре. Заговор также не является исконно русским понятием, в данном случае важна не только семантическая, но, в первую очередь, фонетическая составляющая.

По пути обогащения культуры Шишкин идет, описывая жанр интеллектуального променада, не прижившегося в России, однако центрального для понимания творчества Вальзера. И здесь для объяснения непохожести Вальзера на кого бы то ни было Шишкин привлекает Бунина и Чехова с их уникальными описаниями природы и Набокова с языковыми играми. Однако представляется, что Шишкин неслучайно выбрал именно этот жанр для перевода. «Прогулку» можно понимать здесь и в более широком смысле, в котором об этом явлении говорит Бахман-Медик, объясняя современное понимание культуры не как нечто застывшее и замкнутое в себе, а как постоянное «путешествие» или прогулку, как процесс постоянного движения [Bachmann-Medick 2006, 248]. Именно в этом смысле понимает текст Вальзера Шишкин, а именно: как прогулку по культурной традиции, и сам совершает точно такую же «прогулку» с Вальзером по русской культурной традиции.

Текст Шишкина наполнен цитатами из русских авторов. Шишкин пишет об абсолютном одиночестве Вальзера, его существовании в герметическом пространстве собственного текста, но, говоря об этом, он как бы заполняет пустоту вокруг Вальзера литературными именами, аллюзиями, цитатами, то есть, вырывая его из привычного швейцарского контекста, помещает в пространство, в основном, русской литературы. Этой функции служат цитаты, например, из «Осени» Пушкина: «Плывет. Куда ж нам плыть?» [Вальзер 2014, 36]. Сопоставления, например, Пушкин беседует с царем, как Вальзер с налоговым инспектором. Подмена понятий: европейского фланера или празднующегося Шишкин заменяет на «тунеядца», за которым сразу же вырастает контекст, связанный с И. Бродским. Разговор с книготорговцем не случайно заменен на узнаваемый разговор с книгопродавцем. А также и противопоставления: «Швейцарская психиатрия – не палата № 6». [Вальзер 2014, 54] Вальзер – не Толстой. Стиль жизни Вальзера сопоставляется со стилем Толстого – ничего не иметь, от всего уйти. И наконец, о посмертной судьбе произведений Вальзера Шишкин говорит словами русского классика: «рукописи не горят» [Вальзер 2014, 62].

Шишкин неоднократно в эссе, интервью и проч. указывает на различие обеих стран и связанное с этим притяжение противоположностей. Таким же переводом культур он занимается за пять лет до перевода Вальзера, когда пишет свой путеводитель по Швейцарии под названием «Русская Швейцария». Как отмечает сам Шишкин, в этой книге «мало реальной Швейцарии, речь идет скорее о каком-то странном одноименном образовании, которое существует в пространстве русского культурного сознания» [Шишкин 2017].

Как он сам точно формулирует, «чужая страна останется чужой, пока не найдешь себе здесь родных и близких» [Шишкин 2006]. Таким образом, через швейцарское культурное пространство проступала русская культура, через один текст проступал другой, видимый лишь иному культурному сознанию, из иной культурной перспективы. Шишкин пишет о возможном переводе «Русской Швейцарии» на немецкий язык, о том, что эта книга существует «только вместе с моим русским читателем» [Шишкин 2006]. «Любая сказанная по-русски фраза ставит тебя на ту или иную сторону баррикад. А при переводе не то что ассоциации с аллюзиями исчезают – половина имен уже требует пояснений, и совсем непонятно: а где же баррикады? Можно перевести слова, но нельзя перевести читателя» [Шишкин 2006]. То есть иными словами, перевод неотделим от культурного сознания переводчика и имеет смысл, только если происходит не просто перевод текста, но культурный перевод (эссе «В лодке, нацарапанной на стене» [Шишкин 2017]).

Именно этим притяжением он и занимается, окружая Вальзера русским контекстом и обогащая швейцарского автора благодаря этому контексту. Шишкин ищет точки пересечений и находит их в фигуре двойника. Не случайно его эссе называется «Вальзер и Томцак», где Томцак – герой «Прогулки», но одновременно и двойник самого Вальзера, разрушающий границы текста и переходящий в жизнь Вальзера, разрушая его цельность как автора. Именно фигура двойника становится ключевой для немецкого романтизма, перекочевывая из немецкой в русскую литературу, в частности, к Достоевскому. Шишкин продолжает намеченную им самим линию игры с читателем, заложенную Набоковым и Вальзером, и, уравнивая в значении писателя Вальзера и его героя Томцака, делает и самого Вальзера героем литературы, героем текста русского писателя Михаила Шишкина.

Литература

- Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek bei Hamburg, 2006.
- Bernofsky S. Gelungene Einfälle. Der „Räuber“-Roman aus der Sicht des Übersetzers // *Wärmende Fremde. Robert Walser und seine Übersetzer im Gespräch. Akten des Kolloquiums an der Universität Lausanne, Februar 1994.* Bern, 1994. S. 115–125.
- Böhler M. Dichten aus der Peripherie des Schreibens. Theoretische Prolegomena zur Frage nach Robert Walsers kulturpolitischem Ort im deutschsprachigen Raum // *Wärmende Fremde. Robert Walser und seine Übersetzer im Gespräch. Akten des Kolloquiums an der Universität Lausanne, Februar 1994.* Bern, 1994. S. 31–45.

- Fuchs M. Reaching Out; Or, Nobody Exists in One Context Only: Society as Translation // *Translation Studies* 2009. No. 2, 1. Pp. 21–40.
- Hinz K.-M., Horst T. (Hg.) Robert Walser. Frankfurt a.M., 1991.
- Middleton Ch. Translation as a Species of Mime // *The Review of Contemporary Fiction*. 1992. Vol. 12. No. 1. S. 50–56.
- Middleton Ch. The Picture of Nobody. Some Remarks on Robert Walser with a Note on Walser and Kafka // *Revue des langues vivantes*. 1958. Nr. 24. S. 404–428.
- Unselde S. Robert Walser: Autor der Erfolglosigkeit (drei öffentliche Vorlesungen) (Manuskripttitel) (1994) // SUA: Suhrkamp/01 Verlagsleitung: Unselde, Siegfried.
- Walser R. Das Gesamtwerk in zwölf Bänden. Hg. von Jochen Greven. Frankfurt a. M., 1978.
- Walser R. Selected stories. Preface by Susan Sontag. New York, 2002.
- Вальзер Р. Прогулка / Пер. с нем. М. Шишкина / М. Шишкин. Вальзер и Томцак: Эссе. М., 2014.
- Шишкин М. Пальто с хлястиком. Короткая, проза, эссе. М., 2017.
- Шишкин М. На русско-швейцарской границе // *Новый журнал*. 2006, № 242. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/242/sh29.html> (дата обращения: 23.06.2019).

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Bernofsky S. Gelungene Einfälle. Der „Räuber“-Roman aus der Sicht des Übersetzers // *Wärmende Fremde. Robert Walser und seine Übersetzer im Gespräch. Akten des Kolloquiums an der Universität Lausanne, Februar 1994.* Bern 1994. S. 115-125. (In German).
- Böhler M. Dichten aus der Peripherie des Schreibens. Theoretische Prolegomena zur Frage nach Robert Walsers kulturpolitischem Ort im deutschsprachigen Raum // *Wärmende Fremde. Robert Walser und seine Übersetzer im Gespräch. Akten des Kolloquiums an der Universität Lausanne, Februar 1994.* Bern 1994. S. 31–45. (In German).
- Hinz K.-M., Horst T. (Hg.) Robert Walser. Frankfurt a.M., 1991. (In German).
- Shishkin M. Na russko-shveytsarskoy granitse [On the Russian-Swiss border]. *Novyj zhurnal* [New magazine] 2006, № 242. Available at: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/242/sh29.html> (accessed 23.06.2019). (In Russian).

(Articles from Scientific Journals)

- Fuchs M. Reaching Out; Or, Nobody Exists in One Context Only: Society as Translation. *Translation Studies*. 2009. No. 2, 1. Pp. 21–40. (In English).
- Middleton Ch. Translation as a Species of Mime. *The Review of Contemporary Fiction*. 1992. Vol. 12. No. 1. S. 50–56. (In English).
- Middleton Ch. The Picture of Nobody. Some Remarks on Robert Walser with a Note on Walser and Kafka. *Revue des langues vivantes*. 1958. No. 24. S. 404–428. (In English).

(Monographs)

Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek bei Hamburg, 2006. (In German).

Сведения об авторе:

Бакши Наталия Александровна – доктор филологических наук, лицензиат теологии, профессор кафедры германской филологии Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, директор Российско-Швейцарского учебно-научного центра, член президиума Российского союза германистов. – Область научных интересов: немецкоязычная литература XIX–XXI вв., религиозная тематика в литературе, культурный трансфер, русско-немецкие связи.

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

Bakshi Natalia A., Doctor of Philology, licentiate of Theology, professor at the department of German philology, the Institute of Philology and History, RSUH, director of the Russian-Swiss centre, member of presidium of Russian association of germanists. Research area: german literature of XIX–XXI century, religious themes in literature, cultural transfer, cultural relations between Russia and Germany.

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ШВЕЙЦАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Е.Н. Шевченко

Казанский федеральный университет, Казань

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит, с одной стороны, в выявлении характерных особенностей поэтики «швейцарского» в современной драматургии Швейцарии, с другой – в раскрытии общеевропейских тенденций в новейшей швейцарской драме. С этой целью были проанализированы пьесы швейцарских авторов: Лукаса Бэрфуса, Мирьям Найдхарт, Хендля Клауса, Лео Туора, Габриэля Феттера, Ферруччо Кайнеро, Дени Майефера и др. Результаты исследования позволили сделать следующие выводы. В ряде текстов воссоздается специфический «швейцарский мир», тот набор ценностей, символов, мифов и традиций, которые составляют отличное культурное наследие Швейцарии. Однако они представлены не в идиллическом, а скорее в ностальгическом ключе – как воспоминание об утраченном рае – или в ироническом, пародийном модусе. В другой группе текстов авторы поднимают проблемы, ставшие общими для всего западного мира: миграция и ксенофобия, компьютерная зависимость, допустимость эвтаназии, кризис воспроизводства и др. Таким образом, современная драматургия наглядно отражает главную особенность швейцарской действительности – конфликт между герметизмом и открытостью – на фоне процессов глобализации и антиглобализма.

Ключевые слова: швейцарская драматургия, национальная идентичность, национальная концептосфера, национальный миф, герметичность.

CONTEMPORARY SWISS DRAMA: NATIONAL AND EUROPEAN CONTEXT

Abstract. The purpose of this article is, on the one hand, to identify the characteristic features of the poetics of “Swiss” in the modern drama of Switzerland, on the other – in the exposure of European trends in the latest Swiss drama. With this purpose the plays by Swiss authors – Lucas Bärfuss, Miriam Neidhart, Handl Klaus, Leo Tuor, Gabriel Vetter, Ferruccio Cainero, Denis Maillefer were analyzed. The results of this analysis allowed to draw the following conclusions. A number of texts recreate the specific “Swiss world”, the set of values, symbols, myths and traditions that make up a distinctive cultural heritage of Switzerland. However, it is represented not idyllically, but rather in a nostalgic way – like a memory about Paradise Lost or in an ironic, parodic mode. In another group of texts the

authors raise the problems, which have become common throughout the Western world: migration and xenophobia, computer dependency, ethical and the psychological side of euthanasia, the crisis of reproduction, etc. Thus, modern drama clearly reflects the main feature of Swiss reality—the conflict between hermeticism and openness – against the background of globalization and anti-globalization.

Key words: *Swiss drama, national identity, national conceptsphere, national myth, tightness.*

Вторая половина XX и начало XXI в. ознаменованы все большим распространением процесса глобализации. Однако наряду с повышением экономической и культурной однородности мира, утратой самобытности и уникальности национальных традиций набирает силу движение антиглобализма, возрастает значение категории национальной идентичности, растет интерес к проблеме национальных культурных кодов и мифов, специфики национального характера и менталитета и т.д. Эти процессы охватывают и сферу художественного сознания, появляются многообразные формы репрезентации национального в художественной литературе. Феномен Швейцарии в этом плане представляет особый интерес. С одной стороны, страна, соединившая в себе четыре культурно-языковых традиции – немецкую, французскую, итальянскую и ретороманскую – являет собой удачный пример мультикультурализма. С другой стороны, она всегда занимала особое положение среди других европейских государств, тщательно оберегая свою независимость и самобытность.

У Швейцарии свой особый исторический и политический путь, свой статус в европейском мире, свой специфический национальный менталитет. Основными компонентами швейцарской национальной концептосферы являются «нейтралитет», «граница», «обособленность», «суверенность», «узость». Это находит своё отражение в литературе. В XX веке, вплоть до 1920-х годов, литература Швейцарии была явлением достаточно герметичным, замкнутом на специфических реалиях своей страны. Литературная традиция Швейцарии расходилась с общеевропейским литературным процессом. В то время как в Европе шел активный поиск новых способов соотнесения с реальностью, возникали такие направления, как натурализм, символизм, импрессионизм, неоромантизм, югендстиль, экспрессионизм, в Швейцарии создавались преимущественно реалистические произведения. После 1920-х годов литература Швейцарии стремится влиться в русло общеевропейской литературы. Писатели понимали, что консерватизм обуславливает низкую популярность их творчества в Европе. Однако, осваивая новые художественные стили, швейцарские писатели сохраняют свой особый подход. На новые культурные веяния 1930–40-х

годов в Германии и Италии, связанные с идеологией национал-социализма и фашизма, Швейцария отвечает так называемой политикой «духовной обороны» (нем. *Geistige Landesverteidigung*). «Духовная оборона» просуществовала примерно до 1960-х годов, отражая сначала национал-социалистское, а затем коммунистическое влияние в сфере идеологии и культуры.

Внутри швейцарской литературы на протяжении XX и теперь уже XXI века существует два лагеря:

– часть художников настаивает на особом швейцарском пути, воплощая в своем творчестве перечисленные выше национальные концепты. Они воспроизводят в своих произведениях реалии «швейцарского мира», идеализируют его ценности, воспевают красоты природы, традиции, уклад жизни;

– другая часть, напротив, стремится взорвать границы, отделяющие уютную благополучную Швейцарию от большого мира, преодолеть узость и ограниченность и сделать швейцарскую литературу полноценной частью европейского и мирового литературного процесса. Нужно сказать, что самые серьезные художественные достижения были связаны именно с этой второй тенденцией. Так, Фридрих Дюрренматт и Макс Фриш, одни из самых значительных немецкоязычных писателей второй половины XX века, подняли швейцарскую литературу на мировой уровень. Их творчество выходит далеко за рамки национального сознания и направлено на осмысление глобальных вопросов человеческого бытия и истории XX века.

Водораздел внутри швейцарской литературы проходит и по языковому принципу. Известно, что литература Швейцарии делится согласно четырем государственным языкам на немецкую, французскую, итальянскую и ретороманскую. При этом многие писатели, пишущие на этих языках, входят в Союз авторов Швейцарии, ставящий перед собой цель объединить всех литераторов в национальном масштабе.

Глобализация не могла не затронуть и это «нейтральное» государство. Целый ряд острых политических, социальных, культурных вопросов становится общей проблемой западного мира. При этом Швейцарии и в этих условиях удается сохранить свою «особость». Таким образом, мы наблюдаем в культурной жизни страны действие как центристских, так и центробежных сил. Эта диспозиция находит отражение и в швейцарской литературе, в том числе в драматургии. В последнее время именно драматургия выдвинулась на передовые рубежи литературного процесса, именно она особенно остро реагирует на вызовы сегодняшнего дня.

Пьесы современных швейцарских драматургов очень разнообразны как по содержанию, так и по своей художественной форме. Большой корпус текстов

связан с вопросами, не являющимися сугубо швейцарскими. Речь в них идет об общеевропейских, а порой общемировых социально-экономических и духовных проблемах. Так, документальная пьеса Мирьям Найдхарт «Неофобия» посвящена кризису рождаемости в сегодняшней Европе; в центре драмы Лукаса Бэрфуса «Автобус» – вопрос кризиса веры в условиях современной западной цивилизации; в другой своей пьесе – «Путешествие Алисы в Швейцарию» – Бэрфус рассуждает о проблеме эвтаназии; в центре внимания драматургов оказываются вопросы женского равноправия, дискриминации по половому признаку (пьесы «Как ножи» Марьель Пенсар, «Брызги росы» Кристины Кастрилло, «Фрау Шмиц» Лукаса Бэрфуса), угроза всемирного экономического кризиса («Конец денег» Урса Видмера), иммиграция и ксенофобия («Америка» Герхарда Майстера, «Пустьрь» Дмитрия Гавриша), проблемы подростков, страдающих от компьютерной зависимости («Йоко-ни» Эжена) или ожирения («Горькая судьба Карла Клотца» Лукаса Линдера), футбольные перипетии («Бей-бег» Андри Байелера) и пр. Соответственно варьируется и художественная форма – от классического формата до вербатима, от детектива до имитации виртуальной реальности и пр.

Но не менее репрезентативна другая группа текстов, в которых находят отражение специфические швейцарские темы и проблемы: альпийская идиллия («Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера» Хендля Клауса, «Джакумберт Нау» Лео Туора, «Год лавины» Ферруччо Кайнеро), образ швейцарца («in love with federer» Дени Майефера), миф о Швейцарии как земном рае («Парк» Габриэля Феттера) и др.

Рассмотрим несколько наиболее характерных пьес, дающих представление об обеих тенденциях в новейшей драматургии Швейцарии. В драме Лукаса Бэрфуса «Путешествие Алисы в Швейцарию» (Alices Reise in die Schweiz, 2005) швейцарская тема заявлена уже в самом названии. В центре находится проблема эвтаназии и комплекс связанных с ней морально-нравственных и психологических вопросов. Как известно, Швейцария является единственной европейской страной, в которой эвтаназия легализована. Это связано с тем, что по сравнению с другими европейскими странами у Швейцарии очень либеральное законодательство, которое, в частности, допускает возможность так называемого ассистированного суицида.

В пьесе Л. Бэрфуса изложена история неизлечимо больной немецкой девушки Алисы, которая, устав от мучений и не видя смысла в дальнейшем существовании, совершает «путешествие» в Швейцарию, чтобы с помощью доктора Штрома уйти из жизни. Хотя пьеса называется «Путешествие Алисы в Швейцарию» и её основная сюжетная линия связана с судьбой Алисы,

центральной фигурой является сам Густав Штром, оказывающий больным и несчастным последнюю услугу. В пьесе он изображен идеалистом, Дон Кихотом от медицины, Чёрным рыцарем, защищающим достоинство человека и его право на добровольный уход. Пьеса Бэрфуса статична. Это своего рода пьеса-дискуссия, драма идей, представляющая различные точки зрения на эвтаназию. Отсюда обширные эпические фрагменты и сведенное к минимуму драматургическое действие. Целый ряд важных событий – исключение Густава Штрома из врачебной палаты, его арест и пребывание в камере предварительного заключения, намерение матери Алисы после смерти дочери уйти из жизни, её приезд и кончина и др. – не разворачиваются на глазах у зрителя, а доводятся до него через рассказы действующих лиц. Эпическим элементом являются и названия сцен, передающие их содержание и маркирующие основные этапы развития сюжета: «Густав Штром, специалист по эвтаназии, консультирует Алису Галло», «Алиса Галло пытается поговорить о своих планах с Лоттой, своей матерью», «Ева, молодая женщина, предлагает Густаву свою помощь», «Вальтер, домовладелец, делает Густаву Штрому предложение» и т.д.

Свои соображения доктор Штром озвучивает в пространных монологах, интервью и в беседах со своими клиентами. Штром бескорыстно и самоотверженно посвятил себя делу, которое представляется ему гуманным и благородным. В нём он видит смысл своей жизни и приносит ему немалые жертвы: от него ушла жена; общественность и СМИ объявили ему войну, дав страшное прозвище Доктор Смерть; после каждого сеанса эвтаназии он вынужден проводить сутки в полицейском участке, пока идет расследование; его исключают из врачебной палаты; наконец, ради своего призвания он подавляет в себе зарождающееся чувство к Алисе. Хотя эвтаназия в стране официально разрешена, общественное сознание швейцарцев не готово смириться с «ассистированным суицидом», видя в нём «узаконенное убийство». Оппонентами Штрома выступают государство, общественность, коллеги-врачи и простые обыватели. Это собирательные, внесценические персонажи, чьё мнение транслируется в форме выдержек из газетных статей, цитат, рассказов Евы и Вальтера. Мы наблюдаем разлад между официальной лояльной политикой властей и массовым сознанием. Таким образом, в пьесе представлены аргументы за и против эвтаназии, но автор не предлагает однозначного решения, перенося конфликт в сознание читателя/зрителя. При этом, хотя Швейцария занимает в вопросе эвтаназии особую позицию, эта проблема не является исключительно швейцарской, а принадлежит к кругу самых болезненных проблем биоэтического характера, волнующих всё мировое сообщество.

Следующий швейцарский драматург и режиссёр, Мирьям Найдхарт, специализируется на документальном театре. Найдхарт является автором целого ряда художественно-документальных проектов, связанных с серьёзными общеевропейскими и сугубо швейцарскими проблемами: «Зона 40» (Zone 40, 2006) – о миграции и материнстве; «НЕЛЕГАЛЫ. Записки из подполья» (ILLEGAL, Berichte aus dem Untergrund, 2007–2008); «Мегги возвращается в Конго» (Meggy geht zurück in den Kongo, 2009) – о судьбе девушки из Демократической Республики Конго, попросившей в Швейцарии политического убежища; «Быть или не быть гуманоидом» (To be, or not to be humanoid, 2013) – совместный проект с Институтом искусственного интеллекта Университета г. Цюриха, посвящённый проблемам сознания и интеллекта, и др.

Обратимся к пьесе Мирьям Найдхарт «Неофобия» (Torschusspanik). Пьеса, имеющая подзаголовок «Интимные проникновения в кризис воспроизводства» (Intime Einsichten in die Reproduktionskrise, 2007), посвящена кризису рождаемости в современной Европе. Она написана на основе интервью, взятых автором у нескольких десятков респондентов в Германии и Швейцарии (немцев, швейцарцев, итальянцев, венгров), и представляет собой яркий образец вербатим-драматургии – разновидности документальной драмы, в которой дословно воспроизводится речь информантов.

Действия в пьесе М. Найдхарт как такового нет, а есть многочисленные высказывания на заявленную тему, особым образом сгруппированные. Действующих лиц двадцать. Они представляют широкий спектр взглядов на проблему рождаемости сегодня. Это и те, кто в принципе не хочет иметь детей, могущих помешать их карьере и привычному образу жизни, и те, кто мечтает об этом, но не может завести ребёнка в силу каких-либо обстоятельств, и пр. Хотя за персонажами Найдхарт стоят реальные прототипы, они не индивидуализированы, это в полной мере типаж, носители распространённых в Европе точек зрения на проблему воспроизводства. При этом отчетливо выявляется тенденция: чем выше уровень жизни, тем меньше желание заводить детей. Швейцария – самая богатая и благополучная страна Европы, и демографическая ситуация там особенно сложная. Обратной стороной высокого уровня жизни является индивидуализм, эгоцентризм, нежелание пожертвовать своим комфортом даже ради продолжения рода. Таким образом, «швейцарскость» в этой пьесе проявляется лишь в степени актуальности для страны поднятой здесь проблемы.

А теперь обратимся к текстам, в которых присутствует сугубо швейцарская тематика. Так, действие пьес «Я мечтаю об Альпах; Леды питают

озера» (Ich ersehne die Alpen; So entstehen die Seen, 2001) Хендля Клауса и «Джакумберт Нау» (Giacumbert Nau, 1994) Лео Туора разыгрывается на альпийских высотах, то есть на фоне классического швейцарского ландшафта. На первый взгляд, они вписываются в линию культивирования швейцарской идиллии. Но на проверку здесь в большей степени возникает образ потерянного рая. Пьеса «Я мечтаю об Альпах; Леды питают озера» состоит из двух монологов, женского и мужского. Оливия лежит в душевной квартире под раскаленной крышей, по-видимому, в предсмертной лихорадке, и мечтает об Альпах, об их «просторном холоде», о «величественных вольных вершинах», об их «мягких волнообразных очертаниях» [Клаус 2013, 217]. Однако из монолога становится ясно, что видела она Альпы только на фотографиях и знает о них по рассказам друзей. То есть речь идет о некоем растрепанном образе. К тому же она стремится в Альпы не для того, чтобы жить, а с целью красиво умереть, сорвавшись в пропасть. Второй монолог принадлежит горному лесничему Бруно. По роду деятельности он постоянно пребывает в Альпах, о которых мечтает Оливия. Но он не чувствует себя счастливым. Бруно регулярно наталкивается на смерть в виде замерзших в глетчерах альпинистов. Чтобы похоронить погибших, он карабкается с тяжелой ношей по горам, оплакивая несчастных.

Трагичен и финал другой «альпийской» пьесы – драмы Лео Туора «Джакумберт Нау». Пастух Джакумберт, всю жизнь водивший стада по горам, жизнь которого слита с природой, умирает, не исполнив своего долга, – не развернув стадо, уходящее на глетчер: «Джакумберт помирает медленно, провожая гаснущим взором своим овец, и они, напирая друг на друга, уходят вверх по ложному пути» [Туор 2013, 434]. Эта горькая финальная нота звучит скорее как реквием по утраченной гармонии, по уходящему в небытие миру.

Главный конфликт швейцарской действительности – между герметизмом и открытостью – отражен в пьесе «Год лавины» Ферруччо Кайнеро, представляющей инсценировку романа Джованни Орелли. На фоне грозящей катастрофы, надвигающихся на альпийскую деревню лавин, раскрывается замкнутый архаичный мир горных жителей, держащихся за традиционный уклад.

Пьеса Дени Майефера «in love with federer» – исповедь фаната великого швейцарского теннисиста Роджера Федерера. Здесь создан образ не столько выдающегося спортсмена, сколько обычного швейцарца, обожествляющего своего кумира:

Согласно швейцарской статистике, я умру через пятьдесят два года.

Я живу в обычной квартире.

У меня вполне обычная зарплата.

Я ношу обычные брюки.

Ношу обычные футболки, со швейцарским трафаретом, сшитые в Камбодже.

Почти обычно езжу в отпуск.

Обычно отношусь к экологии.

Обычно отношусь к потреблению.

У меня обычная вторая семья.

В целом у меня на 0,57 ребенка больше, чем у среднего швейцарца, вполне обычный процент.

У меня три велосипеда, из них один складной, это чуть больше обычного.

Я питаю страсть к супергероям.

Я обычный человек.

Один ли я?

– Ты один, Дени?

– Я не знаю.

[Майефер 2017, 311]

Е. Ковальская, автор предисловия ко второму тому «Антологии современной швейцарской драматургии», видит суть этой пьесы в том, что современное атомизированное общество как лекарство от одиночества и сиротства ищет идею, которая могла бы всех объединить, кумира, вокруг которого можно сплотиться [Ковальская 2017, 8].

Настоящим прорывом швейцарской темы стала пьеса Габриэля Феттера «Парк» (Der Park, 2017). В основе её лежит развенчание мифа о Швейцарии как земном рае. Идеальное утопическое государство Гельвеция представлено здесь в виде туристического аттракциона для богатых иностранцев.

Парк в пьесе Габриэля Феттера – зеркало швейцарской национальной идентичности, но зеркало кривое, представляющее швейцарскую идиллию в ироническом модусе. Здесь, по словам хозяина, удовлетворяется тоска гостей по «самобытному» и «нерушимому» [Феттер 2017, 407], здесь представлен весь «швейцарский реквизит»: фахверковые дома, собачки, Груйер, фольклорные песни, ритуалы, экономные швейцарские овощечистки, сырный фонтан, западно-швейцарская горная хижина винодела, уменьшительно-ласкательные суффиксы, кружки по интересам, сооружение в форме гигантского батона сервелата, звукотерапия природной первозданности, мемориал детям-приемышам. Гости могут поучаствовать в аттракционе «Клятвенная церемония на Рютли», в битве при Земпахе, цюрихских беспорядках, поиграть в хорнуссен, совершить тур в мир бункеров гражданской обороны и пр. Однако в Парке есть пенсионерка-пикетчица, протестующая против этой фальшивой идиллии. Она говорит о себе и швейцарцах так:

Миа: Ну что с нами может случиться: родились под этой рекламой, пряником в этот прекрасный мир <...> короче, родились в шлеме. У меня есть разрешение на то, чтобы у меня все было хорошо <...> Со мной ничего не произойдет. Я одна из невредимых, и я больше не могу этого терпеть, это так ужасно унижительно, так оскорбительно, то, как мы всегда легко отделяемся, на нас уже давно показывают пальцем...

Эгге: Госпожа Миа, никогда не понимал вашей жажды драмы.

Миа: Я жажду жизни.

Эгге: Уже не первый десяток лет вы бунтуете против безупречных для вас условий. Да примите вы уже то, что у вас все хорошо. Смиренно покоритесь...» [Феттер 2017, 405-406].

Впрочем, в конце выясняется, что и протест Мии – часть игры, штатно предусмотренный бунт.

Финал пьесы носит абсурдистско-гротескный характер. Бобёр строит плотину, и утопическая Гельвеция гибнет под водой. Но и это событие устроители превращают в аттракцион:

Ниппес: Но наше исчезновение – не какое-то там мученичество, это финальный шаг в абсолютный нейтралитет в надежнейший и идеальный последний наш редут <...> Что может быть аутентичнее, что может быть гелветичнее природы, берущей свое, что может быть правдивее бесповоротной катастрофы, конца, героической смерти целого народа? <...> Мы отступим в самый укрепленный редут из всех редутов и так законсервируемся навечно: мы уйдем в миф» [Феттер 2017, 456-457].

В эпилоге бобер рассуждает о том, что свет Швейцарии не померкнет. Здесь построят крохотную ГЭС, и энергии хватит на огонек режима ожидания на зубной щетке или подсветку значка на туалетной комнате инвалидов где-нибудь в Дели [Феттер 2017, 458].

Репрезентативный набор пьес современных швейцарских авторов, рассмотренных нами в настоящей статье, позволяет сделать следующие выводы. Швейцарские драматурги не уходят от традиционных для литературы Швейцарии тем. Ряд текстов содержит такие типично швейцарские реалии, как живописные вершины Альп, идиллические пейзажи, глетчеры и другие природные красоты, высокий уровень жизни, покой и благополучие, лояльное законодательство. Но характер их изображения меняется. Швейцарская идиллия либо приобретает откровенно пародийный характер (Габриэль Феттер «Парк»), либо обретает черты потерянного рая (Хендль

Клаус «Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера», Лео Туор «Джакумберт Нау», Ферруччо Кайнеро «Год лавины»).

Но одновременно происходит «размыкание» вовне, когда в целом ряде пьес речь идет в большей степени об общеевропейских проблемах (Лукас Бэрфус «Путешествие Алисы в Швейцарию», Мирьям Найдхарт «Неофобия» и др.). Это подводит к выводу о том, что современные драматурги Швейцарии отражают в своем творчестве «швейцарский мир», но сам этот мир, при всей своей герметичности и самобытности, во многом становится частью единого западного мира.

Литература

- Бэрфус Л. Путешествие Алисы в Швейцарию // ШАГ 4. Новая немецкоязычная драматургия. М., 2011. С. 49–87.
- Кайнеро Ф. Год лавины // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 267–304.
- Клаус Х. Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 213–228.
- Ковальская Е. Предисловие // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 5–9.
- Майефер Д. in love with federer // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 305–348.
- Найдхарт М. Неофобия // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 325–368.
- Туор Л. Джакумберт Нау // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 417–434.
- Феттер Г. Парк // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 401–458.

References

- Bärfuss L. Puteshestviye Alisy v Shveysariyu [Alisa's Trip to Switzerland] // SHAG 4. Novaya nemetskoyazychnaya dramaturgiya. Moscow, 2011. Pp. 49–87. (In Russian).
- Cainero F. God laviny [Year of the avalanche] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 267–304. (In Russian).
- Klaus H. Ya mechtayu ob Alpakh; l'dy pitayut ozyora [I dream of the Alps; the Ice is fed by the lake] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. С. 213–228. (In Russian).

- Koval'skaya E. Predisloviye [Foreword] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 5–9. (In Russian).
- Maillefer D. in love with federer // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 305–348. (In Russian).
- Neidhart M. Neofobiya [Neophobia] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. Pp. 325–368. (In Russian).
- Tuor L. Dzhakumbert Nau [Giacumbert Nau] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. Pp. 417–434. (In Russian).
- Vetter G. Park [The Park] // Antologiya sovremennoy shveysarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 401–458. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шевченко Елена Николаевна, Казанский федеральный университет; кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы.
E-mail: elenachev@mail.ru

Shevchenko Elena N., Kazan Federal University; Dr. of Philology, Associate Professor in the Department of Russian and World Literature.
E-mail: elenachev@mail.ru

ФРЕЙМОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НОВОЙ БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ ГЕРМАНИИ

Н.И. Андреев

Московский государственный институт международных отношений, Москва

Аннотация: Фрейминг как когнитивно-дискурсивный метод исследования лингвистических и социокультурных особенностей политического дискурса весьма актуален применительно к языку крупнейших парламентских партий Германии, которую некоторые немецкие авторы называют «партийным государством» – „Parteienstaat Deutschland“. В статье излагаются теоретические основы фрейминга, даются соответствующие определения. Описание ключевых фреймов осуществляется на основе материала о предвыборной борьбе партий большой коалиции ХДС, ХСС и СДПГ и сложившейся после выборов кризисной общественно-политической ситуации. Дифференцируя главные партийные тематические фреймы выборов, деятельности бундестага 19-го созыва и правительства новой большой коалиции, автор демонстрирует манипулятивную тактику партий в борьбе за избирателей и власть. Описываются различия в наполнении слотами одних и тех же фреймов в интерпретации социальных и христианских демократов. Противоборство партийных лагерей, противоречивая картина в немецком политическом языке приводит к раздражению и раздробленности электората в его избирательных предпочтениях и к правительственному кризису. В свете антропоцентрической парадигмы рассматриваются также особенности главных языковых личностей избирательной кампании. Показано, что личностный партийный дискурс политика, его фреймовый набор в аргументации перед избирателями решающим образом сказывается на его рейтинге и конечном результате его усилий в борьбе за власть.

Ключевые слова: немецкий политический дискурс, политический фрейминг, фрейм, слот, концепт, манипулятивная тактика, партийное профилирование, антропоцентрическая парадигма, языковая личность.

FRAME THE SPECIFICITY OF POLITICAL DISCOURSE NEW GRAND COALITION OF GERMANY

Abstract: Framing as a cognitive-discursive method of studying linguistic and socio-cultural features of political discourse is very relevant in relation to the language of the largest parliamentary parties in Germany, which some German authors call the „party state“ – „Parteienstaat Deutschland“. The article presents the theoretical basis of framing, gives the appropriate definitions. The description of the key frames is based on the material about the electoral struggle of the parties of the great coalition of the CDU, CSU and SPD and the crisis of socio-political situation after the elections. Differentiating the main party thematic frames of elections, the activities of the Bundestag of the 19th convocation and the government of the new Grand coalition, the author demonstrates the manipulative tactics of the parties in the struggle for voters and power. The differences in filling the slots with the same frames in the interpretation of social and Christian Democrats are described. The confrontation of the party camps, the contradictory picture in the German political language leads to irritation and fragmentation of the electorate in its electoral preferences and to the government crisis. In the light of the anthropocentric paradigm, the features of the main linguistic personalities of the election campaign are also considered. It is shown that the personal party discourse of the politician, his frame set in the arguments before the voters has a decisive impact on his rating and the final result of his efforts in the struggle for power. The author introduces readers to the studies of the framing phenomenon in the German political discourse conducted by the German cognitive Elizabeth Welling, who became widely known in the scientific circles of Germany, thanks to her works using the frame method for political forecasting.

Key words: German political discourse, political framing, frame, slot, concept, manipulative tactics, party profiling, anthropocentric paradigm, language personality.

Своими корнями политический фрейминг (Frame (англ.) – рамка, кадр) уходит, в частности, в научные разработки американских лингвистов Марвина Минского и Чарльза Филлмора. Фрейм, по М. Минскому, – «структура данных, предназначенная для представления типичной ситуации» [Минский 1978, 254]. В работах Ч. Филлмора представлено несколько определений фреймов. Наиболее часто цитируемым является определение этого феномена как «любой системы концептов, связанных между собой таким образом, что для того чтобы понять любой из концептов, необходимо знать всю систему, в которую он входит» [Филлмор 1983].

Фрейм предстает как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном

для данного понятия. Фрейм организует наше понимание мира в целом, это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации» [Чудинов 2007, 132]. В. А. Маслова включает в это структурированное знание со многими эксплицитными и имплицитными компонентами (слотами): «1) лексическое значение, 2) энциклопедическое знание предмета, 3) экстралингвистическое знание» [Маслова 2008, 119]. «Фреймы предстают как повторяющиеся когнитивные динамические сценарии и развертываются в конкретизирующих их слотах» [Андреев 2014, 20].

Фреймовый метод лингвистических исследований политического дискурса приобретает в среде ученых Германии все большее внимание, прежде всего благодаря научным трудам их соотечественницы Элизабет Велинг. Она известна как современный когнитолог, профессор Калифорнийского университета в Беркли (США), сторонница фреймового метода в исследовании политического языка, в частности, партийно-политического дискурса парламентских выборов. Э. Велинг увидела во фрейминге определенные возможности политического прогнозирования. В результате лингвистического анализа личностного политического дискурса Дональда Трампа исследовательница предсказала именно его победу на прошлых президентских выборах в Соединенных Штатах.

В 2018 г. вышло в свет второе, полное издание книги Э. Велинг под названием «Политический фрейминг» [Wehling 2018]. Один из главных выводов этой книги сформулирован в следующей цитате: «Не факты обуславливают политические решения, а когнитивные рамки толкования понятий, на языке науки – фреймы. Посредством языка они активизируются в сознании и определяют, как мы воспринимаем политические факты... Фреймы, а не факты определяют наше поведение при принятии решений... Мы принимаем решения на основе фреймов, но не на основе фактов – однако мы этого не замечаем». “Nicht Fakten bedingen politische Entscheidungen, sondern kognitive Deutungsrahmen, in der Wissenschaft Frames genannt. Sie werden über Sprache im Gehirn aktiviert und gefestigt und bestimmen, wie wir politische Fakten wahrnehmen [www.elisabethwehling.com/books]... Frames, nicht Fakten, bedingen unser Entscheidungsverhalten... Wir entscheiden uns aufgrund von Frames und nicht aufgrund von Fakten – doch wir merken es nicht!“ [Wehling 2018, 45, 49].

Языковую специфику предвыборной борьбы в Германии Э. Велинг видит в определенных «рамочных» конструкциях мышления и речи (политических фреймах) “bestimmte Denkmuster und Sprechmuster”. Иначе говоря, по ее словам, происходит некая «стихийная унификация» мышления и коммуникации немецких политиков и избирателей “nicht verabredete, eher zufällige

“Gleichschaltung” [https://www.deutschlandfunk.de/sprachforscherin-wehling-moral-ist-fast-etwas-unehrenhaftes].

Партии и выборы играют ключевую роль в формировании и постоянном обновлении немецкого политического языка. В медийном дискурсе Германию принято называть партийным государством – “Parteienstaat Deutschland”. Лингвистический когнитивно-дискурсивный анализ с помощью свойственных ему средств (фреймов, концептов) способствует выработке более глубоких представлений о внутренней и внешней политике Германии, деятельности ее политических партий, а также о немецком языке.

На наш взгляд, в избирательном дискурсе можно различать фрейм-структуры, фреймы-планы, фреймы-сценарии, фреймы-ситуации и др. В качестве примеров назовем наиболее обсуждаемые в парламентских партиях ФРГ фреймы-ситуации в рамках: «Новая большая коалиция», «Коалиционный договор» „Koalitionsvertrag“, «Правительственный кризис» „Regierungskrise“, «Проблема беженцев», „Flüchtlingsproblem“, «Налоги» „Steuerdebatte“, «Труд» „Arbeit“, «Окружающая среда» „Umweltdebatte“, «Немецкая доминирующая культура», или «Культура титульной нации» „Deutsche Leitkultur“.

Наши размышления о фрейминге неизменно идут в русле антропоцентрической парадигмы. Политическое содержание (экстралингвистический фон) и собственно язык (лингвистический аспект) сливаются воедино в политическом дискурсе, который целесообразно рассматривать через призму антропоцентрической парадигмы по двуединой формуле: а) язык личности/партии и б) личность в языке/партии [Маслова 2008, 10]. В центре лингвистического и социокультурного изучения, следовательно, находятся – партия, человек, языковая личность (CDU: A. Merkel, A. Kramp-Karrenbauer, F. Merz; SPD: A. Nahles, M. Schulz и др.).

Основная концептосфера предвыборного политического дискурса выборы Wahl/ Wahlen, которые нередко становятся объектом метафоры с определениями «игра, спектакль, сражение» Spiel, Theaterstück, Schlacht, как правило, с негативными оценками типа «грязная игра», «бутафория», «бесчестная борьба» Wahlkampf sei schmutzig, verlogen und eine Schlammschlacht.

Рассмотрим несколько наиболее важных фреймов.

Фрейм-сценарий «Выборы» состоит как минимум из пяти динамических слотов. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы сценария, представляют какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации:

- разработка программ Programme entwickeln,
- выдвижение кандидатов Kandidaten präsentieren,
- определение политических тем Politische Themen bestimmen,

- мобилизация сторонников Anhänger mobilisieren,
- привлечение избирателей Wähler gewinnen [Alemann 2010, 182].

Экстралингвистический фон этого фрейма обусловлен рядом избирательных кампаний 2017 года, который объявлен в ФРГ годом сверхвыборов Superwahljahr 2017. Это год выборов федерального президента Bundespräsidentenwahl (им стал представитель СДПГ Франк Вальтер Штайнмайер), трех ландтагов федеральных земель Шлезвиг-Гольштейн, Северный Рейн Вестфалия, Саар (социал-демократы понесли при этом серьезные потери, а христианские демократы выиграли и пришли к власти в упомянутых выше землях) и, наконец, главные выборы – в бундестаг 19-го созыва Bundestagswahl. После выборов экстралингвистический фон определялся затяжным правительственным кризисом Regierungskrise, какого Германия не знала за всю свою историю.

Фрейм «Выборы» Wahl(en) получил специфическое развитие в связи с октябрьскими 2018 года выборами в два земельных ландтага в Баварии и Гессене, где народные партии «Большой коалиции» оказались в затруднительном положении. Целесообразно подробнее представить экстралингвистический фон этого фрагмента рассматриваемого фрейма. Неудача ХДС и ХСС на выборах побудила канцлера А. Меркель заявить об отказе от председательства в ХДС и в 2021 году больше не баллотироваться на пост федерального канцлера. В ХДС развернулась борьба за пост председателя партии – в последующем одного из наиболее вероятных преемников нынешнего канцлера. Главными претендентами стали известные в ФРГ политики Ф. Мерц – в медийном дискурсе известный как «Анти-Меркель», активная сторонница действующего канцлера А. Крамп-Карренбауэр – сокращенно АКК, «Мини-Меркель» и уже изначально аутсайдер этой борьбы федеральный министр здравоохранения Й. Шпан.

В результате в немецком политическом языке родился новый фрейм «Кампания против политического соперника», который, по нашим наблюдениям, развивался в русле манипулятивной тактики. Вначале показатели публичных опросов свидетельствовали о больших шансах у Ф. Мерца, что, видимо, вызвало тревогу в стане канцлера. В СМИ появились публикации, нацеленные против Ф. Мерца и на поддержку АКК. Его основными слотами в несколько развернутых формулировках стали:

- Ф. Мерц лукавит, публично представляя себя как человека со средними доходами: он в действительности мультимиллионер;
- Рейтинг Ф. Мерца в ХДС снижается и АКК получает перевес „38 Prozent der Unionsanhänger sprechen sich für Kramp-Karrenbauer als neue Par-

teichfein aus. Ihre Zustimmungswerte liegen damit über jenem Wert, den ihre Mitbewerber Friedrich Merz und Jens Spahn zusammen erreichen. Der frühere Unionsfraktionschef Merz kann demnach auf die Unterstützung von 29 Prozent der Anhänger bauen. Weit abgeschlagen ist Gesundheitsminister Jens Spahn. Für ihn sprechen sich der Umfrage zufolge nur sechs Prozent der Unionsanhänger aus“ („Der Spiegel“, 23.11.2018).

– История с потерянным, а затем найденным ноутбуком, случившаяся в еще в 2004 году и уже основательно всеми забытая, была опубликована в преддверии гамбургского съезда ХДС в журнале „Der Spiegel“ под названием «Friedrich Merz: Notebook gefunden, Sympathie verloren». (Der Spiegel, 24.11.2018). Эта история характеризует Ф. Мерца как черстоного и жадного человека.

Основные темы партийных программ могут рассматриваться как фреймы (в данном случае – стереотипные общественно-политические ситуации и понятия). При этом у названных выше партий обнаруживается, с одной стороны, на уровне фреймов много общего, а с другой, на уровне слотов – существенные различия, особенно по традиционно обсуждаемым темам: «налоги», «детские пособия», «высылка проблемных беженцев» и т.д. „Diese Analyse zeigt im direkten Vergleich die Unterschiede und Gemeinsamkeiten der Rivalen-Konzeptinhalte. Dabei fällt auf: Von Steuern über Kindergeld bis hin zu Abschiebungen grenzen sich beide Lager stark voneinander ab“ (Der Spiegel, 23.11.2018).

Сопоставительный лингвистический анализ предвыборных программ наиболее крупных (народных) партий ХДС/ХСС и СДПГ „Konzept-Programmvergleich: Wie sich SPD und Union unterscheiden“ представляется возможным и целесообразным проводить фреймовым методом на основе двух важных партийных документов. Немецкий вариант вербального содержания фреймов и расширенных слотов цитируется автором настоящей статьи ниже по тексту из упомянутых партийных программ: (1. Wahlprogramm der CDU/CSU 2017 “Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben”. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021, cdu.de. 2. Wahlprogramm der SPD 2017 „Es ist Zeit für mehr Gerechtigkeit: Zukunft sichern, Europa stärken. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021“, spd.de).

Рассмотрим далее особенности некоторых фреймов и их слотов в интерпретации соперничающих партий.

Фрейм «Налоги» Steuern

СДПГ: главный слот – учет социального фактора. Партия намерена снизить налоги на семьи и родителей-одиночек с малыми или средними доходами. „Die SPD will Familien und Alleinerziehende mit kleinen und

mittleren Einkommen entlasten“. Вместо единого налога на семейную пару Ehegattensplitting предлагается ввести семейный тариф с детским бонусом „Familientarif mit Kinderbonus“. Так называемый взнос солидарности „Solidaritätszuschlag, Soli“ для лиц с низкими доходами отменяется, а максимальная налоговая ставка „der Spitzensteuersatz“ повышается до 45 процентов. Такую ставку будут платить лица с налогооблагаемым годовым доходом минимум 76 200 евро „wer als Single mindestens 76.200 Euro zu versteuerndes Einkommen hat“. Зажиточные граждане „Vermögende“, кроме того, будут платить специальный дополнительный налог на богатых „Reichensteuer“.

СДПГ обещает, таким образом, налоговые послабления на сумму в общей сложности 15 млрд евро „SPD verspricht 15-Milliarden-Entlastung“.

ХДС/ХСС: главный слог – продолжение прежней налоговой политики. Блок этих партий хотя и обещает избирателям незначительные налоговые послабления, однако по сравнению с СДПГ максимальная налоговая ставка Spitzensteuersatz остается без изменений, но вводится для граждан с годовым доходом 60 000 евро и выше. По программе блока отмена взноса солидарности „Abschaffung des Soli“ должна произойти в максимально короткий срок, а о дополнительном налоге на самых богатых людей „zusätzliche Steuer für Superreiche“ речь вообще не идет. Таким образом, блок ХДС/ХСС в отличие от СДПГ предлагает лишь минимальные изменения в налоговой сфере.

Фрейм «Беженцы/Иностранцы» „Flüchtlinge/Ausländer“

СДПГ: слог – «максимальная забота о правах человека». Социал-демократы считают, что право на получение убежища должно оставаться неприкосновенным „Das Grundrecht auf Asyl soll unangetastet bleiben“; лица, которым отказано в убежище, должны отправляться на свою родину, за исключением Афганистана „abgelehnte Flüchtlinge in ihre Herkunftsländer zurückgeschickt werden allerdings nicht nach Afghanistan“. Для тех, кто прожил в ФРГ по меньшей мере два года и имеет там работу или ходит в школу и не подвергался судебному преследованию, должно предоставляться право на дальнейшее проживание в Германии „Wer mindestens zwei Jahre in der Bundesrepublik lebt, Arbeit hat oder zur Schule geht und nicht straffällig geworden ist, soll bleiben dürfen“. Партия выступает за введение специального иммиграционного закона.

ХДС/ХСС: слог – ужесточение правил в отношении беженцев. Блок твердо заявляет, что ситуация с беженцами 2015 года не должна повториться. „Bei der Flüchtlingspolitik erklärt die Union, dass sich eine Situation wie im Jahr 2015 nicht wiederholen dürfe“. После отказа властей предоставить убежище обязательно должна следовать высылка из страны, в том числе в Афга-

нистан „Abgelehnte Flüchtlinge sollen verstärkt abgeschoben werden auch nach Afghanistan“. В отличие от СДПГ блок не предусматривает введение иммиграционного закона „Ein Einwanderungsgesetz hat die Union nicht in ihr Wahlprogramm geschrieben“.

Языковые личности А. Меркель и М. Шульц занимали главное место в немецком предвыборном дискурсе. Большинство самых популярных СМИ ФРГ продолжительное время представляли прежнюю главу ХДС в ходе выборов в бундестаг в более выгодном свете, чем тогдашнего председателя СДПГ. А. Меркель получила преимущества: свыше 60 % опрошенных до выборов положительно оценивали ее роль, в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ от 29 мая 2017 года ее называли «абсолютно здоровой умственно и физически, исключительно работоспособной» „mental und körperlich kerngesund und leistungsfähig“. Канцлер, якобы, была на вершине своего опыта и политического таланта, чтобы, как она сама говорила, и дальше служить Германии. Ее личность в том же источнике связывали со стабильным благосостоянием немцев „unfallarmer Wohlstand“, она, «непоколебимая и непобедимая», „die Unerschütterliche Kanzlerin mutiert zu einer Unbezwingbaren“, уверенно чувствовала себя в состоянии снова возглавить самую мощную страну ЕС и одну из самых экономически крупных держав мира.

Деоним [Чигашева 2016] «меркелизм» „Merkelismus“ утвердился в немецком политическом языке в главном значении стабильного благосостояния немцев „unfallarmer Wohlstand“ и других положительных значениях.

Наиболее характерные выражения А. Меркель служат формированию ее языковой личности в немецком обществе: фраза «Мы справимся с этим» была сказана канцлером в отношении небывалого наплыва беженцев и обрушила её высокий рейтинг „Ihr Satz Wir schaffen das stürzte Angela Merkel ins Umfragetief“; позже в избирательной кампании она предпочитала говорить: «Вы меня знаете» „Sie kennen mich“, «Доверяйте мне» „Vertrauen Sie mir“, что в условиях благоприятной для ФРГ политической, экономической и социальной конъюнктуры способствовало восстановлению популярности канцлера „die Kanzlerin ist beliebt wie vor der Flüchtlingskrise“ (Der Spiegel, 8.06. 2017). Однако впоследствии хвалебная риторика относительно личности в языке А. Меркель в политическом дискурсе заметно пошла на убыль. Причиной тому стал сильно затянувшийся правительственный кризис в ФРГ и неудачи христианских и социальных демократов на последних выборах в ландтаги Баварии и Гессена.

Анализ партийно-политического дискурса с помощью фрейминга позволяет сделать некоторые выводы о преимуществах этого метода

лингвистических исследований, в числе которых, в частности: большая глубина проникновения в смысловую суть политического явления, что позволяет добиваться большей адекватности в общественно-политическом переводе и открывает новые возможности в аспекте политического прогнозирования.

Литература

- Андреев Н.И. Немецкий военно-политический дискурс германо-российских отношений // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов. № 55 (70). М.: МГИМО (У) МИД России, 2014. С. 17–31.
- Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
- Мински М. Структура представления знаний. М.: Энергия, 1978. М., 1978. 151 с.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. 1983. № 12.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
- Чигаева М.А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестник МГЛУ. 2016. № 26 (765). С. 50–59.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
- Alemann U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): Bonn, 2010. 176 S.
- Wehling E. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet – und daraus Politik macht. Herbert von Halem Verlag, Köln, 2016. 224 S.
- „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, 29.05.2017.
- Der Spiegel, 8.06.2017; 23, 24.11.2018.
- Wahlprogramm der CDU/CSU 2017 *“Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben”*. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021, cdu.de
- Wahlprogramm der SPD 2017 *„Es ist Zeit für mehr Gerechtigkeit: Zukunft sichern, Europa stärken. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021“*, spd.de www.elisabethwehling.com/books
- <https://www.deutschlandfunk.de/sprachforscherin-wehling-moral-ist-fast-etwas-unehrenhaftes>

References

- Andreev N.I. German military-political discourse of German-Russian relations // Philological Sciences in MGIMO: Collection of scientific works. № 55 (70). Moscow: MGIMO (University) of the MFA of Russia, 2014. Pp. 17–31. (In Russian).

- Maslova V.A. Modern trends in linguistics. Moscow: publishing center “Academy”, 2008. 272 p. (In Russian).
- Minsky M. the Structure for knowledge representation. Moscow: Energia, 1978. 151 p. (In Russian).
- Fillmore H. The main problem of lexical semantics. New in foreign linguistics. Vol. HP. 1983. № 12.
- Chihacheva M. A. Denimy as a feature of political discourse of mass media of Germany and Russia // Vestnik of MSLU. 2016. № 26 (765). P. 50–59. (In Russian).
- Chudinov A. P. Political linguistics: teaching aid. 2nd ed., ISPR. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 256 p. (In Russian).
- Alemann U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.): Bonn, 2010. 176 S.
- Wehling E. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet und daraus Politik macht. Herbert von Halem Verlag, Köln, 2016. Ungekürzte Ausgabe im Ullstein Taschenbuch, München 2018.
- „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, 29.05.2017.
- Der Spiegel, 8.06.2017; 23, 24.11.2018.
- Wahlprogramm der CDU/CSU 2017 *“Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben”*. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021, cdu.de
- Wahlprogramm der SPD 2017 *„Es ist Zeit für mehr Gerechtigkeit: Zukunft sichern, Europa stärken. Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021“*, spd.de www.elisabethwehling.com/books
- <https://www.deutschlandfunk.de/sprachforscherin-wehling-moral-ist-fast-etwas-unehrenhaftes>

Сведения об авторе:

Андреев Николай Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). – Сфера научных интересов: лингвистика, немецкий политический дискурс, переводоведение.
E-mail: AndreevNI@yandex.ru

Andreev Nicolay I. – PhD in Philology, Associate Professor of the German Language Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). – Research interests: linguistics, German political discourse, translation study.
E-mail: AndreevNI@yandex.ru

«ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК СОЦИО- И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (В СИНХРОНИИ)»

О.И. Быкова

Воронежский государственный университет, Воронеж

***Аннотация:** Статья посвящена изучению изменений в лексике современного немецкого языка с позиции синхронии. В качестве исходных рассматриваются критерии необходимости изменений: общественно-политическая значимость, смысловая точность и выразительность, относительная новизна, креативность. Выделены концептуальные сферы номинаций, репрезентируемые новейшими реалиями. Описаны наиболее релевантные способы изменений значений слов. Выявлена амбивалентность коннотативного потенциала лексических единиц в зависимости от дискурса. Комплексный характер проявления тенденций к изменениям в лексике обусловлен интерлингвистическими (взаимодействие языков и культур) и интралингвистическими (социокультурными, прагмалингвистическими) особенностями употребления единиц языка.*

***Ключевые слова:** словарный состав языка, лингвокультурная общность, новизна, креативность, концептуальные сферы, амбивалентность, интерлингвистические и интралингвистические особенности употребления языковых единиц.*

«CHANGES IN GERMAN LEXICAL UNITS AS SOCIO-PRAGMATIC PHENOMENON (FROM THE SYNCHRONOUS POSITION)»

***Abstract:** The article deals with studying lexical changes of modern German from the synchronical position. Changes necessity criteria of lexical units are considered including their significance, sense exactness, expressive power, relative novelty and creativity. The nominations conceptual spheres represented by the newest realia are distinguished. The most relevant changes of the words meanings are described. The connotational potential ambivalence of lexical units depending on the discourse are revealed. It is shown that a complex character of the tendencies display concerning lexical changes are caused by intra- and- interlinguistic peculiarities of lexical units usage.*

***Key words:** lexical units composition, linguistic and cultural unity, novelty, creativity, conceptual spheres, ambivalence, intra- and- interlinguistic peculiarities of lexical units usage.*

Потребность в наиболее адекватных способах обозначения динамичных явлений жизни современного мира, фокусирование внимания на исследование употребления языка обусловлены следующими моментами:

- 1) принципиальной погруженностью языкового знака в социально и дискурсивно обусловленную практику употребления знака с учётом культурно-исторических, институциональных, дискурсивных и медиальных условий;
- 2) взаимообусловленностью коммуникативной и когнитивной функций языкового сознания представителей культурного сообщества;
- 3) интенциональной направленностью как особой формой использования языка в социальной деятельности людей в результате изменений не только самой реальности, но изменений взглядов, отношений говорящих на эти изменения;
- 4) заимствованиями.

Культурная рефлексия явлений современной действительности в языковом сознании представителей конкретной лингвокультурной общности в разных типах дискурса определяет принципы появления и моделирования новой лексики. Изменения в словарном составе отражают языковую действительность в современном немецком языке.

В качестве критериев необходимости этих изменений можно выделить:

- общественно-политическую значимость (gesellschaftlich politische Signifikanz);
- смысловую точность и выразительность (Prägnanz);
- креативность, относительную новизну, оригинальность, распространённость в различных сферах информации и общем употреблении.

Нами использован новейший эмпирический материал, зафиксированный за последние два года в статьях и разделах журнала «Der Sprachdienst», издаваемого обществом немецкого языка (GfdS) в г. Висбаден, в периодических изданиях журналов «Focus», «Mobil. Das moderne Wirtschaftsmagazin», «Zeit Online», газеты «Frankfurter Allgemeine».

Наблюдения за изменениями в словарном составе на уровне синхронии позволили выявить следующие концептуальные сферы номинаций, репрезентирующих новейшие реалии внешне- и внутриполитической жизни в немецкоязычном культурном пространстве:

1. Европейский союз и мировой кризис:

(1) „<...> **Eurocalypse** (Europa + Apokalypse)“ [Kuntzsch 2017, 25].

(2) „<...> die Bürgerbewegung **PEGIDA** (Akronym für Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes) formierte sich erst 2014, zunächst als Online-Gruppe auf der Social – Media – Plattform Facebook [Mathias 2018. 158].

2. Миграционные процессы:

(1) **Shuttle-Service:** „<...> (diskreditierend für die Bemühungen von Nichtregierungsorganisationen, Flüchtlinge in Schlauchbooten auf dem Mittelmeer zu retten und nach Italien zu überführen)“ [Wissenswertes zum Unwort des Jahres 2017. // [Interview mit Prof. Dr. Nina Janich 2018, 69].

(2) **der Spurwechsel:** „Seit einigen Wochen wird im Bundestag über den sogenannten «Spurwechsel» gesprochen. Darunter verbirgt sich die Idee, dass gut integrierte Flüchtlinge mit einem Arbeitsplatz unter bestimmten Bedingungen die Möglichkeit erhalten, auch bei einer Ablehnung des Asylantrags in Deutschland zu bleiben. Vom Asylrecht soll dann ein «Spurwechsel» zum Einwanderungsrecht erfolgen“ [Zeit-Wort/2018, 242].

3. Выборы и образование коалиций в правительстве:

(1) **GroKo** „ist eine Wortbildung, die für die „Große Koalition“ aus CDU/CSU und SPD steht“ [Zeit-Wort 2018, 89].

(2) „<...> **Jamaika- Aus** „<...> bringt somit prägnant den komplexen Sachverhalt ›Abbruch der Sondierungsverhältnisse für eine schwarz- gelb- grüne Koalition‹ zum Ausdruck“ [Kuntzsch 2018, 6].

4. Отношения между людьми и группами людей:

(1) **gesellschaftlicher Lebensbund; Ehe für alle:** „Nach einem Bundestagsbeschluss gilt seit 01.10. 2017 in Deutschland die Öffnung der Ehe für gleichgeschlechtliche Paare <...>“ [Kuntzsch 2018, 10].

(2) **divers:** „So wurde durch einen Beschluss des Bundesverfassungsgerichts im Herbst 2017 festgestellt, dass der Gesetzgeber eine «dritte Option» für eine positive Angabe zum Geschlecht im Geburtenregister ermöglichen (oder dort ganz auf den Zwang zur Angabe des Geschlechts verzichten) muss. Der inzwischen vorliegende Gesetzesentwurf schlägt die Bezeichnung «divers» vor“. [Diewald 2018, 207].

(3) **Smombies:** „Die sogenannte „Generation Kopf unten“, oder liebevoll auch „Smombies“ genannt, sind Menschen, die beim Laufen unaufhörlich auf ihre Smartphone starren, E-mails checken, WhatsApp schreiben oder durch Instagram flippen“. [Smartphone in der Hand: eine Gefahr nicht nur für Autofahrer // Mobil, Frühjahr 2018, 6].

(4) **Gruselclown:** „<...> *Gruselclowns* – als Clowns verkleidete Personen, die Passanten erschrecken und sie mit Waffen bedrohen oder ausrauben – hat sich zunächst in Nordamerika verbreitet und ist jüngst auch in Europa angekommen.“ [Rüdebusch 2016, 244].

5. Внутриполитическая и экономическая ситуация в стране:

(1) **Genderwahn:** „<...> (pauschalisierend und abwertend für sämtliche Bemühungen um Geschlechtergerechtigkeit) <...>“ [Interview mit Prof. Dr. Nina Janich 2018, 69].

(2) **postfaktisch:** „Die Wahl des Kunstwortes *postfaktisch* „richtet das Augenmerk auf einen tiefgreifenden politischen Wandel“ und „verweist darauf, dass es heute zunehmend um Emotionen anstelle von Fakten geht“ [Stodollik 2018, 38].

(3) „Der **Bitcoin** ist eine digitale Währung. Sie wird gegen Währungen wie den US- Dollar oder Euro gehandelt“ [Focus 2018, 35].

6. Медийные средства (digitale Kommunikation über Massenmedien), в том числе и Neue Medien:

(1) **Socil Bots:** „Unter **Socil Bots** <...> versteht man Computerprogramme, die automatisch bestimmte, sich wiederholende Aufgaben bearbeiten“ [Kuntzsch 2017, 26].

(2) **Hashtag:** „Unter dem Hashtag # **Me Too** lief ab Oktober 2017 eine Kampagne zur Anprangerung sexueller Übergriffe <...>“ [Lutz Kuntzsch 2018, 11].

Hashitivismus: „125 Millionen **Hashtags** werden jeden Tag auf **Twitter** geteilt. Bewegungen wie „#BlackLives-Matter“ oder „# Me Too“ wären ohne den Hashtag nicht denkbar gewesen. Noch nie war Agenda-Setting so einfach, partizipativ und schnelllebig. Die Raute ist zur Einwahltaste in den politischen Diskurs avanciert. Politologen sprechen schon vom **Hashitivismus** (hashtivism), einer neuartigen Form des Aktivismus.“ [Lobe 2018, 53].

(3) **Nafri:** „Allerdings weicht die nach außen benutzte Fachsprache bisweilen vom internen Jargon ab, wie die Diskussion um die Ausschreitungen in der Sivisternacht 2016/2017 in Köln zeigte. Damals wurde bekannt, dass die Polizei für die Personen aus Nordafrika, die durch zahlreiche Straftaten auffielen, das Kürzel *Nafri* verwandte für «Nordafrikanische Intensivtäter» [Latsch. S. 212–213].

7. Экология:

(1) **Tütengroschen:** „Für den Schutz der Umwelt wurde der *Tütengroschen* zur Bezahlung bei der Mehrzahl der Plastiktüten eingeführt <...>“. [Kuntzsch 2017, 32].

8. Технический прогресс:

(1) „Der Ausdruck **Echokammer** <...> steht für die Tatsache, dass leistungsfähige Algorithmen in den sozialen Netzwerken genauestens Bescheid wissen über alle von jemandem jemals geäußerten Vorlieben und Abneigungen und ihn auf dieser Grundlage gezielt mit einer Auswahl von Informationen versehen, inhaltlich anderes jedoch unterdrücken. Dadurch können Meinungen bestärkt und Ideologien verfestigt werden, weil man letztlich vor allem das zu hören oder lesen bekommt, was man selbst bereits gut und richtig findet“ [Kuntzsch 2018, 16].

9. Спорт:

(1) **Staatsdopping:** „Aufgrund des vermuteten russischen *Staatsdoppings* und veröffentlichter wie zurückgezogener *Doppingbeichten* war von *Zionismusspielen* die Rede <...> „. [Kuntzsch 2017, 32].

(2) „Der **Videobeweis**, – <...>, den es in anderen Sportarten schon seit langem gibt, wurde 2017 in die Fußball-Bundesliga eingeführt. Ein vierter Offizieller, der *Videoassistent*, kann aufgrund dessen per Funk mit dem Schiedsrichter Kontakt aufnehmen und seine Entscheidungen korrigieren [Kuntzsch 2018, 16].

Следует отметить наиболее релевантные способы изменения значения слова (der Bedeutungswandel):

Расширение значения слова (Bedeutungserweiterung oder Generalisierung):

Die Ikone. „Als *Ikone* wird das „ Kultbild der orthodoxen Kirche mit der Darstellung heiliger Personen oder ihrer Geschichte bezeichnet“ . <...> „ In seiner zweiten Bedeutung definiert das Große Wörterbuch der deutschen Sprache (Duden, 2012) *Ikone* als „Person oder Sache, als Verkörperung bestimmter Werte, Vorstellungen“ oder eines bestimmten Lebensgefühls“, z.B. <...> *Sportwagen-Ikone* (Porsche), *US-Ikone* (Madonna, Stone), *Tod der Ikone* (Prinzessin Diana) <...> [Fragen und Antworten 2018, 76–77].

Сужение значения слова (Bedeutungsverengung oder Spezialisierung):

Der Verbraucher: „Letztlich kann *Kunde* als Überbegriff verstanden werden, die Bezeichnung *Verbraucher* dagegen als eine Unterart des Kunden, die in bestimmten Kontexten anzutreffen ist, anders als beim *Kunden* schwingt beim *Verbraucher* die spezielle Bedeutung mit, dass er das erworbene Konsumgut tatsächlich „verbraucht“ [Fragen und Antworten 2017, 290].

Эвфемизация:

<...> „das „**Minuswachstum**“ ist freundlicher als der „Verlust“, „**bildungsfern**“ deutet nur an, dass jemand „ungebildet“ ist, und bei einem Arbeitslosen mit „**multiplen Vermittlungshemmnissen**“ wird offengelassen, ob er zum Beispiel ungebildet, unzuverlässig, behindert, faul oder Alkoholiker ist“ . [Aus der [GfdS] 2018, 133].

В процессе эвфемизации следует выделить модусный, интерпретирующий характер номинаций, направленный на формирование представлений и оценок новых смыслов, вплоть до стремления к манипуляции общественным сознанием коммуникантов.

Kollateral: „Ganz nüchtern bedeutet es <seitlich [angeordnet], nebeneinander>. Wie kommt es dann, dass man dennoch vorwiegend Negatives mit diesem Wort assoziiert? Das liegt vermutlich an dem Kompositum, als dessen Bestandteil man es zumeist antrifft: *Kollateralschaden*. Hierbei handelt es sich um einen Schaden,

der nicht beabsichtigt war, aber im Zuge einer (z. B. militärischen, zumeist kriegerischen, zerstörerischer) Aktion entstanden ist und in Kauf genommen wird. Selbst der schlimmste nicht beabsichtigte Schaden, der Tod von Personen/ Zivilisten, wird durch dieses Wort verhüllt – insofern ist es wohl als Euphemismus, Beschönigung anzusehen“ [Zeit-Wort 2018, 136].

Амбивалентность коннотативного потенциала, оценки, маркируется контекстом или коммуникативной ситуацией. Конкретизаторы оценки наводятся текстом определённого дискурса.

Для иллюстрации приведём употребление одной и той же реалии (1) и (2) в разных дискурсах. В типе текста «Словарная статья» информативного дискурса указано:

(1) **Die Silvesternacht:** der, auch das **Silvester** [*nach Silvester I., Papst von 314 bis 335; dem Tagesheiligen des 31. Dezember*]: *letzter Tag des Jahres, 31. Dezember; <...> die Nacht von Silvester zum 1. Januar* [DUW 1996, 1403].

В тексте журнальной статьи политического дискурса обнаружено:

(2) „In der **Silvesternacht** 2017 waren in Köln 1.400 Polizisten im Einsatz. Die Einsatzlage war mit einem normalen Wochenendtag vergleichbar. In Leipzig wurde in der Nacht heftig randaliert und Beamte wurden angegriffen. Im Jahr davor hat die Kölner Polizei ein neues Sicherheitskonzept erprobt, bei dem sie gezielt „nordafrikanisch“ aussehende Männer kontrolliert hat. Die Polizei musste sich wegen der Kontrollen dem Vorwurf des Racial Profiling stellen. In der **Silvesternacht** 2015 war die Situation eskaliert: Am Kölner Hauptbahnhof wurden zahlreiche Frauen bestohlen und sexuell belästigt. Die Vorfälle lösten eine Debatte über Sexismus, Einwanderung und liberale Werte aus“ . [Silvester und die Folgen // Zeit Online].

Во втором случае употребления реалии явно реализуется отрицательная оценка происходящих событий последних лет.

Особый интерес при актуализации коннотативного потенциала представляет социальная символика, связанная с культурной спецификой системы представлений о ценностях, сложившихся в национальном сознании лингвокультурного сообщества. О специфике декодирования коннотативного содержания социальной символика высказывается И. Ф. Ланвер: „Die Dekodierung der konnotativen Sozialsymbolik ist im besonderen Maße abhängig von ideologischem System von Erwartungen: (Wahrnehmung durch kulturspezifisches System von Einstellungen, Werten etc. gebrochen bzw. bestimmt ist)“ . [Lanwer 2015, 14].

Например, в дискурсе бытового общения „<...> steht **Nassauer** heute umgangssprachlich für einen Schmarotzer oder Parasiten, aber auch für einen

Einwohner einer der über 50 Orten namens Nessau weltweit oder als Familienname. <...> Mit dem Wort **nassauern** bleibt in jedem Falle Historisches mit regionalem Bezug in der Sprache erhalten – **genaussauert** wird sicher in allen Zeiten [Pressespiegel // Der Sprachdienst 2018, 75].

Как показало наше наблюдение, изменения в лексике современного немецкого языка на уровне синхронии могут быть обусловлены комплексным характером проявления тенденций в речевой практике: **интерлингвистических** (в результате взаимодействия языков и культур) при заимствованиях, а также **интралингвистических** (социокультурной и прагмалингвистической, медийной особенностями употребления языковых средств). Интегральная позиция к исследованию становления лексики как самой открытой и динамичной подсистемы языка позволяет учитывать все факторы формирования национальной специфики языкового сознания.

Литература

- Aus der [GfdS] // Der Sprachdienst 3/18, S. 130–132.
 Diewald G. Sprachgerechte Sprache // Der Sprachdienst 6/18. S. 195–208.
 DUW – Duden Deutsches Universalwörterbuch A–Z / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3, völlig neu bearb. und erweit. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
 Fragen und Antworten // Der Sprachdienst 2/18, S. 76–78.
 Fragen und Antworten // Der Sprachdienst 6/17, S. 286–290.
 Focus. Das moderne Wirtschaftsmagazin, NR. 30. 18. Juli, 2018, S. 35.
 Interview mit Prof. Dr. Nina Janich. Wissenswertes zum Unwort des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 2/18. S. 69–71.
 Kuntzsch L. Postfaktisch, Brexit, Silvesternacht Wörter des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 1/17. S. 21–33.
 Kuntzsch L. Jamaika-Aus, Ehe für alle und #MeToo. Wörter des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 1/18. S. 1–18.
 Lanwer J. Ph. Regionale Alltagssprache – Theorie, Methodologie und Empire einer gebrauchsbasierten Areallinguistik. 2015, Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH. 1141 S.
 Latsch J. «Niemand weiß, was gerade passiert» Krisen und Terror: Sprache der öffentlichen Kommunikation bei Gewalttaten // Der Sprachdienst 6/18. S. 209–218.
 Lobe A. Die gekaufte Revolution // Frankfurter Allgemeine. Woche NR 29.13. Juli 2018. S. 53.
 Mathias A. „Wir sind das Volk“ Zu Wortschatz und Argumentation rechtspolitischer Gruppierungen in Deutschland // Der Sprachdienst 4–5/18. S. 155–167.

- Mobil, Frühjahr 2018. S. 6.
 Pressespiegel // Der Sprachdienst 2/18. S. 75.
 Rüdebusch F. Zeit-Wort Gruselclown // Der Sprachdienst 6/16. S. 244.
 Silvester und die Folgen // Zeit Online.
 Stodollik A. Buchbesprechung // Der Sprachdienst 1/18. S. 37–39.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 2/18. S. 89–90.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 3/18. S. 135–136.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 6/18. S. 242–243.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Aus der [GfdS] // Der Sprachdienst 3/18. S. 130–132.
 Diewald G. Sprachgerechte Sprache // Der Sprachdienst 6/18. S. 195–208.
 Fragen und Antworten // Der Sprachdienst 2/18. S. 76–78.
 Fragen und Antworten // Der Sprachdienst 6/17. S. 286–290.
 Focus. Das moderne Wirtschaftsmagazin, NR. 30. 18. Juli, 2018. S. 35.
 Interview mit Prof. Dr. Nina Janich. Wissenswertes zum Unwort des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 2/18. S. 69–71.
 Kuntzsch L. Postfaktisch, Brexit, Silvesternacht Wörter des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 1/17. S. 21–33.
 Kuntzsch L. Jamaika-Aus, Ehe für alle und #MeToo. Wörter des Jahres 2017 // Der Sprachdienst 1/18. S. 1–18.
 Latsch J. «Niemand weiß, was gerade passiert» Krisen und Terror: Sprache der öffentlichen Kommunikation bei Gewalttaten // Der Sprachdienst 6/18. S. 209–218.
 Lobe A. Die gekaufte Revolution // Frankfurter Allgemeine. Woche NR 29.13. Juli 2018. S. 53.
 Mathias A. „Wir sind das Volk“ Zu Wortschatz und Argumentation rechtspolitischer Gruppierungen in Deutschland // Der Sprachdienst 4–5/18. S. 155–167.
 Mobil, Frühjahr 2018. S. 6.
 Pressespiegel // Der Sprachdienst 2/18. S. 75.
 Rüdebusch F. Zeit-Wort Gruselclown // Der Sprachdienst 6/16. S. 244.
 Silvester und die Folgen // Zeit Online.
 Stodollik A. Buchbesprechung // Der Sprachdienst 1/18. S. 37–39.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 2/18. S. 89–90.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 3/18. S. 135–136.
 Zeit-Wort // Der Sprachdienst 6/18. S. 242–243.

(Monographs)

DUW – Duden Deutsches Universalwörterbuch A–Z / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3, völlig neu bearb. und erweit. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.

Lanwer J. Ph. Regionale Alltagssprache – Theorie, Methodologie und Empire einer gebrauchsbasierten Areallinguistik. 2015, Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH. 1141 S.

Сведения об авторе:

Быкова Ольга Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. – Научные интересы: семантика, лингвокультурология, лингвистика текста.

E-mail: olga.bykova@rambler.ru

Bykova Olga I., doctor of philological sciences, associated professor of German Philology chair, Germanic-and Romanic Languages Philology faculty. – Research interests: semantics, linguacultural studies, text linguistics.

E-mail: olga.bykova@rambler.ru

KOGNITIVE FLEXIBILITÄT IN DER SPONTANEN REDE (AM BEISPIEL DES DEUTSCHSPRACHIGEN ELEKTRONISCHEN SCHRIFTVERKEHRS)

**Innara A. Gussejnowa
Valeria S. Netschajewa**

Moskauer Staatliche Linguistische Universität, Moskau

***Abstract:** The following article deals with electronic communication. It is flexible, mobile and relatively transformable. It does not lower the quality of prepared written speech that has been essentially thought over and carefully corrected but the level of spontaneity rises. It is strongly demanded in the commercial sphere to be in keeping with the speed that is set by the technologized social reality. There is often a lack of time when one has to correlate one's individual speed with business relations and finding solutions. At the business level one has to strictly follow time and space borders.*

From the authors' point of view, the half-spontaneous character of communication within a company, for example, on the basis of business e-mails, proves that workers of a company possess a high grade of cognitive flexibility. It means that the spontaneity of communicators' speech is controlled and what prevents the flow of the corresponding conflict in an interpersonal conflict. And the frame for the institutional discourse is left. Thus, the spontaneity of the electronic correspondence and the cognitive conflict that objectifies it can be regulated to a certain degree. It is connected directly with the ability of those who take part in a communication process to strengthen their cognitive flexibility and to widen its borders.

***Key words:** electronic business communication, electronic business e-mail, cognitive conflict, spontaneity, cognitive flexibility.*

Heutzutage sind alle Lebenssphären derart von Internettechnologien geprägt, dass sich der moderne Mensch sein Privatleben oder seinen beruflichen Alltag ohne Computer kaum mehr vorstellen kann. Besonders wichtig und aktuell sind Computertechnologien in Bereichen, in denen Kommunikation, Wissenschaft oder Technik im Mittelpunkt stehen. Die Autorinnen konzentrieren sich auf den ersten Punkt. Zwischenmenschliche private und unternehmerische Beziehungen sind heute ohne Internet und verschiedene Webtechnologien schwer umsetzbar bis unmöglich. Der moderne Mitarbeiter bzw. die moderne Mitarbeiterin hat sich also an heutige Gegebenheiten des professionellen digitalen Lebens angepasst. In der vorliegenden Arbeit wird Kommunikation innerhalb jener Unternehmen

betrachtet, die ihre Geschäfte in erster Linie in Handel, Industrie und Service führen. Der Fokus liegt auf elektronischen Geschäftsmails von Angestellten als Mittel für die innenbetriebliche Zusammenarbeit.

Aus unserer Sicht zeugt der halbspontane Charakter der innenbetrieblichen Kommunikation durch geschäftliche E-Mails von einem hohen Niveau der kognitiven Flexibilität der Mitarbeiter. Das heißt, die Spontaneität der Rede wird von Kommunikanten kontrolliert, was den Übergang des entstehenden kognitiven Konfliktes in den interpersonellen und dessen Ausgang aus dem Rahmen des institutionellen Diskurses verhindert. Daraus folgt, dass die Spontaneität der elektronischen Geschäftskorrespondenz wie auch der sie objektivierende kognitive Konflikt gewissermaßen regulierbar sind. Diese Tatsache ist direkt mit der Fähigkeit der Teilnehmer des professionellen Zusammenwirkens verbunden, die Beweglichkeit der Grenzen ihrer kognitiven Flexibilität zu erweitern.

Die elektronische Geschäftskommunikation

Der innenbetriebliche Schriftverkehr mit Hilfe elektronischer Briefe wird als «Geschäftskommunikation» (Businesskommunikation, Unternehmenskommunikation, Organisationskommunikation, Marketingkommunikation (vgl. Englisch – *marketing communication*) verwirklicht. Hierunter wird geschäftlicher Schriftverkehr verstanden, der innerhalb einer korporativen Struktur bzw. innerhalb einer Organisation oder zwischen Angestellten diverser Unternehmen geführt wird.

In diesem Zusammenhang ist darauf hinzuweisen, dass die Analyse des deutschsprachigen elektronischen Schriftverkehrs die Existenz von zwei Arten von Geschäftsbriefen zeigt, die im Unternehmensumfeld benötigt werden. Dies sind: a) *geschäftliche (kommerzielle) Briefe*, welche die Prinzipien der Hierarchie ansprechen; b) *dienstliche Geschäftsbriefe*, die zur vernetzten zwischenmenschlichen Kommunikation gehören. Dabei haben wir uns an verschiedenen Klassifikationen der Geschäftsbriefe orientiert, z. B. den von T. Scherebilo und T. Sorina [Scherebilo 2010¹, Sorina 1971²]

Ungeklärt ist, welchem Typ sich der alltägliche Schriftverkehr von Unternehmensmitarbeitern und -mitarbeiterinnen via E-Mail, Mitteilungen und Telefongesprächen zuordnen lässt. Die Autorinnen sehen Schwierigkeiten in einer eindeutigen Klassifizierung derartiger Erscheinungen, ebenso wie in der Über-

¹ Scherebilo 2010 – Scherebilo T. V.: Slovar' lingvisticheskikh terminov: ed. 5. Nazran': „Pilgrim“. 486 p.

² Sorina 1971 – Sorina T.P.: Lingvostilisticheskaya kharakteristika sovremennoy nemetskoy kommercheskoy korrespondentsii kak zhanra delovoy prozy: diss. PhD. Moscow. 233 p.

legung, ob es sich um Kommunikationselemente inoffiziellen Charakters handelt oder ob vorwiegend Merkmale institutioneller Kommunikation vorliegen. In diesem Zusammenhang bietet sich die Klassifikation von G. Brünner an, welche den betrieblichen Schriftverkehr in „kooperationsbezogen“ und „kooperationsunabhängig sozial“ untergliedert [Brünner 2000, 8]. Im Falle des innen betrieblichen Geschäftsverkehrs durch E-Mails wurde eine Symbiose dieser Erscheinungen beobachtet, was wiederum zu schnellen und effektiven Lösungen fachlicher Fragen führt.

Der kognitive Konflikt

Die geschäftliche (korporative) Kommunikation akkumuliert zwei gegenseitige Prozesse: Einerseits sehen wir den Einfluss der institutionellen Komponente und andererseits das Streben nach der Gestaltung zwischenmenschlicher Beziehungen. Das geschäftliche Zusammenwirken im elektronischen Diskurs wird gleichzeitig im institutionellen und emotional-intuitiven (zwischenmenschlichen) Rahmen realisiert.

Dieses Moment bedingt weitgehend *den kognitiven Konflikt (Begriff von N. Frigina)*³, der sich zuerst im inneren und dann auch im äußeren Sprechen (schriftliche Rede) des Kommunikanten ausdrückt. Es ist zu betonen, dass vorliegend nur eine Art des kognitiven Konfliktes, der intrapersonale Konflikt, analysiert wird.

Den kognitiven Konflikt betrachten wir gemäß Monika Schwarz-Friesel [Schwarz-Friesel 2008]⁴ als eine Auseinandersetzung jener emotionalen und rationalen Komponenten des kognitiven menschlichen Systems, die beim Prozess der Aufnahme und der weiteren intellektuellen Verarbeitung einfließender Informationen entstehen.

Im menschlichen Bewusstsein besteht also eine Dissonanz [Festinger 2000]⁵, welche den kognitiven Konflikt hervorruft. Dieser kann sich aus einem intrapersonalen in einen interpersonalen Konflikt entwickeln.

Eine Auseinandersetzung des Sozialen und Individuellen verursacht die Entstehung innerer kognitiver Konflikte. Einerseits müssen Kommunikanten immer ein Teil des Unternehmens bleiben und dessen Image berücksichtigen, andererseits bleibt der Mensch ein Individuum mit persönlichen Ansichten sowie subjek-

³ Frigina N.I. Faktory prevrashcheniya kognitivnogo konflikta v mezlichnostnyy konflikt v situatsiyakh gruppovogo obsuzhdeniya: diss. ... Cand. Sc. Moscow, 1980.

⁴ Schwarz-Friesel M. Sprache, Kognition und Emotion: Neue Wege in der Kognitionswissenschaft // Sprache-Kognition-Kultur. – de Gruyter: Berlin, New York, 2008. S. 277–297.

⁵ Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. St. Petersburg: „Rech“, 2000.

tiven Bewertungen von Situationen. Er versucht objektiv zu handeln und dabei die subjektive Seite nicht auszuklammern. Für die Autorinnen sind die Transformationsfähigkeit des kognitiven Konfliktes und dessen Beweglichkeit, die seine Entwicklung aus dem intrapersonalen zum interpersonalen, sozialen Konflikt bedingt, ein bestimmendes Moment.

Der kognitive Konflikt ist impliziter Natur, wird aber in der Rede durch sprachliche Mittel expliziert. Die Analyse deutschsprachiger elektronischer Geschäftsmails zeigt, dass dieser Konflikttyp in den Mechanismen der mündlichen und schriftlichen Rede objektiviert wird, was teilweise durch Elemente der Spontaneität zum Ausdruck kommt.

Spontaneität

Elektronische Kommunikation ist halbspontan. Für sie sind Ungeplantheit, Unvorhersehbarkeit und Lebendigkeit der mündlichen Rede ein typisches Merkmal. Unter Bezugnahme auf den halbspontanen Charakter sekundärer Schriftlichkeit kann man diese Eigenschaft laut U. Schmitz [Schmitz 2006]⁶ auch dem Typ „elektronische geschäftliche E-Mail“ zuordnen. Elektronische Geschäftsbriefe enthalten sowohl Merkmale der sekundären Mündlichkeit als auch Elemente der Spontaneität. Laut Dürscheid sind asynchrone Kommunikationsformen im Gegensatz zu synchronen plan- und korrigierbar. Zudem ermöglichen sie die vorzeitige Redaktion zu produzierender Rede. Forschergruppen stellen jedoch fest, dass diese Möglichkeit von Gesprächspartnern nicht immer genutzt wird [Dürscheid 2003]⁷. So bemühen sich Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen idealerweise im Laufe des elektronischen Schriftverkehrs, die von der Geschäftsführung gestellten Aufgaben schnell und erfolgreich auszuführen. In diesem Zusammenhang stehen die Qualität und Schönheit der Rede deren Informationswert und Verständlichkeit gegenüber. Die stellenwertorientierte Kommunikation zeichnet sich dabei durch einen minimalen Anteil oder einen Nullgrad der Spontaneität aus, z.B.: *Hallo ****, *bitte noch einmal bestätigen – jetzt ohne Nährwerte.*) Bei der netzartigen Kommunikation variiert dieser Kennwert von minimal bis hoch, was die Entwicklung des kognitiven Konfliktes in den sozialen Konflikt ausschließen soll, wie im folgenden Beispiel:

⁶ Schmitz U. Tertiäre Schriftlichkeit. Text-Bild-Beziehung im World Wide Web, U. Schmitz. Thema Deutsch. Band 7.: Von *hdl* bis *cul8*. Sprache und Kommunikation in den neuen Medien. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2006. S. 89–103.

⁷ Dürscheid Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme // Zeitschrift für angewandte Linguistik, Nr. 38. 2003. S. 37–56

Sehr geehrte Frau *****,
mit den untenstehenden Angaben allein können wir leider nichts anfangen,
hierbei handelt es sich in erster Linie um Festigkeitsangaben.

Um Ihnen weiterhelfen zu können, benötigen wir zumindest die genaue Dimensionierung der Schrauben, Muttern und/oder Scheiben und aus welchem Kollid diese entnommen wurden.

Handelt es sich um unsere Maschinen-Nr. D**** + D****?

Ich bin nur noch heute und morgen im Haus da ich in der kommenden Woche Urlaub habe, daher bitte ich um rasche Antwort, vielen Dank.

Mit freundlichen Grüßen

i.A. Dipl.-Ing (FH) *****

Vertrieb Siebtechnik

Die Spontaneität der Rede wird durch zwei Faktoren bestimmt, *die Variabilität des Informationsfokus* und *die Flexibilität der globalen Kontrolle* [Hermann 1995]⁸. Die Flexibilität der globalen Kontrolle sinkt bei der Objektivierung des kognitiven Konfliktes durch folgende Parameter:

die wörtliche Wiedergabe verbaler Informationen;

schematisierte Kommunikation (z. B. Anleitung zur Reiseroute);

nicht schematisierte, aber formalisierte Kommunikation, die auf einschränkenden Konventionen basiert.

Die Variabilität des Informationsfokus fördert in der Regel die flexiblere globale Kontrolle bei der Produktion einer Aussage. Dieser Zusammenhang ist jedoch nicht zwingend. Im Falle der elektronischen Geschäftskorrespondenz sind verschiedene Varianten möglich, denn der Umfang der zu erledigenden Arbeiten und die entsprechende Geschwindigkeit hierbei bestimmen im Unternehmen ständig wechselnde Regeln des Zusammenwirkens. Ergo können die Angestellten im Gespräch eine stabile Kommunikationsstrategie nutzen (Beachtung der festen globalen Kontrolle), und der Gegenstand des Gesprächs sowie der Besprechung können sich je nach Situation (der Einsatz des flexiblen Informationsfokus) ändern:

Guten Morgen Frau ***,

in Bezug auf die Flüge und den Hotelaufenthalt können Sie sich gerne an unsere Assistentin, Frau ***, wenden. Frau Reuter kann Ihnen die Flugdaten und auch das Hotel von Herrn *** nennen.

Bezüglich der Themenliste bin ich informiert, dass Herr *** eine Übersicht bereits mit Herrn *** abgestimmt hat. Die Einzelheiten werden direkt vor Ort

⁸ Hermann Th. Pre-terminal Levels of Process in Oral and Written Language Production / Theo Hermann, Joachim Grabowsky // Aspects of Oral Communication / ed. by Uta M. Quasthoff. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. Pp. 67–87.

besprochen. Außerdem wird er sicherlich auch Gespräche mit allen Kollegen und Kolleginnen des Vertriebs führen wollen.

Viele Grüße

*** **

Zugleich können die Kommunikanten die Gesprächsstrategie transformieren (die Flexibilität der globalen Kontrolle) und sie nicht eingehend im Voraus durchdenken sowie im Laufe der Rede modifizieren, den Gegenstand der Diskussion aber stabil lassen (den Informationsfokus dabei beständig machen), z. B.:

Hallo ***,

ja- bitte so lange ein Visum beantragen, wie es geht. Falls 1/2 Jahr nicht geht, dann bitte 1/4 Jahr.

Danke und liebe Grüße

***,

Hallo ***,

danke schön, Herr *** hat diese jetzt gültige Version.

Liebe Grüße

*** usw.

Die oben genannten Möglichkeiten für das Verhältnis der Hauptparameter von Spontaneität werden in der Regel in netzartiger Kommunikation verwirklicht. Hierarchische Kommunikation mit ihrem niedrigen Spontaneitätsgrad sieht zumeist eine fehlende Flexibilität des Informationsfokus und der globalen Kontrolle vor, wie beispielsweise: *Sehr geehrte Kollegen, anbei schicke ich die Zeichnung von **** mit Beziehung auf das gestrige Gespräch mit Herrn *** betr. Gummieinlagen. P.S. Die Anzahl der Öffnungen auf der Zeichnung wurde zur Vereinheitlichung gemacht. Mit freundlichen Grüßen ***.*

Es wird angenommen, dass die Kommunikation, die durch oben angesprochene Faktoren der Spontaneität charakterisiert ist, in mündlicher Form praktischer realisiert werden kann. Zur Kommunikation mit polaren Eigenschaften passt die schriftliche Form der Rede, in der sich jedoch Merkmale des kognitiven Konfliktes widerspiegeln. Auf diese Weise schafft die synchrone Kommunikation günstigere Voraussetzungen für die Beweglichkeit des Informationsfokus und die Flexibilität der globalen Kontrolle. Aus Sicht der Autorinnen schließt dies ihr Vorhandensein in asynchronen Kommunikationsformen im Großen und Ganzen sowie in der Gattung der elektronischen Geschäftskorrespondenz im Einzelnen nicht aus.

Kognitive Flexibilität

Im institutionellen Kontext müssen Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen eine konstruktive Herangehensweise zur Objektivierung ihrer Rede einhalten, die

Kommunikation ins soziokulturelle Zusammenwirken steuern und ihre emotionalen Aussagen fein dosieren. z.B.: *Hallo ***, ich habe da noch einen kleinen Geheimtipp – kleines Hotel (www.hotel-aleksandra.de) direkt in der Nähe zur Messe und zur IKB! Kostet 250 € pro Nacht, wäre perfekt!* Dies wird durch die ständige Unterdrückung des kognitiven Konfliktes erreicht, die dessen Übergang aus dem mentalen Raum in den sozialen und virtuellen verhindert. Wenn der Kommunikant den entstehenden Konflikt regelt, minimiert er die Rolle des Individuellen zugunsten des Sozialen bei der Erledigung der sozial wichtigen Aufgaben im Laufe des geschäftlichen Schriftverkehrs. Dies schließt das Vorhandensein und einen bestimmten Einfluss der emotionalen Komponente auf die Rede nicht aus.

Es ist davon auszugehen, dass die Fähigkeit der Gesprächspartner, den kognitiven Konflikt teilweise zu regeln, unter anderem mit dem Grad ihrer *kognitiven Flexibilität* (Englisch: *cognitive flexibility*) verbunden ist. Die Theorie zur kognitiven Flexibilität wurde von einer Arbeitsgruppe um R. J. Spiro an der Columbia University (USA) entwickelt [Spiro et al. 1988]. Sie ist mit anderen kognitiven Fähigkeiten eng verbunden, so mit der „fluiden Intelligenz“ (Englisch: *fluid intelligence*) [Cattell 1971; Horn 1967] und bezeichnet im weiteren Sinne die Fähigkeit des Menschen, sein Denken beim Übergang von einer alten Situation zu einer neuen zu adaptieren und gewöhnliche Reaktionen und Gedanken bei neuen Umständen zu überwinden [Moore 2009; Deak 2003]. Mit anderen Worten: „Flexibilität wird als Fähigkeit angesehen, Wissensrepräsentationen aus verschiedenen Elementen zu generieren, was wiederum zu einer erhöhten Anwendbarkeit des Wissens führt. Gerade in wenig oder schlecht strukturierten Domänen ohne einheitliches Schema ist kognitive Flexibilität unabkömmlich. Essenziell dafür sind flexible und multiple Wissensrepräsentationen, die verschiedene Perspektiven integrieren. Dadurch wird die Anwendbarkeit auf komplexe Themen möglich“ [Mandl et al. 2004, 22].

Die erforderlichen Eigenschaften der Angestellten in Bezug auf das schnelle Tempo der Arbeit und deren Effizienz und mit Rücksicht auf die Spezifik des elektronischen Übertragungskanales der Informationen sind folgende:

die Fähigkeit, verschiedene Denkweisen und mentale Modelle zu nutzen;

die Fähigkeit, Schwierigkeiten in verschiedenen Situationen zu bewältigen, ihre Gedankenfolge von einer Situation zu verändern, was sich weniger auf stressauslösende Faktoren bei diesen Situationen fokussieren lässt [Han, 1998];

die Fähigkeit, früher implizierte Ursache-Wirkungs-Zusammenhänge zu sehen und zu nutzen;

die Fähigkeit, erfolgreich im Team zu arbeiten.

Die oben genannten Eigenschaften fördern demzufolge die Entwicklung der fluiden Intelligenz und auch der kognitiven Flexibilität.

Weltweit führten Forschungen zu der Erkenntnis [Zaccaro 2007; Velichkovskiy 2009], dass kognitive Fähigkeiten entwickelt und kontrolliert werden können, darunter auch die oben genannte Komponente des menschlichen Denkprozesses. Der Göttinger Neurobiologe Gerald Hüther bestimmt die Grenzen der menschlichen kognitiven Flexibilität mit dem Begriff „innere Haltung“ und „Überzeugung“. Diese Idee besteht darin, dass die feste Überzeugung, alles habe eine feste Ordnung, eine Haltung darstellt, die für das betreffende Individuum zunächst einmal funktioniert. Wenn nun aber ein Ereignis eintritt, das nicht mehr mit einem individuellen Ordnungssystem vereinbar ist und ein Umstellen auf neue, nichtlineare Arbeitsstrukturen erfordert, empfindet die betreffende Person Schwierigkeiten und mangelnde Reaktionsmöglichkeiten. Die innere Überzeugung begrenzt die Flexibilität. „Die Tatsache, dass diese Muster kognitiv und emotional im Hirn verankert sind, hat zur Folge, dass man sie nicht durch Logik ausschalten kann“ [Pauleweit 2013]. Daraus ergibt sich, dass das Überwinden eigener Hemmschwellen nicht nur ein Erkennen intellektueller Muster, sondern auch einer intensiven emotionalen Erfahrung erfordert. Auf diese Weise sind die Grenzen der kognitiven Flexibilität von Mitarbeitern und Mitarbeiterinnen eines Unternehmens als auch jedes Individuums flexibel und können entwickelt werden.

Somit gehen die Autorinnen davon aus, dass kognitive Flexibilität eine Grundvoraussetzung für die Regelung kognitiver Konflikte darstellt. Ein Verfahren zur Regelung der Aufmerksamkeitsverteilung ist die Suche nach einem Ausgleich zwischen den Prozessen der Fokussierung und Fokusverlagerung bei der Realisierung der Geschäftskommunikation zur Sympathiebekundung gegenüber dem Gesprächspartner und/oder der Bildung freundlicher Geschäftsbeziehungen.

Literatur

- Scherebilo 2010 – Scherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov: ed. 5. Nazran': „Pili-grim“. 486 p.
- Sorina 1971 – Sorina T.P. Lingvostilisticheskaya kharakteristika sovremennoy nemetskoy kommercheskoy korrespondentsii kak zhanra delovoy prozy: diss. PhD. Moscow. 233 p.
- Velichkovskiy 2009 – Velichkovskiy B.B. Vozmozhnosti kognitivnoy trenirovki kak metoda korrektsii vozrastnykh narusheniy kognitivnogo kontrolya [Electronic resource] http://psyjournals.ru/exp/2009/n3/24925_full.shtml (letzter Zugriff: 02.12.2018).
- Velichkovskiy B.B. Eksperimental'naya psikhologiya. Moscow, 2009. Vol. 2, № 3. P. 78–91.
- Festinger 2000 – Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. St. Petersburg: «Rech'», 2000. 320 p.

- Frygina 1980 – Frygina N.I. Faktory prevrashcheniya kognitivnogo konflikta v mezlichnostnyy konflikt v situatsiyakh gruppovogo obsuzhdeniya: diss. ... Cand. Sc. Moscow, 1980. 149 p.
- Brünner 2000 – Brünner G.: Wirtschaftskommunikation: linguistische Analyse ihrer mündlichen Formen. Tübingen: Niemeyer, 2000.
- Cattell 1971 – Cattell R.B. Abilities: Their structure, growth, and action. Boston: Houghton Mifflin, 1971.
- Deak 2003 – Deak G. O. The development of cognitive flexibility and language abilities / G.O. Deak. Advances in Child Development and Behavior. Vol. 31. USA: Elsevier Science, 2003. P. 271–327.
- Dürscheid 2003 – Dürscheid Ch. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme. Zeitschrift für Angewandte Linguistik 38. 2003. S. 37–56.
- Han 2011 – Han H. D., et al: Performance enhancement with low stress and anxiety modulated by cognitive flexibility. <https://synapse.koreamed.org/DOIx.php?id=10.4306/pi.2011.8.3.221> (letzter Zugriff: 02.12.2018).
- H.D. Han, et al. // Psychiatry Investig. Korean Neuropsychiatric Association, 2011. Vol. 8 (3). P. 221–226.
- Hermann 1995 – Hermann Th. Pre-terminal Levels of Process in Oral and Written Language Production. Theo Hermann, Joachim Grabowsky. Aspects of Oral Communication, ed. by Uta M. Quasthoff. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. Pp. 67–87.
- Mandl, Kopp, Dvorak 2004 – Mandl H., Kopp, B., Dvorak S. Aktuelle theoretische Ansätze und empirische Befunde im Bereich der Lehr-Lern-Forschung. Schwerpunkt Erwachsenenbildung, LMU, 15. Mai, 2004. http://www.die-bonn.de/espid/dokumente/doc-2004/mandl04_01.pdf (Dokument aus dem Internetservice texte. online des Deutschen Instituts für Erwachsenenbildung. <http://www.die-bonn.de/publikationen/online-texte/index.asp>) (letzter Zugriff: 02.12.2018).
- Moore, Malinowski 2009 – Moore A., Malinowski P. Mediation, mindfulness, and cognitive flexibility // A. Moore, P. Malinowski. Consciousness and Cognition. Elsevier Inc, 2009. Vol. 18. P. 176–186.
- Pauleweit – Pauleweit S. Die Grenzen der kognitiven Flexibilität. Artikel. Flexibilität. Human resources management. <https://www.humanresourcesmanager.de/ressorts/artikel/die-grenzen-der-kognitiven-flexibilitaet> (letzter Zugriff: 06.11.2018).
- Schmitz 2006 – Schmitz U. Tertiäre Schriftlichkeit. Text-Bild-Beziehung im World Wide Web // U. Schmitz. Thema Deutsch. Band 7: Von *hdl* bis *cul8r*. Sprache und Kommunikation in den neuen Medien. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2006. S. 89–103.
- Schwarz-Friesel 2008 – Schwarz-Friesel M. Sprache, Kognition und Emotion: Neue Wege in der Kognitionswissenschaft. Sprache-Kognition-Kultur. de Gruyter: Berlin, New York, 2008. S. 277–297.

- Spiro, Coulson, Feltovich, Anderson 1988 – Spiro R.J., Coulson R.L., Feltovich P.J., Anderson D.K. Cognitive Flexibility theory: Advanced knowledge acquisition in ill-structured domains. Paper presented at the Tenth Annual Conference of the Cognitive Science Society, 1988.
- Zaccaro 2007 – Zaccaro S.J. Trait-based perspectives in leadership // S.J. Zaccaro. American Psychologist. American Psychological Association, 2007. Vol. 62, No 1. P. 6–16.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Velichkovskiy 2009 – Velichkovskiy B. B. Vozmozhnosti kognitivnoy trenirovki kak metoda korrektsii vozrastnykh narusheniy kognitivnogo kontrolya. [Possibility of cognitive training as method of correction of age violation in the cognitive control]. http://psyjournals.ru/exp/2009/n3/24925_full.shtml (letzter Zugriff: 31.07.2019). B.B. Velichkovskiy, Eksperimental'naya psikhologiya. Moscow: 2009. Vol. 2, № 3. P. 78–91.
- Deak 2003 – Deak G. O. The development of cognitive flexibility and language abilities / G.O. Deak Advances in Child Development and Behavior. Vol. 31. USA: Elsevier Science, 2003. P. 271–327.
- Dürscheid 2003 – Dürscheid Ch. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme. Zeitschrift für Angewandte Linguistik 38. 2003. S. 37–56.
- Han 2011 – Han H.D., et al.: Performance enhancement with low stress and anxiety modulated by cognitive flexibility. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3182387/> (letzter Zugriff: 21.07.2018). H.D. Han, et al. // Psychiatry Investig. Korean Neuropsychiatric Association, 2011 Vol. 8 (3). P. 221–226.
- Hermann 1995 – Hermann Th. Pre-terminal Levels of Process in Oral and Written Language Production // Th. Hermann, J. Grabowsky. Aspects of Oral Communication, ed. by Uta M. Quasthoff. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. P. 67–87.
- Moore, Malinowski 2009 – Moore A., Malinowski P. Mediation, mindfulness, and cognitive flexibility // A. Moore, P. Malinowski. Consciousness and Cognition. Elsevier Inc, 2009. Vol. 18. P. 176–186.
- Pauleweit – Pauleweit S.: Die Grenzen der kognitiven Flexibilität. Artikel. Flexibilität. Human resources management. <https://www.humanresourcesmanager.de/news/die-grenzen-der-kognitiven-flexibilitaet.html> (letzter Zugriff: 15.04.2019).
- Schmitz 2006 – Schmitz U. Tertiäre Schriftlichkeit. Text-Bild-Beziehung im World Wide Web, U. Schmitz. Thema Deutsch. Band 7.: Von *hdl* bis *cul8r*. Sprache und Kommunikation in den neuen Medien. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2006. S. 89–103.

- Schwarz-Friesel 2008 – Schwarz-Friesel M. Sprache, Kognition und Emotion: Neue Wege in der Kognitionswissenschaft. Sprache-Kognition-Kultur. de Gruyter: Berlin, New York, 2008. S. 277–297.
- Zaccaro 2007 – Zaccaro S.J. Trait-based perspectives in leadership // S.J. Zaccaro. American Psychologist. American Psychological Association, 2007. Vol. 62, No 1. P. 6–16.

(Monographs)

- Festinger 2000 – Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. [Theory of cognitive dissonance]. St. Petersburg: “Rech”, 2000. 320 p.
- Frygina 1980 – Frygina N.I. Faktory prevrashcheniya kognitivnogo konflikta v mezhllichnostnyy konflikt v situatsiyakh gruppovogo obsuzhdeniya: diss. ... Cand. Sc. [Transformation of cognitive conflict in interpersonal conflict in the situation of group discussion]. Moscow, 1980. 149 p.
- Brünner 2000 – Brünner G. Wirtschaftskommunikation: linguistische Analyse ihrer mündlichen Formen. Tübingen: Niemeyer, 2000.
- Cattell 1971 – Cattell R.B. Abilities: Their structure, growth, and action. Boston: Houghton Mifflin, 1971.
- Mandl, Kopp, Dvorak 2004 – Mandl H., Kopp B., Dvorak S. Aktuelle theoretische Ansätze und empirische Befunde im Bereich der Lehr-Lern-Forschung. Schwerpunkt Erwachsenenbildung, LMU, 15. Mai, 2004. http://www.die-bonn.de/esprid/dokumente/doc-2004/mandl04_01.pdf. (Dokument aus dem Internetservice texte. online des Deutschen Instituts für Erwachsenenbildung) <http://www.die-bonn.de/publikationen/online-texte/index.asp> (letzter Zugriff: 15.06.2019).
- Sorina 1971 – Sorina T.P. Lingvostilisticheskaya kharakteristika sovremennoy nemetskoy kommercheskoy korrespondentsii kak zhanra delovoy prozy: diss. PhD. [Linguistic-stylistic characteristic of modern german commercial correspondence as a genre of business prose]. Moscow. 233 p.
- Spiro, Coulson, Feltovich, Anderson 1988 – Spiro R.J., Coulson R.L., Feltovich P.J., Anderson D.K. Cognitive Flexibility theory: Advanced knowledge acquisition in ill-structured domains. Paper presented at the Tenth Annual Conference of the Cognitive Science Society, 1988.

Сведения об авторе:

Гусейнова Иннара Алиевна, доктор филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет. – Научные интересы: когнитивная лингвистика, маркетинговый дискурс, социальный дискурс.
E-mail: ginnap@mail.ru

Guszejnowa Innara A., doctor of philological sciences, associate professor, Moscow State Linguistic University. – Scientific interests: cognitive linguistics, marketing discourse, social discourse.
E-mail: ginnap@mail.ru

Нечаева Валерия Сергеевна, канд. филол. наук, преподаватель, Московский государственный лингвистический университет. – Научные интересы: когнитивная лингвистика, электронный дискурс, социальный дискурс.
E-mail: valeria_p@inbox.ru

Nechaewa Valeria S., candidate of philological sciences, lecturer, Moscow State Linguistic University. – Scientific interests: cognitive linguistics, electronic discourse, social discourse.
E-mail: valeria_p@inbox.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ВИЗУАЛЬНОМ ОФОРМЛЕНИИ ГРАММАТИК РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Б.А. Дюбо

Санкт-Петербургский академический университет РАН, Санкт-Петербург

***Аннотация:** Статья посвящена выявлению степени и характеру воздействия религиозного самоопределения на формирование предпочтений в визуальном оформлении грамматик раннего Нового времени.*

Распространение протестантизма в Германии и других странах сопровождала волна иконоклазма, которая достигла своей предельной степени у кальвинистов. Им отвергалось не только поклонение иконам, но происходил отказ от изображений вообще и замена их текстами. По их мнению, изображение как объект чувственного восприятия не подходит для процесса научного познания, обладающего рационалистическими традициями мышления. В среде кальвинистов ограничение изобразительных средств касалось всех жизненных сфер, в том числе и научных дисциплин, искусства, ремесленничества.

Для протестантских авторов грамматика представляла собой одну из дисциплин, составляющих экзегезу, без которой невозможно было толкование библейских текстов. Нюансы конфессиональной стратификации общества получают отражение в грамматикографии.

В грамматиках кальвинистов в отличие от сочинений, авторами которых были католики и лютеране, не использовались изображения. Но согласно рамистской традиции применялись таблицы и дихотомии, как правило, в композиции грамматик и в описании частей речи.

***Ключевые слова:** Конфессиональная стратификация, раннее Новое время, протестантизм, кальвинизм, грамматикография, визуальное оформление, иконоклазм.*

CONFESSIONAL STRATIFICATION AND ITS REFLECTION IN THE VISUAL FORMATION OF EARLY MODERN PERIOD GRAMMARS

***Abstract:** The article is devoted to identifying the extent and nature of the impact of religious self-determination on the formation of preferences in the visual design of early modern period grammars.*

The spread of Protestantism in Germany and other countries was accompanied by a wave of Iconoclasm which reached its ultimate degree among Calvinists. They rejected

not only the worship of icons, but there was a rejection of images in general and replacing them with texts. In their opinion, the image as an object of sensorial perception is not suitable for the process of scientific knowledge which has rationalistic traditions of thinking. Among the Calvinists, the restriction of visual aids concerned all spheres of life, including scientific disciplines, art, and handicrafts.

According to Protestant authors, the grammar was one of the disciplines constituting exegesis necessary for the interpretation of biblical texts. The nuances of confessional stratification of society are reflected in grammaticography.

In Calvinist grammars, unlike the works written by Catholics and Lutherans, images were not used. However, according to the Ramist tradition, tables and dichotomies were applied generally in the composition of grammars and in the description of parts of speech.

Key words: *Confessional stratification, early modern period, Protestantism, Calvinism, grammaticography, visual design, Iconoclasm.*

Статья посвящена выявлению степени и характеру воздействия религиозного самоопределения на формирование предпочтений в визуальном оформлении грамматик раннего Нового времени. Нами рассматривается, в частности, использование кальвинистами такого вида визуального контента, как таблицы и дихотомии, но отсутствие в их сочинениях рисунков.

Распространение протестантизма в Германии и других странах сопровождала волна иконоклазма, которая достигла своей предельной степени у кальвинистов. Ими отвергалось не только поклонение иконам, но происходил отказ от изображений вообще. По их мнению, изображение как объект чувственного восприятия не подходит для процесса научного познания, обладающего рационалистическими традициями мышления. Ограничение изобразительных средств касалось всех жизненных сфер, в том числе и научных дисциплин, искусства, ремесленничества, вело к ограничению изобразительных средств, сведению их к орнаментальным мотивам. Это, конечно, не касалось ряда естественнонаучных дисциплин, например, в ботанике визуальная идентификация видов к середине XVI в. играла значительную роль. Использованию визуальных средств в учебниках по грамматике следует уделить особое внимание, так как они строятся по особым правилам, соотношение визуальной информации с вербальной определяется прежде всего правилами этого типа текста. Для ряда протестантских авторов грамматика представляла собой одну из дисциплин, составляющих экзегезу, без которой невозможно было толкование библейских текстов [ср. Winer 1822, 4].

Такое отношение не могло не сказаться на визуальном оформлении грамматических сочинений кальвинистов, которые полагали, что в богослужении

должны применяться практики, описанные в Новом Завете, священные изображения считались идолопоклонством, что привело к отказу от изображений в церквях и замене их текстами.

Кульминацией критики религиозного искусства стал трактат сподвижника Мартина Лютера Андреаса Карлштадта 1522 г. «Об избавлении от изображений». Швейцарский реформатор Ульрих Цвингли и основатель кальвинизма француз Жан Кальвин, проведший в изгнании в Швейцарии большую часть жизни, следовали требованиями Карлштадта и выступали за полный запрет священных изображений.

Голые стены, как полагал Кальвин, не притупляют фантазии прихожан, но скорее способствуют развитию фантазии и побуждают к размышлению о тайнах невидимого Бога. Реформация удалила из церквей все живописные изображения и утвердила вместо них назидательное звучащее и написанное слово. Чувственное восприятие было приравнено к страсти и распутству, оно неконтролируемо и препятствует рациональному рассуждению. восприятие изображения происходит беспорядочно, необузданно и анархически [Baumgarten 2004, 136–137].

Учение Кальвина нашло отклик далеко за пределами Швейцарии в западных и северо-западных регионах Священной Римской империи германской нации, а также в Шотландии, Франции, Нидерландах и других странах, что влекло за собой удаление изображений из церквей.

Как дидактическое украшение допускались лишь текстовые картины, они были изображениями Божьего Слова, написанными крупным шрифтом, которые функционировали как постоянная проповедь [Mochizuki 2008, 132].

В определенной степени кальвинизм стимулировал развитие голландской культуры и изобразительного искусства. Отбросив религиозный, исторический и мифологический сюжет, голландский реализм в целях разрешения конфликта между кальвинистами и католиками, для достижения десакрализации сосредоточил внимание на бытовой живописи, на изображении лиц граждан, мелочей домашней жизни; городских сцен, общественных мест сбора и т.д. [Vanhaelen 2012, 7].

Но в то же время на территориях, где утвердилась реформатская церковь, все меньше прибегали к визуальным изобразительным средствам. В первые годы после Реформации почти полностью исчезли книжные иллюстрации в швейцарском регионе [Holenstein & Schmidt 2002, 524]. В реформированных областях Берна и Цюриха в рисунках на кафельных плитках предпочтение стало отдаваться орнаментальному повторяющемуся узору, а в католических землях, напротив, растет разнообразие аллегорических изображений или изображений религиозного содержания [см. Heege 2007, 383].

Как следствие протестантского иконоклазма в Англии в 1580–1630 годах приостановилось издание иллюстрированных Библий, замечен стал и регресс в книжной иллюстрации вообще. Историк английской реформации Патрик Коллинсон отмечает, что даже для детей тогда не было книг с картинками. Он приводит также следующий пример: юный Генри Пичем (Henry Peacham, ок. 1576 – ок. 1643) – впоследствии английский литератор, был подвергнут телесному наказанию только за то, что попытался срисовать одну из имеющихся в школе картинок, которая была на задней обложке латинской грамматики Вильяма Лили [Lily 1569], [Collinson 1988, 119]. На ней были изображены фруктовое дерево и мальчики, рвущие его плоды, что было не более чем эмблемой и товарным знаком книгопечатника Рейнера Вольфа.

Нюансы конфессиональной стратификации общества получают отражение в грамматикографии. Наблюдается разделение авторов грамматических произведений на тех, кто использует в качестве визуальной информации только таблицы и дихотомии, и тех, кто в полной мере пользуется и таким средством, как рисунки.

Авторы, исповедовавшие католицизм, по-прежнему широко используют иллюстрации в своих сочинениях, в том числе и изображение Христа. Так, в 1580 в типографии благочестивого католика Христофора Плантена (Christophe Plantin) было напечатано собрание сочинений Йоханнеса Горопиуса Бекануса (1519–1572). В книге «Иероглифика» он рассматривает историю изображения букв и приводит много рисунков, поскольку изображения букв несут наглядный смысл. Например, «Тав» – это буква еврейского алфавита, преобразившаяся в греческой традиции в «тау», но сохранившая для христиан свой смысл. Буква «тау» представляет собой крест Христа, который в разных религиях оставался священным символом [Becanus Hieroglyphica 1580, 250]. Как последняя буква еврейского алфавита она отражает конечную цель для людей: благодаря кресту первоначальные отношения между Богом и человеком были снова достигнуты. Латинская «Т» сохранила эту форму креста в полном объеме [Frederickx & Hal 2015, 282].

В лютеранской среде, где разрыв с католиками был не столь жесток, тоже создаются иллюстрированные грамматики. Например, пастор в церкви Святого Михаила в Люнебурге Йоханнес Буно (1617–1697) отдавал приоритет чувственному познанию и связывал латинские правила с притчами и легко запоминающимися картинками. С полным правом ссылаясь на Яна Коменского, который в своей методике придерживался принципа, что понятийное мышление должно опираться на чувственное восприятие аллегорий и сравнений.

Грамматика Буно снабжена мнемоническими образами, благодаря которым с одного взгляда запоминаются правила, в этих картинках предпринимается попытка выразить визуально грамматические понятия и отношения. На рисунках, сопровождающих определения плюсквамперфекта и футурума, мы видим старика и старуху, у которых к тому же за плечами корзина с грузом, представляющих собой персонифицированный образ не просто прошедшего, а давно прошедшего времени. Образ юноши и девочки имплицитивно связан с надеждой, с будущим, это образ персонифицированного будущего [Buno 1561, 174a].

Среди авторов грамматик, исповедовавших кальвинизм, в отличие от католиков и лютеран была широко распространена рамистская традиция: отсутствие изображений, но есть таблицы и используются дихотомии, как правило, в композиции грамматик и в описании характеристик частей речи.

Француз Петер Рамус (1515–1572) в качестве доказательства своего перехода в протестанство в 1561 г. повелел разорвать все картины в Коллеге де Прель, где он был профессором, и сказал, что ему не нужны молчаливые и глухие слушатели [Duvernet 1791, 225]. Начатая в Германии Реформация, настроенная враждебно к изображениям, оказала большое влияние на Рамуса. В стремлении изменить содержание учебных дисциплин и методы преподавания, следуя идеям иконоклазма, он предлагает использовать метод последовательного деления понятия, дихотомию, которая имеет особую значимость в силу ее мнемотехнических функций [см. Grafton & Jardine 1986, 161–200]. Построенные по тому же принципу древовидные диаграммы служат в работах Рамуса инструментом для мнемонического запоминания некоторых логических отношений [Siegel 2009, 66].

Как и иконоборчество, метод Рамуса нашел широкое распространение в Центральной Европе конца XVI – начала XVII веков в немалой степени благодаря изданию его многочисленных учебников.

Во второй половине XVI в. кальвинисты прочно закрепились в Нидерландах, стали доминирующим протестантским направлением, альтернативным католической церкви и католическому испанскому господству. Нидерландские протестантские грамматики следуют рамистской традиции: отсутствуют изображения, но есть таблицы и используются дихотомии, как правило, в композиции грамматик и в описании характеристик частей речи. Кристиан ван Хёле (Christiaen van Heule (?–1655), нидерландский грамматист, живший в Лейдене и похороненный там в протестантской церкви Святого Петра, в своей грамматике 1633 года *De Nederduytsche spraec-konst ofte tael-beschrijvinghe* ориентирован на Рамуса, в том числе и в рамусовском

делении грамматики на две части [Weber 1987, 129]. Как и Рамус, он использует таблицы. Например, при классификации имен таблица „Die Unterteilung der Nomina“ [Heule 1633, +15] не вербально, а графически дает в сжатой и краткой форме общее представление о грамматических явлениях, называя и сопоставляя их, графически иллюстрируя логические связи между ними. Главный посыл таблицы состоит в том, чтобы кратко изложить суть: синопсис.

Подобная же картина наблюдается и у немецких авторов. Так, кальвинист Иоганн Фрейгиус (Johann Thomas Freigius, 1543–1583), ректор гимназии в Альтдорфе, ученик и последователь Рамуса, в своей латинской грамматике [Freig 1580] вставляет для наглядности рамистские дихотомические схемы [Mährle 2000, 237–238], [Ramis 2016, 130, 133].

Решающим в успехе идей Рамуса было то, что они отвечали распространенным устремлениям тогдашней научной практики и желанию применять в учебном процессе ясную методику и наглядную упорядоченность [Höltgen 1965, 374]. Поэтому метод Рамуса находил применение не только у кальвинистов, но и у представителей других конфессий.

Дихотомии представлены в первых грамматиках на немецком языке лютеран Вольфганга Патке (1619) и Кристиана Гвейнца (1641). В 1651 г. Иоганн Гирберт (Johannes Girbert, 1597–1691), ректор гимназии в Мюльгаузене, который в 1525 г. был центром радикального движения Реформации и где проводились иконоборческие акции в церквях, написал на титуле своей грамматики, что она дана в кратких таблицах. Например, таблица глаголов, где с помощью фигурных скобок наглядно представлена иерархия грамматических категорий, даны их определения, формообразование, примеры. Фрагменты текста, заключенные в фигурные скобки, могут содержать и указания на исследования ученых, посвященные соответствующему разделу грамматики. В глагольной таблице говорится, что образование форм глагола основывается на теории Ю. Г. Шоттелиуса и Г. Ф. Гарсдерфера об односложных корневых словах [Girbert 1653, Tabula XXXV, D2r].

Выводы

Таким образом, распространение протестантизма в Германии и других странах сопровождала волна иконоборчества, которая достигла своей предельной степени у кальвинистов. Ими отвергалось не только поклонение иконам, но происходил отказ от изображений вообще и замена их текстами.

Грамматика включалась в число дисциплин, без которых невозможно было проводить экзегезу. Толкование кальвинистов отличалось глубоким благочестием. По их мнению, изображение как объект чувственного воспри-

ятия не подходит для процесса научного познания, обладающего рационалистическими традициями мышления. Наблюдается полный отказ от визуальных образов и в грамматикографии. В кальвинистской среде, в отличие от католиков и лютеран, была широко распространена рамистская традиция: отсутствовали изображения, но использовались таблицы и дихотомии, как правило, в композиции грамматик и в описании характеристик частей речи.

Литература

- Baumgarten J. Konfession, Bild und Macht: Visualisierung als katholisches Herrschafts- und Disziplinierungskonzept in Rom und im habsburgischen Schlesien (1560–1740). Hamburg [u.a.]. 2004.
- Becanus J.G. Goropius, Johannes Opera Ioan[nis] Goropii Becani, hactenus in lucem non edita: nempe, Hermathena, Hieroglyphica, Vertumnus, Gallica, Francica, Hispanica. Antverpiae, 1580.
- Buno J. Neue Lateinische Grammatica In Fabeln und Bildern. Danzig, 1651.
- Collinson P. The birthpangs of protestant England: religious and cultural change in the sixteenth and seventeenth centuries; the third Anstey memorial lectures in the University of Kent at Canterbury, 12–15 May 1986. New York, 1988.
- Duvernoy T.I.J. Duvernoys Geschichte der Sorbonne ...in welcher der Einfluß der Theologie auf den Staat gezeigt wird. Straßburg, 1791. Bd 1.
- Frederickx E., Hal T. van. Johannes Goropius Becanus (1519–1573): Brabants arts en taalfanaat. Hilversum, 2015.
- Freig J.T. Latina grammatica pro schola Altorfiana Noribergerum / cum prefatione Joh. Thomae Freigii. Norimbergae, 1580.
- Girbert J.** Die Deutsche Grammatica oder Sprachkunst. Mülhausen in Düringen, **1653**.
- Grafton A., Jardine L. Pragmatic Humanism: Ramism and the rise of the Humanities // Grafton A., Jardine L. From Humanism to the Humanities. Education and the Liberal Arts in Fifteenth- and Sixteenth-Century Europe, London, 1986. Chap. 7. S. 161–200.
- Heege E.R. Konfession und keramische Bilderwelt, oder: Spiegeln sich in der Ofenkeramik des 16. Jahrhunderts im schweizerischen Mittelland Einflüsse der Reformation und der Gegenreformation? // Jäggi Carola und Staecker Jörn (hrsg.). Archäologie der Reformation: Studien zu den Auswirkungen des Konfessionswechsels auf die materielle Kultur; [Tagung im April 2004 an der Universität Erlangen] Berlin [u.a.]. 2007. S. 369–397.
- Heule C. van. De Nederduytsche spraec-konst ofte tael-beschrijvinghe. De tweede Druc verbeteret. Tot Leyden, By Jacob Koels, 1633. Zit. nach Heule C. van De Nederduytsche spraec-konst ofte tael-beschrijvinghe (ed. W.J.H. Caron). Groningen – Djakarta, 1953.
- Holenstein A., Schmidt H.R. Bilder als Objekte – Bilder in Relationen. Auf dem Weg zu einer wahrnehmungs- und handlungsgeschichtlichen Deutung von Bilderverehrung

und Bilderzerstörung // Macht und Ohnmacht der Bilder. Reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte, hg. v. Blickle Peter; Holenstein André. Schmidt Heinrich Richard und Sladeczek Franz-Josef. (Hgg.). München, 2002. S. 511–527.

Höltgen K.J. Synoptische Tabellen in der medizinischen Literatur und die Logik Agricolae und Ramus' // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. hrsg. von Paul Diepgen [u.a.]. Wiesbaden. 49/1965, Heft 4. S. 371–390.

Lily W. [William Lily]. Shorte Introduction Of Grammar: generally to be vsed :compiled and set forth, for the bringing vp of all those that intende to attaine the knowledge of the Latine tongue. London, 1569.

Mährle W. Academia Norica: Wissenschaft und Bildung an der Nürnberger Hohen Schule in Altdorf (1575–1623). Stuttgart, 2000.

Mochizuki M.M. The Netherlandish image after iconoclasm 1566–1672; material religion in the Dutch Golden Age. Aldershot [u.a.], 2008.

Ramis B.R. Petrus Ramus y el Derecho. Los juristas ramistas del siglo XVI. Madrid, 2016.

Siegel S. Tabula: Figuren der Ordnung um 1600. Berlin, 2009.

Vanhaelen A. The wake of iconoclasm: painting the church in the Dutch republic. Pennsylvania, 2012.

Weber H. Die Ausbildung der deutschen Grammatik (einschliesslich der niederländischen) // Histoire Épistémologie Langage, 1987, tome 9, fascicule 1. P. 111–133.

Winer G.B. Grammatik des Neutestamentlichen Sprachidioms als einzig sichere Grundlage der neutestamentlichen Exegese. Leipzig, 1822.

References

(Articles from Scientific Journals)

Höltgen K.J. Synoptische Tabellen in der medizinischen Literatur und die Logik Agricolae und Ramus' [Synoptic tables in medical literature and Agricola's and Ramus'] logic. *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften* [Ed. by Paul Diepgen [et. al.], 1965, no. 49 (4). P. 371–390. (In German).

Weber H. Die Ausbildung der deutschen Grammatik (einschliesslich der niederländischen) [The learning of German grammar (including Dutch)]. *History Epistemology Language*, 1987, vol. 9 (1). P. 111–133. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Grafton A., Jardine L. Pragmatic Humanism: Ramism and the rise of the Humanities. Grafton A., Jardine L. From Humanism to the Humanities. Education and the Liberal Arts in Fifteenth- and Sixteenth-Century Europe. London, Massachusetts, 1986. Chap. 7. P. 161–200. (In English).

Heege E.R. Konfession und keramische Bilderwelt, oder: Spiegeln sich in der Ofenkeramik des 16. Jahrhunderts im schweizerischen Mittelland Einflüsse der Reformation und der Gegenreformation? [Confession and ceramic imagery, or: If the 16th century ceramics in the Swiss Mittelland reflect the effects of the Reformation and the Counter-Reformation]. Jäggi Carola und Staecker Jörn (Ed). *Archäologie der Reformation: Studien zu den Auswirkungen des Konfessionswechsels auf die materielle Kultur* [Archeology of the Reformation: studies on the effects of confessional change on material culture]; Conference in April 2004 at the University of Erlangen. Berlin [et. al.]? 2007. P. 369–397. (In German).

Holenstein A., Schmidt H.R. Bilder als Objekte – Bilder in Relationen. Auf dem Weg zu einer wahrnehmungs- und handlungsgeschichtlichen Deutung von Bilderverehrung und Bilderzerstörung [Pictures as Objects – Pictures in Relations. On the way to a perception and action-historical interpretation of image worship and destruction of images]. Macht und Ohnmacht der Bilder. Reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte [Power and powerlessness of the pictures. Reformed iconoclasm in the context of European history], [Ed. by Peter Blickle, André Holenstein, Heinrich Richard Schmidt und Franz-Josef Sladeczek [Ed.]. München, 2002. P. 511–527. (In German).

(Monographs)

Baumgarten J. Konfession, Bild und Macht: Visualisierung als katholisches Herrschafts- und Disziplinierungskonzept in Rom und im habsburgischen Schlesien (1560–1740) [Confession, image and power: Visualization as a Catholic rule and discipline concept in Rome and in Habsburg Silesia (1560–1740)]. Hamburg [et. al.], 2004. (In German).

Becanus J.G. Opera Ioan[nis] Goropii Becani, hactenus in lucem non edita: nempe, Hermathena, Hieroglyphica, Vertumnus, Gallica, Francica, Hispanica [The works of John Goropii Becani not issued yet, namely, Hermathena, Hieroglyphics, Vertumnus, Gallic, French, Spanish]. Antverpiae, 1580. (In Latin).

Buno J. Neue Lateinische Grammatica In Fabeln und Bildern [New Latin Grammatica in Fables and Pictures]. Danzig, 1651. (In German).

Collinson P. The birthpangs of protestant England: religious and cultural change in the sixteenth and seventeenth centuries; the third Anstey memorial lectures in the University of Kent at Canterbury, 12–15 May 1986. New York, 1988. (In English).

Duvernoy T. I. J. Duvernoys Geschichte der Sorbonne ...in welcher der Einfluß der Theologie auf den Staat gezeigt wird [J. Duvernoy's History of the Sorbonne ... in which the influence of theology on the state is shown]. Straßburg, 1791. Vol. 1. (In German).

Frederickx, E., Hal T.van. Johannes Goropius Becanus (1519–1573): Brabants arts en taalfanaat [Johannes Goropius Becanus (1519–1573): Brabants arts and language fanatic]. Hilversum, 2015. (In Dutch).

- Freig J.T. Latina grammatica pro schola Altorfiana Noribergerium / cum prefatione Joh. Thomae Freigii. [Latin grammar for school Altorfiana Noribergerium / with the foreword of Joh. Thomas Freigius]. Norimbergae, 1580. (In Latin).
- Girbert J. Die Deutsche Grammatica oder Sprachkunst [The German Grammatica or Speech Art]. Mülhausen in Düringen, 1653. (In German).
- Heule C. van. De Nederduytsche spraec-konst ofte tael-beschrijvinghe [The Low German language art or language description]. Leyden, 1633. Cited in Christiaan van Heule, De Nederduytsche spraec-konst ofte tael-beschrijvinghe (ed. W.J.H. Caron). Groningen, Djakarta, 1953. (In Dutch).
- Lily W. [William Lily]. Shorte Introduction Of Grammar: generally to be vsed :compiled and set forth, for the bringing vp of all those that intende to attaine the knowledge of the Latine tongue. London, 1569. (In English).
- Mährle W. Academia Norica: Wissenschaft und Bildung an der Nürnberger Hohen Schule in Altdorf (1575–1623) [Academia Norica: Science and Education at the Nuremberg High School in Altdorf (1575–1623)]. Stuttgart, 2000. (In German).
- Mochizuki M. M. The Netherlandish image after iconoclasm 1566–1672; material religion in the Dutch Golden Age. Aldershot [et. al.], 2008. (In English).
- Petrus Ramus y el Derecho. Los juristas ramistas del siglo XVI. [Petrus Ramus and the Law. The Ramist jurists of the 16th century]. Madrid, 2016. (In Spain).
- Siegel S. Tabula: Figuren der Ordnung um 1600 [Tabula: figures of the order around 1600]. Berlin, 2009. (In German).
- Vanhaelen A. The wake of iconoclasm: painting the church in the Dutch republic. Pennsylvania, 2012. (In English).
- Winer G. B. Grammatik des Neutestamentlichen Sprachidioms als einzig sichere Grundlage der neutestamentlichen Exegese [Grammar of the New Testament linguistic idiom as the only secure basis of the New Testament exegesis]. Leipzig, 1822. (In German).

Сведения об авторе:

Дюбо Борис Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский академический ун-т РАН, история грамматикографии, история языка, социолингвистика.
E-mail: borisdjubo@yahoo.de

Djubo Boris A., *doctor of philology, professor*; Saint Petersburg Academic University of the Russian Academy of Sciences, *history of grammaticography, history of German, sociolinguistics*.
E-mail: borisdjubo@yahoo.de

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АВСТРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Т.П. Зорина, Е.А. Ефименко

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Аннотация: В статье анализируются национально-культурные особенности австрийских пословиц и поговорок, которые, будучи неотъемлемым атрибутом фольклора, являются отражением жизни народа, его мышления и характера.

Выявление общего и специфического в австрийских пословицах и поговорках и их теоретическое осмысление в аспекте проблемы взаимоотношений языка и культуры способствует более глубокому пониманию национального мировоззрения, отраженного в языковой картине мира австрийцев. Изучение австрийских пословиц и поговорок в лингвистическом аспекте помогает установить дополнительные смысловые оттенки австрийских пословиц с национальной и культурной семантикой.

Лингвокультурологический анализ австрийских пословиц и поговорок показал их неразрывную связь с историей страны, ее культурой, образом жизни, традициями и обычаями, что, в свою очередь, определяется в большой степени особенностями национального характера австрийцев.

Ключевые слова: австрийские пословицы и поговорки, национальный характер, национальная специфика, национальное мировоззрение.

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF AUSTRIAN PROVERBS AND SAYINGS

Abstract: In this article the authors analyze national and cultural peculiarities of Austrian proverbs and sayings, which being an essential attribute of folklore, reflect the life of the nation to which they belong, the way of thinking and character of the people.

The identification of the common and specific in Austrian proverbs and sayings and their theoretical understanding in the aspect of the problem of the relationship of language and culture contributes to a deeper understanding of the national worldview reflected in the language picture of the world of Austrians. The study of Austrian proverbs and sayings in the linguistic aspect helps to clarify, and in some cases to establish additional semantic shades of Austrian proverbs with national and cultural semantics.

Linguistic and cultural analysis of Austrian proverbs and sayings showed their inseparable connection with the history of the country, its culture, lifestyle, traditions and customs, which in turn is largely determined by the peculiarities of the national character of the Austrians.

Key words: *Austrian proverbs and sayings, national character, national specificity, national worldview.*

Паремические тексты как своеобразное хранилище сведений о народной жизни, некое зеркало, отражающее не только быт, но и историю народа, исследовались уже начиная с XIX века (Simrock 1846, 1862; Vernaleken 1859; Даль 1862; Черкасский 1978; Верещагин, Костомаров, Прохоров, Фелицына 1979; Цвиллинг 1984; Тарланов 1999; Кухарева 2001; Мокиенко 2010; Röppelmann 2016). До настоящего времени содержание терминов «пословица» и «поговорка» однозначно не определено. Ключевой вопрос о разграничении терминов остается дискуссионным. Распространено мнение, что пословицы отличаются от поговорок тем, что имеют особую структуру и представляют собой законченное самостоятельное высказывание/предложение, почти всегда содержат нравоучения, наставления. Поговорки представляют собой чаще всего незаконченное высказывание/предложение, содержащее яркое, образное выражение, носящее зачастую символический смысл.

В данной статье не проводится разграничение терминов «пословица» и «поговорка», тем более что уже начиная с XIX века К. Wander (1838), К. Simrock (1862) и другие исследователи вплоть до настоящего времени не разграничивают термины, обозначая немецкие пословицы и поговорки термином „Sprichwort“ [Beyer 1985; Röppelmann 2016].

Пословицы и поговорки в данной статье рассматриваются как разновидность паремических текстов – бесценное наследие любого народа. Лингвистический анализ пословиц и поговорок даёт нам выход к архетипам языкового сознания, а также позволяет познать заключенную в них многовековую мудрость народа. Как писал немецкий поэт и филолог К. Зимрок: „Sprichwort, wahr Wort“ / *Перевод:* ‘В пословице правда молвится / Пословица недаром молвится’ [Simrock 2003, 496].

Как отмечает Е. В. Кухарева, «каждый национальный пословичный фонд является собой не случайный набор более или менее удачных высказываний, а сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приемах обыденного мышления» [Кухарева 2001, 50]. Пословица «обобщает опыт жизни народа, оформляя его в виде определённых правил» [Тарланов 1999, 32] и, по мнению М. А. Черкасского, обладает «свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [Черкасский 1978, 36].

Сложность отбора, интерпретации австрийских пословиц и поговорок обусловлена тем, что, несмотря на работы, которые появились в 60-е годы XX века и ставили перед собой цель обобщить австрийские языковые особенности

(Schuster, Schikola 1956; Moser 1959; Rizzo-Baur 1962; Домашнев 1967; Wiesinger 1988, 2006; Moosmüller 1991; Schmidt-Dengler 1995), сборника австрийских пословиц и поговорок, подобного немецким, не существует. Системное лексикографическое описание австрийские пословицы и поговорки получили лишь в работе В. Т. Малыгина «Австрийская фразеология в социокультурном аспекте», в которой автор исследует «пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения австрийского происхождения» [Малыгин 1999, 173].

При отборе австрийских пословиц и поговорок мы опирались на австрийские и немецкие лексикографические источники разного типа (VWbD 2004; ÖWb 1999, 2003; WbdöD 2010; Röppelmann 2016 и др.), а также электронные интернет-ресурсы (www.de.wikiquote.org, www.redensarten-index.de).

Существует много разных классификаций и подходов систематизации пословиц: по алфавиту, по ключевым словам (именам существительным или глаголам), по концептам, по фреймам, по тематическим полям. В данной статье выделяются 6 подвидов австрийских пословиц и поговорок. Определяющим стал национально-культурный компонент подвидов:

- пословицы с эксплицитным национально-культурным компонентом;
- пословицы с имплицитным указанием на национально-культурный компонент (в словарях с пометкой *österr. (A.)*);
- пословицы, содержащие словообразовательные модели, типичные для австрийского варианта немецкого языка;
- пословицы, употребляемые чаще всего в диалектальной форме;
- пословицы, имеющие аналоги в немецком языке;
- пословицы, в которых присутствует несколько признаков, перечисленных выше.

Лингвокультурологический анализ австрийских пословиц и поговорок показал, что они неразрывно связаны с историей Австрии, ее самобытной культурой и бытом, многовековыми традициями, трепетным отношением к дому, Родине, а также любовью к природе. Выделение пословиц с эксплицитным национально-культурным компонентом в первую группу определяется спецификой образов и реалий, лежащих в их основе, например: «Keinem fällt ein Stein aus der Krone» / *Перевод:* ‘Никому не сыплется с неба манна небесная’ [Малыгин 1999, 175].

Эта пословица отсылает нас ко временам Габсбургской монархии (период с 1276 по 1918 год). Другим вариантом перевода может быть: ‘С тебя/Вас не будет!’

Отличительной чертой австрийского варианта немецкого языка является лексема „der Stein“ [ÖWb 1999, 581] вместо немецкой лексемы „der Zacken“

[VWbdD 2004, 886] в немецкой пословице: „Dir wird schon keine Perle / Zacke / kein Stein / Zacken aus der Krone fallen“ [Lexikon für Redewendungen, Redensarten, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter].

Многонациональность австрийской империи, в которой австрийская культура аккумулировала в себе венгерскую, итальянскую, чешскую и другие культурные традиции, подтверждается пословицами:

Drei Wiener gibt es nicht, weil immer ein Böhme dabei ist / *Перевод*: ‘Среди трех жителей Вены/венцев обязательно будет один выходец из Богемии’.

Aufgewärmt ist nur ein Gulasch gut / *Перевод*: ‘Кто старое помянет, тому глаз вон’ [Österreichische Sprichwörter]. Одно из возможных значений в контексте: ‘Не стоит ворошить прошлое’. Или *буквальный перевод*: ‘Подогретый только гуляш хорош’.

Австрийцы консервативны, ценят размеренное течение времени и не представляют своей жизни без австрийских кофеен. Кофейня – чисто австрийский феномен, особый институт, центр общественно-культурной жизни, где австриец может предаваться любимым развлечениям; часами сидеть за столиком за чашечкой кофе (особое меню включает в себя целую палитру традиционных австрийских кофейных напитков, более 40 наименований). Кофейни опозитизированы, а их посетители воспеты в многочисленных очерках и рассказах (Ф. Кафка, А. Шнитцлер, Г. фон Хофмансталь, Й. Рот, Ф. Торберг и др.). Например, «централист А. Польгара – это «человек без свойств», лишь в кафе обретающий ощущение, что и у него есть подобие семьи, профессии. Кафе для него – эрзац реальности» [Зинченко, Зусман, Кирнозе 2007, 156].

Венская кофейня подчиняет повседневную жизнь австрийцев особому ритму, в котором все стремится к покою. Пребывание в кафе подразумевает непринужденность, свободу и общительность, столь значимые для австрийской культуры. Кофейня ассоциируется с приятным расположением духа. Столь трепетное отношение австрийцев к кафе привело к появлению поговорок, которые существуют только в Австрии:

Sag mir, welches Kaffeehaus dein Freund besucht, und ich sage dir, wer er ist / *Буквальный перевод*: ‘Скажи мне, в какое кафе ходит твой друг, и я скажу тебе, кто ты’.

Wo es Bohnen (Kaffee) gibt, ist mein Vaterland / *Перевод*: ‘Там, где зерновой кофе, там и моя Родина’.

Говоря о значимости понятия «работа» в языке и культуре австрийцев, отметим пословицу „Arbeiten, arbeiten, ein Haus bauen“ / *Перевод*: ‘Работать, работать, дом построить’. Для австрийцев главной целью становится собственный дом. Другие ценности у немцев. В сборнике немецких пословиц К. Зимрока около 40 пословиц с ключевым словом «работа», например:

„Wo Arbeit das Haus bewacht, kann Armut nicht hinein“ / *Перевод*: ‘Дому, где живет труд, бедность не грозит’.

„Arbeiten bringt Brot, Faulenzen Hungersnot“ / *Перевод*: ‘Труд кормит, а лень портит’.

„Faulheit lohnt mit Armut“ / *Перевод*: ‘Леность приводит к бедности’ и др. [Simrock 2003, 44, 45].

Следующие австрийские пословицы свидетельствуют о том, что веселое времяпрепровождение играет большую роль для австрийца:

Lieber einen Bauch vom Trinken, als einen krummen Rücken vom Arbeiten / *Перевод*: ‘Лучше живот от пьянства, чем кривая спина от работы’.

Lieber einen wackeligen Stammtisch, als einen festen Arbeitsplatz / *Буквальный перевод*: ‘Лучше иметь постоянное место за шатким столиком в кафе, чем постоянное место работы’ [Österreichische Sprichwörter].

II. К пословицам с имплицитным указанием на национально-культурный компонент можно отнести:

Beim *Keppeln* kommen die Weiber zusammen / *Буквальный перевод*: ‘Бранясь бабы сходятся’.

„*keppeln*: (umgs. abwertend): dauernd schimpfen; keifen“ [WbdöD 2010, 202].

„*keppeln*: A (abwertend, Grenzfall des Standards): dauernd schimpfen; dazu: *Kepperei*, *Kepplerin*, *Keppelweib*“ [VWbdD 2004, 400].

Gut gebunden ist halb *daheim* [Österreichische Sprichwörter] / *Буквальный перевод*: ‘Хорошо привязан – наполовину дома’.

„*daheim*: ist österr. (und südd. und schweiz.) das hauptsächlich gebrauchte Wort für: a) zu Hause; b) in der Heimat“ [WbdöD 2010, 345], [VWbdD 2004, 170].

Wer zahlt, *schafft an!* / *Буквальный перевод*: ‘Кто платит, тот и приказывает’ [Österreichische Sprichwörter].

Глагол *anschaffen* употребляется в значении „befehlen“ только в Австрии [VWbdD 2004, 45; ÖWb 1999, 185].

Das letzte Hemd hat keine Sackln / *Перевод*: ‘С собой в могилу ничего не унесешь’ [Österreichische Sprichwörter].

„*das Sackl*, -n (ugs.): *Sackerl*, -n: Tüte“ [WbdöD 2010: 313].

В указанных выше пословицах употребляются австрийские лексические единицы: *das Sackl*, *daheim*.

К третьей группе относятся пословицы, содержащие словообразовательные модели, типичные для австрийского варианта немецкого языка:

с уменьшительно-ласкательным суффиксом -erl, -l:

В австрийском варианте немецкого языка существует уменьшительный суффикс -erl, «который может выполнять различные функции» [Домашнев

1967, 62]. В разговорном варианте этот суффикс обозначает уменьшение в прямом смысле слова, причем корневая гласная не получает умлаута, например: „*Tascherl* (für Täschchen), *Sackerl*, *Hauserl*, *Tischerl*, *Plauscherl*, *Platzerl*“ [WbdÖD 2009, 465].

Das Glück ist ein Vogerl / *Буквальный перевод*: ‘Счастье словно птица, береги, а то улетит’.

В разговорном варианте суффикс -erl является выражением эмоционального отношения, например: „*Enkerl*, *Flascherl*, *Schifferl*, *Wamperl*“ [WbdÖD 2009, 465].

Ein jedes Häferl findet seinen Deckel / *Перевод*: ‘На всякий горшок найдется своя крышка’ [Москальская Т.2 1998, 436].

„*das Häferl*, die -n (bes. österr.): größere Tasse“ [WbdÖD 2009, 161].

В австрийском варианте немецкого языка также есть слова, в которых суффикс -erl или -l нейтрален и не имеет никакой дополнительной коннотации: „*das Pickerl* („Aufkleber“), *das Stockerl* („Hocker“) и др.“ [WbdÖD 2009, 465].

Ein jedes Mandl hat sein Brandl / *Перевод*: ‘У всякой пташки свои замашки’ (*Буквальный перевод*: ‘У каждого мужичка свой шнапс’).

„*das Mandl* A 1. kleiner (alter) Mann; Männlein“ [VWbdD 2004, 486].

„*das Brandl* vom: der Brand, Brandy“ [ÖWb 1999, 230].

Ist der Berg auch noch so steil, a bisserl was geht allerweil / *Перевод*: ‘Какой бы крутой ни была гора, продвинуться вперед хоть на немного вполне возможно / Не сдаваться!’ [Österreichische Sprichwörter].

„*a bissel/bisserl, bissl*: umgs. ein bisschen“ [WbdöD 2010, 75];

„*allerweil, alleweil*: umgs. immer“ [WbdöD 2010, 32].

с приставкой G-, Ge-: [Домашнев 1967], [WbdÖD 2009, 464];

Der Gscheitere gibt nach, der Dumme/Gescherte fällt in den Bach / *Перевод*: ‘Умный уступает’ [Österreichische Sprichwörter].

„*der Gscherte* A. der/ die; -n, -n: „dummer, grober, tölpelhafter Mensch“; „Person von provinziellem Auftreten und Denken; Provinzler(in)“ [VWbdD 2004, 294].

прилагательные, оканчивающиеся в немецком языке на -e, часто в австрийском варианте немецкого языка не имеют окончаний, например: „*blöd, fad*“ [WbdÖD 2009, 463].

Schön blöd ist auch blöd / *Буквальный перевод*: ‘Немного дурак тоже дурак’ [Österreichische Sprichwörter].

„*blöd*: österr. Nur so gebrauchte Form, (in D auch blöde)“ [WbdÖD 2009, 76];

«*blöde*: blöd: 1. слабоумный, тупой, глупый; 2. *разг.* глупый, дурацкий, неприятный; *австр.* бездумно веселый, смеющийся без причины» [Москальская Т. 1. 1998, 273].

К четвертой группе относятся пословицы, употребляемые в диалектальной форме:

„*Is ja ghupft wie ghatscht!* (нем. Ist gehüpft wie gesprungen!)

Net teppert (deppert) wern! (нем. Nur die Ruhe!)

Wos liegt, des pickt. (нем. Was liegt, das pickt.)

Wos da Baua ned kennnd, frissta a ned (нем. Was der Bauer nicht kennt, das frisst er nicht.)

Besser a woklada Staumtisch, ois a festa Orbeitsblotz. (нем. Besser ein wackeliger Stammtisch, als ein fester Arbeitsplatz.)

Beiringa sterm koa verderm – Roß vareka des ko an Bauan schrecka. (нем. Bäurinnen sterben, kein Verderben. Pferde verrecken, das kann den Bauer schrecken.)

Schaffa, schaffa, Hüsle baua. (нем. Arbeiten, arbeiten, ein Haus bauen)“ [Österreichische Sprichwörter].

Отдельную группу составляют австрийские пословицы и поговорки, имеющие аналогичные немецкие пословицы и поговорки, но австрийские содержат типично австрийские реалии и являются характерными только для австрийского узуса, например:

Es ist nicht alle Tage Salzburg.

Немецкая пословица: „Es ist nicht alle Tage Sonntag“ / *Перевод*: ‘Не все коту масленица’ [Цвиллинг 1984, 110].

Trautes Heim, Glück allein.

Немецкая пословица: „Eigener Herd ist Goldes wert“ [Цвиллинг 1984, 107] / *Перевод*: ‘Своя хатка – родная матка’; „Nord, Süd, Ost und West, daheim ist das Best“ [Цвиллинг 1984, 123] / *Перевод*: ‘В гостях хорошо, а дома лучше’.

Ist der Vater ein Kanarienvogel, wird der Sohn gelb.

Немецкая пословица: „Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm“ / *Перевод*: ‘Яблоко от яблони недалеко падает’ [Цвиллинг 1984, 104].

Встречаются пословицы и поговорки, в которых присутствует один или несколько релевантных для разных подвидов признаков, как, например, пословица „*Gusto und Watschen sind verschieden*“ [Малыгин 1994, 78]:

„*Die Watsche, -n*: Ohrfeige, Fotze“ [Sedlaczek 2004, 415].

„*Der Gusto, -s* (aus ital. Gusto „das Kosten, Geschmack“); *Appetit*“ [VWbdD 2004, 318].

Эту пословицу с имплицитным указанием на национально-культурный компонент можно отнести как во вторую группу, так и в пятую, поскольку существует похожая немецкая пословица:

„Über den Geschmack lässt sich nicht streiten“ / *Перевод*: ‘О вкусах не спорят’ [Цвиллинг 1984, 126].

Пословиц, в которых присутствует несколько признаков, перечисленных выше, много, например:

Kleine Häferln gehen leicht über;
Jedes Weiberl braucht ein Manderl;
Ein jedes *Mandl* hat sein Brandl и др.

Очевидно, что у каждого народа есть свои, только ему присущие пословицы и поговорки. Они – носитель фундаментальных ценностей общества, средоточие его ментальности и своего рода система хранения памяти народа, передающаяся от поколения к поколению.

Проанализированные нами австрийские пословицы и поговорки позволяют сделать вывод о том, что они не являются отражением общенемецких традиций. В них прослеживаются последствия исторического развития Австрии с многочисленными межкультурными связями. Австрийские пословицы и поговорки неразрывно связаны с исторической памятью австрийского народа, который за все время существования Габсбургской империи ощущал себя народом великой державы, состоящей из многочисленных народов, некогда входивших в состав Габсбургской империи: австрийцев, итальянцев, чехов, венгров. Понимание австрийских пословиц и поговорок невозможно без знания истории, реалий и традиций, менталитета австрийского народа.

У австрийцев свой, отличный от большинства немцев образ жизни, свой образ мышления, свой стереотип поведения и свои этнические ценности. Всё это находит отражение в австрийских пословицах и поговорках.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что отсутствие или недостаточные знания в области лингвострановедения, незнание реалий, лексических и словообразовательных особенностей австрийского варианта немецкого языка во многом затрудняют понимание и перевод австрийских пословиц и поговорок, в которых национально-культурный компонент играет очень важную роль. Особую сложность при этом представляют пословицы и поговорки в диалектальной форме, которые широко представлены.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров Н.И., Прохоров Ю.Е., Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1979. 240 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, приговоров, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Издание Император-

- ского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1862. 1095 с.
- Домашнев А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М.: Высшая школа, 1967. 180 с.
- Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта; Наука, 2007. 224 с.
- Кухарева Е.В. Менталитет, национальный характер и их отражение в языке // Проблемы национальных характеров, менталитетов и их проявления в языке. Тезисы. XI научно-методические чтения, июнь 2001. М.: ДА МИД России, 2001. С. 50–52.
- Москальская О.И. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 680 с.
- Малыгин В.Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте: Монография. СПб.: Образование, РГПУ, 1999. 199 с.
- Малыгин В.Т. Австрийский фразеологический словарь. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т; Владимир: Владимир. гос. пед. ун-т, 1994. 231 с.
- Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
- Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. 448 с.
- Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: Ок. 700 единиц. М.: Рус. яз., 1984. 216 с.
- Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С.35–52.
- Beyer H. u. A. Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart, München, 1985.
- Lexikon für Redewendungen, Redensarten, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter. URL : <http://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 15.06.2019).
- Moser H. Eigentümlichkeiten des Satzbaus in den Außengebieten der Deutschen Hochsprache. Sprache – Schlüssel zur Welt, Düsseldorf, 1959.
- Moosmüller S. Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonogische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck. Böhlauverlag Wien, 1991. 221 S.
- Österreichische Sprichwörter URL : http://www.de.wikiquote.org/wiki/Österreichische_Sprichwörter. (дата обращения: 11.06.2019).
- Österreichisches Wörterbuch. 38. Auflage. Neubearbeitung. Mit den neuen amtlichen Regeln. öbv hpt, Wien Verlag Jugend@Volk, Wien, 1999. 800 S.

- Pöppelmann C. Redensarten & Sprichwörter. Herkunft, Bedeutung, Verwendung. Compact Verlag GmbH München, 2. Ausgabe, 2016. 208 S.
- Rizzo-Baur H. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Österreich und Südtirol. Duden-Beiträge, Sonderreihe. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Ausland, hrsg. von Hugo Moser, Heft 5, Mannheim, 1962.
- Sedlaczek R. Das österreichische Deutsch. Wie wir uns von unseren großen Nachbarn unterscheiden. Ein illustriertes Handbuch. Unter Mitarbeit von Melita Sedlaczek. Verlag Carl Ueberreuter, Wien. 2004. 496 S.
- Schuster M., Schikola H. Sprachlehre der Wiener Mundart. Völlig neu bearb. von Hans Schikola. Wien: Österreichischer Bundesverlag f. Unterr.; Wissenschaft und Kunst. 1956. 208 S.
- Schmidt-Dengler W. Vom Staat, der keiner war // Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen / hrsg. von R. Muhr, R. Schrodt, P. Wiesinger. 1. Aufl. Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1995. S. 43–54.
- Simrock K. Die deutschen Volksbücher. Gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt. 5. Band. Brönnner, Frankfurt, 1846.
- Simrock K. Die Deutschen Sprichwörter, Frankfurt a.M., Brönnner, o.J., 1862.
- Simrock K. Die deutschen Sprichwörter. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2003. 631 S.
- Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Lichtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / Ammon U., Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2004. 954 S.
- Vernaleken Th. Mythen und Bräuche des Volkes in Österreich: als Beitrag zur Deutschen Mythologie, Volksdichtung und Sittenkunde. Wien: 1859. 387 S.
- Wander K. Fr. W. Allgemeiner Sprichwörtertschatz. Kohn, Breslau, 1838.
- Wiesinger P. Die deutsche Sprache in Österreich. Eine Einführung // Das Österreichische Deutsch. Schriften zur deutschen Sprache in Österreich. Band 12. / hrsg. von P. Wiesinger. Wien, Köln, Graz: Böhlau, 1988. S. 9–30.
- Wiesinger P. Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte. Wien, Berlin: Lit Verlag, 2006. 440 S.
- Wörterbuch des österreichischen Deutsch. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch. Wie sagt man in Österreich? / Ebner J. 4, völlig überarbeitete Auflage. Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2010. 477 S.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Mokienko V.M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) [Modern paremiology (linguistic aspects)]. V.M. Mokienko. *Mir russkogo slova*, 2010, no. 3. P. 6–20. (In Russian).

- Moser H. Eigentümlichkeiten des Satzbaus in den Außengebieten der Deutschen Hochsprache. *Sprache – Schlüssel zur Welt*. Festschrift für Leo Weisgerber. Düsseldorf, 1959. P. 195–200. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Kuhareva E.V. Mentalitet, nacional'nyj karakter i ih otrazhenie v yazyke. [Mentality, national character and their reflection in the language]. E.V. Kuhareva. *Problemy nacional'nyh karakterov, mentalitetov i ih proyavleniya v yazyke*. Tezisy. XI nauchno-metodicheskie chteniya, iyun' 2001. Moscow: DA MID Rossii, 2001. P. 52–88. (In Russian).
- Cherkasskij M.A. Opyt postroeniya funkcional'noj modeli odnoj chastnoj semioticheskoy sistemy (poslovicy i aforizmy) [The experience of constructing a functional model of a particular semiotic system (proverbs and aphorisms)]. M.A. Cherkasskij. *Paremiologicheskij sbornik: Poslovica. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow: Nauka, 1978. P. 35–52. (In Russian).
- Schmidt-Dengler W. Vom Staat, der keiner war. *Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen*. hrsg. von R. Muhr, R. Schrodt, P. Wiesinger. 1. Aufl. Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1995. S. 43–54. (In German).
- Wiesinger P. Die deutsche Sprache in Österreich. Eine Einführung. *Das Österreichische Deutsch. Schriften zur deutschen Sprache in Österreich*. Band 12. hrsg. von P. Wiesinger. Wien, Köln, Graz: Böhlau, 1988. S. 9–30. (In German).

(Monographs)

- Vereshchagin E.M. *Russkie poslovicy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Lingvostranovedcheskij slovar'* [Russian Proverbs, sayings and winged expressions. Dictionary of linguistics]. E.M. Vereshchagin, N.I. Kostomarov, Yu.E. Prohorov, V.P. Felicyna. Moscow: Rus. yaz., 1979. 240 p. (In Russian).
- Dal' V.I. *Poslovicy russkogo naroda. Sbornik poslovic, pogovorok, rechenij, prislovij, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverij i proch* [Proverbs of the Russian people. A collection of proverbs, sayings, sayings, sayings, of chistogovorki, rhymes, riddles, superstitions, and so on]. Izдание Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1862. 1095 p. (In Russian).
- Beyer H. u. A. *Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. München, 1985. (In German).
- Domashnev A.I. *Ocherk sovremennogo nemeckogo yazyka v Avstrii*. [The essay of the modern German language in Austria]. Moscow: Vysshaya shkola. 1967. 180 p. (In Russian).

- Malygin V.T. *Avstrijskaya frazeologiya v sociokul'turnom aspekte*. [Austrian phraseology in the socio-cultural aspect]. Saint-Petersburg: Obrazovanie, RGPU. 1999. 199 p. (In Russian).
- Moosmüller S. *Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonogische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck*. Böhlauverlag Wien. 1991. 221 S. (In German).
- Rizzo-Baur H. *Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Österreich und Südtirol. Duden-Beiträge, Sonderreihe. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Ausland*, hrsg. von Hugo Moser, Heft 5, Mannheim, 1962. (In German).
- Schuster M., Schikola H. *Sprachlehre der Wiener Mundart*. Völlig neu bearb. von Hans Schikola. Wien: Österreichischer Bundesverlag f. Unterr.; Wissenschaft und Kunst. 1956. 208 S. (In German).
- Simrock K. *Die deutschen Volksbücher*. Gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt. 5. Band. Brönnner, Frankfurt, 1846. (In German).
- Simrock K. *Die Deutschen Sprichwörter*. Frankfurt a. M., Brönnner, o.J., 1862. (In German).
- Simrock K. *Die deutschen Sprichwörter*. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2003. 631 S. (In German).
- Tarlanov Z.K. *Russkie poslovice: sintaksis i poehtika* [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1999. 448 p. (In Russian).
- Vernaleken Th. *Mythen und Bräuche des Volkes in Österreich: als Beitrag zur Deutschen Mythologie, Volksdichtung und Sittenkunde*. Wien: 1859. 398 S. (In German).
- Wander K.Fr.W. *Allgemeiner Sprichwörter-schatz*. Kohn, Breslau, 1838. (In German).
- Wiesinger P. *Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte*. Wien, Berlin: Lit Verlag, 2006. 440 S. (In German).
- Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya. Ot sistemnogo podhoda k sinergeticheskoj paradigme* [Intercultural communication. From a systematic approach to the synergetic paradigm]. Moscow: Flinta; Nauka. 2007, 224 p. (In Russian).

Сведения об авторах:

Зорина Татьяна Павловна, Московский государственный лингвистический университет. Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ. – Научные интересы: лингвострановедение, австрийский вариант немецкого языка, короткие тексты.
E-mail: oesterreich-bibl@mail.ru

Zorina Tatiana P., Moscow State Linguistic University, candidate of philological sciences, associate professor, professor at the Department of lexicology and stylistics of the German language (MSLU).
E-mail: oesterreich-bibl@mail.ru

Ефименко Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь. – Научные интересы: национальная вариативность немецкого языка, лингвострановедение, австрийская литература.
E-mail: kifir81@mail.ru

Efimenko Ekaterina A., candidate of philological sciences, an independent researcher.
E-mail: kifir81@mail.ru

ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ)

С.Г. Катаева

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк

Аннотация: В статье рассматривается межкультурное взаимодействие различных языковых кодов и возможности их переключения в контексте политической коммуникации. Политический дискурс является сферой активного использования мультикодовых текстов, в которых употребляются языковые средства, свидетельствующие о принадлежности к определенному национально-культурному коду языкового сообщества, например ключевые понятия современной истории Германии *Anschluss*, *Blitzkrieg*, *Wirtschaftswunder*. Поликодовое использование национально-специфических понятий в политической коммуникации других языковых сообществ свидетельствует о расширении их прежней референтной соотнесенности с другими событиями, с другими странами, и об утрате определенных культурно-специфических компонентов на чужой языковой почве. Это также свидетельствует об универсализации определенных немецких политических понятий и непреходящей актуальности событий, обозначаемых данными лексическими единицами. Такие политически значимые понятия современной истории Германии переходят в другом языке с различной степенью употребительности и ассимиляции в разряд активно используемых заимствований, воспроизводимых в нем разных видах: в качестве иностранных слов и значений (*Fremdwörter*) *Anschluss*/аншлюс или калек (*Lehnübersetzungen*) *Wirtschaftswunder*/экономическое чудо. Активизация функционального потенциала единиц культурного кода (политических ключевых понятий), их использование в других языках, в других временных и локальных условиях и в других коммуникативных моделях ведет к интернационализации политической коммуникации в общем контексте глобализации.

Ключевые слова: культурные коды в языке, национально-специфические понятия в политической коммуникации, социокультурный компонент кодовых переключений.

INTERCULTURAL AND FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE KEY NOTIONS OF THE MODERN GERMAN LANGUAGE (THE SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF CODE SWITCHING)

Abstract: The article deals with the intercultural interaction between various language codes as well as with the possibilities of their switching in the context of political communication. Political discourse is considered to be the sphere of the active use of multicode texts, in which such language means are to be found which are indicative of the affiliation to a particular ethnic cultural code of the language community, for example it concerns such key notions of the modern German history as *Anschluss*, *Blitzkrieg*, *Wirtschaftswunder*. The multicode use of nationally specific notions in political communication of some other language communities is evidence of the broadening of their former referential interrelationship with some other events and countries and it also indicates that some cultural components of the given language have been lost in another language environment. It can also speak for the process of universalization of some particular German political notions and for the relevance of events which the given lexical units tend to denote. Such politically significant notions of the modern German history are sure to become actively used loanwords in other languages having a different frequency of use and different degrees of assimilation. One can come across them in a foreign language in the following forms: they can be viewed as foreign words (*Fremdwörter*) *Anschluss* or as some kind of loan translation (*Lehnübersetzungen*) *Wirtschaftswunder*/ economic miracle. The activation of the functional potential of some units belonging to the cultural code (such as political key notions), their use in other languages, in other temporal and local conditions and, naturally, in some other communicative models will lead to the internationalization of political communication in the general context of globalization.

Key words: cultural codes of the language, nationally specific notions in political communication, the socio-cultural component of code switching.

Проблемы интермедиаальности как комбинации различных языковых кодов и их переключения имеют свою социолингвистическую и лингводидактическую значимость. Известно, что политический дискурс является сферой активного использования мультикодовых текстов, в которых применяются языковые средства различных уровней, свидетельствующие о принадлежности к определенному национально-культурному коду языкового сообщества, например ключевые политические понятия-индикаторы современной истории Германии, такие как *Anschluss*, *Hitlerjugend*, *Blitzkrieg*, *Persilschein*, *Marshall-Plan*, *Wirtschaftswunder* и др. Функциональный потенциал

культурного кода такого типа и виды кодовых переключений (*code-switching*) с последующим декодированием таких единиц на чужой языковой почве представляет собой наряду с социолингвистическим анализом большой лингводидактический интерес. Они одновременно являются одним из способов активизации культурно-специфических познавательных сведений о стране, поскольку их декодирование требует комплекса политико-исторических сведений – фоновых знаний. Специфическое или универсальное употребление в конкретном социокультурном пространстве чуждых для него политических слов-реалий другой страны и другого языка вызывают дополнительные трудности для их адекватной интерпретации.

Одним из таких ключевых понятий современной истории Германии является лексическая единица *Persilschein*, которая часто подвергается межкультурным кодовым переключениям. Исходя из того, что лингвокультурный код представляет собой прежде всего семантическое образование, был проведен подробный лексико-семантический анализ данного слова, его национально- и социокультурных компонентов с точки зрения известного принципа политолингвистики „*Sprachgeschichte als Zeitgeschichte*“ – исследования истории современного немецкого с позиций «современной немецкой истории» [Wengeler 1998].

Лексическая единица *Persilschein* представляет собой сложное слово, первый компонент которого происходит от названия популярного немецкого моющего средства *Persil*, второй от существительного *Schein* («свидетельство», «документ», «удостоверение»). На первый взгляд, это слово можно отнести к идее «чистой стирки». Первоначально это новообразованное сложное слово упоминается как шутивно-разговорный вариант названия «свидетельства органа денацификации о прохождении проверки и подтверждении невиновности», выданного в американской оккупационной зоне Германии после 1945 года:

Persilschein: gebildet [nach dem Namen des Waschmittels *Persil*, nach der Vorstellung des Reinwaschens; urspr. von der Bescheinigung der Entnazifizierungsbehörden] (umg.): *Entlastung(s)zeugnis; Bescheinigung, dass sich jemand nichts hat zuschulden kommen lassen.* (Duden 1996, S. 1136).

Появление вторичной номинации *Persilschein* у нейтральной лексической единицы „Entlastungszeugnis/Bescheinigung der Entnazifizierungsbehörden“ как подтверждающего свидетельства «чистого, ненацистского прошлого гражданина Германии» явилось результатом развития нового значения и обозначения процесса денацификации, появившегося в первые годы после окончания Второй мировой войны в Германии. В новом значении номинации

„*Persilschein*“ как «документа органа денацификации о безупречном, незапятнанном политическом прошлом» содержалась дополнительная информация о том, каким образом он был получен: по ассоциации со стиркой моющим средством „*Persil*“ он мог быть просто «отмыт», т.е. указывал на специально «отмытую», «отстиранную биографию» некоторых владельцев этих свидетельств. Новообразованная номинация *Persilschein* указывала на то, что документ о денацификации мог быть получен незаконно, так как разрешение на его выдачу часто было основано на даче ложных показаний так называемых «свидетелей» или просто куплено на чёрном рынке. Его получение имело жизненно важное значение, так как данный документ давал возможность для беспрепятственной деятельности в послевоенной Германии, например разрешал ведение бизнеса, покупку квартиры и т.п. Как это часто происходило в действительности, описывает немецкая газета „*Süddeutsche Zeitung*“: „*Doch die Deutschen brauchten diese erkaufte 'Persilscheine', um sich offiziell reinzuwaschen. Denn ohne Entnazifizierungsbeleg gab es keine neue Arbeitsstelle und damit keine Lebensgrundlage*“ („*Süddeutsche Zeitung*“ 21.10.2015).

Анализ этого исторически важного, лингвистически зафиксированного феномена выявил семантическое преобразование исходной единицы „*Persil*“ в составе сложного слова *Persilschein*. Новое значение было получено в результате метонимического переосмысления – переноса значения с «отмывания с помощью стирального порошка» на сам объект «отмывания» – на людей, «очищавшихся таким образом от негативного прошлого». Принимая во внимание не всегда честное получение этого документа, новообразованная номинация *Persilschein* закономерно приобретает негативные коннотации и обозначает «разрешительный документ сомнительного характера», незаконно полученный в ходе процесса денацификации. Таким образом часто оправдывались нацистские преступники, которые как бы «отмывались от своего нацистского прошлого» с помощью моющего средства „*Persil*“ и становились добропорядочными гражданами Германии с якобы «незапятнанной нацистским прошлым репутацией» или скрывались за границей. Это образное слово как нельзя лучше характеризует политическую ситуацию в первые послевоенные годы в Германии, когда снимались обвинения и освобождались от наказания бывшие нацистские преступники. Особенно после 1948 года, с началом действия «холодной войны», интерес к последовательному проведению процесса денацификации и «перевоспитанию немцев» („*reeducation*“) у американцев явно ослабевает и в центр внимания перемещается конфронтация со странами «восточного блока» и прежде всего с Советским Союзом. Это в конечном итоге приводит

к быстрому свертыванию процесса денацификации, в результате которого было выдано еще больше необоснованных, сомнительных решений суда и свидетельств о „невиновности“ бывших нацистов, которые в массовом порядке смогли избежать наказания. Как описывает немецкий публицист Ernst Klee в своей книге „*Persilscheine und falsche Pässe. Wie die Kirchen den Nazis halfen*“, даже немецкие церкви участвовали в «отмывании» нацистских преступников и помогали им скрываться в Латинской Америке [Klee 1992]. Это обстоятельство еще больше подчеркивало негативную оценочность новой номинации с говорящим названием *Persilschein*. Тема не завершённой до конца «денацификации» всплывет еще раз как тема «преодоления прошлого» („*Vergangenheitsbewältigung*“) в Западной Германии в 1968 году во время студенческих волнений, когда снова будет поднят вопрос «О вине отцов» („*Schuldfrage der Väter*“).

Со временем значение нового понятия *Persilschein* претерпевает дальнейшие модификации. Оно расширяет объем своего значения и начинает употребляться в обобщенном смысле с сохранением негативной оценочности и соотноситься со всякими неправомерно выданными документами/свидетельствами спорного происхождения, прикрывающими какие-либо неблагоприятные поступки. Такое «свидетельство» всегда употребляется в негативном контексте, так как предполагает, что он мог быть просто куплен как «индульгенция». Как показывает употребление лексической единицы *Persilschein*, она, не выходя за пределы немецкого языка, демонстрирует расширение своей референтной соотнесенности и может обозначать другие явления, события из различных сфер жизни в других странах, совсем не связанных с процессами «денацификации» в Германии, например «полученное незаконным путем разрешение для нелегальных мигрантов»: „*Wir sind ja nicht mit leeren Köpfen gekommen, aber viele denken, dass sie als Migranten einen Persilschein haben*“ (taz.de 25.08.2003). В другом случае *Persilschein* употребляется при описании выдачи неправомерного разрешения на работу атомной электростанции, противоречащего экологическим требованиям: „*Statt einer genauen Prüfung gab es hingegen einen ‚Persilschein‘ für die Atomkraftwerke*“ (Liechtensteiner Volksblatt Online. 4.07.2011). Данное понятие употребляется также как «охранная грамота» лицам, совершившим преступления против прав человека во время войны в Афганистане: „*Die Erinnerung an Ahmad Shah Massoud ist noch immer stark verklärt, andere Milizenführer des Bürgerkrieges der 1990er Jahre bekleiden heute hohe Posten – ein Persilschein für die Menschenrechtsverbrechen der afghanischen Warlords*“ (Onlineausgabe, zenith – Zeitschrift für den Orient 17.08.2012). Значение немец-

кого понятия *Persilschein* распространяется также и на далекую от Германии страну Зимбабве, где оно употребляется как «разрешение/согласие на дальнейшую тиранию известного диктатора Роберта Мугабе»: „*Und so könnte das Abkommen am Ende nur eines gewesen sein: Ein Persilschein für Mugabe – und damit die Fortsetzung seiner Gewaltherrschaft, des wirtschaftlichen Niedergangs und des Leids in der Bevölkerung*“ (Allgemeine Zeitung Online, 14.09.2012). Как видно из этих и других примеров, новая референтная соотнесенность расширяет объем значения лексической единицы *Persilschein*, которая сочетается с другими явлениями и фактами современной действительности, далекими от первоначального значения «отмывания бывших нацистских преступников в ходе денацификации» в послевоенной Германии. Но всех их объединяет общая сема «неприемлемая с точки зрения морали и права выдача разрешительного документа, своего рода ‚индульгенции‘ на действия с негативными последствиями»: *Persilschein für die Menschenrechtsverbrechen, für den Menschenhandel, für die Atomkraftwerke, für Migranten, für die Ausbeutung des Menschen* и др.

Переключение на другие референты, в разных странах и языках происходит и с другими ключевыми понятиями современной истории Германии, о чем свидетельствуют примеры их транспонирования в другую действительность, на другую языковую почву. Так, нагнетание агрессивной риторики, наблюдающееся в последнее время в политическом дискурсе во многих странах, ведет, в том числе, к актуализации в русском языке немецких понятий из области нацистской идеологии «тотальной войны», объявленной в свое время Гитлером: „*Barbarossa*“-Plan“, „*Blitzkrieg*“ («план молниеносного нападения на СССР»). Так в отношении размещения оружия НАТО у границ России «Комсомольская правда» пишет о новом плане «Барбаросса»: «*США готовят новый план «Барбаросса». Россия и Белоруссия с тревогой отмечают скопление дивизий НАТО у своих границ*» (КП, 24.10.2018). Комментируя переброску еще одной американской бронетанковой бригады и мотопехотной дивизии армии США для дальнейшей отправки в Польшу, pravda.ru также указывает на пресловутый «план Барбаросса»: «*Atlantic Resolve: США запускают план “Барбаросса” против России*» (pravda.ru, 25.05.2018). В настоящее время находит свое применение и другое слово-реалия из нацистского прошлого Германии – *гитлерюгенд* для описания военных игр в Прибалтике: «*известия.ру*» сообщает о «*Зарнице для гитлерюгенд в эстонских лесах, об очередных международных военно-спортивных играх «Эрна», посвященных памяти диверсантов, которых военная разведка Третьего рейха забросила в тыл советских войск в июле*

1941 года» (izvestia.ru, 8.08.2007). К теме «войны» относятся и воинствующие заявления экс-депутата Верховной рады Украины Черновола о том, что украинская армия должна войти в Москву и провести парад на Красной площади «Потому что закончить блицкриг необходимо не в Донецке, а на Красной площади в Москве» (дни.ru, 14.11.2018). Украинские СМИ актуализируют и еще одно ключевое понятие послевоенной Германии „Marshall-Plan“ («План Маршалла»). Под заголовком «С чем уехал Порошенко из Брюсселя: хуже, чем могло быть» в *украина.ru* опубликована статья о пребывании президента Украины в Брюсселе и возможной экономической помощи Европейского Союза Украине, которую Порошенко называет «планом Маршалла»: «По итогам саммита наши европейские коллеги и партнеры акцентируют внимание на внедрении так называемого Плана Маршалла, который со временем был переименован в „Реформы ради инвестиций“» (ukraina.ru, 11.07.2018). Следует отметить активное использование и других понятий из послевоенной истории Германии, например „das deutsche Wirtschaftswunder“ («немецкое экономическое чудо») – понятие, обозначавшее интенсивный экономический рост в послевоенной Западной Германии в 1950-е годы. Оно может употребляться то как «польское экономическое чудо» (regnum.ru, 8.08.2019), то как «китайское экономическое чудо» (ria.ru, 19.12.2018). О возможном «экономическом чуде в России» в 2015 году пишет советник президента Сергей Глазьев «когда ВВП России мог бы достичь 7 %» (gazeta.ru, 01.09.2015).

К заимствованию понятий из конфронтационной риторики прошлых лет можно отнести и понятия времен «холодной войны», например, „Der Eiserne Vorhang“ («железный занавес») на общественно-политическом интернет-портале “**Online812.ru**”: «Появился новый повод для «железного занавеса» – британцы открыто назвали Путина отравителем» (Online812.ru, 16.03.2018).

Подобное поликодовое, межкультурное употребление национально-специфических понятий в политической коммуникации других языковых сообществ свидетельствует о расширении их прежней референтной соотнесенности с другими событиями в других странах уже без привязки к историческим фактам Германии. Это ведет к утрате определенных культурно-специфических компонентов на чужой (новой) языковой почве и свидетельствует об универсализации данных немецких ключевых слов и непреходящей актуальности событий, явлений и т.п., обозначаемых данными лексическими единицами.

Эти понятия современной истории Германии переходят в другом языке с различной степенью употребительности и ассимиляции в разряд актив-

но используемых заимствований, воспроизводимых по разным моделям: а) в качестве транслитерированных иностранных слов (Fremdwörter): *Hitlerjugend/гитлерюгенд, Anschluss/анилюс, Blitzkrieg/блицкриг*; б) в виде различных видов калек (Lehnübersetzungen): *Wirtschaftswunder / экономическое чудо, Marshall-Plan / план Маршалла*.

Такие «языковые мигранты» в политической коммуникации других стран претерпевают на другой языковой почве определенные модификации, наполняются другими, дополнительными смыслами и могут служить негативной оценке обозначаемых ими актуальных событий.

Активизация функционального потенциала единиц культурного кода определенного типа (политических ключевых понятий), использование культурно-специфических слов-реалий из области современной истории Германии в других временных и локальных условиях, в других языках и коммуникативных моделях ведет к интернационализации межкультурной коммуникации в общем контексте глобализации.

Литература

Wengeler M. Sprachgeschichte als Zeitgeschichte. *Praxis Deutsch* 1998. 25. Jg., H. 151. S. 4–7.

Электронные источники практического материала

Kaya S. Migranten haben keinen Persilschein. *taz.de.*, 25.08.2003. URL: <http://www.taz.de/!1720722/> (дата обращения: 9.02.2019).

AKW Mühleberg: „Alarmierendes“ Gutachten. *Liechtensteiner Volksblatt Online*, 4.07.2011. URL: <https://www.volksblatt.li/nachricht.aspx?id=35140&src=vb> (дата обращения: 9.02.2019).

Feroz E.: Warlords in Afghanistan: Fragwürdige Kriegshelden. *zenith – Zeitschrift für den Orient*. Onlineausgabe, 17.08.2012. URL: <https://zenith.me/de> (дата обращения: 9.02.2019).

Eine Frage der Einstellung. *Allgemeine Zeitung Online* (Windhoek, Namibia). 14.09.2012. URL: <https://www.az.com.na/#> (дата обращения: 9.02.2019).

США готовят новый план «Барбаросса». Россия и Белоруссия с тревогой отмечают скопление дивизий НАТО у своих границ. *Комсомольская правда*, 24.10.2018. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26899.4/3943636/> (дата обращения: 9.02.2019).

Atlantic Resolve: США запускают план «Барбаросса» против России. *pravda.ru*, 25.05.2018. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/1384320-usa/> (дата обращения: 9.02.2019).

- Мельников В. С чем уехал Порошенко из Брюсселя: хуже, чем могло быть. *ukraina.ru*, 11.07.2018. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20180711/1020593855.html> (дата обращения: 9.02.2019).
- Мейзнер А. «Польская АЭС: пощечина Литве и Калининграду». *ИА REGNUM*, 8.08.2019 URL: <https://regnum.ru/news/2512278.html> (дата обращения: 9.02.2019).
- Попова Н., Василюцкий А. «Зарница» для гитлерюгенд. Эстония воспитывает патриотов на примере фашистских диверсантов. *izvestia.ru*, 8.08.2007. URL: www.stihi.ru/2007/08/08-1771 (дата обращения: 9.02.2019).
- В Москве заявили о нападении Украины на Россию. *дни.ру*, 14.11.2018. URL: <https://dni.ru/polit/2018/11/14/411352.html> (дата обращения: 9.02.2019).
- Появился новый повод для «железного занавеса – британцы открыто назвали Путина отравителем. *Online812.ru*, 16.03.2018. URL: <http://www.online812.ru/2018/03/16/010/print.html> (дата обращения: 9.02.2019).
- Китай отказался капитулировать перед США и не будет менять курс. *РИА НОВОСТИ*, 19.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181219/1548228642.html> (дата обращения: 9.02.2019).
- Фаляхов Р. Элиты должны напрячься, чтобы страна выжила. *gazeta.ru*, 01.09.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/08/31/7732703.shtml> (дата обращения: 9.02.2019).

References

(Articles from Scientific Journals)

- Wengeler M. Sprachgeschichte als Zeitgeschichte. *Praxis Deutsch* 1998. 25. Jg., N. 151. S. 4–7.

Сведения об авторе:

Катаева Сталина Гавриловна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков Липецкого государственного педагогического университета. – Научные интересы: политоллингвистика, контрастивная лингвистика, лексикография, теория и практика перевода, немецкий как иностранный. E-mail: katajewa@rambler.ru

Kataeva Stalina G., Doctor of Philological Science, Professor; Lipetsk State Pedagogical University, Institute of Philology, Department of the German and French Languages; political linguistics, contrastive linguistics, lexicography, translation, German as a foreign language
e-mail: katajewa@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИРОНИИ В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И.А. Котюрова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Аннотация. В статье рассматривается феномен иронии в современной немецкой публицистике, который имеет очень существенные особенности как в сравнении с другими стилями речи, так и в сравнении, например, с русской традицией. Так, иронию в прессе невозможно объяснить простой семантической оппозицией. Ирония представляет собой критическое отношение, которое может быть выражено самыми разными когнитивными моделями. Традиции в (не)использовании иронии в немецких серьезных газетах и журналах претерпевают очень большие изменения: если раньше она имела место только в определенных типах статей, более того, почти исключительно в статьях конкретных узнаваемых читателями авторов или в глоссах, то сегодня ее можно встретить во всех типах статей, что указывает на растущее размывание границы между новостью и мнением, а значит на изменение основополагающих установок немецкой журналистики. С психолингвистической точки зрения, ирония в статьях политической тематики выступает в виде защитной, конструктивно-критической или высокомерной иронии. Дружеской иронии в таких статьях не наблюдается.

Ключевые слова: ирония, психолингвистические функции, немецкий язык, публицистический стиль.

FEATURES OF THE USE OF IRONY IN GERMAN POLITICAL JOURNALISM

Abstract: The article discusses the phenomenon of irony in modern German journalism, which has very significant features, both in comparison with other styles of speech, and in comparison, for example, with Russian tradition. So, the irony in the press can not be explained by a simple semantic opposition. Irony is a critical attitude that can be expressed by a variety of cognitive models. Traditions in (not) the use of irony in German serious newspapers and magazines undergo very big changes: if earlier it took place only in certain types of articles, moreover, almost exclusively in articles of particular authors recognizable by the authors or in glosses, today it can be found in all types of articles, indicating a growing blurring of the line between news and opinion, and therefore a change in the fundamental attitudes of German journalism. From a psycholinguistic point of view,

the irony in the articles of a political theme is in the form of defensive, constructive-critical or arrogant irony. Friendly irony in such articles is not observed.

Keywords: irony, psycholinguistic functions, German, publicistic style.

Тему использования иронических высказываний в немецком языке нельзя назвать новой и малоизученной: Б. Алеманн, Э. Лапп, У. Япп, М. Хар-тунг, О.Я. Палкевич, Н.В. Веселова, А.В. Сергиенко – вот только некоторые имена ученых, чьи работы касаются этой темы. Однако о том, как ирония используется в немецких средствах массовой информации, работ крайне мало. Во многом это связано с существовавшей до недавнего времени особенностью немецкой журналистики не использовать иронические высказывания в серьезных статьях. Этот факт отражен даже в немецкоязычной Википедии: In den Medien ist sie [Ironie], von unfreiwilliger Ironie abgesehen, fast nur in Reservaten anzutreffen.

Подробные рассуждения о том, с чем связана такая резервация, можно найти в работе «Ирония в современной немецкой прессе» [Котурова 2011, 25–27], опубликованной в 2011 году. Однако риторика немецких СМИ в последние годы так резко изменилась, что некоторые утверждения десятилетней давности, касающиеся особенностей использования иронии в печатных изданиях, оказываются устаревшими. Мы можем наблюдать сегодня происходящие на наших глазах очень существенные изменения журналистских традиций, речь о которых пойдет в этой статье.

Начать разговор следует с определения понятия ирония. В энциклопедиях и этимологических словарях – как русских, так и немецких – указывается на то, что слово «ирония» происходит от греческого εἰρωνεία – «притворство» (см., например, словари Das grosse Wörterbuch in 10 Bänden, Современный словарь иностранных слов и др.). Можно предположить, что начиная с античных времен и до сегодняшнего дня сема «притворство» в значении слова «ирония» в той или иной степени сохранилась, поскольку, согласно словарным определениям, в ироническом высказывании буквальное значение всегда неравно подразумеваемому (насколько это утверждение справедливо, речь пойдет ниже). Однако если в античные времена это слово первоначально относилось к поведению человека в обществе, к тому же безнравственному поведению, то сегодня понятие переосмыслено, как риторический прием, и большинство словарей приписывает ему следующие два значения:

1) *риторическая фигура, в которой слова употребляются с целью насмешки в смысле, обратном буквальному;* 2) *скрытая насмешка, при-*

крытая серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой. [Егорова 2014, 282].

Немецкие словари трактуют иронию аналогично:

1) *Ein Sprachmittel, bei dem man bewusst das Gegenteil von dem sagt, was man meint (besonders um zu kritisieren oder um witzig zu sein)* / [Langenscheidt Großwörterbuch, 2015]

2) *Feiner, verdeckter Spott, mit dem jemand etwas dadurch zu treffen sucht, dass er es unter dem augenfälligen Schein der eigenen Billigung lächerlich macht (“eine feine, zarte, bittere, verletzende Ironie,„)* [Das große Wörterbuch der deutschen Sprache, 1999]

Однако, исследуя иронические высказывания в современной немецкой серьезной прессе, мы сразу столкнулись с невозможностью трактовать их как риторическую фигуру, в которой слова употребляются в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки.

Большинство примеров иронии оказалось невозможным свести к антифразису и объяснить классическим противопоставлением контекстуального и системно-языкового значений, как, например, в следующем ироничном заголовке: *Jung, erfolgreich, diskriminiert!* (SPIEGEL online, 01.02.2018)

Речь в статье идет о молодых членах партии СПД, к мнению которых мало кто прислушивается. Каждое слово здесь использовано в своем буквальном значении, однако в этом заголовке слышится ирония, и возникает этот эффект тонкой насмешки благодаря сталкиванию характеристик, которые обычно не могут стоять рядом и относиться к одному и тому же человеку.

Часто объяснение иронического эффекта теорией семантической оппозиции исключается потому, что в высказывании вообще оказывается невозможным определить «противоположное значение», как в следующем примере:

Ist doch wahr: Trump trampelt auf uns herum. (SPIEGEL, 30/2018)

Насмешливый эффект этого высказывания основан на игре слов Trump и herumtrampeln, ни для одного из которых нельзя назвать оппозиционную антонимичную пару.

В этих и многих других подобных примерах читатель воспринимает иронию как *критическую оценку* объекта или явления, скрытую в высказывании, как элемент его общего смысла. Это результат коммуникативного взаимодействия, компоненты которого во многом зависят от релевантных свойств социальной (интеракционной, коммуникативной) ситуации,

когнитивных предпосылок и коммуникативных возможностей всех участников общения. Таким образом, можно утверждать, что ирония – это модальная категория, оценочное, насмешливо-критическое отношение, которое передается при помощи целого комплекса лингвистических и паралингвистических средств: лексических, грамматических, стилистических, фонологических, графических, жестиколяционных и т.д. (Безусловно, можно говорить о существовании определенных когнитивных моделей создания/понимания иронического смысла. Это отдельная большая тема, изложенная, в частности, в упомянутой выше работе «Ирония в современной немецкой прессе» [Котюрова, 2011]).

Итак, ирония служит выражению критической оценки. Именно поэтому до недавнего времени встретить ее можно было только в специально отведенных для этого местах, ведь журналистская традиция в Германии очень четко разграничивала факты и мнение. Общая тенденция избегать иронических высказываний была связана с такими ключевыми особенностями жанровой формы газетно-публицистического стиля, как стандартизованность, доходчивость, объективность и фактологичность содержания. Немецкий читатель должен был быть уверен, что материал прессы передан объективно и недвусмысленно. Соответственно, он должен был заранее знать, где именно может столкнуться с иронией.

Как показало исследование прессы и опрос жителей Германии, еще в 2008 г. ирония в периодической печати Германии встречалась только в определенных изданиях и на определенных страницах, и если мы говорим о статьях политической тематики, то только в таких жанрах текста, как глосса, комментарий, колонка и интервью-мнение. Это объясняется тем, что данные типы статей ориентированы на сообщение *субъективного мнения*.

Однако времена быстро меняются, меняется вместе с ними и журналистика, ее стиль и традиции. В последние годы в мире произошли события, которые очень сильно повлияли на риторiku средств массовой информации как в России, так и в Германии.

Вообще, функциональный потенциал иронии настолько разнообразен и так точно соответствует задачам массмедиа, что она кажется специально созданной для журналистики. С одной стороны, ирония служит имплицитному выражению мнения и может смягчить критику. С другой стороны, она способна, напротив, сделать выражение критического мнения более острым, даже едким. Ирония всегда активизирует внимание, поскольку при ее восприятии необходимы дополнительные интерпретативные усилия, чтобы

не только понять буквальный смысл, но и осознать, что за ним скрыт другой смысл. Наконец, ирония позволяет очень емко дать оценку человеку, событию или явлению, так что в одной фразе может аккумулироваться много смыслов.

Кроме того, нельзя забывать об информационной войне, которая определяет форму и содержание журналистики сегодня во всем мире. И так как оружием в этой войне является публикуемый текст, то сила этого оружия определяется во многом умелым использованием стилистических средств. Ирония же при этом оказывается одним из самых ярких и сильных инструментов, главной функцией которого является выражение критической оценки.

Следует обратить внимание и на то, что использование иронии в качестве «оружия» очень хорошо соотносится с ее основными функциями с точки зрения психолингвистики. Эти функции немецкий исследователь Н. Гребен описал следующим образом:

- защита от «несправедливых» претензий на власть, защита «Я-концепции», солидарность с другими «поверженными»;
- конструктивная критика и эффект уточнения позиций;
- создание близкого контакта;
- высмеивание, сбрасывание другого с позиций власти.

В зависимости от этих основных психолингвистических функций Норберт Гребен выделяет 4 типа иронии, которые в публицистических текстах представлены очень неравномерно.

Защитная ирония. Она позволяет сохранить лицо в ситуации проигрыша, нехватки контроля над ситуацией или в целом некоего подчинения при одновременном когнитивном превосходстве. Такая ирония является защитным механизмом от несправедливых претензий на власть и способом выражения солидарности с тем, кто оказывается в более слабой позиции.

Так, ироничный заголовок *Der Superdeutsche* в газете *Die Zeit* имеет следующий подзаголовок: *Der Einwanderer soll dankbar sein, Leistung bringen, leise beten und sich nicht beschweren. Sonst kriegt er Ärger (Die Zeit, 26.07.2018).*

Этот пример иронии можно интерпретировать как проявление солидарности с мигрантами, находящимся в «слабой позиции», поскольку в основе этого иронического высказывания лежит критика завышенных, по мнению автора статьи, требований к немецким мигрантам.

Конструктивно-критическая ирония. Она используется в ситуации равноправия участников коммуникации, в которой иронизирующий проявляет

симпатию или, по крайней мере, интерес по отношению к тому, в адрес кого направлена ирония. Такая ирония предполагает конструктивную критику и имеет эффект уточнения собственной позиции.

Пример такого типа иронии находим в статье журнала Stern, где речь идет о результатах социологического опроса, согласно которому партию AfD (Альтернатива для Германии) поддерживает примерно такое же количество жителей Германии, что и партию СПД (Социал-демократическую партию Германии), в то время, как еще несколько месяцев назад между ними был пусть небольшой, но разрыв:

Aber wenigstens stand es am Wahlabend im Kampf SPD gegen AfD, in Prozenten ausgedrückt, noch: 20,5:12,6. Kein Grund zur Freude, aber immerhin war es noch – ein Abstand. Der Abstand der Anständigen, sozusagen. [Stern. 19.7.2018].

По содержанию и по общему тону статьи можно понять, что автор хотя и критикует партию СПД, но все же его симпатии – на стороне социал-демократов, а не националистов из AfD. И ирония в данном случае – конструктивная критика социал-демократов.

3) *Дружеская ирония.* Она представляет собой положительную оценку, похвалу, выражаемую в ситуации равноправия собеседников и их взаимной симпатии с целью создать или поддержать близкий контакт.

Примеров дружеской иронии в статьях политической направленности в корпусе данного исследования не нашлось. Это объясняется тем, что цель такого типа иронии – создание контакта, близости – не является актуальной для политических статей.

4) *Высокомерная ирония.* Такой тип иронии манифестирует превосходство говорящего над адресатом, характеризуя ситуацию неравноправия, в которой говорящий высмеивает другого. Как указывает Н. Гребен, такая ирония всегда деструктивна.

Примеров высокомерной иронии в статьях серьезной прессы крайне мало, что объясняется следующим психологическим эффектом: если ирония воспринимается как высокомерная, унижающая другого, то наблюдающая сторона чаще встает на сторону более слабого и будет психологически настроена против иронизирующего автора (этот эффект также описывает в своей работе Н. Гребен). В связи с этим журналист, использующий высокомерную иронию, скорее всего вызвал бы негативное отношение читателей не к тому, в адрес кого высказывается критика, а к самому себе.

Однако высокомерная ирония находит свое место в прямой речи, в частности, в карикатурах, где она может быть приписана другому лицу, как, например, в следующем случае:

Ироничная мысль «Надеюсь, он не станет к тому же называть меня папой», относящаяся к ведущему себя по-детски Трампу и которая может быть охарактеризована как высокомерная ирония, приписывается здесь В.В. Путину. Таким образом, карикатура с одной стороны, высмеивает Трампа, а с другой стороны – типично для данного вида иронии – вызывает сомнение в позиции власти того, кто позволяет себе уничижительную насмешку в адрес другого.

Таким образом, можно наблюдать, что в современной немецкой серьезной прессе преобладают два типа иронии – защитная и конструктивно-критическая. Дружеская ирония нетипична для статей политической направленности, а высокомерная используется в условиях цитирования прямой речи.

Как было указано выше, сильно изменившиеся политические условия в мире повлияли и на риторику серьезной прессы в Германии. Резервацией для иронии еще 10 лет назад служили глоссы, авторские колонки и интервью-мнения. Публицист Клаус Яршов в своей статье “Das Ironieverbot” так описывал в 2008 г. тему отсутствия иронии в публицистике: “Du sollst nicht ironisieren!” – sobald es um den ‘uneigentlichen Sprachgebrauch’ geht, sind sich alle Journalisten einig, zusammen mit Wolf Schneider: Die Ironie gehört allenfalls in die Glosse, besser aber in die Gosse». Однако исследование иронических высказываний в крупнейших газетах и журналах ФРГ в июле – ноябре 2018. выявило очевидную тенденцию к использованию иронии там, где раньше ее нельзя было встретить. Приведем несколько примеров из разных типов статей.

Конечно, ирония по-прежнему остается характерной чертой глосс, ярким примером которых является рубрика verboten в газете taz:

Zwei heiße Duelle elektrisierten die Deutschen an diesem Wochenende: Dortmund gegen FC Bayern und Grüne gegen SPD. Irre Einschaltquoten bei Bundesligaspitzenspiel, Bundesdelegiertenkonferenz und sozialdemokratischem Debattencamp. Nun liegen die Ergebnisse vor – und zum ersten Mal in der Geschichte haben SPD und Bayern eine Gemeinsamkeit: jeweils 7 Punkte Rückstand. (taz.12.11.2018)

Встречается ирония и в авторских колонках:

Whiskey und Harleys? Hey, Brüssel, das macht alten Männern Angst, die Bäuche haben und Bock auf süßen Fusel und peinliche Bikes (Spiegel № 30. 21.7.2018).

Более того, ироническое высказывание может само стать заголовком комментария, как в следующем примере:

Von der Großmacht zur Großmaulmacht (Süddeutsche Zeitung, 27.05.2018).

Особенно важным представляется тот факт, что ирония сегодня встречается в тех типах статей, где раньше журналисты ее избегали. Так, в следующем примере ирония вышла в заголовок уже аналитической статьи в газете Süddeutsche Zeitung:

Trump hat keine Chance, aber die wird er nutzen (Süddeutsche Zeitung, 26.05.2018).

Нередко встречается ирония теперь и в аналитических статьях других изданий, например журнала Stern:

Möglich scheint inzwischen sogar, dass es weiterhin zwei Volksparteien in Deutschland geben wird – aber die SPD nicht mehr dazugehört. Es wäre die Versäuerung der Republik (Stern, 19.7.2018, S. 91).

Еще 20 лет назад почти невозможное проникновение иронии в передовую статью стало теперь возможным, так что ироничное выражение критики в отношении деятельности политиков можно прочесть на первых страницах журнала Spiegel:

Die Große Koalition beschäftigt sich entweder mit dem Thema Flüchtlinge, so schien es, oder mit sich selbst. Dabei drücken die Bürger durchaus noch ein paar andere Sorgen (Spiegel № 30. 21.7.2018).

Даже на первых полосах газеты Die Zeit в *новостных* статьях можно найти иронические высказывания на политические темы. В следующем примере в новостях, описывающих эмоциональную речь А. Вайдель из партии АдГ в связи со скандалом, связанным с ее именем, в газетное сообщение было включено ироническое замечание канцлера А. Меркель относительно этой речи А. Вайдель:

Kanzlerin Angela Merkel (CDU), die nach Weidel ans Rednerpult trat, kommentierte die Rede mit dem Satz: “Das Schöne an freiheitlichen Debatten ist, dass jeder über das spricht, was er für das Land für wichtig halt” (die Zeit, 21.11.2018).

Таким образом, можно наблюдать, что сегодня ирония встречается везде, в том числе и в тех статьях, где не указан автор, т.е. в тех статьях, которые отражают мнение издания, а не частное мнение журналиста-ироника. Это означает, что граница между новостью и мнением, между информированием и оценкой размывается, что ведет к разрушению того, что составляло до недавнего времени основу немецкой журналистской этики.

Литература

- Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе: дисс ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2003.
- Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014.
- Котурова И.А. Ирония в современной немецкой прессе. LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
- Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале современного нем. яз.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2001.
- Сергиенко А.В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликаций в художественных текстах (На материале прозы Г. Гейне и Т. Манна и их пер. на рус. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1995.
- Современный словарь иностранных слов. СПб., 2004. 557 с.
- Allemann, Beda. Ironie und Dichtung. Pfullingen: Neske, 1956.
- Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. Mannheim etc.: Dudenverlag, 1999.
- Hartung, M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächsanalytische Untersuchung. 2002.
- Japp U. Theorie der Ironie. Frankfurt, 1983
- Jarchow K. Das Ironieverbot. URL: <https://www.foerderland.de/digitale-wirtschaft/netzwertig/news/artikel/das-ironieverbot/> (дата обращения 20.01.2019).
- Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. München, Wien, 2015.
- Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen, 1992.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Jarchow K. Das Ironieverbot. Available at: <https://www.foerderland.de/digitale-wirtschaft/netzwertig/news/artikel/das-ironieverbot/> (accessed 20.01.2019). (In German).

(Monographs)

- Allemann B. Ironie und Dichtung. Pfullingen: Neske, 1956. (In German).
- Hartung M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächsanalytische Untersuchung. 2002. (In German).

- Japp U. Theorie der Ironie. Frankfurt, 1983. (In German).
 Kotiurova I.A. Ironia v sovremennoj nemetskoj presse [Irony in the modern German press]. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. (In Russian).
 Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen, 1992. (In German).

(Thesis and Thesis Abstracts)

- Veselova N.W. Ironia w politicheskom diskurse [Irony in political discourse]. PhD Thesis. Nizhnij Novgorod, 2003. (In Russian).
 Palkevich O.J. Jazykovoj portret fenomena ironii (na materiale sovremenogo nemetskogo jazyka) [Language portrait of the phenomenon of irony (on the material of the modern German language)]. PhD Thesis. Irkutsk, 2001. (In Russian).
 Sergienko A.V. Jazykovye vozmozhnosti realizatsii ironii kak raznovidnosti implikatsii v hudozhestvennyh tekstah (na materiale prozy G.Geine i T.Manna i ih perevodov na russkij jazyk) [Language possibilities of realization of irony as a type of implication in literary texts (On the material of prose by G. Heine and T. Mann and their translations in Russian.)]. PhD Thesis Abstracts. Saratov, 1995. (In Russian).

(Dictionaries)

- Egorova T.V. Slovar inostrannyh slov sovremenogo russkogo jazyka. [Dictionary of foreign words of the modern Russian language]. Moscow, 2014. (In Russian).
 Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. München, Wien, 2015. (In German).
 Sovremennyi slovar inostrannyh slov [Modern dictionary of foreign words]. Saint-Petersburg, 2004. (In Russian).
 Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. Mannheim etc.: Dudenverlag, 1999. (In German).

Сведения об авторе:

Котюрова Ирина Аврамовна, Петрозаводский государственный университет, зав. кафедрой немецкого и французского языков, доцент, канд. филол. наук.
 E-mail: koturova@petrsu.ru

Kotiurova Irina A., Petrozavodsk State University. Head of the Department of German and French, docent, Ph.D. in Philology.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА: КОНЦЕПТ «ВОЕННАЯ ТЕХНИКА» (на материале языка немецких военнослужащих)

Я.А. Манукян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***Аннотация.** В исследовании анализируется один из концептов языка немецких военнослужащих (deutsche Soldatensprache) – «Военная техника», его фреймовые компоненты («Танк», «Самолет») сквозь призму тезауруса немецких военных периода двух мировых войн. Основными методами исследования избраны лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ. Подобный ракурс рассмотрения позволил проанализировать данный концепт с учетом национального и наднационального взгляда на мир солдата-немца.*

Исследование доказало: когнитивный процесс осмысления военной техники двигался в направлении увеличения общего количества номинаций, обозначающих военную технику, что прямо пропорционально возрастанию военной мощи Германии; продуктивными модусами, в рамках лексических стратегий которых возникали рассмотренные лексемы, явились оппозиции: «военная техника – технические характеристики и возможности», «жизнь – смерть», «свое – чужое». Когнитивная репрезентация своей и чужой военной техники позволила зафиксировать противоречие на уровне культурных кодов, а в пределах своей культуры – разграничение культур.

***Ключевые слова:** Soldatensprache, язык немецких военнослужащих, военная техника, этноментальность, ирония.*

CONCEPT “MILITARY EQUIPMENT” (ON THE BASE OF GERMAN MILITARY SERVICEMEN LANGUAGE)

***Abstract.** The research analyses one of concepts of the language of German servicemen (deutsche Soldatensprache) Military Equipment and its frame components (Tank, Airplane) in the thesaurus of the German military period of two world wars. The main research methods were linguocultural and linguocognitive analyses. Such an angle of consideration allowed analyzing the given concept taking into account national and supranational views on the world of a German soldier.*

The research proved: the cognitive process of understanding military equipment was moving towards increasing the total number of lexemes denoting military equipment, which is directly proportional to the increase of German military power. The productive modes,

within the framework of the lexical strategies of which the considered lexemes arose, were the following oppositions: military equipment – technical characteristics and capabilities, life – death, mine – yours. The cognitive representation of their own and foreign military equipment made it possible to fix the contradiction at the level of cultural codes, and within the boundaries of their own culture – the demarcation of cultures.

Key words: *Soldatensprache*, German military servicemen language, military equipment, ethnic mentality, irony.

Soldatensprache формировался на протяжении длительного времени – от языка ландскнехтов в Средние века до его оформления как составляющей общенемецкой единой концептосферы культуры. На процесс становления и развития целостной концептосферы языка немецких военных непосредственное влияние оказали следующие факторы: объединение Германии в 1871 г. и две мировые войны. Кроме центральных социально-исторических причин в процессе возникновения и пополнения лексической базы *Soldatensprache* можно отметить и такие факторы, как: *психологический* (экспрессивная оценка реальности); *ментальный* (система ценностных ориентаций); *идеологический* (актуализация явления, которое позднее получит наименование «германский милитаризм»).

Целью настоящей статьи является описание и анализ одного из концептов *Soldatensprache* – «Военная техника», репрезентация его фреймовых компонентов («Танк», «Самолет») в тезаурусе немецких военных периода двух мировых войн. В качестве фактологического материала привлекаются словари Г. Кюппера [Kürper 1967; 1978; 2000].

Термин «*концепт*» рассматривается в различных областях гуманитарного знания. В рамках лингвокогнитологии концепт – «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той трансформационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996, 90]. Концепт в лингвокультурологических текстах – это вербализированный культурный смысл [Воркачев 2007; Маслова 2008; Слышкин 2000]; «...то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997, 40]. Данные подходы в осмыслении концепта не являются взаимоисключающими [Карасик 2002, 97]. Концепт обладает сложной, многомерной структурой. В нем можно выделить как рациональное, конкретное, универсальное, так и эмоциональное, абстрактное, этническое. Концепт в нашем понимании – это

знаковое отражение символично наполненного понятия, отрефлектированное в категориях этнокультуры.

Под фреймом мы понимаем «структуры знания о мире, ассоциирующиеся с конкретной языковой единицей»¹ [Маслова, 2008, 51]. Фрейм имеет спиралевидный характер: человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходный образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали. Фрейм структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма; концепт – это переживаемая информация [Карасик 2002, 106, 107].

Soldatensprache трактуется как специфический дискурс военнослужащих различных родов войск, используемый в неофициальной сфере повседневной коммуникации, служащий для выражения субъективного отношения к военной или военно-бытовой действительности посредством эмоционально-окрашенной лексики и отражающий наднациональные и этнокультурные/этноментальные процессы акторов.

Итак, для достижения цели применяется лингвокультурологическая и лингвокогнитивная методика исследования, что позволило проанализировать концепт с учетом национального и наднационального в мировидении солдата-немца. Выделены следующие исследовательские проекции:

- военная техника как когнитивная составляющая эпистемы – осмысление в рамках модуса «военная техника – технические характеристики и возможности»;
- осмысление в рамках модуса «свое – чужое».

Сами модусные компоненты располагаются в области антропологического, идеологического дискурса конкретного культурно-исторического периода, а также отражают особую техническую составляющую когниции человека начала XX столетия.

Большая часть рассматриваемых лексических единиц появилась в период Второй мировой войны, что объясняется расширением и развитием военнотехнического потенциала Германии и что в силу различных причин (когнитивных, психолингвистических) потребовало «внедрения» новых номинаций в коммуникативный узус немецких военных.

Фрейм «Танк». Практически все лексемы, рассматриваемые в данном фрейме, появились в период 1939–1945 гг. Танк явился адекватным вызовом времени – «мотор победил лошадь, а пушка – пику» (Г. Гудериан). Лексемы,

¹ Согласно Е. Г. Беляевской, значение слова представляет собой фрейм, который, в отличие от фрейма целостной ситуации, автор называет микрофреймом [Беляевская 1992, 58].

маркирующие танк в коммуникативном узусе военнослужащих кайзеровской Германии, представляют небольшой лексический ряд. Так, намек на большие размеры танка легко угадывается в лексеме *Landkreuzer* (1914–1945). Положительная оценка закодирована и в ЛЕ *Landschlachtkreuzer* (контаминация из *Landschlacht* + *Schlachtkreuzer*, 1939–1945), *Schlachtkreuzer* (1939–1945). Такое свойство танков, как их «утюжащее действие» (*Walze mex.* – каток), нашло отражение в ЛЕ *Chausseewalze* (1914–1918), *Rasenwalze* (1935), *Walze* (1939–1945).

В основу номинации танка положены технические характеристики. Так, осмысление танка в модусе «снаряд – броня» иллюстрирует лексема *fester Kasten* (крепкий ящик, 1939–1945). Техническая характеристика и внешняя форма танка закодированы в лексеме *Dreschmaschine* (молотилка, 1939, намек на форму и шум моторов). Надежная броня танка – основная его защита от противотанковой артиллерии противника – иллюстрируется лексемой *Stahlkammer* (стальная камера, 1917–1918). Танк уважительно сравнивается со специальным помещением в банке для хранения денег и ценных бумаг, защищенном стальными плитами.

Не обойдено вниманием внутреннее помещение танка. С намеком на его размеры появилась лексема *Ölsardinenbüchse* (жестяная консервная банка с сардинами в масле, 1939). Приравнивая внутреннее помещение танка к помещению на корабле, где находятся котлы, испускающие жар, солдат подчёркивает, что температура в танке гораздо выше, чем на корабле, особенно летом на Африканском фронте – *Kesselraum* (котельная, 1940). Из-за высокой температуры в танке (до 70 градусов) военнослужащие сравнивают последний с печью – *Backofen* (1939–1945).

Танк отождествляется у немецких военных с гробом (*Sarg*). Так, осмысление военной техники в рамках модуса «жизнь – смерть» наглядно иллюстрируют ЛЕ *Sarg* (1939–1945), *fahrender, fahrbahrender Sarg* (1939–1945), *Eigentumssarg* (1939–1945), *Eisensarg* (1939), *Prachtsarg* (1939–1945), *Stahlsarg* (1930), *Leichenwagen* (катафалк, 1914–1918).

Одноместный итальянский танк («чужое»), не вызывающий уважение у немецких военных, закреплен за *Knallkarre* (скрипящая повозка, 1939–1945). Советский танк «Т-34» носит название *Tee-Salon* (1942–1945), где литера Т является звуковым совпадением к лексеме *Tee* (чай), а *Salon* (салон) подчёркивает большие размеры данной модели.

Итак, большая часть лексических единиц, маркирующих танк, обязана своим появлением периоду Второй мировой войны. Основным критерием номинации становятся технические характеристики танка.

Фрейм «Самолёт». Стремление человека преодолеть силу земного притяжения уходит своими истоками в глубокую древность. Для достижения этой цели людям пришлось пройти долгий и тернистый путь, полный как неудач, так и свершений. Нет ни одного народа древности, который не надеялся бы создания своей фантазии способностью перемещаться в воздушном пространстве с помощью облаков, крыльев или крупных птиц [Обухович, Кульбака 2000, 5].

В начале XX столетия авиация становится важным мировым вопросом. Военные министерства европейских государств выделяют сотни тысяч на покупку летательных аппаратов. С кафедры немецкие священники объясняют пастве сущность авиации [Кауфман 1910, 6]. К началу Первой мировой войны Германия – лидер в развитии воздухоплавания.

Логичным представляется и семантическое наполнение некоторых лексем, маркирующих самолет в языке военных кайзеровской Германии, – лексема как когнитивное отражение восприятия авиации сознанием начала века. Положительная оценка, высокая образность – лингвистическая фиксация восхищения человека фактом того, что он наконец оторвался от земли: *Benzinmöve* (1914–1918), *Benzinvogel* (птица на бензине, 1917–1945), *Kahn* (самолет «плывет» по воздуху так же, как и корабль по воде, 1914–1945), *Stahlvogel* (стальная птица, 1914–1945), *Wolkendroschke*, *Wolkenkutsche* (небесная повозка, намек и на технические возможности первых самолетов, 1914–1918).

Выделим следующие виды метафоризации ЛЕ:

Метафоризация по форме: *Molle* (корыто, по форме фюзеляжа, 1914–1945), *fliegende Zigarre* (летающая сигара, 1939–1945). Мужской юмор угадывается в маркировании самолёта-разведчика с двойным фюзеляжем (*zwei Schwänze*) – *Frauenlob* (женская похвала, *Schwanz* = *penis*, 1939–1945).

Метафоризация по звуку (жужжание мотора): *Biene* (пчела, 1939), *Kaffeebrenner* (жаровня для кофе, 1939–1945), *Mühle* (мельница, 1914), *Schwirrvogel* (колибри, маленький, быстрый самолёт-разведчик, 1939–1945). Схожее явление мы наблюдаем в коммуникативном узусе советских солдат, самолет марки «У-2» называли *комар*, *стрекоза*. К началу Второй мировой войны многие немецкие бомбардировщики были оснащены сиренами, которые издавали при пикировании оглушающий звук, что нашло выражение в лексеме *Himmelsheuler* (небесный ревун).

Метафоризация по величине. Самолёт небольшого размера шутливо называли *Mücke* (комар, 1914), *Rumpelstilzchen* (гном, 1939–1945). Маленький истребитель-бомбардировщик охарактеризован как *Heuschrecke*

(1939–1945): подобно саранче, он стремительно появлялся из засады. Наименование самолёта больших размеров легко угадывается в ЛЕ *Badewanne* (ванна, 1914–1945), *Luftdampfer* (воздушный пароход, 1914–1918).

Метафоризация по целевому назначению самолета. Истребитель-бомбардировщик, нападающий преимущественно ночью, образно сравнивается с *Nachtfalter* (ночной мотылёк, 1914–1918); самолёт-истребитель, обстреливающий на бреющем полёте прифронтовую шоссеиную дорогу противника, – *Luftgendarm* (воздушный жандарм, 1914–1945). Оценочность представлена в лексеме *Konservenbüchse* (консервная банка, 1939–1945) – бронированный самолет. Своё собственное название получает самолёт-разведчик, проводящий разведку перед предстоящим налётом бомбардировочной авиации, – *Himmelspion* (небесный шпион, 1939–1945).

Метафоризация по скорости перемещения в пространстве – оценка на уровне сопоставления технических параметров различных машин. Подчеркнем, что данные лексемы иллюстрируют и своего рода изменение восприятия времени и пространства в сознании людей с приходом эры воздухоплавания. Так, самолет, летающий на малых скоростях, пренебрежительно называли *Krähе* (ворона, 1939–1945), *lahme Krähe* (хромая ворона, 1939–1945), *müder Vogel* (уставшая птица, 1939–1945), а самолёт, развивающий высокую скорость, уважительно сравнивали с *schnelles Schiff* (быстрый корабль, 1939–1945).

Немецкий военнослужащий не обходит своим вниманием самолеты вражеской авиации (оппозиция «свое – чужое»). Отмечено, что осмысление в модусе «свое – чужое» характерно и для коммуникативного узуса советских военнослужащих. Так, немецкие самолеты в годы Второй мировой войны получили следующие оценочные маркировки. Пикирующий бомбардировщик «Ю-87», «Ю-88» охарактеризован как *лапотник*, *лаптежник*, *козел* (из-за неубирающихся шасси), *визгун*, *музыкант* (по слуховому восприятию включенных во время атаки самолетных сирен). Самолет-разведчик «Фокке-Вульф 189», похожий на букву «П», именовали *рама*, *ворота*, *Фриц с оглоблями*.

В языке немецких солдат советские самолёты из-за издаваемого шума при полете названы *Kaffeemühle* (кофемолка), *Nähmaschine* (швейная машина, 1940). Отметим, что данные ЛЕ коннотируют с номинациями собственно «своих» самолетов, ср. с *Biene*, *Kaffeebrenner*. Интересней представляется обозначение советского самолета, бомбардирующего наземные цели. В картине мира солдата-немца – это *Schlachter*, *Schlächter* (палач, 1942). Осмысление в модусе «свое – чужое» ясно прослеживается и в лексеме *Luftpirat* (воздушный пират) – английские самолёты, которые подвергали бомбардировке церкви и больницы.

Итак, большая часть лексем, рассмотренных в данном фрейме, появилось в период 1939–1945 гг. Большинство лексических единиц, маркирующих самолет, охарактеризовано положительно, пусть даже и с долей иронии. Этому способствовали: восхищение человека самолетом, роль авиации, ее усиление в период гитлеризма.

Сопоставление лексем языка немецких военных и языка советских военных периода 1939–1945 гг. показывает, что в этот период все больше лексем возникает на общетехнической основе, отсюда и одинаковые ассоциативные ряды в номинации «самолет».

В когнитивно-коммуникативных стратегиях немецкие военнослужащие демонстрируют движение в модусе «свое – чужое», где «чужое» оценивается и маркируется сквозь призму «своего».

Подведем некоторые итоги.

Когнитивный процесс осмысления военной техники в языке немецких военнослужащих двигался в направлении увеличения общего количества лексем, обозначающих военную технику, что прямо пропорционально возрастанию военной мощи Германии по мере нагнетания в стране реваншистских настроений. Лексема становится, таким образом, своеобразной «визитной карточкой» исторической эпохи и на уровне коммуникативного узуса немецких военных отражает эпистемологическую суть этого наиболее активного в военном отношении периода новой истории Германии.

Продуктивными модусами, в рамках лексических стратегий которых возникали рассмотренные лексемы, явились «военная техника – технические характеристики и возможности», «жизнь – смерть», «свое – чужое».

Интересная словообразовательная стратегия наблюдается при осмыслении явлений в рамках модуса «свое – чужое». Подобная когнитивная репрезентация военной техники противника конструируется не без влияния менталитета и национальных стереотипов. Так, восточные народы осмысливаются только в модусе «европеизм – варварство», а уже отсюда «свой» самолет – *Luftgendarm*; советский самолет – *Schlächter*, *Schlachter*; английский самолет – *Luftpirat*. Германские ценности, издревле сформировавшиеся в немецком сознании, и верификация этих ценностей с позиций немецкого военнослужащего позволяют маркировать «свой» танк – *fester Kasten*, итальянский танк – *Knallkarre*; советский – *Tee-Salon*. Все это отражает формирование и закрепление на языковом уровне стереотипов этновосприятия чужих этносов, т.е. противоречие на уровне культурных кодов, а в пределах своей культуры – это разграничение культур.

Литература

- Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дисс. ... докт. филол наук. М., 1992.
- Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Кауфман А.К. Кто, как и на чем летает (сущность и история авиации в общедоступном карманном словаре). Полтава, 1910.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008.
- Обухович В.А., Кульбака С.П. Дирижабли на войне. М., 2000.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 10000 neue Ausdrücke von A-Z: (Sachschelten). Hamburg, 1967.
- Küpper H. ABC-Komiker bis Zwitschergemüse: Das Bundessoldatendeutsch. Wiesbaden, 1978.
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Berlin, 2000.

References (Monographs)

- Belyaevskaya E.G. Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah [Semantic structure of the word in nominative and communicative aspects]. Diss. ... dokt. filol nauk. Moscow, 1992. (In Russian).
- Vorkachev S.G. *Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept* [Love as a lingvo-cultural concept]. Moscow, 2007. (In Russian).
- Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. (In Russian).
- Kaufman A.K. *Kto, kak i na chem letaet (sushchnost' i istoriya aviatsii v obshchedostupnom karmannom slovare)* [Who, how and on what one flies (the essence and the history of the air forces in a popular pocket dictionary)]. Poltava, 1910. (In Russian).
- Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk, 2008. (In Russian).
- Obuhovich V.A. Kul'baka S.P. *Dirizhabli na vojne* [Airships at war]. Moscow, 2000. (In Russian).
- Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye koncepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [Lingvo-cultural concepts of precedent texts in consciousness and in discourse]. Moscow, 2000. (In Russian).
- Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. Moscow, 1997. (In Russian).

- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 10000 neue Ausdrücke von A-Z: (Sachschelten). Hamburg, 1967. (In German).
- Küpper H. ABC-Komiker bis Zwitschergemüse: Das Bundessoldatendeutsch. Wiesbaden, 1978. (In German).
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Berlin, 2000. (In German).

Сведения об авторе:

Манукян Янис Ашотович, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкого языка СПбГУ.
E-mail: manukyanyanis@rambler.ru

Manukyan Yanis A., Saint Petersburg State University, PhD, assistant of chair of the German language Saint Petersburg State University.
E-mail: manukyanyanis@rambler.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА «DIALEKT» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В.Б. Меркурьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация: Проникновение лингвистического термина *Dialekt*, употребляемого по отношению к животным, птицам и рыбам, в современный немецкий научно-популярный биологический дискурс вполне соотнобразится с антропоцентрическими тенденциями, характерными для языка в целом. Очеловечивание животных привлекает внимание к научной проблематике анализируемых статей. Вместе с тем ученые-биологи остаются в реальном исследовательском мире, они оперируют терминами и научными данными, а не вовлекают читателя в дискурс сказки.

В нелингвистической научной области термин получает статус метафоры, которая вследствие её ложного характера и благодаря её новому контекстному окружению несет экспрессивную функцию. Термин внедрился в научно-популярный биологический дискурс в первом десятилетии XXI столетия и продолжает активно использоваться.

Мы имеем дело с особым случаем транстерминологизации. В статье демонстрируется сужение значения термина *Dialekt*, используемого в научно-популярном биологическом дискурсе, по сравнению с одноименным лингвистическим термином.

Ключевые слова: язык, диалект, современный немецкий научно-популярный биологический дискурс, метафора, ложная метафора, метафорическая перифраза, экспрессивная функция, транстерминологизация.

METAPHORICAL USAGE OF THE TERM “DIALECT” IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Abstract: The penetration of the linguistic term «dialect» in relation to animals, birds and fish into modern German popular science biological discourse is quite consistent with anthropocentric tendencies characteristic of the language as a whole. Humanization of animals definitely attracts the attention of readers to the scientific issues of the articles analyzed by us. At the same time, biologists remain in the real research world, they operate with terms and scientific data, and do not involve the reader in the fairy tale discourse.

In the non-linguistic scientific field, the term receives the status of a metaphor, which, due to its false character and thanks to its new contextual environment, has an expressive function. This term was introduced into the popular science biological discourse in the first decade of the 21st century and continues to be actively used.

It is the special case of transterminologization. The article demonstrates the narrowing of the meaning of the term «dialect», used in popular science biological discourse, compared to the linguistic term of the same name.

Key words: language, dialect, modern German popular science biological discourse, metaphor, false metaphor, metaphorical paraphrase, expressive function, transterminologization.

Данная статья посвящена актуальной проблеме терминологического трансфера. Тема статьи – использование метафоры со словом *Dialekt* в современном немецком научно-популярном дискурсе биологической направленности (в качестве основы послужили статьи указанной проблематики 2010–2017 годов). Перенос лингвистического термина в непривычную для него (биологическую) сферу привлек нас своей экспрессивностью. Обычно в научном мире не приветствуется включение метафор ни в качестве терминов, ни при изложении сути научных изысканий вследствие их неоднозначности, однако применение их не исключается. Для подтверждения этой мысли приведем точку зрения Д. Дэвидсона: «Метафора встречается не только в литературных произведениях, но и в науке, философии, юриспруденции, она эффективна в похвале и оскорблении, мольбе и обещании, описании и предписании» [Дэвидсон 1990, 174].

Н. Д. Арутюнова во вступительной статье к сборнику, в котором опубликована статья Д. Дэвидсона, также подчеркивает мысль о «вездесущности» метафоры, о её «экспансии в разные виды дискурса» [Арутюнова 1990, 6].

Общеизвестна достаточно популярная метафора *die Sprache der Tiere* ('язык животных') (LexiTV | 19.05.2016). (Здесь и далее курсив наш – В.М.).

(1a) Wahre Meister in Sachen “*Klangsprache*” sind die *Vögel* (Ganschow, 2017). (1б) «Настоящими мастерами “звучащего языка” являются птицы». – Здесь и далее перевод наш – В.М.).

(2a) Wale vor Dominica «*sprechen*» karibisch. Die *Sprachvielfalt* ist mindestens ebenso bunt wie die Unterwasserwelt (Lobe, 2017).

(2б) «Киты перед Доминикой “говорят” по-карибски. Языковое многообразие, по крайней мере, так же пестро, как подводный мир».

(3a) Auch Pottwale, Delfine und Bienen sollen verschiedene Dialekte “*sprechen*” (Ganschow, 2017)

(3б) «Также кашалоты, дельфины и пчелы, должно быть, “говорят” на различных диалектах».

Ученые спорят, можно ли назвать звуки, издаваемые птицами, слонами, дельфинами, коровами и другими животными, коммуникацией. В статьях

на эту тему применяются и другие лингвистические термины, такие как *Interaktion*, *Lautäußerungen*, *Lautsprache*, *Gespräch*, *Sprachvariante*, *sich verständigen*, *mitteilen*, *sprechen*, *reden*, *sich unterhalten*, *verstehen* по отношению к собакам, кошкам, даже рыбам и другим животным. Новая метафора *Dialekt* (*Dialekte*) появилась относительно недавно.

Sächsisch, hessisch, kölsch – in Deutschland werden jede Menge *Dialekte gesprochen*. Das gilt nicht nur für Menschen, sondern auch für Tiere (Ludwig, 2015) (,Саксонский, гессенский, кёльнский – в Германии говорят на большом количестве диалектов. Это утверждение справедливо не только для людей, но и для животных’).

В научно-популярном дискурсе биологического характера перечисленные выше лингвистические термины употребляются в метафорическом значении. Невольное или вольное очеловечивание животных и птиц привлекает внимание читателей и слушателей при обсуждении новых достижений в описании «общения, разговоров, интеракции» представителей животного мира.

Ученые обнаруживают у людей и животных даже такую общую черту диалекта, как «социальная склейка». Речь идет об общем термине для обозначения того, что облегчает человеческие отношения и способствует привязанностям: дружелюбие, любезность, доброта, тепло, хорошие манеры [was heißt sozialer “Kitt”? (Sprache, Wort) – Gutefrage]:

(4a) *Jeder Dialekt fungiert somit bei den Walen wie beim Menschen als sozialer Kitt* (Lobe, 2017).

(4б) «Каждый диалект функционирует как у китов, так и у людей как “социальная склейка”».

По всей вероятности, сложный характер описания процессов «коммуникации» в мире животных заставляет ученых-биологов прибегнуть к метафоре *Dialekt*. Диалекты различают у птиц, рыб, китов, слонов, обезьян (гиббонов и макак) и даже коров (*Muh-Unterschiede zwischen verschiedenen Herden* – разница мычания в различных стадах). Экспрессивный характер этой метафоры базируется на её очевидной ложности, поскольку «говорить на диалектах» могут люди, а не животные, птицы или рыбы. Д. Дэвидсон отмечает: «Явная ложность метафоры – это норма» [Дэвидсон 1990, 185]. О том, что мы имеем дело с метафорическим употреблением слов, свидетельствует их закавычивание.

В упомянутой статье Д. Дэвидсон также пишет: «Ибо метафора говорит только то, что лежит на её поверхности, – обычную явную неправду или абсурдную истину. И эти очевидные истины или неправда не нуждаются в парафразе – они уже даны в буквальном значении» [Дэвидсон 1990, 187].

Тем не менее в научно-популярных статьях о животном мире дается своеобразная дефиниция процесса, именуемого «что значит “говорить на диалекте”» («*Dialekte sprechen*»):

(5a) “*Dialekte sprechen*” bedeutet im Tierreich, dass zum Beispiel unterschiedliche Melodien oder unterschiedliche Tonarten gesungen werden. Manchmal ist ein Dialekt auch stimmlich deutlich höher als der andere, oder es wird schneller oder sogar lauter gesungen (Ludwig, 2015).

(5б) «“Говорить на диалекте” означает в мире животных, например, что поются различные мелодии или при этом используются различные тональности. Иногда диалект в голосовом плане также значительно выше, чем другой (сравниваемый с ним диалект – В.М.) или он поется быстрее или громче».

(6a) Wenn die Populationen stabil immer dieselben lautlichen Unterschiede aufweisen, könnte man das als Dialekt bezeichnen. Diese Eigenheiten könnten auch durch Kopierfehler entstehen (Lobe, 2017).

(6б) «Если популяции всегда стабильно проявляют те же самые звуковые различия, то это можно назвать диалектом. Эти особенности могут возникнуть как следствие ошибок при подражании».

При определении понятия *Dialekt* в качестве лингвистического и биологического терминов общим является признак «локальная связанность».

(7a) Bestimmte Singvogelarten singen *regional unterschiedlich* (Ganschow, 2017).

(7б) «Определенные виды певчих птиц поют в разных регионах по-разному».

(8a) Diese Tierarten verfügen über eine komplexe Sprache und leben in *räumlich unterschiedlichen* Gruppen (Ludwig, 2015).

(8б) «Эти виды животных владеют сложным языком и живут в группах, расположенных в разных регионах».

(9a) Jetzt haben Göttinger Wissenschaftler herausgefunden, dass auch die Gesänge von Gibbons in Südostasien *regional eingefärbt sind* (wbr/dpa, 2011).

(9б) «Сейчас ученые из Гёттингена обнаружили, что пение гиббонов на юго-востоке Азии имеет региональную окраску».

(10a) Unterwassermikrofon aufzeichnete, fand heraus, dass die Wale mit einem immergleichen Muster, sogenannten Codas (ähnlich Morsezeichen), kommunizieren. Eine Klicksequenz lässt sich mit der Frage «*Ich bin aus der Karibik und du?*» übersetzen, sagte Gero dem Magazin “National Geographic” (Lobe, 2017).

(10б) «Подводный микрофон обнаружил и зафиксировал, что киты коммуницируют всё время по одному и тому же образцу, так называемому коду (подобно азбуке Морзе). Последовательность щёлкающих звуков можно

перевести как вопрос “я из Карибского моря, а ты?”, уточнил Геро из журнала “National Geographic”».

Однако определение немецкого диалекта включает в себя кроме признака «локальная связанность» ещё и много других. В качестве рабочего мы пользуемся определением диалекта, данным немецким лингвистом Б. Совински: «eine der Schriftsprache vorausgehende, örtlich gebundene, auf mündliche Realisierung bedachte und vor allem die natürlichen alltäglichen Lebensbereiche einbeziehende Redeweise, die nach eigenen, im Verlaufe der Geschichte durch nachbarmundartliche und hochsprachliche Einflüsse entwickelten Sprachnormen von einem großen heimatgebundenen Personenkreis in bestimmten Sprechsituationen gesprochen wird» [Sowinski 1997, VI–VII].

На основе данного определения выделены основные критерии дефиниции диалекта:

- локальная связанность;
- устная реализация;
- развитие по собственным языковым нормам;
- влияние соседних диалектов;
- влияние литературного языка;
- соотнесение с повседневной жизнью;
- употребление в определенных речевых ситуациях [Меркурьева, 2004, 19–20].

Заметим, что кроме «локальной связанности» и «влияния соседних диалектов» остальные признаки диалекта практически не используются при описании диалектов животных, птиц и рыб, что также свидетельствует в пользу уже упомянутого тезиса о ложности метафоры.

Примечательно, что есть сходство в поведении диалектоносителей и птиц, пользующихся разными «диалектами». Так, американская биолог Э. Дерибери (Deeryberry) считает, что американские птицы из штата Калифорния, а именно – белый коронованный воробей Dachs-Ammer (*Zonotrichia leucophrys*) – песни далеко живущих популяций любят меньше:

Deutlich weniger beliebt sind hingegen die Lieder weit entfernt lebender Populationen (Köndgen, 2010).

Общим между «диалектом» животных и диалектом людей является то, что они изменяются с течением времени:

Die Gesangsweisen ändern sich auch mit den Generationen (Paal, 2011). (Способ пения птиц меняется в разных поколениях.)

Согласно эксперименту, проведенному с этими птицами, мужские особи особенно чутко реагировали на современное пение местных птиц и менее –

на пение местных женских особей, записанное в 1970, 1976, 1996 годах. Чирикание птиц, живущих далеко от них (приводится цифра, указывающая на расстояние 600 км), они полностью игнорировали. Для сравнения приведем тенденцию из мира людей. Так, в Германии в 2008 году проводился опрос Мангеймскими учеными под руководством Л.М. Айхингера с целью изучения реальной картины языковых ценностей. Он выявил, что опрашиваемые лица воспринимают разницу между югом и севером как более значительную, чем разницу между западом и востоком [Меркурьева 2011, 76].

Ученые подчеркивают и разность способов пения птиц или мычания коров:

(11a) Anders kann heißen, dass sich die typischen Melodien beim Gesang unterscheiden. Häufig kommt es vor, dass die Melodien zwar ähnlich sind, die Tonart jedoch eine andere ist, dass sie in der einen Gegend höher, in der anderen tiefer singen oder dass die Amseln in Frankfurt die gleiche Melodie schneller singen als in Freiburg. Oder dass sie in Frankfurt lauter singen, weil es dort insgesamt lauter ist. ... Und manchmal geht ihre Stimme auch hoch, sie singen höher (Paal, 2011).

(11б) «“По-другому”, может означать, что типичные мелодии при пении отличаются. Часто бывает, что мелодии похожи, а тональность все же другая, в одной местности она выше, а в другой ниже, или что черные дрозды во Франкфурте ту же мелодию поют быстрее, чем во Фрайбурге. Или же они поют её во Франкфурте громче, потому что там вообще все звуки громче... А иногда их голос поднимается, они поют выше».

(12a) Sie sind von Bauern darauf aufmerksam gemacht worden, haben das Muhen der verschiedenen Kühe dann phonetisch analysiert – und tatsächlich lokale Klangunterschiede festmachen können, die man als *Dialekte* bezeichnen könnte (Paal, 2011).

(12б) «Крестьяне обратили на это их внимание, затем (ученые. – В.М.) проанализировали с фонетической точки зрения мычание различных коров – и действительно обнаружили локальные звуковые различия, которые можно определить как диалекты».

Ученые находят все новые и новые отличия в извлечении звуков одного и того же вида животных, рыб и птиц. Чтобы учесть все это многообразие, они и обратились к лингвистическому термину *Dialekt*. Иногда «диалекты» настолько различны, что животные из разных местностей «не понимают» друг друга. Эксперт по животным М. Людвиг рассказывает такую историю: инфразвуковые крики (они ниже человеческого порога слышимости. – В.М.) слонов из Намибии и Кении, предупреждающие об опасности (приближении львов), записали и запустили для прослушивания намибийским слонам,

которые находились на водопое. Слоны реагировали по-разному: крики сородичей привели их в волнение, они поспешили покинуть водопой. Далее следует предложение:

(13a) Die Warnlaute aus Kenia dagegen ließen sie völlig kalt – offenbar konnten sie mit dem *Dialekt* nichts anfangen (Ludwig, 2015).

(13b) «Предупреждающие звуки из Кении, напротив, оставили их совершенно равнодушными – они явно не проявили к диалекту никакого интереса».

Если проводить лингвистическую аналогию, то намибийские и кенийские крики записаны в разных странах, не удивительно, что намибийские слоны понимали свой «язык», а «язык» слонов другой страны остался им непонятным. То есть в данном случае метафора *Dialekt* (исходя из лингвистической дефиниции) употреблена неправомерно и произвольно, уместнее было бы использование метафоры *Sprache* («язык»).

Этот же автор заявляет, что некоторые виды животных понимают чужие диалекты: Manche Tierarten verstehen auch fremde *Dialekte* (Ludwig, 2015). Он описывает ситуацию с касатками в аквариуме Ванкувера.

Er ging eine Beziehung mit einem Weibchen ein und *übernahm ihren Dialekt*. Als das Weibchen starb, verfiel er wieder in seine ursprüngliche Sprachvariante (Ludwig, 2015).

Автор сообщает, как мужская особь касатки переняла «диалект» женской особи, а после смерти последней вернулась к своему изначальному языковому варианту, при этом не называется, к какому именно. В статье не сообщается также, в каком районе обитания касаток происходили описываемые события. То есть общение анонимных касаток описывается при помощи лексемы *Dialekt*.

Базируясь на предположении, что все в мире взаимосвязано, ученые-зоологи даже склонны видеть зависимость диалекта собак от диалекта людей:

(14a)...wenn man aber davon ausgeht, dass die Hundehalter im Saarland tendenziell einen bestimmten Dialekt sprechen und ebenso die Hundehalter im Allgäu und dann davon ausgeht, dass das ein bisschen auf die Hunde abfärbt, dann würden auch die Hunde quasi *Dialekt bellen* (Paal, 2011).

(14b) «Если исходить из того, что владельцы собак из Саарланда, как и владельцы собак в Альгойе, как правило, говорят на определенном диалекте, а это, якобы, отражается на собаках, то тогда и собаки должны лаять на диалекте».

Обратим внимание на интересное словосочетание в метафоре *Dialekt bellen*: (глагол *bellen* – лаять) употреблен в прямом значении, обычно в подобных ситуациях используется метафорические глаголы – *sprechen*, *reden*.

Ученые-зоологи зачастую не разграничивают метафорические термины «диалект» и «язык». На примере птиц рассказывается о том, что при спаривании птицы предпочитают особей со своей родины. Чем более «диалект», которым пользуются мужские особи, отличается от «родного» диалекта женских особей, тем чаще они отклоняют претендентов на спаривание. Это приводит даже к окончательному размежеванию птиц. В качестве классического примера приводится ситуация с соловьем с запада (*Nachtigall*) и соловьем с востока (*Sprosser*). Когда-то это был один вид птиц. В ледниковый период они были разъединены и развивались изолированно, их пение тоже стало отличаться. После окончания ледникового периода пение птиц изменилось настолько, что процесс их спаривания оказался невозможным. Таким образом, возникли два вида соловьев:

Allerdings weiß man auch, dass die Vogelweibchen Partner bevorzugen, die so singen, wie die Weibchen es von ihrer Heimat her kennen. Je fremder der Dialekt des Männchens, desto eher lehnen sie es ab. Und es gibt auch Fälle, wo der Dialekt zur endgültigen Trennung geführt hat. Der Ornithologe Claus König hat mir mal ein klassisches Beispiel genannt: *Nachtigall* und *Sprosser*. Die *Nachtigall* kommt mehr in Westeuropa vor, der *Sprosser* im Osten. Das war mal eine Art. Dann wurden die Populationen durch die Eiszeit getrennt. Sie wurden also isoliert und entwickelten in der Isolation jeweils unterschiedliche Gesänge. Als das Eis dann weg war, sangen sie so unterschiedlich, dass sie sich nicht mehr paarten. Und so wurden es dann zwei verschiedene Arten (Paal, 2011).

Данный пример описывает орнитолог Клаус Кёниг.

Так называемые «животные диалекты» (*tierische Dialekte*) изучаются и с точки зрения объяснения причин их разности.

(15a) Der Grund ist praktischer Natur: Weil die Insel dicht bewaldet ist und die Wälder den Schall schlucken, müssen die Affen auf Yakushima mit einer höheren Frequenz rufen, um gehört zu werden. Demgegenüber müssen sich die Artgenossen auf dem Berg nicht mit hohen Tönen bemerkbar machen, weil dort die Bäume niedriger sind. Diese «vokale Flexibilität», wie es die Forscher nennen, ist eine biologische Anpassungsmassnahme an den Lebensraum (Lobe, 2017).

(15b) «Причина практического характера. Поскольку остров густо покрыт лесом и деревья поглощают звук, то обезьяны на Якусима вынуждены кричать на высокой частоте, чтобы их услышали. Обезьяны, живущие в горах, напротив, не должны выделяться высоким тоном, так как в гористой местности деревья ниже. Эта «голосовая гибкость», как её называют исследователи, представляет собой биологический способ адаптации животных в жизненном пространстве».

Любопытно, что для замены лингвистического и биологического термина *Dialekt* иногда используется одна и та же метафорическая перифраза – *Geheimsprache*. Её значение, однако, не совпадает в разных научных контекстах.

Für den Menschen nicht hörbar ist die “*Geheimsprache*” der Elefanten. Diese *unterhalten sich* keineswegs nur über Trompetenlaute, die sie überwiegend zur Begrüßung einsetzen. Elefanten nutzen zudem sogenannte Infrashall-Laute. Das sind Töne mit einer Frequenz von etwa 20 Hertz (Ganschow. Sprache der Tiere, 2017).

Описывая слонов, автор статьи отмечает, что они не только трубят (обычно для приветствия друг друга), но и используют «тайный язык» (*Geheimsprache*). Смысл этой перифразы сводится к тому, что «тайный язык» – это не слышимые человеческим ухом инфразвуки, частота которых достигает около 20 герц, при помощи которых слоны тоже общаются.

В лингвистическом контексте эту перифразу употребила одна респондент из Германии при ответе на нашу анкету. На вопрос, в каких ситуациях она использует диалект, женщина ответила – при общении с мужем. Детей они не учат диалекту, чтобы у них в школе не возникали проблемы (детидиалектоносители часто не различают границу между литературным языком и диалектом и допускают ошибки при письме на литературном языке). Она назвала диалект в их семье *Geheimsprache* («тайный язык»), родители могут обсудить какие-то проблемы даже в присутствии детей, если есть необходимость, чтобы что-то скрыть от них, и они иногда этой возможностью пользуются. Таким образом, разный научный контекст позволяет использовать одну и ту же метафорическую перифразу совершенно по-разному.

Выводы

В научно-популярном дискурсе биологической направленности вместо подробной дескрипции «взаимодействие животных друг с другом при помощи слышимых и неслышимых звуков» употребляется краткий термин *Dialekt*, привнесенный из лингвистической сферы. Закрепившийся в биологии и зоологии термин *Dialekt* по сравнению с исходным термином характеризуется сужением значения, поскольку он совпадает с ним лишь в одном (от силы двух) позициях. Ученые-зоологи употребляют метафору *Dialekt*, когда они пишут о том, что животные, птицы и рыбы могут приветствовать друг друга, предупреждать об опасности, привлекать внимание, призывать соблюдать дистанцию, находить особь для спаривания, передавать настроение, защищать свою территорию и т.д. «Диалект» животных можно с точки зрения ученых-зоологов и биологов «выучить», «научиться его правильно применять», «тренировать» и т.д. Ученые приводят интересные примеры «общения» между

собой различных видов животных, птиц и рыб. Новые открытия в этой области позволяют дифференцировать способы коммуникации представителей животного мира, при этом используется метафора *Dialekt*. Антропоцентрические тенденции в языке ведут к процессу метафоризации научного лингвистического термина, но этот процесс абстрагирования и осознание его читателем позволяют ему оставаться в реальном мире, а не перемещаться, скажем, в мир сказки, поскольку авторы статей оперируют научными данными экспериментов, цифрами и доказательствами. Отчасти присутствует и украшательская функция метафоры-термина. Метафора *Dialekt* обладает ярко выраженной экспрессивностью благодаря своему новому контекстному окружению. При наличии в биологическом научно-популярном дискурсе метафорического термина *Sprache* внедрение другого метафорического термина *Dialekt* считаем все же вполне удачным, поскольку последний отражает сложные процессы взаимопонимания представителей животного мира и уже несколько лет активно применяется в данном дискурсе. Таким образом, лингвистический термин, вследствие своей образности и экспрессивности, «перекочевал» в научно-популярный дискурс, но сузил палитру своих значений. Иными словами, мы имеем дело с транстерминологизацией (переходом термина из одной терминосистемы в другую), поскольку термин *Dialekt* не только изменил (стал применяться по отношению к звукам, издаваемым представителями животного мира), но и значительно сузил свое значение. На данной стадии достаточно высокой внедренности термина *Dialekt* в научно-популярный биологический дискурс у него сохраняется метафорический характер.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
 Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 173–193.
 Меркурьева В.Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). Иркутск, 2004.
 Меркурьева В.Б. О языковой полифонии в современной Германии в аспекте выбора культурного кода (результаты эмпирического исследования) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Нальчик, 2011. С. 72–80.
 Sowinski B. Vorwort. Einleitung // B. Sowinski. Lexikon deutschsprachiger Mundartautoren. Hildesheim, Zürich, New York, 1997. S. IV–XXV.
 was heißt sozialer “Kitt”? (Sprache, Wort). Gutefrage. URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=de&u=https://www.gutefrage.net/frage/was-heisst-sozialer-kitt&prev=search> (дата обращения: 15.08.2017).

Список источников примеров

- Ganschow L. Tierische Lautsprache 16.02.2017. URL: http://www.planetwissen.de/natur/tierwelt/die_sprache_der_tiere/pwietetierischelautsprache100.html (дата обращения: 05.07.2017).
- Ganschow L. Sprache der Tiere 16.02.2017. URL: http://www.planet-wissen.de/natur/tierwelt/die_sprache_der_tiere/index.html (дата обращения: 05.07.2017).
- Die Sprache der Tiere. LexiTV 19.05.2016. URL: <http://www.mdr.de/lexi-tv/tiere-110.html> (дата обращения: 05.07.2017).
- Ludwig M. “Du krächzt anders als wie ich” 20 Mai 2015. URL: <https://www.deutschlandfunknova.de/beitrag/tiergespr%C3%A4ch-auch-tiere-sprechen-mit-dialekt> (дата обращения: 04.07.2017).
- Lobe A. Tiere wie Vögel, Wale und Affen sprechen Dialekt – kein Witz. 28.3.2017. URL: <https://www.aargauerzeitung.ch/leben/tiere-wie-voegel-wale-und-affen-sprechen-dialekt-kein-witz-131166253> (дата обращения: 03.07.2017).
- Köndgen D. Gezwitscher mit Dialekt. 04.08.2010. URL: http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/991307/Gezwitscher-mit-Dialekt/ (дата обращения: 04.07.2017).
- wbr/dpa. Gibbons singen in Dialekten 07.02.2011. URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/menschenaffen-gibbons-singen-in-dialekten-a-744004.html> (дата обращения: 04.07.2017).
- Paal G. Haben Tiere auch Dialekte? 31.03.2011. URL: <https://www.swr.de/blog/1000antworten/antwort/9043/haben-tiere-auch-dialekte/> (дата обращения: 04.07.2017).

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, 1990. P. 5–32. (In Russian).
- Davidson D. Chto oznachayut metafory [What metaphors mean]. *Teoriya metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, 1990. P. 173–193. (In Russian).
- Merkuryeva V.B. O yazykovoy polifonii v sovremennoy Germanii v aspekte vybora kul'turnogo koda (rezul'taty empiricheskogo issledovaniya) [About language polyphony in modern Germany in aspect of the choice of the cultural code (results of an empirical research)]. *Russkaya germanistika [German studies in Russia]*. Nalchik, 2011. P. 72–80. (In Russian).
- Sowinski B. Vorwort. Einleitung [Introduction]. *Lexikon deutschsprachiger Mundartautoren [Lexicon of German-speaking dialect authors]*. Hildesheim, Zürich, New York, 1997. P. 4–25. (In German).

(Monographs)

- Merkuryeva V.B. Dialekt i literaturnyy yazyk v nemetskoyazychnykh dramakh (otnosheniya komplementarnosti i izomorfizma) [Dialect and literary language in German-speaking dramas (the relationship of complementarity and isomorphism)]. Monograph. Irkutsk, 2004. (In Russian).

(Reference literature)

- was heißt sozialer “Kitt”? (Sprache, Wort) – Gutefrage// [Электронный ресурс] – URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=de&u=https://www.gutefrage.net/frage/was-heisst-sozialer-kitt&prev=search> (accessed 15.08.2017). (In German).

(Examples)

- Ganschow L. Tierische Lautsprache 16. 02. 2017 [Animal Speech 16. 02. 2017]. Available at: http://www.planetwissen.de/natur/tierwelt/die_sprache_der_tiere/pwietetierischelautsprache100.html (accessed 05.07.2017). (In German).
- Ganschow L. Sprache der Tiere 16. 02. 2017 [The language of the animals 16. 02. 2017]. Available at: http://www.planet-wissen.de/natur/tierwelt/die_sprache_der_tiere/index.html (accessed 05.07.2017). (In German).
- Die Sprache der Tiere LexiTV 19. 05. 2016 [The language of the animals LexiTV 19. 05. 2016]. Available at: <http://www.mdr.de/lexi-tv/tiere-110.html> (accessed 05.07.2017). (In German).
- Ludwig M. “Du krächzt anders als wie ich” 20.05.2015 [“You croak differently than I do” 20.05.2015]. Available at: <https://www.deutschlandfunknova.de/beitrag/tiergespr%C3%A4ch-auch-tiere-sprechen-mit-dialekt> (accessed 04.07.2017). (In German).
- Lobe A. Tiere wie Vögel, Wale und Affen sprechen Dialekt – kein Witz. 28.3.2017 [Animals like birds, whales and monkeys speak dialect – no joke. 28.3.2017]. Available at: <https://www.aargauerzeitung.ch/leben/tiere-wie-voegel-wale-und-affen-sprechen-dialekt-kein-witz-131166253> (accessed 03.07.2017). (In German).
- Köndgen D. Gezwitscher mit Dialekt. 04. 08. 2010 [Twitter with dialect. 04. 08. 2010]. Available at: http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/991307/Gezwitscher-mit-Dialekt/ (accessed 04.07.2017). (In German).
- wbr/dpa. Gibbons singen in Dialekten 07. 02. 2011 [wbr/dpa. Gibbons sing in dialects 07. 02. 2011]. Available at: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/menschenaffen-gibbons-singen-in-dialekten-a-744004.html> (accessed 04.07.2017). (In German).

Paal G. Haben Tiere auch Dialekte? 31.03.2011 [Do animals also have dialects? 31.03.2011]. Available at: <https://www.swr.de/blog/1000antworten/antwort/9043/haben-tiere-auch-dialekte/> (accessed 04.07.2017). (In German).

Сведения об авторе:

Меркурьева Вера Брониславовна, Иркутский государственный университет, профессор кафедры романо-германской филологии.
E-mail: vbmerk@yandex.ru

Merkurjewa Vera B., Irkutsk State University, Professor at the Romance-Germanic Philology Department.
E-mail: vbmerk@yandex.ru

О ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ОБЫДЕННОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ НЕОЛОГИЗМОВ

О.А. Никитина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула

***Аннотация:** С опорой на примеры из корпусов электронных текстов выявляются и описываются дискурсивные стратегии осмысления и интерпретации семантической стороны неологизмов рядовыми носителями немецкого языка, а также языковые средства и способы воплощения этих стратегий. С точки зрения функциональной направленности выделяются два типа дискурсивных стратегий обыденной семантизации – эпистемологическая и аксиологическая. Первая ориентирована на передачу нового знания и реализует намерение продуцента дискурса информировать реципиента о новом понятии. Вторая направлена преимущественно на прагматический макрокомпонент значения новой лексической единицы. По способу выстраивания толкования выделяются дефиниционная, описательная, мотивационная и лексико-отсылочная стратегии дискурсивной семантизации. Дефиниционная стратегия реализуется через опору на гиперонимическую номинацию с дальнейшим вычленением коммуникативно достаточного количества дифференцирующих признаков. При описательной стратегии происходит «портретирование» нового слова путем перечисления разнообразных признаков, свойств, отношений. Мотивационная стратегия основана на обращении к внутренней форме нового слова и экспликации отношений производности. При лексико-отсылочной стратегии в качестве смысловых опор используются синонимы, антонимы, когипонимы. Реализация стратегий обыденной семантизации позволяет участникам дискурса обнаружить соответствие между словом и отображаемой реальностью, что способствуют процессу узуализации неологизма.*

***Ключевые слова:** неологизм, обыденная семантизация, дискурс, немецкий язык*

ON THE DISCOURSE STRATEGIES OF THE ORDINARY SEMANTIZATION OF THE GERMAN NEOLOGISMS

***Abstract:** Based on the corpus evidence, the discourse strategies adopted by ordinary German speakers for understanding and interpreting the neologisms are identified and described, as well as the language means and ways of the implementation of these strategies. According to the functional purpose, two discourse strategies are distinguished:*

the epistemological one and the axiological one. The epistemological strategy focuses on the transfer of new knowledge and declares the intention of the discourse producer to inform the recipient about the new concept. The axiological strategy aims mostly at the pragmatic component of the word meaning. According to the unfolding specifics, the discourse strategies are identified as follows: the definitional, the descriptive, the motivational and the referential ones. The definitional strategy is based on the hypernym with further singling out of the communicative relevant semantic features. In the descriptive strategy, a "portraying" of a new word occurs by listing of various features, properties and relationships. The motivational strategy is based on the referencing to the inner form of the new word and the explication of the derivational relations. In the referential strategy, synonyms, antonyms and cohyponyms function as the semantic supports. The implementation of the discourse strategies of the ordinary semantization helps the discourse participants discover the relation between the new words and the reflected reality, which contributes to the usualization of neologisms.

Key words: *neologism, non-scientific semantization, discourse, German*

Центральным объектом исследования в современной антропоцентрически ориентированной лингвистической парадигме являются знания языковой личности о языке. При этом в фокусе внимания находятся не столько научно-лингвистические, сколько обыденные представления рядовых носителей языка о том или ином языковом явлении. Спонтанное осмысление языка вплетено в сложные прагматические и социокультурные контексты жизнедеятельности говорящих и может оказывать значительное влияние как на повседневную речевую практику, так и на развитие языка в целом. Изучение обыденных представлений, сложившихся в сознании рядовых носителей языка и объективированных в метаязыковых суждениях об употребляемых словах и выражениях, позволяет во многом дополнить картину языковой жизни социума в определенный исторический период. Особенно чутко говорящие реагируют на активные динамические процессы в словарном составе, поскольку именно лексика наиболее оперативно отражает все происходящие в социуме изменения. Отсюда и возрастание исследовательского интереса к лингворефлексии в отношении новых слов и выражений.

Лингворефлексия (метаязыковая рефлексия) как аналитическое и оценочное отношение к языку и языковым явлениям со стороны рядовых носителей языка получает свое обоснование в рамках теории языкового и метаязыкового сознания, активно разрабатываемой прежде всего в отечественной лингвистике с конца прошлого века (см., например, работы А.Н. Ростовой, И.Т. Вепревой, Н.Д. Голева и др.). Базовые термины, обслуживающие

данное направление научной мысли, можно представить в виде эндоцентрического ряда: сознание – языковое сознание – метаязыковое сознание – лингворефлексивные высказывания. Сознание как центральное понятие психологии понимается как «интегративный способ бытия человека, проявляющийся в способности человека осознавать условия и формы своей жизнедеятельности, относиться к ним и делать их предметом практического преобразования» [Слободчиков, Исаев 1995, 372]. Исходя из этого родового, подчиняющего понятия, под языковым сознанием следует понимать вербально оформленное отражение результирующих из индивидуального и социокультурного опыта образов окружающей действительности в сознании языковой личности, «совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками» [Уфимцева 2011, 206]. Большинство отечественных психолингвистов, развивая представления Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, сходятся в мысли о том, что языковое сознание многослойно, в его структуре можно выделить, по меньшей мере, два уровня: бытийно-деятельностный и рефлексивно-созерцательный [Уфимцева 2011, 217]. Именно рефлексивно-созерцательный уровень языкового сознания получил в работах отечественных лингвистов терминологическое обозначение «метаязыковое сознание» [Ростова 2008, 51]. Понимание языкового сознания как комплексного образования присутствует и в работах немецких лингвистов, оперирующих такими понятиями, как «Sprachbewusstsein», «Sprachbewusstheit», а также англоязычным термином «language awareness». Б. Тецтмейер определяет языковое сознание, с одной стороны, как способность к рефлексии над собственным языком, с другой стороны, как осознанное использование и оценку языковых средств: «Wir definieren Sprachbewusstsein als die mehr oder weniger entwickelte Fähigkeit, über Sprache reflektieren zu können ... sprachliche Mittel bewusst einzusetzen und zu bewerten. <...>. Sprachbewusstsein ist also vor allem bewusst gemachte Sprachfähigkeit, reflektierte Sprachfähigkeit» [Tectmeier 1984, 394]. Конкурирующим термином, используемым преимущественно в немецкой лингводидактике, является термин «Sprachbewusstheit» («языковая осознанность»), акцентирующий рефлексивный аспект языкового сознания: «Unter Sprachbewusstheit (language awareness) soll also ... die Fähigkeit verstanden werden, die Struktur von Sprache, die psychologischen Prozesse der Sprachbenutzung und die Funktionen von Sprache in der Interaktion bewußt wahrnehmen und darüber reflektieren zu können» [Wolf 1993, 514]. И. Омен-Вельке предлагает термин, аналогичный принятому в отечественной лингвистике, – «metasprachliches Bewusstsein» («метаязыковое сознание»):

«wenn Sprachliches zum Thema gemacht und besprochen wird, wenn Sprache als handhabbares Mittel und als zusammenhängendes System erkannt wird, wenn an Sprache Operationen durchgeführt und über Sprachliches Hypothesen entwickelt werden» [Oomen-Welke 1998, 128].

Рефлексивно-созерцательный уровень языкового сознания манифестируется в вербализованных суждениях о языке и его единицах. С учетом того, что возможность лингворефлексии доступна любой языковой личности, следует различать, по крайней мере, две основные формы ее реализации – профессиональную рефлекссию ученых-лингвистов с опорой на систематическое лингвистическое знание и специальные процедуры лингвистического анализа, и обыденную рефлекссию носителей языка, являющуюся результатом непосредственного (в том числе интроспективного) наблюдения. Между обыденной и научной лингворефлексией нет жестких границ. Скорее, научность и обыденность метаязыкового сознания соотносятся как своеобразные «модусы», которыми способна владеть одна и та же языковая личность. По мнению Б. Техтмайер, языковое сознание – понятие градуальное, при этом на одном полюсе шкалы находится «языковое чутье» («Sprachgefühl») – относительно неточное, фрагментарное, в значительной степени неконтролируемое осознание отдельных аспектов языка и собственной языковой способности, на другом полюсе – «научное языковое сознание» («wissenschaftliches Sprachbewusstsein») – теоретически продуманная и методологически выстроенная лингворефлексия [Techtmeier, 1984, 394]. Обыденное метаязыковое сознание рядового носителя языка соответствует некоему показателю на этой шкале, варьируя в степени и глубине в зависимости от многих факторов (возраста, уровня образованности, социального статуса, цели и условий коммуникации и пр.). В несколько ином аспекте подходит к разграничению практик лингворефлексии П. Ингвер, оперируя такими понятиями, как «handlungsentlastete Sprachreflexion» – языковая рефлексия, не сопряженная с текущим коммуникативным событием и свободная от предпосылок и условий конкретной коммуникативной ситуации, и «praktische Sprachreflexion» – практическая языковая рефлексия, возникающая непосредственно в самом коммуникативном акте и преследующая определенные практические цели [Ingwer 1999, 1]. Обыденная языковая рефлексия является чаще всего «практической» и проявляется как метаязыковой компонент повседневной коммуникации – например, как адаптационная стратегия, направленная на упреждение или устранение коммуникативного напряжения.

Специфика обыденной лингворефлексии заключается также в том, что говорящие в повседневной практике речевого общения не проводят четкой грани между собственно лингвистическими и экстралингвистическими (ког-

нитивными, социокультурными) феноменами. А. Лер отмечает: «In der Regel richten alltagsweltliche Sprecherinnen und Sprecher ihren Blick nicht speziell auf das, was in der Sprachwissenschaft gemeinhin als sprachlich gilt, sondern auf komplexe alltagsweltliche Gegebenheiten, die teils sprachlich, teils außersprachlich sein können» [Lehr 2002, 67]. Поэтому спонтанные лингворефлексивные высказывания о языке переплетаются, как правило, с суждениями об окружающем мире, о личном и коллективном опыте, социокультурных, эстетических и морально-нравственных ценностях.

Важнейшими компонентами языкового сознания признаются значения, поскольку именно они являются преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования объективного мира, его свойств и отношений [Уфимцева 2011, 216]. Прототипическим носителем значения в сознании рядовых носителей языка выступает слово. В связи с этим толкование значения слова является одной из самых распространенных разновидностей обыденной языковой рефлексии [Вепрева 2005, 78; Ростова 2009, 182].

Необходимость в экспликации лингворефлексии возникает, прежде всего, в случаях нарушения речевого автоматизма, например, когда языковое сознание участников дискурса «спотыкается» о новую лексическую единицу, способную в силу агнонимичности вызвать коммуникативное затруднение. Чтобы облегчить работу по интерпретации инновации и устранить возможное непонимание, языковая личность – продуцент дискурса может прибегнуть к различным способам ее семантизации. Однако не только стремление упредить вероятный коммуникативный сбой побуждает говорящих к толкованию нового слова, но и стремление глубже познать его смысл, продемонстрировать собственную продвинутость и искушенность в вопросах современного словоупотребления, выразить отношение к номинируемому новым словом фрагменту мира и тем самым обеспечить реципиента новой информацией и/или ее оценкой.

Исходя из изложенных теоретических положений, объектом исследования в данной работе являются лингворефлексивные высказывания рядовых носителей языка, нацеленные на семантизацию нового слова. Предмет исследования составляют обыденные представления рядовых носителей языка о значениях неологизмов и средства экспликации этого знания. В качестве фактического материала исследования привлекаются примеры из корпусов электронных текстов «Deutsches Referenzkorpus» Института немецкого языка (Мангейм, Германия) [DeReKo, URL]. Анализ с опорой на корпусы текстов позволяет выявить различные дискурсивные стратегии обыденных толкований значений неологизмов, описать их функциональную предназначенность

и особенности вербального воплощения в дискурсе. Под дискурсивной стратегией семантизации понимается план реализации речемыслительной деятельности продуцента дискурса с целью оптимального достижения коммуникативных намерений, в результате которого происходит осмысление и истолкование значения слова.

Анализ языкового материала позволяет выделить с точки зрения функциональной направленности два типа дискурсивных стратегий обыденной семантизации – эпистемологическую и аксиологическую. Эпистемологическая стратегия ориентирована на передачу нового знания и реализует намерение продуцента дискурса информировать реципиента о новом понятии. В результате семантизации происходит экспликация знания о значении слова, сформированного рефлексивным сознанием говорящего. Например: (1) *“Gamification” heißt, den Sog-Effekt von Videospiele für Websites und Soziale Netzwerke zu nutzen, um die User noch enger an sich zu fesseln.* (Süddeutsche Zeitung, 17.03.2012).

Аксиологическая стратегия обыденной семантизации направлена не столько на понятийный, сколько на прагматический макрокомпонент значения новой лексической единицы. Как правило, аксиологической стратегии отдается предпочтение в случае, если новая лексическая единица номинирует актуальный, социально значимый концепт, вызывающий противоречивое отношение в обществе и становящийся предметом дискуссий. Ср., например, следующие варианты семантизации неологизма нулевых годов *Latte-Macchiato-Mutter* ‘мать, продолжающая после рождения ребенка вести по-прежнему активный, урбанистический образ жизни’: (2) *Kaffee trinken, wenn andere arbeiten: Damit sind sie berühmt geworden, die Latte-Macchiato-Mütter vom Prenzlauer Berg in Berlin. Mit ihren Babys sitzen sie in den Straßencafés und blockieren noch dazu den Bürgersteig mit Kinderwagen – sie haben ja sonst nichts zu tun.* (Spiegel-Online, 04.10.2011); (3) *Das Heimchen am Herd ist Geschichte. Trendforscher sagen: In den Szenevierteln regieren die „Latte-Macchiato-Mütter“.* Sie machen Karriere, sind hip – und gleichzeitig Mamis aus Leidenschaft. (Nürnberger Nachrichten, 07.02.2011). Из приведенных примеров видно, что если в первом случае продуцент дискурса концентрируется на негативных сторонах описываемого явления (*Kaffee trinken, wenn andere arbeiten, den Bürgersteig mit Kinderwagen blockieren, nichts zu tun haben*), то во втором случае очевиден позитивный посыл (*Karriere machen, hip sein, Mamis aus Leidenschaft*). Прагматическая информация, заключенная в обыденных толкованиях, позволяет проследить аксиологическую динамику новых лексических единиц, часто переживающих фазу оценочной энантиосемии,

и может со временем сворачиваться в узуальную коннотацию. Так, за неологизмом *Latte-Macchiato-Mutter* в практике употребления закрепилась негативная, ироническая коннотация.

По способу выстраивания обыденного толкования значения неологизма можно выделить несколько типов стратегий [ср. Голев 2010, 215 и дал.]. В рамках данной работы рассмотрим лишь наиболее распространенные из них – дефиниционную, описательную, мотивационную и лексико-отсылочную.

Дефиниционная стратегия обыденной семантизации реализуется путем вычленения в значении нового слова ситуативно достаточного количества дифференцирующих признаков, при этом в качестве смысловой опоры используется гипероним, указывающий на родовую принадлежность нового понятия. Часто обыденные толкования сопровождаются дискурсивными индикаторами лингворефлексии – глаголами, обозначающими процессы речемыслительной деятельности (*heißen, nennen, bezeichnen, benennen, bedeuten, meinen, erklären, beschreiben, verstehen*) или существительными, характеризующими единицы языка, речи и мышления (*Wort, Ausdruck, Bezeichnung, Benennung, Name, Begriff, Konzept, Trend*). Например: (4) *Begriff Mehrgenerationenhaus (MGH) bezeichnet ein Gebäude, das generationenübergreifend als Wohnraum oder offener Treff genutzt wird.* (Fränkischer Tag, 27.05.2011).

Описательная стратегия, как и дефиниционная, направлена на экспликацию дифференциальных признаков слова, осуществляется, однако, без опоры на гиперонимическую номинацию, вся коммуникативно релевантная информация содержится в описывающей части. Например: (5) *Als Fotobombe bezeichnet man es, wenn jemand sich in ein Bild hineindrängelt und im Hintergrund unbemerkt Unfug macht.* (Die Welt, 25.10.2014).

Мотивационная стратегия обыденной семантизации позволяет интерпретировать значение нового слова путем актуализации мотивационного признака, лежащего в основе номинации. При этом процесс семантизации основан на «доверии» внутренней форме: неологизмы осмысляются путем выявления содержательного отношения между новой и уже существующими мотивирующими единицами. Семантическая и структурная соотнесенность, возникающая в представлении участников дискурса при осознании внутренней формы, дает ощущение генезиса нового слова и способствует включению его в индивидуальный тезаурус. При семантизации заимствований говорящие часто опираются на межъязыковую мотивированность и прибегают к буквальному или описательному переводу компонентов структуры неологизма на родной язык. Например: (6) *Smartwatch bedeutet so viel wie*

kluge Uhr. (Kölner Stadt-Anzeiger, 21.10.2015); (7) *Der eine große Trend ist **clean eating**, das heißt: Essen ohne Zusatzstoffe, alles möglichst unverarbeitet*. (Berliner Morgenpost, 23.01.2017). Мотивационная стратегия семантизации сложных и производных слов реализуется путем включения в ближайший контекст мотивирующих основ в качестве структурно-смысловых опор. Например: (8) *Alternative zur konventionellen Grabstätte – ein Baum als Ort des Gedenkens und der Erinnerung. Viele Menschen wünschen sich eine individuelle, naturnahe Art der Bestattung. Die **Baumbestattung** im Friedwald bietet diese Möglichkeit*. (Braunschweiger Zeitung, 10.03.2006). При этом семантизация происходит не только за счет экспликации непосредственно мотивирующих основ, но и за счет семантики всей конструкции, в которую они входят.

При лексико-отсылочной стратегии обыденной семантизации продуцент дискурса опирается на уже существующие лексические единицы, воспринимаемые им как близкие неологизму в содержательном отношении и способные «поддержать» его в плане семантики. Лексико-отсылочная стратегия семантизации отражает, с одной стороны, диалектику постоянных изменений в словарном составе, с другой стороны, порождает потенции установления новых связей в лексико-семантической парадигматике. Наиболее часто используется отсылка к синонимам. При этом соположение неологизма с синонимичными лексическими единицами может иметь разную функциональную направленность. С одной стороны, синонимы, будучи смысловыми опорами, позволяют вербально оформить знание о значении нового слова, сформированное рефлексирующим сознанием, установить смыслозначительные признаки. Так, отсылка к синонимам может реализовываться как толкование отождествительного характера. Например: (9) *“**Power napping**” nennt sich in Neudeutsch der gute alte, viel belächelte Büroschlaf, der nun wissenschaftlich rehabilitiert wird*. (Mannheimer Morgen, 17.03.2003). С другой стороны, синонимы могут использоваться в целях понятийно-смыслового и/или стилистического размежевания уже существующего и нового слова, устранению отношений семантического тождества как зоны языковой избыточности. Например: (10) *Vorbei sind Zeiten der beengten Wohnverhältnisse – heutzutage wohnt man nicht mehr im Hausboot, sondern im “**Floating Home**”. Und ein solches ist ziemlich geräumig. 110 Quadratmeter Wohnfläche, dazu eine 80 Quadratmeter große Terrasse – das sind die Ausmaße eines schwimmenden Eigenheims aus Holz <...>*. (Die Welt, 07.05.2011).

Анализ языкового материала показывает, что говорящие используют зачастую не одну, а сразу несколько дискурсивных стратегий обыденной семантизации. Так, например, достаточно распространенной можно счи-

тать комбинацию мотивационной стратегии с другими (дефиниционной, описательной, отсылочной). Такая практика позволяет, с одной стороны, охарактеризовать семантико-понятийные признаки нового слова, с другой стороны, активизирует словообразовательно-этимологическое мышление участников дискурса, позволяет им еще раз пройти речемыслительный путь создания неологизма, что облегчает его понимание и усвоение. Например: (11) *Als “**Glamping**”, eine Kombination aus Glamour und Camping, bezeichnet man die neue Oberklasse der Edelcamper, in der Lederausstattung, ausfahrbare Erker und eine Heckgarage für den Smart zur Grundausstattung gehören*. (Badische Zeitung, 01.09.2010).

Как показывает проведенный анализ, носители языка используют при обыденной семантизации неологизмов различные дискурсивные стратегии. В зависимости от того, какой аспект – понятийный или оценочный – преобладает в толковании нового слова, можно выделить эпистемологическую и аксиологическую стратегии обыденной семантизации. По способу построения толкований можно говорить о дефиниционной, описательной, мотивационной и лексико-отсылочной стратегиях. Вербализация лингворефлексии, направленной на выявление значения новой лексической единицы, позволяет участникам дискурса обнаружить соответствие между словом и отображаемой реальностью, что способствует процессу узуализации неологизма. Пока за новой единицей номинации не закрепилось содержание, за которым бы скрывалась совокупность общественного опыта, пока языковое сообщество не выработало для нового слова норм и правил его употребления, подобные метаязыковые высказывания помогают преодолеть эту трудность.

Более того, учитывая то, что для обыденной лингворефлексии типично синкретичное осмысление лексической единицы и стоящего за ней концепта, лингворефлексивные высказывания рядовых носителей языка дают богатый материал для выявления мировоззренческих установок как индивидуальной языковой личности, так и социокультурных умонастроений в обществе в целом.

Литература

- Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
 Голев Н.Д. Лексикографические аспекты изучения обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: Коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. Ч. 3. Кемерово, 2010. С. 205–218.

- Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Том 1. Выпуск 1. С. 207–231.
- Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 45–53.
- Ростова А.Н. Обыденная семантизация слов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. Ч. 1. Кемерово – Барнаул, 2009. С. 182–202.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011.
- DeReKo. Deutsches Referenzkorpus. URL: www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora (дата обращения: 24.11.2018).
- Ingwer P. Praktische Sprachreflexion. Tübingen, 1999.
- Lehr A. “Überdosis Sprache”. Ein Panoptikum sprachreflexiver Äußerungen in Presstexten // Sprache im Alltag. Beiträge zu neuen Perspektiven in der Linguistik. Herausgegeben von A. Lehr, M. Kammerer et al. Berlin, New York, 2001. S. 321–348.
- Lehr A. Sprachbezogenes Wissen in der Lebenswelt des Alltags. Tübingen, 2002.
- Oomen-Welke I. Sprache entdecken // Sprache thematisieren. Fachdidaktische und unterrichtswissenschaftliche Aspekte. Herausgegeben von H. Giese, J. Ossner. Freiburg, 1982. S. 123–146.
- Teichtmeier B. Thesen zur Sprachkultur // Zeitschrift für Germanistik. 1984. Bd. 5, No. 4. S. 389–400.
- Wolff D. Sprachbewußtheit und die Begegnung mit Sprachen. // Die Neueren Sprachen 92. 6/1993. S. 510–531.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Teichtmeier B. Thesen zur Sprachkultur [Theses on Language Culture] // Zeitschrift für Germanistik [Journal of German Studies], 1984, vol. 5, no. 4. P. 389–400. (In German).
- Wolff D. Sprachbewußtheit und die Begegnung mit Sprachen [Language Awareness and the Encounter with Languages] // Die Neueren Sprachen 92 [The Newer Languages 92], 1993, no. 6. P. 510–531. (In German).
- Zinchenko V. P. Soznanie kak predmet i delo psikhologii [Consciousness as a Subject and Matter of Psychology]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology], 2006, vol. 1, no. 1. P. 207–231. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Golev N. D. Leksikograficheskiye aspekty izucheniya obydenного metayazykovogo soznaniya [Lexicographic Aspects of the Study of Ordinary Metalinguistic Consciousness]. Golev N. D. Obydennoye metayazykovoye soznanie: ontologicheskiye i gnoseologicheskiye aspekty: Kollektivnaya monografiya [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects: Collective Monograph], vol. 3. Kemerovo, 2010. P. 205–218. (In Russian).
- Lehr A. “Überdosis Sprache”. Ein Panoptikum sprachreflexiver Äußerungen in Presstexten [“Overdose of Speech”. A Panopticon of Language-Reflexive Statements in Press Texts]. Lehr A., Kammerer M., et al. Sprache im Alltag. Beiträge zu neuen Perspektiven in der Linguistik [Language in Everyday Life. Contributions to New Perspectives in Linguistics]. Berlin, New York, 2001. P. 321–348. (In German).
- Oomen-Welke I. Sprache entdecken [Discovering Language]. Giese H., Ossner J. Sprache thematisieren. Fachdidaktische und unterrichtswissenschaftliche Aspekte [Considering Language. Subject Didactics and Teaching Science Aspects]. Freiburg, 1982. P. 123–146. (In German).
- Rostova A.N. Obydennoye metayazykovoye soznanie: status i aspekty izucheniya [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Status and Aspects of Study]. Rostova A.N. Obydennoye metayazykovoye soznanie i naivnaya lingvistika: Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh statey [Ordinary Metalinguistic Consciousness and Naive Linguistics: Collection of Scientific Articles]. Kemerovo-Barnaul, 2008. P. 45–53. (In Russian).
- Rostova A.N. Obydennoye semantizatsiya slov [Everyday Word Semantization]. Golev N.D. Obydennoye metayazykovoye soznanie: ontologicheskiye i gnoseologicheskiye aspekty: Kollektivnaya monografiya [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects: Collective Monograph], vol. 1. Kemerovo-Barnaul, 2009. P. 182–202. (In Russian).

(Corpora)

- DeReKo. Deutsches Referenzkorpus [German Reference Corpus]. URL: www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora (accessed 24.11.2018).

(Monographs)

- Ingwer P. Praktische Sprachreflexion [Practical Language Reflexion]. Tübingen, 1999. (In German).
- Lehr A. Sprachbezogenes Wissen in der Lebenswelt des Alltags [Language-Related Knowledge in Everyday Life World]. Tübingen, 2002. (In German).
- Slobodchikov V.I., Isayev E.I. Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedeniye v psikhologiyu sub’yektivnosti [Fundamentals of Psychological

Anthropology. Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity]. Moscow, 1995. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost' [Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability]. Moscow, 2011. (In Russian).

Vepreva I.T. Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Epoch]. Moscow, 2005. (In Russian).

Сведения об авторе:

Никитина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, кафедра немецкого языка. – Научные интересы: неология, неография.

E-mail: kortschigo@mail.ru

Nikitina Olga A., Candidate of Philology, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Department of German. – Scientific interests: neology, neography.

E-mail: kortschigo@mail.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ ИДИОМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

И.С. Парина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация: Исследование посвящено корпусному анализу семантики лингвоспецифичных идиом немецкого языка и ее описанию в двуязычном фразеологическом корпусном словаре. При определении лингвоспецифичности за основу принят подход, применяемый к лексемам, в соответствии с которым «лингвоспецифичными» признаются языковые единицы, заключающие в себе уникальную концептуальную конфигурацию. Для установления лингвоспецифичности используются корпусы параллельных текстов, то есть корпусы, в которых тексты представлены в оригинале и переводе на один или несколько языков. Основным признаком лингвоспецифичности идиомы предлагается считать признак, предложенный А. Д. Шмелевым и Анной А. Зализняк для лексем: наличие в параллельном корпусе большого числа переводных аналогов или отсутствие аналога искомой единицы. На основании этого подхода доказана лингвоспецифичность немецкой идиомы (*jmdm., etw. D) den Garaus machen* относительно русского языка. Ограниченный объем корпуса не позволяет определить, являются ли лингвоспецифичными некоторые другие немецкие идиомы, не имеющие в русском языке абсолютных эквивалентов. Вместе с тем выдвинуто предположение, что при рассмотрении функциональной эквивалентности идиом безэквивалентность и лингвоспецифичность представляют собою скорее пересекающиеся, но не тождественные категории.

Ключевые слова: лингвоспецифичность, фразеология, лексикография, корпусный анализ, эквивалентность.

GERMAN LANGUAGE-SPECIFIC IDIOMS: CORPUS ANALYSIS AND LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

Abstract: The present paper deals with corpus analysis of German language-specific idioms and their description in a bilingual phraseological corpus dictionary. A language-specific idiom is defined similarly to a language-specific lexical unit as a language unit based on a unique semantical configuration, that is, possessing such semantic features that it has no full correspondence in another language. Following Anna A. Zaliznjak

and A.D. Shmelev, we suggest using parallel corpora in order to identify such language units: if the translation equivalents vary a lot or the language unit is omitted in translation, this might point to its language-specificity. According to these criteria, the German idiom (*jmdm., etw. D) den Garaus machen* might be considered language-specific in relation to Russian. However, the hypothesized language specificity of some German idioms cannot be verified due to the fact the Russian National Corpus does not contain enough examples of usage of these idioms. At the same time, it is suggested that, when considering functional equivalence, non-equivalence and language specificity are rather overlapping, but not identical categories.

Key words: language-specific words, phraseology, lexicography, corpus analysis, equivalence.

Одноязычные текстовые корпуса и корпуса параллельных текстов представляют собой важнейший источник данных для современной лексикографии. Так, при составлении нового немецко-русского фразеологического словаря (работа над ним ведется коллективом под руководством Д. О. Добровольского, в состав которого входит и автор настоящей статьи) с помощью корпусного анализа определялись частота встречаемости идиом, наиболее употребительная форма и возможные варианты идиомы, модели управления и модификации, а для некоторых идиом были выявлены значения, не зафиксированные в существующих словарях. Кроме того, контексты из корпусов использовались в качестве иллюстративных примеров [Добровольский 2015b]. При работе над словарем использовался корпус DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм (<https://cosmas2.ids-mannheim.de>) и корпус DWDS Берлинско-Бранденбургской Академии наук (<https://www.dwds.de>). Фрагмент словаря представлен на сайте Института немецкого языка в Мангейме в рамках проекта „Deutsch-russische Idiome online“ (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/).

Безэквивалентность в новом немецко-русском фразеологическом словаре

Одна из трудностей при составлении словарных статей была связана с лексикографическим описанием безэквивалентных идиом – таких как *jmdm., etw. (D) den Garaus machen*. Эта идиома имеет широкое значение: она указывает на действие, которое приводит к полному уничтожению объекта или прекращению его появления в определенной ситуации. Объект этого действия может быть одушевленным или неодушевленным.

(1a) Einem wahrhaften Bürokratiemonster soll *der Garaus gemacht* werden: die Prozedur der Anmeldung von Patenten in Europa wird erleichtert. (Nürnberger Nachrichten, 02.07.2010)

(1b) С одним бюрократическим чудовищем будет *покончено*: упрощается процедура подачи заявки на патент в Европе (перевод мой – И.П.).

(2a) Das Internetfernsehen könnte dem Bezahlender endgültig *den Garaus machen*. (Mannheimer Morgen, 18.08.2010)

(2b) Интернет-телевидение может окончательно *вытеснить* платный канал (перевод мой – И.П.).

(3a) Wer glaubt, der lange und strenge Winter hat den Pflanzenschädlingen dieses Mal weitestgehend *den Garaus gemacht*, irrt. (Nürnberger Nachrichten, 30.04.2010)

(3b) Заблуждается тот, кто думает, что долгая и суровая зима на этот раз полностью *уничтожила* вредителей растений (перевод мой – И.П.).

В русском языке соответствующее значение передается различными средствами, в зависимости от того, на какой объект направлено действие, так что у *jmdm., etw. (D) den Garaus machen* нет полного эквивалента ни среди фразеологизмов, ни среди лексем. Функциональными аналогами – то есть единицами, которые могут использоваться для передачи актуального значения немецкой идиомы в определенных контекстах, – являются глаголы *покончить* (с кем-л., с чем-л.), *уничтожить* (кого-л., что-л.), *вытеснить* (кого-л., что-л.). Они и были указаны в зоне эквивалентов словарной статьи к немецкой идиоме. Иллюстративные примеры для словарной статьи подбирались таким образом, чтобы продемонстрировать разнообразие семантического окружения, в котором может использоваться немецкая идиома.

На наш взгляд, немецкая идиома *jmdm., etw. (D) den Garaus machen* является не только безэквивалентной, но и лингвоспецифичной относительно русского языка.

Лингвоспецифичность лексических единиц и корпусный анализ

Термин «лингвоспецифичность» восходит к работам А. Вежбицкой, которая говорит о “language-specific meanings” и “language-specific word-meanings” [Wierzbicka 1992, 1996]. В отечественной лингвистике он используется преимущественно в исследованиях лексики [Добровольский 2015а; Зализняк, Шмелев, Левонтина 2005, 2012; Зализняк 2015; 2016; Шмелев 2015].

Лингвоспецифичность представляет собой компаративную категорию и выявляется на основании сопоставления лексической единицы с её возможными соответствиями в одном или нескольких языках. Анна А. Зализняк определяет лингвоспецифичную лексическую единицу как лексему, заключающую в себе уникальную концептуальную конфигурацию, а именно такую, что во всех существующих ее переводных эквивалентах не хватает

какого-то семантического компонента или неустрашимым образом присутствует «лишний» компонент. Так, специфической концептуальной конфигурацией, по словам автора, обладает русское слово *бабушка* в значении термина родства. Оно содержит смысловой компонент «взаимных добрых чувств», которого нет в английском соответствии *grand-mother* или немецком *Großmutter*. Английские уменьшительно-ласкательные слова *gran*, *granny* и немецкое *Oma* также не являются эквивалентами лексемы *бабушка* как нейтрального слова [Зализняк 2015].

Анна А. Зализняк выделяет пять типов отсутствия межъязыкового семантического изоморфизма:

1. Асимметричное членение концептуальной области (например, рус. РУКА — (англ. *hand* vs. *arm*);
2. Тип САМОВАР (переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение);
3. Тип БАБУШКА (имеется один преимущественный вариант перевода, но он неточный);
4. Тип РОДНОЙ (переводной эквивалент отсутствует; имеется несколько приблизительно равновероятных вариантов перевода, все неточные);
5. Тип РАЗЛУКА (имеется один преимущественный переводной эквивалент, имеющий более точное соответствие в русском языке: *разлука* — фр. *séparation* — *расставание* [Зализняк 2016, 860].

В соответствии с рассматриваемым подходом, лингвоспецифичность не тождественна национально-культурной специфичности. Анна А. Зализняк и соавторы называют в качестве характерного признака лингвоспецифичных слов наличие смысловых компонентов, отсылающих к «ключевым идеям» языковой картины мира. Так, трудно найти лексические аналоги в других языках для культурно-значимых слов-концептов *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; 2012]. Но обязательным этот признак не является, и немалую долю среди лингвоспецифичной лексики составляют труднопереводимые слова, которые едва ли могут быть соотнесены с какой-либо «ключевой идеей» (например, в немецком языке – глагол *sich melden*) [Зализняк 2015].

Д. О. Добровольский отмечает, что традиционно то или иное слово считалось лингвоспецифичным почти исключительно на основе интуиции исследователя. Сейчас же выводы о специфичном характере семантики той или иной единицы могут быть сделаны на корпусном материале [Добровольский 2015а].

Для установления лингвоспецифичности лексем русского языка в исследованиях Д. О. Добровольского, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Добро-

вольский 2015а; Зализняк 2015; 2016; Шмелев 2015] используются корпусы параллельных текстов в составе Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>). В параллельных корпусах НКРЯ текстам на русском языке сопоставлен их перевод на другой язык или, наоборот, текстам на иностранном языке сопоставлен их перевод на русский язык. Тексты в таких корпусах выравнены, то есть в них установлено соответствие между единицами оригинального и переводного текста (обычно — между предложениями). Таким образом, при поиске в параллельном корпусе пользователь получает контексты с той или иной языковой единицей на исходном языке и перевод этих контекстов. Корпус параллельных текстов в НКРЯ состоит из художественных произведений с переводами и небольшого количества газетных статей на 14 иностранных языках и в настоящее время включает в себя приблизительно 77 миллионов слов.

Анна А. Зализняк выделяет ряд признаков лингвоспецифичности лексем, которые могут быть установлены при помощи сопоставления оригинала и перевода. Так, лингвоспецифичность лексической единицы тем более вероятна:

- чем больше имеющих приблизительно равную частотность «моделей перевода» она имеет (под моделью перевода понимается слово или словосочетание, используемое в качестве переводного эквивалента рассматриваемой лексической единицы);
- чем более неоднословными являются эти модели;
- чем чаще при переводе происходит замена части речи;
- чем больше есть «стимулов перевода», имеющих приблизительно равную частотность (стимул перевода – слово или словосочетание, в качестве реакции на которое появляется искомая единица в обратном переводе). Например, лингвоспецифичная лексема *разлука* в переводах с французского языка появляется как реакция на 5 разных стимулов, с английского – на 11 стимулов или даже на отсутствие стимула;
- чем в большей доле случаев в иностранном оригинале вообще отсутствует единица-стимул, которую можно было бы сопоставить появляющейся в переводе на русский лексической единице;
- чем больше расхождений наблюдается между списками моделей и стимулов перевода для искомой лексической единицы;
- чем более частотной является лексическая единица по сравнению с ее моделями перевода [Зализняк 2015].

А. Д. Шмелев также указывает в качестве основных признаков лингвоспецифичности лексической единицы наличие в параллельном корпусе большого числа переводных аналогов или отсутствие аналога (так, частица

же при переводе с русского языка на английский в контекстах из русско-английского корпуса опускается, и, следовательно, может считаться лингвоспецифичной) [Шмелев 2015].

Представляется, что перечисленные критерии – за исключением критериев «замена части речи» и «неоднословность модели перевода» – применимы и к идиомам как центральному классу фразеологических единиц.

Идиома (jmdm., etw. D) den Garaus machen в параллельном корпусе

В параллельном корпусе НКРЯ идиома jmdm., etw. (D) den Garaus machen встречается в одном фрагменте произведения Г. Келлера и десяти фрагментах переводов русской классики. Малое количество примеров объясняется сравнительно небольшим объемом корпуса для пары языков русский-немецкий (около девяти миллионов слов). Известно, что многие идиомы в корпусах европейских языков встречаются реже, чем один раз на миллион слов [Colson 2003].

В найденных контекстах при переводе с немецкого языка используется соответствие прикончить, а в переводах с русского языка идиома появляется в качестве реакции на различные стимулы, из которых только один – извести – повторяется дважды. Прочие стимулы: добить, истребить, перебить, доконать (кого-л.), сделать конец (кому-л.), отделать [злодеев], откинуть [ложь], а в одном контексте речь идет об апоплексическом ударе: (кого-л.) пришиб Кондрашка.

(4a) Zwei Glühwürmchensaßennämlich darin, vielleicht in Hochzeitsgeschäften; ich <...> steckte sie zu Hause in ein Fläschchen mit Weingeist, um ihnen endlich den Garaus zu machen <...>. (G. Keller. Der grüne Heinrich)

(4b) Сияние объяснялось тем, что внутри сидели два светлячка, может быть, занятые брачными делами. Но я <...> сунул их дома в пузырек со спиртом, чтобы наконец прикончить. (Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972)

(5a) Пять недель назад я, вот как и вы, – обратился он к князю, – с одним узелком от родителя во Псков убег к тетке; да в горячке там и слег, а он без меня и помре. Кондрашка пришиб. (Ф. М. Достоевский. Идиот)

(5b) Vor fünf Wochen befand ich mich in demselben Zustand wie Sie jetzt“, wandte er sich an den Fürsten, “mit einem einzigen Bündelchen entfloh ich vor meinem Vater nach Pskow zu einer Tante; und dort habe ich am Fieber krank gelegen, und er ist in meiner Abwesenheit gestorben. Ein Schlagfluß hat ihm den Garaus gemacht. (H. Röhl, 1981)

(6a) Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает. — Доконал! — кричат в толпе. — А зачем вскачь не шла! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание)

(6b) Die Stute reckt ihren Kopf, seufzt schwer auf und verendet. „Nun hat er ihr den Garaus gemacht!“ sagt jemand. „Warum wollte sie auch nicht Galopp laufen!“ (A. Eliasberg, 1924)

(7a) Всё в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. (Л.Н. Толстой. Война и мир (том 3))

(7b) Und die Hauptsache ist: der Lüge muß man den Garaus machen und den Krieg wie einen Krieg betreiben, aber nicht wie ein Spiel. (H. Röhl, 1922)

Таким образом, немецкая идиома (jmdm., etw. D) den Garaus machen отвечает одному из критериев лингвоспецифичности, по [Зализняк 2015]: она имеет большое количество «стимулов перевода» с приблизительно равной частотностью. Переводчики используют ее в качестве гиперонима для различных лексических и фразеологических единиц, передающих идею уничтожения в русском языке.

Заключительные замечания

Итак, немецкая идиома (jmdm., etw. D) den Garaus machen может считаться и безэквивалентной, и лингвоспецифичной относительно русского языка. В отечественных исследованиях на материале лексических единиц представлены различные точки зрения на то, следует ли разделять безэквивалентность и лингвоспецифичность. Так, Д. О. Добровольский не проводит четкой границы между этими категориями, отмечая, что определение понятия безэквивалентности само по себе проблематично, и лексические единицы, характеризующиеся специфичной для данного языка конфигурацией семантических признаков, являются безэквивалентными – по крайней мере, в системе языка [Добровольский 2015a]. Анна А. Зализняк рассматривает безэквивалентность и лингвоспецифичность как два пересекающиеся множества, и, с одной стороны, выделяет безэквивалентные лексические единицы в качестве одного из подтипов лингвоспецифичной лексики (тип САМО-ВАР), но, с другой стороны, указывает на то, что отнесение всей безэквивалентной лексики к лингвоспецифичной «искажает исходный замысел». В то же время, в число лингвоспецифичных лексем, по мнению автора, могут входить и слова, имеющие более-менее однозначный переводной эквивалент – такие как *разлука* [Зализняк 2015].

При рассмотрении идиоматики решение вопроса о разграничении безэквивалентности и лингвоспецифичности во многом зависит от того, какая роль отводится образной составляющей плана содержания. В случае, если речь идет о полной эквивалентности, предполагающей совпадение у фразеологизмов двух языков и актуального значения, и образной составляющей

(ср. [Баранов, Добровольский 2008]), безэквивалентными необходимо признать большинство идиом того или иного языка, и в том числе лингвоспецифичные идиомы (поскольку в их плане содержания по определению есть уникальные компоненты).

В случае, если речь идет о функциональной эквивалентности – то есть о семантическом отношении между лексическими единицами двух языков, которые могут использоваться в аналогичных ситуациях без информационных потерь и сходны по основным параметрам вне контекста, но не тождественны, так что это не обязательно отношение фразеологизм-фразеологизм [Добровольский 2013, 665], круг безэквивалентных идиом сужается. В него войдут идиомы, обладающие спецификой употребления, которая не может быть передана средствами переводящего языка без дополнительного комментария. Например, семантика немецкой идиомы *jmdm. die Flötentöne beibringen* связана с идеей критики и наказания, но при этом идиома употребляется преимущественно для создания эффекта языковой игры в контекстах, где речь идет о музыке, в различных значениях: ‘обучить музыке (кого-л.)’, ‘извлечь музыку (из чего-л.)’, ‘выступить с музыкой (перед кем-л.)’ или ‘наказать (кого-л.)’.

(8a) Ein 15-Jähriger aus Paderborn ist mit Papas Wagen rückwärts aus der Garage und schräg über die Straße gefahren. Dort stieß er mit einem Kleinlastwagen zusammen. Angeblich wollte der Teenager im Auto seines verreisten Vaters nur Musik hören. <...> Anzunehmen, dass der Vater, wenn er von seiner Reise nach Hause kommt, seinem musikbegeisterten Sohn *die Flötentöne beibringen* wird. (Berliner Morgenpost, 23.09.2016)

(8b) Пятнадцатилетний житель Падерборна задним ходом выехал из гаража на отцовском автомобиле и пересек улицу. На другой стороне он столкнулся с небольшим грузовым автомобилем. По словам подростка, он просто хотел послушать в отцовской машине музыку, пока тот в отъезде. Вероятно, отец, когда вернется домой, *накажет* юного любителя музыки (*букв.* ‘научит звукам флейты’) (перевод мой – И.П.).

(9a) ”Der Globetrotter” macht mit allem Musik. Sogar dem Mikrofonständer *brachte er Flötentöne bei*. (Mannheimer Morgen, 10.10.2007)

(9b) «Странник» из всего извлекает музыку. Он *сыграл* даже на микрофонной стойке (*букв.* ‘научил звукам флейты даже микрофонную стойку’) (перевод мой. – И.П.).

В русском языке отсутствуют лексемы и фразеологизмы, позволяющие передать одновременную актуализацию идеи «критики» и «музыки», так что в соответствующей словарной статье немецко-русского фразеологического

словаря требуется развернутый комментарий об особенностях употребления этой идиомы.

В силу ограниченного объема НКРЯ в настоящее время нет возможности определить, является ли идиома *jmdm. die Flötentöne beibringen* лингвоспецифичной относительно русского языка – в корпусе нет примеров ее употребления. Однако можно предположить, что отсутствие у той или иной идиомы функционального эквивалента в некоторых случаях объясняется не уникальной концептуальной конфигурацией, а особенностями узуса. Иными словами, не все безэквивалентные идиомы лингвоспецифичны. С другой стороны, можно представить себе лингвоспецифичные идиомы, имеющие функциональный эквивалент. Без сомнения, расширение параллельного корпуса НКРЯ откроет путь для более систематического изучения лингвоспецифичности.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Добровольский Д.О. Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов междунар. конф. «11-е Шмелевские чтения (23–25 февраля 2015)». М., 2015а. С. 47–49.
- Добровольский Д.О. Корпусы текстов и двуязычная фразеология // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015b. № 5 (27). С. 23–37.
- Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М., 2013.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Зализняк Анна А. База данных межъязыковых эквивалентностей как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). М., 2016. С. 763–775.
- Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»: В 2 т. М., 2015. Вып. 14 (21), т. 1. С. 683–695.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
- Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная

лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»: В 2 т. М., 2015. Вып. 14 (21), т. 1. С. 584–595.

Colson J.-P. Corpus Linguistics and Phraseological Statistics: a few Hypotheses and Examples // Flut von Texten – Vielfalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität in der Phraseologie. Baltmannsweiler, 2003. P. 47–59.

Wierzbicka A. *Semantics, Primes and Universals*. Oxford, New York, 1996.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford, 1992.

References

(Articles from Scientific Journals)

Dobrovol'skiy D.O. Korpusy tekstov i dvuyazychnaya frazeografiya [Text Corpora and Bilingual Phraseography]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015b. no. 5 (27). P. 23–37. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Dobrovol'skiy D.O. Lingvospetsifichnaya leksika v korpusakh parallel'nykh tekstov [Language-Specific lexical Units in Parallel Corpora]. Rechevyye zhanry sovremenno go obshcheniya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii "11-e Shmelevskiyeh chteniya (23–25 fevr. 2015)" [Speech Genres of Modern Communication. Abstracts of the International Conference "11th Shmelev Readings" (Feb. 23–25, 2015)]. Moscow, 2015a. P. 47–49. (In Russian).

Zaliznyak Anna A. Baza dannykh mezh'yazykovykh ekvivalentsiy kak instrument lingvisticheskogo analiza [Database of cross-linguistic equivalences as a tool for linguistic analysis]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2016"* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Conference (International) "Dialog 2016" Proceedings]. Moscow, 2016. P. 763–775. (In Russian).

Zaliznyak Anna A. Lingvospetsifichnyye edinitsey russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza [Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Conference (International) "Dialog" Proceedings]. Moscow. 2 vol. Moscow, 2015. no. 14 (21), vol. 1. P. 683–695. (In Russian).

Shmelev A.D. Russkiye lingvospetsifichnyye leksicheskiye edinitsey v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i "podvodnyye kamni" [Russian Language-specific Lexical Units in Parallel Corpora: Prospects of Investigation and "Pitfalls"]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy*

Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Conference (International) "Dialog" Proceedings]. Moscow. 2 vol. Moscow, 2015. no. 14 (21), vol. 1. P. 584–595. (In Russian).

Colson J.-P. Corpus Linguistics and Phraseological Statistics: a few Hypotheses and Examples. Flut von Texten – Vielfalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität in der Phraseologie. Baltmannsweiler, 2003. P. 47–59. (In English).

(Monographs)

Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii*. [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow, 2008. (In Russian).

Dobrovol'skiy D.O. *Besedy o nemetskom slove* [Conversations on the German word]. Moscow, 2013. (In Russian).

Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of Russian Language Picture of the World]. Moscow, 2005. (In Russian).

Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, 2012. (In Russian).

Wierzbicka A. *Semantics, Primes and Universals*. Oxford, New York, 1996. (In English).

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford, 1992. (In English).

Сведения об авторе:

Парина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова. Научные интересы: корпусная лингвистика, фразеология, лексикография.
E-mail: parinai@yandex.ru

Parina Irina S., candidate of philological sciences, assistant professor, Department of German and Translation Studies, State Linguistics University of Nizhny Novgorod. – Research interest: corpus linguistics, phraseology, lexicography.
E-mail: parinai@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ОБЩЕСТВА И СЛОВА ГОДА

Н.Н. Трошина
ИНИОН РАН, Москва

Аннотация. Под культурной парадигмой понимается культурный код, определяющий мировосприятие, мышление и поведение людей, ведущий способ бытия и языка. Культурная парадигма формируется приблизительно в течение двух поколений, активно участвующих в коммуникативных практиках и таким образом реально подготавливающих инновации в культурной парадигме общества.

В статье используется концепция М. Мид о трех механизмах межпоколенной трансляции культуры и подчеркивается доминирование префигуративного механизма в современном обществе, что обусловлено социальной, экономической и политической активностью современной молодежи. Эта активность определяет специфику двух важнейших элементов культурной парадигмы – ключевых слов и прецедентных текстов.

Исследование проведено на материале списков «Слова года», составленных Обществом немецкого языка (Висбаден) за период с 1977 по 2017 г. Анализируется соотношение слов года и слов эпохи (по «Словарю ключевых слов XX столетия»). При этом учитывается феномен языковой моды и соотношения слов года/эпохи и языковой нормы.

Ключевые слова: культурная парадигма, лингвокультура, поколение, трансляция культуры, слово года, слово эпохи, языковая мода, языковая норма.

CULTURAL PARADIGM AND WORDS OF THE YEAR

Abstract. Cultural paradigm is understood as the cultural code that defines the world-view, thinking and behaviour of people, the leading way of life, language and the material world. The cultural paradigm is formed approximately within two generations, actively participating in communicative practices and thus really preparing innovations in the cultural paradigm of the society. The article deals with the concept of M. Mead on the three mechanisms of intergenerational transmission of culture and emphasizes the dominance of the prefiguration mechanism in the contemporary society, due to the social, economic and political activity of the youth today. This activity determines the specificity of two important elements of the cultural paradigm – key words and precedent texts. The study has been conducted on the material lists of „Words of the year“ compiled by the Society of the German language (Wiesbaden) for the period since 1977 till 2017. The relationships between the words of the year and the era („Glossary of key words of the twentieth centu-

ry“) are described. The phenomenon of language fashion and the ratio of words of the year / era and language norms are taken into account.

Key words: cultural paradigm, linguistic culture, generation, culture transmission, the word of the year, the word of the era, fashion in language, language norm.

Тема статьи относится к тому широкому кругу проблем, которые рассматриваются с позиций понятия культурной парадигмы общества. Под ней понимается «культурный код, определяющий мировосприятие, мышление и поведение людей, ведущий способ бытия, языка и материального мира» [Бакач 1998, 10–11]. Культурная парадигма формируется под воздействием общей социокультурной эмоции и ценностной иерархии, актуальных для данного языкового коллектива приблизительно в течение двух поколений, активно участвующих в коммуникативных практиках и таким образом реально подготавливающих инновации в культурной парадигме общества.

Существует эвристически очень ценная концепция М. Мид [Мид 1988], в рамках которой различаются три механизма межпоколенной трансляции культуры – постфигуративный, кофигуративный и префигуративный:

1) Постфигуративный способ передачи культуры характерен для традиционного общества и предполагает трансляцию знаний, опыта и ценностей от старших поколений к младшим. Инновации происходят очень медленно и не одобряются. Именно так человечество жило на протяжении многих тысячелетий.

2) Кофигуративный способ передачи культуры, при котором новое знание передается в пределах поколения и начинает цениться опыт, не освященный вековой традицией, сформировался в XVIII в. в Европе Нового времени в связи с промышленной революцией. Сама идея о возможности создания чего-то принципиально нового пришла из материальной сферы в культуру. Постепенно утвердилось понимание того, что создание нового не только возможно, но и необходимо. Инертное большинство стало меньшинством.

3) При префигуративном способе обновления культуры создателем новых знаний, опыта и ценностей становится молодежь. Новые элементы культуры передаются от младших к старшим, причем доля такого нового в общем массиве культуры растет.

Как отмечает В. И. Беликов, этот способ передачи вновь возникших культурных феноменов впервые оказывается серьезно задействованным в ходе информационной революции [Беликов 2007].

Сегодня фактор поколения все чаще признается весьма важным в плане языковых изменений, хотя категория поколения еще не введена в понятийный аппарат социолингвистического анализа. Э. Нойланд [Neuland 2013]

подчеркивает, что роль понятия поколения – ключевая для социолингвистических исследований. Это подтверждается активным использованием его в публикациях по истории и социологии языка [Gerstenberg 2012; Bude 2000; Kohli 2009, цит. по: Neuland 2013, 215], так как смена поколений может быть соотнесена со временем появления и распространения языковых инноваций.

Среди элементов культурной парадигмы важны два элемента в плане влияния поколенческого фактора на вербальную коммуникацию: 1) «единый, общий для всей эпохи символический ряд – набор “паролей” эпохи, набор ключевых слов и вещей, общий тип семиотических отношений»; 2) и «парадигмальные (прецедентные, или репрезентативные) тексты, выступающие ведущим мифом эпохи» [Бакач 1998, 11–12]. В создании такого набора «паролей» (лозунгов), ключевых слов и прецедентных текстов эпохи активно участвует молодежь именно в силу решающего влияния сегодня префигуративного способа межпоколенной трансляции культуры.

Начиная с 1971 года специальное жюри «Общества немецкого языка» в Висбадене (Gesellschaft für deutsche Sprache, Wiesbaden) ежегодно составляет списки слов года, сообщая при этом контекст их употребления, а в 2001 г., в основном на базе этих списков за 1971–1999 гг., вышел словарь-справочник «Слова, вошедшие в историю: Ключевые понятия XX века» [Krome 2001]. Отметим, что термины «слово» и «понятие» используются в этом словаре-справочнике как синонимы, что следует уже из самого названия настоящего издания. С этим трудно согласиться, но, видимо, это сделано, чтобы не затруднять широкую публику, на которую рассчитан этот словарь-справочник, тонкостями лингвистической терминологии.

Постепенно стало ясно, что эти списки слов ориентированы преимущественно на население Германии, поскольку отобранные слова использовались в дискурсе немецких политиков в немецких СМИ, т.е. не был учтен плюрицентрический характер современного немецкого языка. Поэтому начиная с 1999 года аналогичные списки составляются Исследовательской комиссией по австрийскому варианту немецкого языка в Карл-Францен-университете г. Грац (Forschungsstelle für österreichisches Deutsch an der Karl-Franzens-Universität Graz); с 2002 года выбирается выражение года (Spruch des Jahres): в 2017 году австрийским словом года было избрано слово *Vollkoller* «абсолютная чушь» (kompletter Unsinn) [Hochmut URL]: так бывший федеральный канцлер Австрии Кристиан Керн отреагировал на предложение тогдашнего министра иностранных дел Себастиана Курца перекрыть в Средиземном море маршрут, по которому беженцы из неблагополучных стран Африки перебираются в Европу.

С 2010 года выбирается молодежное австрийское слово/выражение года. В 2010 году им стало выражение *Hallo, I bims!* / Hallo, ich bin's! из языка

Фонг (Vong-Sprache в Интернете). Оно же оказалось молодежным выражением года и в Германии.

Уже одно то, что с начала нулевых годов стало выбираться молодежное слово года, говорит о значимости молодежной коммуникации в жизни немецкоязычного сообщества в его национальных вариантах.

Аналогичные списки составляются также в немецкоязычном и в ретороманском регионах Швейцарии.

Как соотносятся слова года и ключевые слова эпохи и какую роль играет в этом молодежный язык?

Различия слова года и слова эпохи (выражения года и выражения эпохи) определяются: 1) степенью значимости концепта и его вербальных соответствий для соответствующего лингвокультурного сообщества; 2) тем, как долго сохраняется соответствующая прецедентная единица в культурной памяти этого сообщества. Хронологически значимость большинства слов года, как правило, ограничивается этим годом: слова не фигурируют в списках следующих лет даже на более скромных позициях. Поэтому не все слова года становятся словами эпохи, например слово *Reisefreiheit* (слово № 1 в списке слов за 1989) было чрезвычайно актуально накануне объединения Германии, поскольку отражало умонастроения граждан бывшей ГДР. Однако затем понятие свободы передвижения, став обычным для людей, потеряло свою злободневность и, следовательно, коммуникативную значимость и не вошло в список ключевых понятий XX века.

В словах списков за 1977–1999 гг. отражены концепты, характеризующие события, интересы, чувства и настроения людей на протяжении гораздо более продолжительных периодов в истории народа. К таким словам относятся, например, *Szene* (№ 1 / 1977), *Holocaust* (№ 1 / 1979), *Ellenbogengesellschaft* (№ 1 / 1982), *Tschernobyl* (№ 1 / 1986), *Gesundheitsreform* (№ 1 / 1988), *neue Bundesländer* (№ 1 / 1990), *Politikverdrossenheit* (№ 1 / 1992), *Multimedia* (№ 1 / 1995), *Sparpaket* (№ 1 / 1996), *Millenium* (№ 1 / 1999) [Wort des Jahres URL]. При этом важность многих концептов в жизни Германии была осознана лишь постепенно, и вербальные реализации этих концептов были все же включены в список слов века, например: *Ozonloch* (№ 4 / 1987), *Solidaritätszuschlag* (№ 12 / 1991).

В списках слов года иногда обнаруживаются:

– «морфологические монстры», т.е. сложные слова, в структуре которых доведена до абсурда способность немецкого языка к словосложению, например: *Arzneimittelausgabenbegrenzungsgesetz* (№ 9 / 2002). Но все рекорды побил композит, занявший 10-е место в списке слов 1999 года: *Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz*;

- необычные аббревиатуры, например: BRDDR < BRD + DDR (№ 2 / 1989);
- пароли (лозунги) эпохи, например: *Atomkraft? Nein danke!* (1975).

Помимо степени политической и социокультурной важности концептов и их вербальных соответствий для общества слова года и слова эпохи различаются также по их отношению к языковой моде, т.е. тому феномену, который способен оставить глубокий культурно-значимый след в самых различных областях человеческой жизни, несмотря на ограниченные хронологические рамки своего проявления [Трошина 2017, 7].

Критериями принадлежности слова к категории «модных» является частотность, ощущение говорящими его новизны и одобрение его значительной частью социума. Поскольку формирование языка молодежи как особенно динамичной страты общества происходит на фоне усиления позиций английского языка во всем мире, то неудивительно, что многие молодежные слова года являются или прямыми заимствованиями из английского или кальками с английских языковых единиц. Особенно это характерно для слов, занявших первую позицию в списках 2011–2017 годов [Jugendwort des Jahres URL]:

Swag – 1) “beneidenswerte, lässig-coole Ausstrahlung (2011); 2) *YOLO* – Abkürzung von „you only live once“: a) Aufforderung, eine Chance zu nutzen; b) Entschuldigung für falsches Verhalten (2012); 3) *Babo* – „Boss, Anführer, Chef“ (2014); 4) *Smombie* – Smartphone + Zombie (2015); 5) *fly sein* – „etw. oder jemand geht besonders ab“ (2016); 6) *I bims* – „Ich bin’s“ (in der sog. Vong-Sprache im Internet). В качестве распространенной (уже не только в молодежном языке) кальки приведем выражение *nicht wirklich?* < *engl. not really?* (Isst du gern Pizza? – Nicht wirklich), вытесняющее немецкое *eigentlich nicht*.

Безусловная популярность и модность перечисленных слов и выражений в различных молодежных субкультурных практиках говорит о том, что их использование соответствует алетической языковой моде (узуальной, принятой в определенном социуме), которая, как всякая мода, актуальна лишь какое-то ограниченное время, в данном случае в течение года. Если сравнить позиции № 1–3 в списках молодежных слов за 2008–2017 годы, то становится ясно, что лексемы и выражения не повторяются, поэтому едва ли они станут ключевыми молодежными словами эпохи и едва ли будут представлены в вербальном аспекте культурной парадигмы немецкого лингвокультурного сообщества. В общественных дискуссиях, реализуемых в соответствующих вербальных практиках, происходит отбор концептов и их вербальных реализаций, наиболее адекватных коммуникативным целям социума. В результате в культурной парадигме остаются слова и пароли, соответствующие деонтической норме (кодифицированной), поскольку в них находят отражение

более долговременные поведенческие стереотипы различных социальных групп и дискурсы, не теряющие своей актуальности.

Ярким примером является слово 2000 года *Leitkultur* ‘ведущая культура’, которое имеет все шансы войти в список ключевых слов XXI века. Оно возникло осенью 2000 года в ходе ожесточенного обсуждения в бундестаге непопулярного концепта *multikulturelle Gesellschaft*. В результате в концептуальное поле *Multikulturalität* добавились новые опорные концепты, вербально воплощенные в омофонах *Leidkultur* ‘страдающая культура’ (в данном случае – принимающая немецкая культура) и *Lightkultur* (в значении *umg.; salopp. Kultur auf niedrigem Niveau, bes. in Form von seichter Unterhaltung, Spaßkultur* [< *engl. light* »leicht« + *Kultur*] [Wahrig URL] и в словосочетаниях *eine deutsche Leitkultur* и *eine Leitkultur in Deutschland*. Дискуссия развернулась на фоне усилившегося притока иммигрантов в Германию и опасения немцев за сохранность своей родной культуры. Поскольку эта проблема становится все более актуальной в эпоху глобализации, то велика вероятность, что слово *Leitkultur* перейдет из списка ключевых слов XX века в список XXI века, равно как и слово *Kulturwandel* ‘изменения в сфере культуры’.

В заключение заметим, что список ключевых слов/понятий XX века составлялся на основе немецкоязычных коммуникативных практик, т.е. с позиций носителей немецкой лингвокультуры. Интересно было бы сравнить аналогичные списки, составленные на основе речевых практик, принятых в других языковых ареалах. Тогда сформировался бы список **ключевых концептов** современной эпохи, различно вербализованных в зависимости от специфики конкретных лингвокультур.

Литература

- Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Волгоград, 1998.
- Беликов В.И. Языковая норма: Новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // *Acta Philologica*. Филологические записки. М., 2007. Вып. 1. С. 36–52. URL: www.philol/msu.ru/~otipl/new/main/people/belikov.php (дата обращения 10.06.2018).
- Мид М. Культура и преемственность: Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Асеева Ю.А. М., 1988. С. 322–361.
- Трошина Н.Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // *Язык и мода: Сборник статей*. М., 2017. С. 5–27.

- Bude H. Die biographische Relevanz der Generationen // *Generationen in Familie und Gesellschaft*. Opladen, 2000. S. 19–36.
- Gerstenberg A. Absolute, rationale und historische Generationsbegriffe in der Sprachwissenschaft: Perspektiven ihrer Verwendung // *Sprache der Generationen*. Mannheim, 2012. S. 41–55.
- Hochmut G. „Vollkoller“ zum österreichischen Wort des Jahres 2017 gewählt. Available at: <http://www.vienna.at/vollholler-zum-oesterreichischen-wort-des-jahres-2017-gewaehlt/5582149> (accessed 16.06.2018)
- Jugendwort des Jahres. Available at: [https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland)) (accessed 10.06.2018).
- Kohli M. Ungleichheit, Konflikt und Integration: Anmerkungen zur Bedeutung des Generationskonzepts in der Soziologie // *Generationen: Multidisziplinäre Perspektiven*. Wiesbaden, 2006. S. 229–237.
- Krome, Sabine (Projektleitung.). Wörter, die Geschichte machten 2001: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gütersloh, München, 2001.
- Neuland E. Soziolinguistische Dimensionen (inter)generationellen Sprachgebrauchs // *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. B., Boston, 2013. S. 209–224.
- Wahrig Fremdwörterlexikon. Available at: <https://www.wissen.de/fremdwort/lightkultur> (accessed 12.06.2018).
- Wort des Jahres. Available at: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (accessed 05.06.2018).

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Bude H. Die biographische Relevanz der Generationen // *Generationen in Familie und Gesellschaft*. Opladen, 2000. S. 19–36. (In German).
- Gerstenberg A. Absolute, rationale und historische Generationsbegriffe in der Sprachwissenschaft: Perspektiven ihrer Verwendung // *Sprache der Generationen*. Mannheim, 2012. S. 41–55. (In German).
- Kohli M. Ungleichheit, Konflikt und Integration.: Anmerkungen zur Bedeutung des Generationskonzepts in der Soziologie // *Generationen: Multidisziplinäre Perspektiven*. Wiesbaden, 2006. S. 229–237. (In German).
- Mead M. Kul'tura I preyemstvennost'. Issledovaniye konflikta mezhd u pokoleniyami [Culture and continuity: Research of the generation gap] . *Mead M. Kul'tura i mir detstva. Izbr. proizv.* [Mead M. Culture and childhood world: Selected works]. Transl. from English a. comment. by Aseev Yu.A. M., 1988. P. 322–361. (In Russian).
- Troshina N.N. Moda i kommunikativnye praktiki lingvokul'turnogo soobshchestva [Fashion and communicative practices of the language community]. *Yazyk i moda: Sb. statey* [Language and fashion: Collection of Research Papers]. M., 2017. P. 5–27. (In Russian).

(Monographs)

- Neuland E. Soziolinguistische Dimensionen (inter)generationellen Sprachgebrauchs. Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. Berlin, Boston, 2013. S. 209–224. (In German).

(Dictionaries)

- Krome S. (Projektleit.). Wörter, die Geschichte machten 2001: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gütersloh, München, 2001. (In German) .

(URL)

- Belikov V.I. Yazykovaya norma. Novye i starye treshchiny na russkoyazychnom prostranstve [Language norm: New and old breaches in the Russian-speaking world]. *Acta Philologica. Filologicheskiye zapiski*. [Acta Philologica. Philoligical Proceedings]. M., 2007. № 1. P. 36–52. Available at: www.philol/msu.ru/~otipl/new/main/people/belikov.php (accessed 10.06.2018). (In Russian).
- Hochmut G. „Vollkoller“ zum österreichischen Wort des Jahres 2017 gewählt. Available at: <http://www.vienna.at/vollholler-zum-oesterreichischen-wort-des-jahres-2017-gewaehlt/5582149> (accessed 16.06.2018). (In German).
- Jugendwort des Jahres. Available at: [https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland)) (accessed 10.06.2018). (In German).
- Wahrig Fremdwörterlexikon. Available at: <https://www.wissen.de/fremdwort/lightkultur> (accessed 12.06.2018). (In German).
- Wort des Jahres. Available at: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (accessed 05.06.2018). (In German).

(Thesis and Thesis Abstracts)

- Bakach N.B. *Kul'turnaya paradigm kak obyekt social'no-filosofskogo analiza* [Cultural paradigm as an object of social-philosophical analysis]. PhD Thesis Abstracts. Volgograd, 1998. (In Russian).

Сведения об авторе:

Трошина Наталья Николаевна, кандидат филологических наук; старший научный сотрудник; ведущий научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН; специалист в области немецкой социолингвистики, стилистики, лингвистики текста. E-mail: troshinat@mail.ru

Troshina Natalia N., PhD in philology, leading researcher of Linguistic Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. – Research area: German sociolinguistics, Stylistics, Text linguistic. E-mail: troshinat@mail.ru

НЕМЕЦКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ИДИОЛЕКТЕ М. В. ЛОМОНОСОВА¹

К.А. Филиппов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация: Идиолект М. В. Ломоносова как совокупность индивидуальных характеристик речи включает в себя специфические особенности словарного запаса и построения фраз на русском, латинском и немецком языках. Изучение социокультурных компонентов в словаре Ломоносова (имен существительных нарицательных, имен собственных личных, обозначений титулов и названий профессий, географических наименований городов и местностей, названий книг и т.п.) позволяет установить и ввести в научный обиход новые факты творческой деятельности ученого. Источниками семантической интерпретации социокультурных компонентов в идиолекте Ломоносова послужили авторитетные словари и справочники, изданные в Германии и России в XVIII в. Особый интерес представляют глаголы на *-iren*, обладающие социокультурным потенциалом значения, а также слова, активно применявшиеся в XVIII в., но вышедшие из употребления в современном немецком языке. Перспективным направлением дальнейшего анализа является сопоставление текстов Ломоносова с текстами других немецких авторов для установления влияния социокультурного дискурса Германии XVIII в. на становление научной парадигмы России.

Ключевые слова: Ломоносов, идиолект, история немецкого языка, лексикография, социокультурная лексика.

GERMAN SOCIALCULTURAL COMPONENT IN THE IDIOLECT OF M. V. LOMONOSOV

Abstract: *Idiolect of M. V. Lomonosov as a set of individual speech characteristics includes specific features of the vocabulary and syntax of Russian, Latin and German phrases. The study of sociocultural components in the Lomonosov dictionary (common nouns, personal names, designations of titles and professions, geographical names of cities and localities, book names, etc.) allows establishing and introducing new scientific facts about the scholar's creative work. The sources of semantic interpretation of sociocultural components in Lomonosov's idiolect were well-known dictionaries and reference books*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00636 «Словарь языка М. В. Ломоносова (немецкий язык)» (руководитель К.А. Филиппов).

published in Germany and Russia in the 18th century. Of particular interest are the verbs ending on -iren, their meaning having sociocultural potential. Also worth noting are words that were actively used throughout the 18th century, but became obsolete in modern German. A promising direction of further analysis is a comparison of Lomonosov's texts with the texts of other German authors in order to establish the influence of 18th century Germany's sociocultural discourse on the formation of the scientific paradigm in Russia.

Key words: Lomonosov, idiolect, history of the German language, lexicography, sociocultural vocabulary.

1. Предварительные замечания

Идиолект как совокупность индивидуальных характеристик речи индивида не только включает в себя специфические особенности словарного запаса и построения фраз на родном языке, но и затрагивает сферу использования неродного языка. Данное обстоятельство в полной мере относится к идиолекту М. В. Ломоносова, прекрасно владевшему, кроме родного русского, также латинским и немецким языками.

Материалом настоящего исследования послужили социокультурные компоненты, зафиксированные в конкордансе немецких текстов Ломоносова: имена собственные личные, обозначения титулов и названия профессий тех или иных лиц, с которыми встречался ученый или о которых имеется упоминание в его текстах, названия книг, которыми пользовался ученый, географические наименования городов и местностей, связанных с биографией Ломоносова. Особый интерес представляют глаголы, обладающие социокультурным потенциалом значения, а также лексические единицы, применявшиеся в XVIII в., но вышедшие из употребления в современном немецком языке.

В качестве источников семантической интерпретации социокультурных компонентов в идиолекте Ломоносова использовались авторитетные словари и справочники, изданные в Германии и России XVIII в.

2. Слова с социокультурным компонентом в немецких текстах Ломоносова

Среди имен нарицательных в немецких текстах Ломоносова встречается немало единиц, так или иначе связанных с обозначением социокультурных объектов, а именно:

1) должностей, например *Adjunctis* (от лат. *Adjunctus*, современное *Adjunkt*) – должность адъюнкта, помощника профессора в Императорской Академии наук; *Inspector* (в сочетании с фамилией) *Inspector Kern*;

2) титулов (*Graf*, а также с написанием *Graff*, как обозначение дворянского титула в сочетании с фамилией, например, *Graf Golofkin*;

3) учреждений, например, *Admiralitäts-Academie* – принятое в XVIII в. наименование Морской академии; *Fabrique* – фабрика цветного стекла в Усть-Рудице;

4) конкретных деталей, используемых при описании объектов: *Faden* – немецкая мера длины, соответствующая русской сажени, в словосочетании *vier Hundert Faden Holtz*; *Gage*, а также *Gage-Geld* – обозначение жалования Ломоносова в Германии; *Hand-Buch* – в названии поэтического справочника *Gübners Poetisches Hand-Buch* и т. п.

Среди имен собственных личных в текстах упоминаются фамилии двух студентов, отправленных вместе с Ломоносовым на учебу в Марбург (*Raiser*, *Winogradoff*), преподаватели Марбургского университета, лекции которых посещали русские студенты (*Arnold*, *Duysing*, *Wolff*), профессора и сотрудники Российской академии наук (*Burhaave*, *Müller*, *Richman*, *Rumowski*, *Schuhmacher*) и другие известные личности, с которыми встречался Ломоносов. Среди топонимов можно встретить названия городов *Amsterdam*, *Berlin*, *Caßel*, *Freyberg*, *Franckfurt* (а также *Frankfurt*), *Hamburg*, *Hannover*, *Lübeck* и другие географические названия, связанные с разными периодами пребывания Ломоносова в Германии или упоминаемые в названиях изданий и т. п.

Отдельно хотелось бы остановиться на любопытном текстовом фрагменте, в котором встречаются несколько имен собственных личных, выполняющих разные прагматические функции. Так, в письме Л. Эйлеру, написанном «на позднее сентября 1765 года», Ломоносов уничижительно отзывается по поводу своих давних противников по академии И. Д. Шумахера и Г. Миллера: «*Sie wußten genug was Schumacher in Ansehung der Gelehrten, für ein Schelm gewesen, und daß sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; daß Müller ein Ignorant und von den aller ersten Professoribus flagellum professorum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer der Academischer Ruhe ist und immer gewesen*» [Ломоносов 1952, т. 10, 595]. В данном фрагменте фамилии *Schumacher* и *Müller* употреблены в своем прямом значении и указывают на конкретных участников противостояния с Ломоносовым. Что же касается имени Макиавелли (*ein lebendiger Machiavel*), то здесь мы имеем дело с риторическим приемом, использованным Ломоносовым для усиления прагматического эффекта высказывания. По словам А. А. Потебни, этот прием представляет собой «поэтическую ссылку на прежде известное» [Потебня 1990, 177], уместность которой заключается в том, «чтобы она и для говорящего, и для слушающего была понятна, т.е. легко замещала конкретным образом сложные ряды мыслей» [Потебня 1990, 177].

Дело в том, что уже к XVIII в. имя Макиавелли стало нарицательным в Европе, о чем свидетельствуют лексикографические данные.

В «Большом универсальном словаре» И. Цедлера кроме словарной статьи *Machiavellus*, посвященной флорентийскому политику, историку и дипломату Никколо Маккиавелли (см.: [Zedler 1739, 104–106]), имеется также статья *Machiavellisten*, посвященная апологетам его концепции государственного управления (см.: [Zedler 1739, 103–104]). Согласно воззрениям Макиавелли, правитель вовсе не обязан придерживаться каких-либо сдерживающих правовых или моральных принципов в управлении государством, при отправлении своих обязанностей он может прибегать к вероломству, хитрости, насилию: «*Machiavellisten werden diejenigen falschen Staatisten genennet, welche solche politische Principien haben, daß ein Fürst alles sein Thun dahin einzurichten, daß er nur für seine Person mächtig, reich und souverain werde. Er habe sich an kein Recht und Gewissen zu binden; sondern was ihm nach seinen Affecten beliebt, was also nach diesen Principien Untreu, List, Gewalt als Staats-Maximen angesehen werden*» [Zedler 1739, 103].

Любопытно, что сам Ломоносов дает исчерпывающее описание этого риторического приема в «Кратком руководстве к красноречию» (1759): «Антономазия есть взаимная <...> перемена имен собственных и нарицательных, что бывает, 1) когда употребляется имя собственное вместо нарицательного, например: *Сампсон* или *Геркулес* вместо *сильного*, *Крез* вместо *богатого*, *Цицерон* вместо *красноречивого*» [Ломоносов 1952, т. 7, 248]. Таким образом, называя профессора Миллера *ein lebendiger Machiavel* и приписывая своему противнику негативные черты флорентийского политика, Ломоносов на практике использует риторический прием, который описал в своем теоретическом труде по красноречию.

Ярко выраженную социокультурную окраску имеют не только имена существительные, но и лексемы другой частеречной принадлежности. В разных документах Ломоносова зафиксированы слова, являвшиеся характерной чертой немецкого эпистолярного жанра XVIII в., но затем вышедшие из употребления, например, *allenthalben*, *allergnädigst*, *allerhöchst*, *allerunterthänigst*, *dero*, *derohalben*, *dessenthalben* и др.

Типичным лексическим элементом с явно выраженной социокультурной коннотацией можно назвать местоимение *Dero*, встретившееся в текстах Ломоносова 15 раз, причем 13 раз в написании с заглавной буквы *Dero* и только два раза в написании со строчной буквы *dero*. И. К. Готшед отмечает, что, несмотря на наличие в немецком языке обычных средств выражения вежливости *Ihre Majestät* или *Seine Majestät*, применяемых по отношению к высокопоставленным персонам женского и мужского пола, нередко в письменном обиходе используются необычные формы местоимений *Ihro* и *Dero*

как особое средство «избыточной вежливости» (*Überfluß von Hoeflichkeit*) [Gottsched 1748, 231].

В свою очередь, И. К. Аделунг в конце XVIII в. вновь обращается к особенностям употребления этого «этикетного слова» и, несмотря на тенденцию отказа от словообразовательного элемента *o* в окончании местоимения, настаивает на сохранении его написания с заглавной буквы: «**Dero**, ein Beziehungs-wort, welches die heutige höfliche Welt statt aller Endungen des Possessivi Ihr und Ihre, so wohl in der einfachen als mehrern Zahl von vornehmen Personen allerley Geschlechtes gebraucht. <...> Dero ist eigentlich der Genitiv des beziehenden Pronominis Der, welcher nach dessen alten Abänderung einsylbig gemacht wurde. Das *o* wurde sehr oft an das *r* angehängt, welches auch in daher, nunmehr u. s. f. geschehen ist. Ungeachtet nun so wohl der Artikel als auch das Pronomen diesen nichts bedeutenden Anhang im Hochdeutschen längst verloren haben: so hat man doch das Dero noch als ein Ehrenwort beybehalten, daher es auch jederzeit mit einem großen *D* geschrieben wird» [Adelung 1796, 1465–1466]. То же самое значение приводится в двуязычном «Полном немецко-русском лексиконе» (1798): «**Dero**, (местоимение), ваш, ваши, их; употребляется, когда речь идет о знатных особах, и вместо всех падежей как в единственном, так и во множественном числе» [Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon 1798: 379].

Среди других слов с социокультурной коннотацией особое внимание привлекают глаголы на *-iren*. Всего в текстах Ломоносова были зафиксированы 34 инфинитные и финитные формы следующих глаголов: *absolviren, aduciren, appliciren, approbiren, attestiren, blamiren, commandiren, declariren, dictiren, dirigiren, evalviren, excoliren, exerciren, expediren, frequentiren, meliren, ordiniren, pardoniren, paßiren, persuadieren, praestiren, präpariren, probieren, proponiren, protocoliren, profitiren, publiciren, rapportiren, rasiren, repetiren, resolviren, suppliciren, sustentiren, tractiren*,

В «Грамматико-критическом словаре немецкого языка» И. К. Аделунга имеется специальная словарная статья, раскрывающая этимологию немецких глаголов на *-iren*: «**Iren**, eine Endsylbe vieler, besonders aus fremden Sprachen entlehnten Zeitwörter; welche nach dem Muster der Latein. Zeitwörter, auf are, ere und ire gebildet ist, und vermöge welcher man fast allen Lateinischen und Französischen Zeitwörtern ein Deutsches Ansehen geben kann, und im gemeinen Leben wirklich gibt» [Adelung 1796, 1392]. Далее Аделунг называет три причины появления глаголов на *-iren* в немецком речевом обиходе: 1) использование в качестве специальной лексики, употребительной в различных областях искусства и науки (*als Kunstwörter in verschiedenen Künsten und Wissenschaften*); 2) некомпетентность немецких авторов, не знающих равно-

значных немецких слов (*aus Unwissenheit der gleichbedeutenden Deutschen Wörter*); 3) «детское жеманство» сочинителей (*aus kindischer Ziererey*)» [Adelung 1796, 1392].

С большой степенью уверенности можно предположить, что немецкие глаголы на *-iren* были усвоены Ломоносовым во время пребывания в Германии в процессе общения с Хр. Вольфом и другими университетскими преподавателями Марбурга. Ниже приводятся несколько текстовых фрагментов, подтверждающих это наблюдение.

В письме от 4 сентября 1737 г. Ломоносов благодарит камергера И. А. Корфа за предоставленную возможность обучения в иностранных академиях: «...daß mir, obschon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine Studia auf ausländische Academien zu excoliren» [Ломоносов 1952, т. 10, 415]. В «Рапорте об учебных занятиях в Марбурге» от 15 сентября 1738 г. Ломоносов, в частности, сообщает: «*Ich habe mich auch biß dato in dem Zeichnen von 10 biß 11 des Morgens exerciret*» [Ломоносов 1952, т. 10, 368]. В письме И. Д. Шумахеру от 5 ноября 1740 г. Ломоносов жалуется на предвзятое отношение к нему горного мастера Генкеля и испрашивает разрешения пройти обучение в другом месте Германии, обещая понести строгое наказание, если он промотает деньги и будет небрежно относиться к своим занятиям: «*Wofern ich nun meines Bittens vermittelt Dero Vorsorge theilhaftig werden soll, dabey aber die mir vertraute Gelder liederlich verschwenden, oder meine Studia nachläßig tractiren werde, so verurtheile ich mich voraus selber zu der aller ersinnlichsten Straffe...*» [Ломоносов 1952, т. 10, 427].

В немецком языке глагольное словообразование с помощью аффикса *-iren* является продуктивным до настоящего времени. По мнению Х. Вайнриха, суффиксальное словообразование в глагольной сфере немецкого языка сегодня осуществляется как за счет средств родного языка, так и за счет иноязычных форм. При этом Вайнрих отдает явное предпочтение иноязычным суффиксам на том основании, что, по его словам, они составляют более продуктивный класс по сравнению с немецкими суффиксами (*da sie die produktivere Klasse bilden*) [Weinrich 2003, 1070]. Среди продуктивных, заимствованных из французского языка, суффиксов *-ier, -isier und -ifizier* он особо выделяет суффикс *-ier*, способный вступать в производительные отношения не только с иноязычными, но и (значительно реже) исконно немецкими лексемами (*Das Suffix -ier kommt in dieser Funktion weitaus am häufigsten vor und leitet Verben sowohl von entlehnten als auch (seltener) von einheimischen Lexemen ab*) [Weinrich 2003, 1070]. К тому же этот суффикс до сих пор проявляет свою продуктивную силу в области специальной лексики [Weinrich

2003, 1071]. Тем самым в настоящее время Вайнрих в очередной раз обращает внимание на словообразовательные потенции аффикса *-iren*, о которых ранее писал Аделунг. (О современных тенденциях словообразования в сфере немецкого глагола, в частности, об аффиксации см. также [Нефедов 2018, 94–95].)

3. Краткие выводы и перспективы дальнейшего исследования

Идиолект Ломоносова как совокупность индивидуальных характеристик речи включает в себя специфические особенности словарного запаса и построения фраз на русском, латинском и немецком языках. Изучение социокультурных компонентов идиолекта Ломоносова (имен существительных нарицательных, имен собственных личных, обозначений титулов и названий профессий, географических наименований городов и местностей, названий книг и т.п.) позволяет установить и ввести в научный обиход новые факты творческой деятельности ученого.

Особый интерес и перспективное направление лингвистического анализа немецких текстов Ломоносова представляют глаголы, обладающие социокультурным потенциалом значения, а также лексические единицы, активно применявшиеся в XVIII в., но вышедшие из употребления в современном немецком языке. Также весьма интересным было бы сопоставить немецкие тексты Ломоносова с текстами других немецких авторов (в частности, с текстами его наставника в Марбурге Хр. Вольфа) для установления влияния социокультурного дискурса Германии XVIII в. на идиолект российского ученого.

Литература

- Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 491 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. / Ред.: В.В. Виноградов, С.Г. Бархударов, Г.П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том 10: Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. / Ред.: А.И. Андреев, Г.П. Блок, Г.А. Князев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 935 с.
- Нефедов С.Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 354 с.

- Потебня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратов. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
- Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen, von Johann Christoph Adelung. Zweyte Ausgabe. Zweyter Theil, von F – L. Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1796. 2140 S.
- Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst / Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: B. Chr. Breitkopf, 1748. 544 S.
- Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet. Erster Band A – L. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J.J. Weitbrecht, 1798. 1048 S.
- Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / unter Mitarbeit von Maria Thurmaier, Eva Brendl und Eva-Maria Willkop. 2. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2003. 1111 S.
- Zedler J. H. Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. Neunzehender Band, Ma. Leipzig und Halle: Johann Heinrich Zedler, 1739. 2476 S. URL: <http://www.zedler-lexikon.de/index.html> (дата обращения 25.01.2019).

References (Monographs)

- Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst / Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: B. Chr. Breitkopf, 1748. 544 S. (In German).
- Korovin G.M. Biblioteka Lomonosova. Materialy dlya harakteristiki literatury, ispolzovannoy Lomonosovyim v ego trudah, i katalog ego lichnoy biblioteki. [Lomonosov Library. Materials to characterize the literature used by Lomonosov in his writings and the catalog of his personal library] Moscow; Leningrad.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 491 s. (In Russian).
- Lomonosov M.V. Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. [The complete works. Volume 7: Works on Philology 1739–1758] / Ed.: V.V. Vinogradov, S.G. Barkhudarov, G.P. Blok. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 s. (In Russian).
- Lomonosov M.V. Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 10: T. 10: Sluzhebnyye dokumenty. Pis'ma. 1734–1765 gg. [The complete works. Volume 10: Vol. 10: Official documents. Letters 1734–1765] / Ed.: A.I. Andreyev, G.P. Blok, G.A. Knyazev. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 935 s. (In Russian).

- Nefedov S.T. Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyika. Morfologiya: uchebnik. [Theoretical grammar of the German language. Morphology: a textbook] St. Petersburg.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. 354 s. (In Russian).
- Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics] / Sost., vstup. st., komment. A.B. Muratov. Moscow: Vyssh. shk., 1990. 344 s. (In Russian).
- Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / unter Mitarbeit von Maria Thurmair, Eva Brendl und Eva-Maria Willkop. 2. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2003. 1111 S. (in German).

(Dictionaries)

- Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen, von Johann Christoph Adelung. Zweyte Ausgabe. Zweyter Theil, von F – L. Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1796. 2140 S. (in German)
- Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet. Erster Band A – L. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J.J. Weitbrecht, 1798. 1048 S. (In German / Russian)
- Zedler J. H. Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. Neunzehnder Band, Ma. Leipzig und Halle: Johann Heinrich Zedler, 1739. 2476 S. Available at: <http://www.zedler-lexikon.de/index.html> (accessed 25.01.2019). (In German)

Сведения об авторе:

Филиппов Константин Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра немецкой филологии. – Научные интересы: лексикография, сопоставительная лингвистика, лингвистика текста, история немецкого языка.

E-mail: k.filippov@spbu.ru

Filippov Konstantin A., Doctor phil. habil., Professor, Saint Petersburg State University, Department of German Philology. – Research interests: lexicography, comparative linguistics, text linguistics, history of the German language.

E-mail: k.filippov@spbu.ru

SPRACHLICHE UND MEDIALE GESTALTUNG DES DEUTSCHEN ONLINE-SPORTMAGAZINS „KICKER“

I.A. Schipowa

Moskauer Pädagogische Staatliche Universität, Moskau

LANGUAGE AND MEDIA DESIGN OF THE GERMAN SPORTS-ONLINE-MAGAZINE “KICKER”

Abstract: *The article is devoted to the actualization of sports discourse in modern digital media. The corpus of the research texts consists of the materials of the German online sports publication “Kicker”. Sports discourse is considered from the position of its communicative strategy, thematic focus and features of language parameters. As a multimodal phenomenon of modern media space, sports discourse is presented as a set of basic and peripheral modalities. As the main modalities the article considers visual and verbal elements, as the peripheral features – the font and color design of the site. Each of the modalities performs its functions, which are associated with the communicative orientation of the material, and serve to attract the attention of the addressee. The nonlinearity of the “Kicker” texts is due to the hypertextuality of the Internet space and the interactive potential of the journal. The peculiarity of sports multimodal discourse is that visual and verbal elements act together as a whole and duplicate each other on different channels of perception. The article deals with the linguistic features of sports media discourse texts at the stylistic, lexical and syntactic level.*

Key words: *sports mediadiscourse, multimodality, visual level, verbal level, textual nonlinearity.*

Die Sportpresse ist eine soziokulturelle Institution der Kommunikation [Hepp 2013, 3], die gemeinsam mit anderen Pressesorten nationale Identität kreiert. Darin werden Kulturtrends abgebildet, Handlungsmuster spiegeln die konzeptuellen Strategien im kulturbedingten Umfeld wider. In den 90er Jahren des 20. Jahrhunderts wurde die Online-Zeitung mit einer Textdatenbank des Informations- und Kommunikationsportals, selbstständiger Navigierbarkeit der Leserschaft u.a. zu einer Alternative der Presse in ihrer gedruckten Form. Die Pressemerkmale – Periodizität, Publizität, Aktualität und Universalität [Groth 1960, 621] – sind dabei erhalten geblieben.

Zum Begriff Sportdiskurs

Der Sport als ein besonderer thematischer Bereich bildet einen linguistischen Diskurs, der eine kohärente und hierarchisch organisierte Makroform der Textkorpora von mehrdimensionalem Charakter ist [Jędrejewski 2001, 301]. Den Kriterien von K.V. Kiuru [2014, 28f.] nach wird der Sportdiskurs als thematisch zusammenhängender Aussagekomplex betrachtet, der eine besondere kommunikative Strategie realisiert, wobei bestimmte Inhalte, Ideen und Werte unter einem Interface repräsentiert werden. Der Sportdiskurs enthält explizite und implizite Hinweise auf entsprechende Kontexte sowie Allusionen und schließt unter anderem Traditionen des Soziums, die funktionale Bestimmung, Erkennbarkeit und Prognostizierbarkeit der diskursiven Zeichen ein. Vom kommunikativen Standpunkt aus gehören die Texte der Sportpresse zu diesem Diskurstyp und sind in der Regel multimodale Sprach-Bild-Texte.

Nach A. Greimas [1980, 495] wird Diskurs als ein bestimmtes Gebiet von semiotischen Faktoren betrachtet. Der Inhaltsraum des Sportdiskurses wird durch eine Reihe von Symbolen, Codes und Zeichen bestimmt. Sie bilden die sogenannte Semiosphäre des Diskurses, die aus einem Komplex von mehreren Sprachsystemen besteht. Zu den Zeichen des Sportdiskurses im Rahmen der Sportpresse gehören linguistische Elemente, visuelle Besonderheiten des Layouts, Platzierung der grafischen Merkmale u.a. Die darauf beruhende Intersemiotik der Sportpresstexte hat ihre Eigenarten. Ihr stilistischer Rahmen verlangt von der Sehfläche der Sportmedien eine überzeugende Anziehungskraft, die den linguistischen Sportdiskurs zu einem multimodalen Sportdiskurs entfaltet. Entsprechend den Tendenzen der letzten Jahrzehnte ist die multimodale Diskurspraxis vorherrschend, wobei die sprachliche Position bildlich exemplifiziert, belegt und veranschaulicht wird [Meier/Sommer 2012, 97]. Das Sprache-Bild-Zusammenwirken vertritt die zentralen Modalitäten des multimodalen Sprachdiskurses, wozu der Text in geschriebener Form und statische (Fotos, Slide-shows, Logos, Tabellen, Schemas u.a.) oder animierte (Videos) Illustrationen gehören. Als periphere Modalitäten erscheinen Farbverwendung und Schriftgestaltung, die die zentralen Modalitäten ergänzen: Fettdruck, Tönung der Bilder und Farbenvielfalt markieren die Relevanz entsprechend der Intention der Produzenten.

Die Multimodalität des Sportdiskurses hat ihre Spezifik. Die meisten Bilder in der Sportpresse sind nach dem Prinzip der Monosemierung [Stöckl 1998, 82f.] aufzufassen: Die verbale Verankerung eines Sachverhalts bekommt eine visuelle Präsentation, der funktionale Sprach-Bild-Bezug ist durch eine gewisse Redundanz bedingt [Burger/Luginbühl 2014, 434]. Es wird meistens durch das Bild auf einem ausgewählten Fragment fokussiert, so dass zwischen Sprache und Bild eine Themenentfaltung entsteht. Periphere Modalitäten sind von den zentralen abhän-

gig und konstruieren ein Zeichensystem mit eigenen Formen und Bedeutungen [Opilowski 2015, 16]. Die Gestaltung der Online-Sportmedien produziert einen Punkt der visuellen Konvergenz [Cook 2005, 41]. Einerseits steht die gewünschte Information zu einem Punkt in aller Fülle zur Verfügung, andererseits ist der Wissenserwerb fragmentarisch [Bucher 2006, 225].

Die Online-Texte sind wegen der Interaktivität der Informationsportale nicht linear, vorhanden sind die Kommunikationspotenziale der Multimedialität, der Hypertextualität und der Globalität [Bucher 2006, 215]. Die Delinearisierung ergibt ein breites Angebot von verschiedenen Informationsrichtungen. Die damit verbundene Fragmentierung führt zur oberflächlichen Wahrnehmung des Informationsgehalts.

„Kicker“ – Entstehungsgeschichte

Das deutsche Sportmagazin *Kicker*, das das empirische Material dieses Aufsatzes bildet, wurde erstmals 1920 als eine Sportzeitung in Konstanz, dann in Stuttgart, später in Nürnberg herausgegeben. Während des Zweiten Weltkriegs wurde das Erscheinen eingestellt, im Jahre 1951 hat man *Kicker* in München wieder gegründet. Das Magazin ist Partner der Deutschen Akademie für Fußball-Kultur, Gründungsmitglied der ESM (European Sports Media) und erscheint zweimal wöchentlich. Sein Online-Angebot ist seit 1997 vorhanden: <http://www.kicker.de/>. *Kicker* hat eine Menge von Sonderheften, die ihren Niederschlag teilweise auch in der Online-Version finden. Der Inhalt einer Ausgabe hängt stark vom aktuellen Fußballgeschehen ab, denn *Kicker* ist in erster Linie ein Fußballmagazin. Andere Sportarten bekommen auch einen Kommentar, aber nur abwechselnd je nach dem aktuellen Anlass.

Design des Covers

Die Visitenkarte eines Online-Mediums ist sein Cover, seine Funktionen sind von informativ-appellativem Charakter [Opilowski 2015, 227]. Die Startseite vom *Kicker* zeigt, dass die Visualität in ihm dominiert. Es schafft die materielle Bildlichkeit [Fix 2001, 46] der Sehfläche. Der visuelle Kontext soll zum Lesen motivieren, ihm ist der eigentliche Text beigeordnet.

Da es jetzt keine scharfen Grenzen zwischen den Kulturräumen gibt [vgl. Hauser/Luginbühl 2011], weist *Kicker* die Merkmale der Interkulturalität auf, die Globalität des Informationsraums erlaubt. In der Fußzone der Online-Version gibt es die Präsentation von 11 Sport-Topmedia anderer Länder.

Die Sehfläche eines Online-Sportmediums ist Resultat der textuellen Partnerschaft von Sprache und Bild [Schmitz 2011, 32–34], die in eine semiotische Interaktion treten und die Authentizität der sprachlichen Behauptung belegen

sollen. *Kicker* besitzt seine eigene Ästhetik, die Seite gehört zu der Funktionszonen-Variante eines Online-Mediums: Die Einstiegsseite mit der Auflistung der vorhandenen Rubriken und Servicemöglichkeiten sieht wie eine Landkarte aus [Bucher 2006: 224]. Die semantischen Inhalte der Textteile werden dank der Bilder wirksamer und spannender [Stegu 2000, 314]. So ein intersemiotisches Gebilde präsentiert die Sportthemen besonders anschaulich.

Das Bild des Aufmachers ist meist größer als die Übrigen. Es ist auf die sprachliche Umgebung angewiesen, denn die Sprache kanalisiert die polyvalente Bildbedeutung, verleiht der Darstellung eine konkrete Stelle und die Funktion in der Vernetzung von sprachlich-visuellen Texten [Opilowski 2015, 29]. Die Textüberschriften und Untertitel im *Kicker* sind außerhalb des Textes platziert, sie werden durch blaue Farbe auf dem weißen Hintergrund hervorgehoben. Die integrative Montage lässt einen die Haupt- und Nebenthemen gut unterscheiden.

Struktur der Website

Die Bruchlinien in der *Kicker*-Website trennen das Relevante von weniger Relevantem. Die Anordnung ist vertikal: Die linke Spalte der Berichterstattung bringt das Wichtigste, funktioniert als Frame der Navigation. Die rechte liefert meist zusätzliche Informationen. Das Funktionszonen-Layout unterteilt den Raum in Zonen: Rechts sind Statistiken, Matchkalender, TV-Programm und Werbeflächen zu finden. Der kostenpflichtige Teil wird auf keine besondere Weise markiert, zu bestimmten Angeboten gelangt man nur über den digitalen Abo-Dienst.

Die Fotos werden von mehreren Titeln der thematisch verbundenen Beiträge begleitet, die nach Wunsch abgerufen werden können.

In die Reihe der Marker auf der visuellen Ebene gehören die Logos. Sie symbolisieren Fußballklubs oder wichtige internationale Wettbewerbe.

Sprachliche Aspekte

Zu den zentralen Modalitäten zählt Opilowski [2015, 221–222] rhetorische und lexikalische Sprachmittel. Zu den ersten gehören rhetorische Stilfiguren, Sprachspiele, Phraseologismen, intertextuelle Verweise u. a. Lexikalische Besonderheiten werden durch syntaktische Elemente wie den Satzbau und seine Komplexität vervollkommnet.

Rhetorisch-stilistischer Aspekt

Ein gebräuchliches Mittel der sprachlichen Bildhaftigkeit in den Sporttexten ist laut Vojtik [2013, 137] die Metapherisierung, die mit der allgemeinen Tendenz zur umgangssprachlichen Rhetorik im Sportbericht verbunden ist und die Texte bildhafter und überzeugender macht. Man findet bei *Kicker* Metaphern:

(1) Stöger *schoss seine Farben* in der 72. Minute endgültig *auf die Siegerstraße* (16.10.2017); Personifizierungen:

(2) Ferrari-Pilot Sebastian Vettel *wird weiter vom Pech heimgesucht* (10.10.2017); Zeugma:

(3) Mit *breiter Brust und jeder Menge Selbstvertrauen* schlug der Lightning in Detroit auf und ein (14.11.2017).

Der Gebrauch von idiomatischen Redewendungen, Phraseologismen mit emotiv-bewertender Semantik und umgangssprachlichen Elementen gibt dem Sporttext eine intensive sprachliche Persuasion und bringt der Berichterstattung mehr Ähnlichkeit mit der Alltagsrede:

(4) Die Rheinländer gewannen am Samstag das Topspiel bei Arminia Bielefeld mit 2:0 und verteidigten damit *ihren Platz an der Sonne* (16.10.2017).

(5) Das bessere Ende hatte Düsseldorf für sich, Neuhaus *machte* in der 76. Minute *den Deckel drauf* (16.10.2017).

(6) Nach Gertjan Verbeek, der schon vor der Saison *seinen Hut nehmen* musste, ereilte nun Ismail Atalan das gleiche Schicksal (17.10.2017).

Laut Dobrosklonskaja [2008, 16] ist diese Tendenz für die Pressesprache der meisten europäischen Länder charakteristisch. Die Expressivität der Sportpresstexte korrespondiert mit der Emotionalität der Bilder des multimodalen Sportdiskurses.

Die typischen Züge des Sportberichts sind laut Kiuru [2014, 42] Informativität, Logik, Genauigkeit, Objektivität und Verständlichkeit der Texte. Das verlangt eine objektivierende Textstrategie in Form der neutralen Syntax. Die Analysen zeigen, dass die Frequenz der emotional geladenen Sätze mit expressiver Wortfolge und emotiven Bewertungen in den Sporttexten hoch ist. Ausrufesätze, Fragesätze und Sprachspiel sind international Norm geworden:

(7) *Die Entscheidung? Nein!* Platte machte es nach einer Ecke wieder spannend (10.10.2017).

(8) Vettel: „*Hosen runter*“ *in Down under* (20.03. 2018) (Down under – eine scherzhafte Bezeichnung von Australien, Hosen runter bedeutet – das Beste in seiner Arbeit zeigen)

Lexikalischer Aspekt

Die verbale Sphäre eines Sportmediums zeichnet sich aus durch

– die hohe Frequenz von Elementen des Sportjargons, Termini und Fachlexik:

(9) Freistoß, Offensive, Elfmeterentscheidung, usw.;

– gebräuchliche Abkürzungen und Abkürzungen:

(10) DEL – Deutschen Eishockey-Liga, DFB – der Deutsche Fußball-Bund,

– Benennungen von Mannschaften, Personennamen von Sportlern und Trainern:

(11) *Memphis Grizzlies*, RB Leipzig Kapitän Henrik Zetterberg, Detroit's Trainer Jeff Blashill;

Fremdwörter, meistens Anglizismen, gehören in die Reihe der diskursiven Praktiken des Sportdiskurses:

(12) Play-offs, Tableau, Cup, Match, Tickets, Grand-Prix-Start usw.

Auf der Titelseite des *Kicker* sieht man auf Englisch geschriebene Bezeichnungen von Portalrubriken: News, Games, Community und Shop, was die Gültigkeit der Theorie von R. Phillipson [2000] über den *Linguistic Imperialism* des Englischen in der Presse bestätigt.

Chronotopoi sind aus dem Sportdiskurs nicht wegzudenken:

(13) Olympische Winterspiele in Pyeongchang.

Textsorten

Die Pressesprache tendiert dazu, die Übergänge zwischen den bekannten Textsorten fließend zu gestalten [Kleinjohann 1987, 57]. Man unterscheidet informations- und meinungsbetonte Presstexte [Burger/Luginbühl 2014]. News in Form der Kurznachricht sind informationsbetont.

Meinungsbetont sind der Bericht mit Elementen von Reportagen und Kommentaren sowie das Interview, sie gelten als die gebräuchlichsten Sportpressegattungen. Die Überschriften geben die Äußerungen von einer im Sport bekannten bzw. prominenten Person mit ihrem Porträt nach ihrem Namen mit Doppelpunkt wieder:

(14) *Boateng*: „Es ist völlig egal, woher man kommt“ (08.03.2018)

(15) *Seifert*: „Bundesliga ist der letzte große Bezugspunkt“ (08.03.2018)

Strategie der Leser-Orientierung

Das Interaktivitätspotential mit der Leserschaft wird im Medium dadurch realisiert, dass die Lesenden die Möglichkeit haben, ihre Meinung im Kommentar unter der Rubrik Kontakt zu formulieren.

Um die Aufmerksamkeit der Leserschaft zu gewinnen, ist der Titel relevant, der sprachlich maximal informativ sein soll und Komprimiertheit in elliptischer oder Nominalform aufweist:

(16) Ein folgenschwerer Stups (18.10.2017).

(17) „Ein bisschen Wut dabei“: Beisters sehenswerte Premiere (26.11.2018).

Fazit

Das Online-Magazin *Kicker* nimmt die ganze Kapazität der modernen digitalen Technik in Anspruch, es weist Merkmale der Interkulturalität auf, bleibt im Rahmen eigener Design-Traditionen, die ästhetisches Arrangement endsparend

den Zielen der Sportpresse erreichen lassen und auf die Übersichtlichkeit des Informationsflusses achten.

Die Erforschung der multimodalen Besonderheiten der modernen Online-Sportpresse können im Fremdsprachenunterricht, z. B. im Bereich der kulturwissenschaftlichen Linguistik, von Nutzen sein.

Literatur

- Войтик Е. Спортивная медиакоммуникация в России в начале XXI века. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2013.
- Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / Семиотика. Москва: Радуга, 1983. С. 483–550.
- Добросклонская Т. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). Москва: «Флинта», 2008.
- Bucher H.-Jür. Zeitungsentwicklung und Leserinteressen. Neue Formen der Informations- und Wissensvermittlung in Printmedien. In: „Der Deutschunterricht“. 1997, 3. S. 66–78.
- Bucher H.-Jür. Gedrucktes im Internet: Online-Zeitungen und Online-Magazine auf dem Weg zu einer eigenständigen Mediengattung. In: Von von *hdl* bis *cul8r* Sprache und Kommunikation in den Neuen Medien. Schlobinski Peter (Hrsg.), Band 7. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden-Verlag. 2006. S. 201–232.
- Burger H. Luginbühl M. Medientexte zwischen Globalisierung und Lokalisierung. Raumkonstitutionen aus Sicht der kontrastiven Medienanalyse. In: Schäfer, Patrik/Schwalter, Christine (Hrsg.) In medium Lingam. Mediensprache – Redewendungen – Sprachvermittlung, Lindau: Empirische Pädagogik. 2011. S. 73–93.
- Burger H., Luginbühl M. (Hg.) Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformender Massenmedien. Berlin. Boston. 2014.
- Cooke L. A visual convergence of print, television and internet: charting 40 years of design change in news presentation. *New Media&Society*, 7 (1), 2005. S. 22–46.
- Groth O. Die unbekannte Kulturmacht. Grundlegung der Zeitungswissenschaft. Bd. 1, Berlin: W. de Greuter. 1960.
- Fix U. Die Ästhetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte. In: Zeitschrift für Germanistik 1, 2001. S. 36–52.
- Hepp A. Medienkultur. Medien – Kultur – Kommunikation. 2. Aufl. Wiesbaden: Springer. 2013.
- Jędrejewski L. Deiktische Modalverben und Fremd- bzw. Eigenbewusstseinabgleich als Diskursmarker. In: Diskurslinguistik – Systemlinguistik. Theorien – Texte – Fallstudien. Lipczuk R. / Misiek D. / Schiewe Jür. & Westphal W. (Hg.). Hamburg. 2010. S. 301–308.
- Kiuru K. V. Structure of sports media discourse: Journalistic and PR-discourse / Literature, language and culture influenced by globalization: Monograph / ed. by L. Shlossman. Vienna, 2014.

- Kleinjohann M. Sportzeitschriften in der Bundesrepublik Deutschland. Bern: Peter Lang. 1987.
- Meier St., Sommer V. Multimodalität im Netzdiskurs. Methodisch-methodologische Betrachtungen zur diskursiven Praxis im Internet. In: Siever T., Schlobinski P. (Hg.): Entwicklungen im Web 2.0. Ergebnisse des III. Workshops zur linguistischen Internetforschung. Frankfurt a. M. u. a. 2012. S. 97–114.
- Opilowski R. Der multimodale Text aus kontrastiver Sicht. Textdesign und Sprache-Bild-Beziehung in deutschen und polnischen Presstexten. Wrocław-Dresden: ATUT/Neiss, 2015.
- Phillipson R. English in the new world order: Variations on a theme of linguistic imperialism and 'world' English. In: T. Ricento (Ed.), Ideology, politics and language policies: Focus on English. Amsterdam 2000. The Netherlands: John Benjamins. P. 87–106.
- Schmitz Ul. Sehflächenforschung. Eine Einführung. In: Diekmannshenke H.U., Stöckl H. (Hg.), 2011. S. 23–42.
- Stegu M. Text und Kontext. Zur Rolle von Fotos in Tageszeitungen. In: Fix U., Wellmann H. (Hg.): Bild im Text – Text und Bild. Heidelberg, 2000. S. 307–323.
- Stöckl H. (Un-) Chain in the floating Image. Methodologische Überlegungen zu einem Beschreibungs- und Analysemodell für die Bild/ Textverknüpfung aus linguistischer und semiotischer Perspektive. In: Kodikas/Code. Ars Semiotica, Vol. 21, No. 1–2, Tübingen, 1998. S. 74–98.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Bucher H.-Jür. Zeitungsentwicklung und Leserinteressen. Neue Formen der Informations- und Wissensvermittlung in Printmedien. In: „Der Deutschunterricht“. 1997, 3. S. 66–78.
- Fix U. Die Ästhetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte. In: Zeitschrift für Germanistik 1, 2001. S. 36–52.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Grejmas A. Zh., Kurte Zh. Semiotika (1983): Ob'yasnitel'nyj slovar' teorii yazyka [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory]. Semiotika. – Moskva: Raduga, 1983. P. 483–550.
- Ligostaeva N.D. Sport v diskursax informacionnogo obshchestva: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017, No. 10-1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-v-diskursah-informatsionnogo-obshchestva> [letzter Zugriff: 15.03.2018].
- Bucher H.-Jür. Gedrucktes im Internet: Online-Zeitungen und Online-Magazine auf dem Weg zu einer eigenständigen Mediengattung. In: Von von *hdl* bis *cul8r* Sprache

- und Kommunikation in den Neuen Medien. Schlobinski Peter (Hrsg.), Band 7. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Duden-Verlag. 2006. S. 201–232.
- Burger H., Luginbühl M. Medientexte zwischen Globalisierung und Lokalisierung. Raumkonstitutionen aus Sicht der kontrastiven Medienanalyse. In: Schäfer, Patrik/Schwalter, Christine (Hrsg.) In medium Lingam. Mediensprache – Redewendungen – Sprachvermittlung, Lindau: Empirische Pädagogik. 2011. S. 73–93.
- Burger H., Luginbühl M. (Hg.) Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformender Massenmedien. Berlin – Boston, 2014.
- Cooke L. A visual convergence of print, television and internet: charting 40 years of design change in news presentation. *New Media&Society*, 7 (1), 2005. S. 22–46.
- Jędrejewski Ł. Deiktische Modalverben und Fremd- bzw. Eigenbewusstseinabgleich als Diskursmarker. In: Diskurslinguistik – Systemlinguistik. Theorien – Texte – Fallstudien. Lipczuk R., Misiek D., Schiewe Jür., Westphal W. (Hg.). Hamburg, 2010. S. 301–308.
- Meier St., Sommer V. Multimodalität im Netzdiskurs. Methodisch-methodologische Betrachtungen zur diskursiven Praxis im Internet. In: Siever T./ Schlobinski P. (Hg.): Entwicklungen im Web 2.0. Ergebnisse des III. Workshops zur linguistischen Internetforschung. Frankfurt a. M. u. a. 2012. S. 97–114.
- Phillipson R. English in the new world order: Variations on a theme of linguistic imperialism and 'world' English. In: T. Ricento (Ed.), Ideology, politics and language policies: Focus on English. Amsterdam 2000. The Netherlands: John Benjamins. P. 87–106.
- Schmitz U. Sehflächenforschung. Eine Einführung. W: Diekmannshenke, Hajo, Ulrich/Stöckl, Hartmut (Hg.). 2011. S. 23–42.
- Stegu M. Text und Kontext. Zur Rolle von Fotos in Tageszeitungen. In: Fix U., Wellmann H. (Hg.): Bild im Text – Text und Bild. Heidelberg, 2000. S. 307–323.
- Stöckl H. (Un-) Chain in the floating Image. Methodologische Überlegungen zu einem Beschreibungs- und Analysemodell für die Bild, Textverknüpfung aus linguistischer und semiotischer Perspektive. In: Kodikas/Code. Ars Semiotica, Vol. 21, No. 1–2, Tübingen, 1998. S. 74–98.

(Monographs)

- Vojtik E. Sportivnaya mediakommunikaciya v Rossii v nachale XXI v. [Sports media communication in Russia at the beginning of XXI century]. Tomsk: Izdatel'skij Dom TGU, 2013.
- Dobrosklonskaja T. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya anglijskaya mediarech'). [Medialinguistic: a systematic approach to the study of media language (Modern English mediarich)] Moskva: Izd-vo «Flinta», 2008.
- Groth O. Die unbekannte Kulturmacht. Grundlegung der Zeitungswissenschaft. Bd. 1, Berlin: W. de Greuter. 1960.

- Hepp A. Medienkultur. Medien – Kultur – Kommunikation. 2. Aufl. Wiesbaden: Springer. 2013.
- Kiuru K.V. Structure of sports media discourse: Journalistic and PR-discourse / Literature, language and culture influenced by globalization: Monograph / ed. by L. Shlossman. Vienna, 2014.
- Kleinjohann M. Sportzeitschriften in der Bundesrepublik Deutschland. Bern: Peter Lang, 1987.
- Opilowski R. Der multimodale Text aus kontrastiver Sicht. Textdesign und Sprache-Bild-Beziehung in deutschen und polnischen Presstexten. Wrocław-Dresden: ATUT/Neiss, 2015.

Сведения об авторе:

Шипова Ирина Алексеевна, д.ф.н., доцент. Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры немецкого языка. – Научные интересы: лингвистика текста, теоретическая грамматика немецкого языка, мультимодальный дискурс.

E-mail: schipowa@mail.ru

Schipowa Irina A., D. SC.N., associate Professor. Moscow state pedagogical University, Professor of the German language Department. – Scientific interest: text linguistics, theoretical grammar of the German language, Multimodal discourse.

E-mail: schipowa@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ В АВСТРИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Т.А. Яковлева (Москва)

Московский государственный институт международных отношений,
Москва

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные исторические факторы, повлиявшие на формирование австрийского национального варианта немецкого языка. Основными источниками своеобразия немецкого языка в Австрии являются исторические особенности его формирования, наличие на территории Австрии диалектов, а также заимствования из других языков. Наибольшее влияние на литературный язык оказал венский диалект, который имеет особый статус общевосточноевропейского разговорного языка. В исследовании рассматривается ряд лексических расхождений в немецком и австрийском узусе на примере глаголов. Приводятся примеры австрийских глагольных лексем, служащих для выражения понятий, которые отсутствуют в культуре Германии и обозначаются термином «безэквивалентная лексика». Большой лексический пласт образуют частично эквивалентные лексемы, имеющие несовпадение объёма денотативного значения. Результаты данного исследования могут представлять интерес для использования в курсах страноведения немецкоязычных стран и в педагогической практике.*

***Ключевые слова:** австрийский национальный вариант немецкого языка, полинациональный язык, безэквивалентная лексика, лексические особенности, лексические расхождения.*

LEXICAL FEATURES OF VERBS IN THE AUSTRIAN NATIONAL VARIANT OF THE GERMAN LANGUAGE

***Abstract:** The article discusses the main historical factors that influenced the formation of the Austrian national version of the German language. The main sources of originality of the German language in Austria are the historical features of its formation, the presence in the territory of Austria of dialects, as well as borrowings from other languages. The Viennese dialect, which has the special status of the common Austrian spoken language, had the greatest influence on the literary language. The study examines a number of lexical differences in the German and Austrian uzus on the example of verbs. Examples of Austrian verbal lexemes used to express concepts that are absent in German culture and are denoted by*

the term non-equivalent vocabulary are given. A large lexical layer is formed by partially equivalent tokens that have a discrepancy in the volume of the denotative meaning. The results of this study may be of interest for the use in the country studies courses of German-speaking countries and in teaching practice.

Key words: *Austrian national variant of the German language, poly-national language, austricisms, lexical features, lexical differences.*

Немецкий язык, являясь полинациональным языком, имеет несколько центров развития, в которых формируются национальные варианты с собственными языковыми нормами и с равноправным статусом. Каждый из национальных вариантов нормирован, кодифицирован, многофункционален, стилистически дифференцирован и в то же время универсален; существует в письменной и устной форме, являясь, в свою очередь, «общим знаменателем» множества региональных диалектов.

Данная работа посвящена исследованию лексических особенностей австрийского национального варианта современного немецкого языка на примере глаголов.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью дальнейшего исследования полинациональных языков вследствие интенсивно разрабатываемых в последнее время вопросов языкового варьирования, что подтверждается возрастающим интересом отечественных и зарубежных лингвистов к этой теме.

В качестве **материала** исследования были отобраны 100 глаголов современного литературного языка Австрии, которые воспринимаются австрийцами как общенациональная норма, относящиеся к восьми тематическим группам (ТГ) по первому, основному значению: «Общественная жизнь (судопроизводство, торговля, политика)», «Военное дело», «Медицина», «Образование и школа», «Свободное время», «Домашнее хозяйство», «Приготовление пищи», «Семейные отношения».

Для отбора лексических единиц в качестве основных источников были использованы одноязычные словари немецкого языка, а также австрийско-немецкие словари [Duden 1993–1995; Wintersberger 2015; Ebner 2010; Sedlaczek 2004; Seibicke 1983].

Данное исследование основывается на работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как А. И. Домашнев, Г. В. Степанов, Г. Е. Зиброва, Н. Н. Филичева, У. Аммон, Я. Эбнер, Р. Зедлачек, Л. Мейхофер, Г. Хубер.

Для изучения лексических особенностей глаголов в австрийском национальном варианте немецкого языка были использованы **методы** сопоставления, обобщения, описания и анализа.

Несмотря на то что между лингвистами до сих пор нет единой точки зрения на существование австрийского национального варианта немецкого языка, изучение особенностей современного литературного языка Австрии продолжает привлекать внимание ученых. Как отмечает Н. К. Воронцова [Воронцова 2016, 66], формирование национальных вариантов одного языка является следствием влияния исторических, географических, этнических, социокультурных и политических факторов.

Рассмотрим несколько исторических факторов, повлиявших на становление современного литературного языка в Австрии. К. Воцелка подчеркивает, что девять федеральных земель современной Австрии в историческом, культурном и языковом отношении не представляют собой единого целого [Vocelka 2000, 20]. Австрия расположена на пересечении трех культурных пластов: романского, германского и славянского. В VI веке территорию современной Австрии населяли преимущественно три этнических группы: бавары, авары и славяне [Vocelka 2000, 81]. С того времени до нас дошли лишь немногие письменные источники, которые свидетельствуют о лексических заимствованиях из языков этих этнических групп.

До XIII века западные земли Австрии, в частности Тироль, находились в составе Баварии, и принятое словарями Duden разграничение лексики на баварскую и австрийскую представляется многим лингвистам, в том числе Г. Хуберу [Huber 2013, 15], достаточно спорным, поскольку баварский диалект является одним из источников современного немецкого языка Австрии. Существует много общих слов и грамматических форм [Зиброва 1995, 10].

В XIII веке при Габсбургах территория Австрии была увеличена, в нее вошли Каринтия, Штирия, Тироль, Бургундия, богемские и венгерские земли. Экспансионистская политика Габсбургов сделала государство богаче, могущественнее и, благодаря взаимодействию различных народов, создала предпосылки для более плодотворного развития культуры и языка.

Свою роль в становлении австрийского национального варианта сыграла Реформация. Австрия осталась католической, вместе с конфессией она отвергла и так называемый «язык Лютера», который представлял собой саксонский канцелярский письменный язык.

В 1804 году Габсбурги отказались от господства в Германии и основали Австрийскую империю. С ослаблением политических связей с Германией начинается новый этап в развитии австрийского варианта немецкого языка. Сосуществование многих народов: немцев, чехов, словаков, хорватов,

поляков, словенцев, мадьяр (венгров), сербов, итальянцев и других, входивших в состав империи, вылилось в возникновение новой культуры и нового образа жизни. При этом немецкоязычное население имело привилегированный статус и пользовалось большими правами, например при занятии ключевых постов на государственной службе [Копчук 2003, 30].

В 1918 году была провозглашена Австрийская Республика и появилось понятие «австриец» как противопоставление понятию «немец». Тем самым австрийская национальность стала реальностью. После принятия Конституции Австрии в 1920 году немецкий язык становится официальным государственным языком. В этот период появилось много слов и выражений, получивших впоследствии обозначение «австрицизмы» то есть лексические единицы, являющиеся нормой только в австрийском варианте немецкого языка, названия предметов и явлений, имеющие в общелитературном немецком языке иные наименования. Например, глагол *jausen* (нем. *essen*) «есть, полдничать, пить кофе между обедом и ужином».

Во время «аншлюса», присоединения Австрии к Германии (1938–1945), многие австрицизмы были заменены немецкими эквивалентами. После Второй мировой войны Австрия стремилась дистанцироваться от Германии и всячески подчеркнуть свою национальную идентичность, в том числе языковую.

В 1951 году был издан словарь современного австрийского языка «*Österreichisches Wörterbuch*» («Австрийский словарь»), который сыграл важную роль в развитии австрийского национального варианта немецкого языка, в его нормировании и кодификации. Словарь содержит наиболее употребительную лексику и предлагает орфографическую норму немецкого языка в Австрии. По мнению австрийского историка Карла Воцелки, именно в этот период Австрия преподносилась властью имущими как «лучшее» немецкое государство, превосходство которого над Германией заключается в католицизме, более высокой культуре и более дружелюбном и уживчивом характере австрийцев [Vocelka 2000, 35].

Одним из наиболее значимых проявлений национального самосознания австрийцев является отстаивание права на использование австрицизмов в официальной коммуникации в Европейском союзе. Важным достижением в этом направлении стал «Список специфических австрийских слов и выражений», которые были внесены в Реестр Европейского союза. В этом списке

23 слова, обозначающие названия блюд, овощей, фруктов, например *Obers* (нем. *Sahne*) «сливки», *Paradeiser* (нем. *Tomate*) «помидор».

Немецкий язык в Австрии имеет такие же формы существования, как и в стандартном немецком и в любом другом языке: литературный язык, разговорный язык, диалект. В языковом отношении австрийский национальный вариант немецкого языка относится к группе верхненемецких диалектов. Основу языка составляют баварско-австрийские диалекты: среднеавстрийский, южноавстрийский и верхнеалеманнский диалект Форарльберга [Воронцова 2016, 69].

Особую роль в Австрии играет венский диалект. Он имеет значение общеавстрийского разговорного языка и тесно связан с литературным языком, формируя определенную основу понятия *австрийский вариант*. По мнению Н. И. Филичевой [Филичева 19983, 168], это объясняется прежде всего тем, что в Вене проживает четверть населения Австрии, то есть почти 2 000 000 жителей. Венский диалект представляет собой объект для подражания для Восточной и Нижней Австрии, Бургенланда, через посредничество Граца и Линца воздействует на Верхнюю Австрию и Штирию, а также, ввиду отсутствия другого языкового центра, на Зальцбург [Копчук 2003, 37].

Глаголы в австрийском национальном варианте немецкого языка обладают фонетическими, грамматическими, лексическими и стилистическими особенностями. Лексические особенности проявляются в словообразовании, в морфологии, но в большей степени они заметны в различиях значений лексем и в словоупотреблении.

Глаголы в нашей выборке можно поделить на две основные группы:

1. Безэквивалентные лексемы, то есть слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другие языки одним словом [Томахин 1999, 5]. Например, глагол *granteln* обозначает неотъемлемую черту характера коренного австрийца – стремление ворчать, жаловаться; *fensterln* обозначает старую традицию влезать к любимой девушке в окно.

2. Частично эквивалентные лексемы, имеющие несовпадение объема денотативного значения. Случаи, когда лексема приобретает в австрийском варианте специфические значения, отсутствующие в стандартном немецком языке, встречаются довольно часто. Приведем несколько примеров в *Таблице 1*.

Таблица 1

Лексема	Общие значения в стандартном немецком и в немецком в Австрии	Значения, характерные только для Австрии	Пример
<i>anstehen</i>	стоять в очереди; находиться вблизи чего-либо; быть к лицу;	a) auf jemanden/etwas angewiesen sein «быть зависимым от кого-либо/чего-либо»; b) bevorstehen «предстоять»	a) Auf ihn/auf sein Geld stehe ich nicht an. b) Seine Beförderung zum Sektionschef steht demnächst an.
<i>aufheben</i>	поднимать; отменять; ликвидировать	etwas übrig lassen «оставлять кому-то что-то»	Heb mir was von der Nachspeise auf!
<i>ausrichten</i>	выравнивать; устраивать; передавать	schlecht über jemanden sprechen «сплетничать, ругать кого-либо»	Die Nachbarin richtet alle Leute aus.
<i>leeren</i>	Опустошать	(irgendwohin) gießen, schütten «лить»	Du kannst das Wasser an den Strauch leeren; den Kübel (den Inhalt des Eimers) in den Ausguss leeren
<i>schmecken</i>	пробовать (на вкус); нравиться, быть по вкусу	riechen «обонять что-либо, чувствовать запах чего-либо»	Ich schmecke das salzige Leder im Wind ...
<i>jemanden nicht schmecken können</i>		jemanden nicht riechen können «не выносить кого-то»	Ich kann ihn nicht schmecken.

Специфическая только для Австрии глагольная лексика используется для обозначения действий, связанных с особенностями политической, экономической, культурной и повседневной жизни австрийцев и несет национально-специфическую окраску. Приведем несколько примеров из этих областей:

I. Общественная жизнь:

а) судопроизводство

abstrafen (gerichtlich bestrafen) «наложить судебное взыскание»; *erlegen* (einen Geldbetrag zahlen) «платить»; *einvernehmen* (verhören) «допрашивать»; *novellieren* (ein Gesetz ändern) «изменять закон»; *dirimieren* (entscheiden) «принимать решение»; *urgieren* (hartnäckig auf eine Entscheidung drängen) «торопить, настаивать на принятии решения»;

б) торговля

packeln (paktieren) «тайно договариваться о чем-либо»; *veranlagen* (anlegen) «вкладывать (деньги)»;

в) политика

Два глагола в нашей выборке можно отнести к сфере политики: *akklamieren* (mit Beifall bedenken) «бурно приветствовать, устраивать овацию», например *Der Spitzenkandidat ist von den Parteimitgliedern heftig akklamiert worden*. Другое значение глагола *akklamieren* (durch Zuruf wählen) «избирать путем выражения всеобщего одобрения». Глагол происходит от латинского *acclamare*, где *clamare* означает «громко кричать».

Второй глагол *plafon(d)ieren* (nach oben hin begrenzen) имеет значение «достичь потолка, максимума, ограничивать, устанавливая верхнюю границу», например *Ausgaben plafondieren* «ограничивать выплаты». Глагол является производным существительного *der Plafond* (фр. плафон, потолок), австр. «потолок» (предельный, максимальный размер чего-либо).

Многие слова австрийского варианта восходят к канцелярскому языку Габсбургской монархии, поэтому в сфере права, управления и политики используется много австрицизмов. Характерной особенностью многих юридических понятий является их латинское происхождение.

II. Военное дело:

adjustieren (dienstmäßig kleiden, ausrüsten) «надевать униформу; вооружать, снабжать оружием»; *assentieren* (für den Wehrdienst als tauglich anerkennen) «признать годным к воинской службе».

III. Медицина:

sich verkühlen (sich erkälten) «простудиться»; *ansandeln* (anstecken) «заражать, инфицировать»; *hatschen* (hinken) «хромать»; *übertauchen* (eine Krankheit überstehen) «выздороветь»; *verarzten* (ärztlich behandeln) «оказывать врачебную помощь».

В Австрии чаще, чем в стандартном немецком, встречаются глаголы, оканчивающиеся на -ieren. В ТГ «Медицина» это глаголы: *laborieren* (leiden, krank sein, wegen Krankheit nicht zur Arbeit kommen) «болеть»; *röntgenisieren*

(röntgen) «просвечивать [лечить] рентгеновскими лучами», образованные по аналогии с другими глаголами, встречающимися в языке профессии (*galvanisieren, ionisieren* и т.д.).

IV. Образование и школа:

Наибольшее количество примеров представлено в ТГ «Образование и школа», самые яркие из них: *fuzeln* (mit winzigen Buchstaben schreiben) «очень мелко, убористо писать»; *maturieren* (Abitur machen) «сдавать экзамен на аттестат зрелости»; *inskribieren* (für eine Hochschule einschreiben) «принимать в высшее учебное заведение»; *stucken* (angestrengt lernen) «зубрить»; *einsagen* (vorsagen) «подсказывать».

V. Свободное время:

radeln (Rad fahren) «кататься на велосипеде»; *weitspringen* (Weitsprünge machen) «далеко прыгать»; *plauschen* (plaudern) «болтать»; *ratschen* (sich unterhalten) «беседовать, болтать»; *hutschen* (schaukeln) «качаться на качелях».

VI. Домашнее хозяйство:

aufbetten (Bett machen) «стелить постель»; *almen* (Vieh auf der Alm halten) «пасти скот»; *zusammenräumen* (aufräumen) «убирать»; *ausbeuten* (ausschütteln) «вытрясать (платье, ковры)»; *zusammenkehren* (auffegen) «сметать (мусор)».

VII. Приготовление пищи:

Kaffee reiben (Kaffee mahlen) «молоть кофе»; *das Essen richten* (das Essen zubereiten) «готовить еду»; *paprizieren* (mit Paprika würzen) «перчить».

Два глагола в нашей выборке обозначают процесс обработки мяса, рыбы и т.п., первоначально применяемый для длительного хранения продукта: глагол *selchen* (нем. räuchern) «коптить» (мясо и т.п.) происходит от древневерхненем. *arselchen* «сушить, вялить»; *suren* (rökeln) «солить» (мясо, рыбу и т.п.) от средневерхненем. *siur* «кислота».

VIII. Семейные отношения:

sich verschauen (sich verlieben) «влюбиться»; *ein Mädchen heimführen* (heiraten) «жениться».

На примере глагола *fensterln* (nachts zum Mädchen ans oder durchs Fenster gehen), вслед за Е. Н. Блохиной [Блохина 2018, 97–100], рассмотрим, как переосмысливается в современном языке основное значение лексемы, представляющее собой характерный элемент национальной культуры. Изначально глагол обозначал 1) «древний обычай залезать по ночам через окна в спальни девушек, расположенные на высоком этаже крестьянских домов»: „*Innsbruck – Das „Fensterln“ gehörte in heimischen Bergregionen jahrhundertlang zum gelebten*

Brauchtum. Bis in die 80er Jahre des vergangenen Jahrhunderts konnte man durchaus noch stramme Burschen zu ihren Angebeteten kraxeln sehen, meinte die Leiterin des Innsbrucker Volkskundemuseums, Herlinde Menardi.“ [Tiroler Tageszeitung, 11.02.2012, Fensterln: eine aussterbende Tradition]. Обычай продолжал жить в течение многих веков и лишь в наше время воспринимается как устаревший. Тем не менее слово продолжает активно использоваться и приобретает новые значения, такие как: 2) «проникновение в помещение альтернативным способом» (через окно): „*Junger Mann beim „Fensterln“ für Einbrecher gehalten*“ [Tiroler Tageszeitung, 03.03.2015]; 3) «открытие окон рождественского календаря» связано с завоёвывающей популярностью традицией живого рождественского календаря. Желаящие создать праздничное окно (одно из 24) в своём доме/квартире заранее подают заявку в местную администрацию, получают номер и готовят сюрприз для своих земляков. Содержимое окна раскрывается в соответствующую номеру дату и сопровождается рассказом истории, инсценировкой, угощением: „*Beim Kirchheimer Adventsfensterln handelt es sich um einen Adventskalender zum Spaziergehen. Hierbei werden 24 liebevoll gestaltete Fenster in der ganzen Gemeinde aufgeboden und jeden Tag wird ein anderes Fenster enthüllt.*“ [Mein Bezirk, 05.03.2017; Oberösterreichischer Adventsfensterln]. Значение 4) «работа с компьютерной операционной системой Microsoft Windows» появилось сравнительно недавно. Данная операционная система достаточно простая, с ней могут работать все: „*Fensterln darf jeder*“; „*Frauen können am PC fensterln*“ [COMPUTER ZEITUNG, 04.03.2001]. Интересно переосмысление лексемы в оконном бизнесе: „*...auch große Firmen oder Institutionen „fensterln“ gerne mit Rutsch. Als die Deutsche Bank in Berlin einen Gebäudekomplex übernahm, durfte die badische Firma für umgerechnet 1,63 Mio. Euro mehr als 400 Fenster einbauen*“ [Mannheimer Morgen, 30.12.2005; Mit den Produkten aus dem Hause Rutsch „fensterln“ viele]. В последнем примере лексема обозначает 5) «монтаж/установку окон».

Несмотря на наличие диминутивного суффикса -l, несущего смысл несерьёзности, спектр эмоционально-оценочных компонентов значения лексемы не сводится к иронии. В лексеме вербализуется присущий различным культурам концепт веры в решение любой трудной ситуации, соотносимый с образом открываемого Богом окна при закрытых дверях. Именно эта оптимистичность слова *fensterln* является, по мнению Е. Н. Блохиной [Блохина 2018, 100], причиной его повсеместного принятия и активного употребления в немецком языке.

В заключение хотелось бы отметить, что австрицизмы являются важным средством хранения и трансляции национальной культуры. Все глагольные австрицизмы можно поделить на три основные группы:

1. Используемые в официальном обиходе, в сфере управления, политики и права, средствах массовой информации, в быту, некоторые профессиональные обозначения;

2. Баварские австрицизмы: лексика, общая для большей части Австрии и Баварии, используемая вследствие принадлежности обеих стран к ареалу распространения баварского диалекта;

3. Региональные австрицизмы: восточные, западные, южноавстрийские особенности и особенности словоупотребления в отдельных землях.

Существование австрицизмов объясняется достаточно ранним образованием самостоятельного австрийского государства, удаленностью от крупных немецких языковых центров и влиянием местных диалектов, на основе которых сформировался собственный письменный язык и которые являются постоянным источником его обогащения и пополнения. Использование австрицизмов в австрийской литературе и прессе создает особый стилистический эффект, они придают сообщению местный колорит, а также служат средством хранения и трансляции национальной культуры и источником идентификации.

По мнению Л. Б. Копчук, среди всех немецкоязычных стран в Австрии наиболее ярко сформировалась собственная национальная разновидность языка, в которой в полной мере отражается национальное своеобразие [Копчук 2003, 34]. Все усилия, направленные в Австрии на сохранение языковой самобытности нации, выражаются в развитии национальной вариативности – собственного австрийского нормативного немецкого языка.

Литература

- Блохина Е.Н. Диалектная лексика как средство отражения культуры региона (на материале среднебаварского диалекта Верхней Баварии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2017. 228 с.
- Воронцова Н.К. Языковая ситуация в Австрии // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. № 2, 2016. С. 66–71.
- Зиброва Г.Е. Так говорят по-немецки в Австрии и Швейцарии. М.: Высш. шк., 1995. 159 с.
- Копчук Л.Б. Языковая ситуация в Австрии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб.: Златоуст, 2003. С. 29–44.
- Томахин, Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999. 576 с.
- Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. М.: Высшая школа. 1983. 192 с.

- Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Hrsg. und bearb. von G. Drosdowski (Leitung). Mannheim, Wien, Zürich, 1993–1995. 4096 S.
- Ebner J. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch// Wörterbuch des österreichischen Deutsch: Wie sagt man in Österreich? Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2010. 477 S.
- Huber G. Hubers bairische Wortkunde. Wissen woher Wörter kommen. München: Volk Verlag, 2013. 216 S.
- Mayhofer L., Krassa D. Österreichisch – Wort für Wort, Know-How Verlag, Bielefeld, 2016. 192 S.
- Sedlaczek R. Das Österreichische Deutsch. Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 496 S.
- Seibicke W. Wie sagt man anderswo?: Landschaftliche Unterschiede im Deutschen Sprachgebrauch: 2.Aufl., neu bearb. und erw. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1983. 190 S. (Die Duden Taschenbücher; 15).
- Vocelka K. Geschichte Österreichs. Kultur – Gesellschaft – Politik. Graz: Styria, 2000. 408 S.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Vorontsova N.K. Yazykovaya situatsiya v Avstrii [The language situation in Austria]: *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta*. Filologicheskiye nauki. № 2. 2016. S. 66–71. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Kopchuk L.B. Yazykovaya situatsiya v Avstrii. [Language situation in Austria]. *Resheniye natsional'no-yazykovykh voprosov v sovremennom mire*. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2003. P. 29–44. (In Russian).

(Monographs)

- Filicheva N.I. Dialektologiya sovremennogo nemetskogo yazyka [Dialectology of modern German]. Moscow: Vysshaya shkola. 1983. 192 s. (In Russian).
- Huber G. Hubers bairische Wortkunde. Wissen woher Wörter kommen. München: Volk Verlag, 2013. 216 S. (In German).
- Tomakhin G.D. SSHA. Lingvostranovedcheskiy slovar'. [USA. Linguistic and Cultural Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1999. 576 s. (In Russian).
- Zibrova G.E. Tak govoryat po-nemetski v Avstrii i Shveytsarii. [So they speak German in Austria and Switzerland]. Moscow: Vyssh. shk., 1995. 159 s. (In Russian).
- Vocelka K. Geschichte Österreichs. Kultur – Gesellschaft – Politik. Graz: Styria, 2000. 408 S. (In German).

(Thesis and Thesis Abstracts)

Blohina E.N. Dialektная лексика как средство отражения культуры региона (на материале среднебаварского диалекта Verhnej Bavarii). [Dialect vocabulary as a means of reflecting the culture of the region (on the material of the Middle Bavarian dialect of Upper Bavaria)]. PhD Thesis. Moscow, 2017. 228 p. (In Russian).

(Dictionaries)

- Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Hrsg. und bearb. von G. Drosdowski (Leitung). Mannheim, Wien, Zürich, 1993–1995. 4096 S. (In German).
- Ebner J. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch: Wörterbuch des österreichischen Deutsch: Wie sagt man in Österreich? Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2010. S. 439–477. (In German).
- Sedlaczek R. Das Österreichische Deutsch. Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2004. 496 S. (In German)
- Seibicke W. Wie sagt man anderswo?: Landschaftliche Unterschiede im Deutschen Sprachgebrauch: 2. Aufl., neu bearb. und erw. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1983. 190 S. (Die Duden Taschenbücher; 15). (In German).
- Wintersberger A. Österreichisch – Deutsches Wörterbuch: Zusammenestellt von A. Wintersberger. Salzburg: Residenz Verlag, 2015. 196 S. (In German).

Сведения об авторе:

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО). – Сфера научных интересов: контрастная лингвистика, субстантивная полисемия, лингвокультурология.

E-mail: tatianayakovlevamg@yandex.ru

Yakovleva Tatiana A. – PhD, Associate Professor, Docent of the German Language Department Moscow State Institute of International Relations (University) MGIMO MID Russia – University. – Area of expertise: contrastive linguistics, the noun polysemy, cultural linguistics.

E-mail: tatianayakovlevamg@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ В ЮБИЛЕЙНОМ ИЗДАНИИ ЛЮТЕРОВСКОЙ БИБЛИИ (2017)

Е.Б. Яковенко

Институт языкознания РАН, Москва

***Аннотация:** В работе предполагается сопоставление изданий Лютеровской Библии 1534, 1912, 1984 и 2017 гг. с целью выявления специфики последнего – юбилейного – издания. К анализу привлекаются данные первоисточников – древнееврейского текста Ветхого Завета (Biblia Hebraica Stuttgartensia) и греческого Нового Завета (Novum Testamentum Graece (Nestle-Aland) (28-е издание)); исследуется характер эквивалентности, возникающей между единицами вышеуказанных переводов и первоисточников. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что по своему характеру Библия Лютера издания 2017 г. представляет собой ближайший естественный перевод (по терминологии Ю. Найды) с преобладанием таких типов эквивалентности между источниками и переводом, как семантическое тождество ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов; семантическое тождество ключевых слов при незначительных различиях в структурно-семантическом оформлении контекстов; отсутствие семантического тождества ключевых слов, обусловленное несопадением объемов понятий в оригинале и переводе, при структурно-семантическом тождестве контекстов. По сравнению с предыдущими изданиями в редакции 2017 г. наблюдается отказ от смыслового перевода в пользу формального и восстановление в ряде случаев структурно-семантической организации оригинального стиха. Изменения в издании 2017 г., затронувшие около половины библейских стихов (16 000 из 31 000), привели к созданию нового текста, более точного и в то же время отвечающего нормам современного литературного немецкого языка.*

***Ключевые слова:** Реформация, библейский перевод, эквивалентность, формальный перевод, смысловой перевод.*

TRANSLATION CHALLENGES AND SOLUTIONS IN THE JUBILEE EDITION OF THE LUTHER BIBLE (2017)

***Abstract:** The paper offers a contrastive analysis of the Luther Bible editions (1534, 1912, 1984, and 2017) aimed at revealing the specifics of the last – jubilee – edition. Data of the Hebrew text of the Old Testament (Biblia Hebraica Stuttgartensia) and the Greek New Testament (Novum Testamentum Graece (Nestle-Aland) (28th ed.) are used to determine the*

character of equivalence arising between key words and their contexts in the translations and their sources. The analysis allows us to conclude that, by its nature, the Luther Bible 2017, according to the terminology of E. Nida, is the closest natural translation with the predominance of such types of equivalence as full equivalence of key words and their contexts; full equivalence of key words and partial lexical and/or grammatical equivalence of their contexts; partial equivalence of key words and full lexico-grammatical equivalence of their contexts, due to the discrepancy between the scope of concepts in the original and translation. Compared to the previous editions, there is a rejection of the semantic translation in favour of the formal and restoration in some cases of the structural and semantic organization of the original verse. Changes in the 2017 edition, affecting about half of the biblical poems (16,000 out of 31,000), led to the creation of a new text that is more accurate and at the same time meets the standards of the modern literary German language.

Key words: *Reformation, biblical translation, equivalence, word-for-word translation, sense-for-sense translation.*

Библия Мартина Лютера (Lutherbibel) – наиболее распространенный и наиболее значимый немецкий библейский перевод – постоянно находится в фокусе исторических, теологических, лингвистических исследований. Внимание к Лютеровской Библии обусловлено той ролью, которую она сыграла в реформационных и постреформационных процессах, распространении протестантизма в Германии и за ее пределами, формировании норм немецкого литературного языка, утверждении новых принципов перевода.

Библия Мартина Лютера представляет большой интерес для переводоведения как текст, восходящий к ряду источников разных периодов и разного качества, ориентированный не на оригинал, а на читателя, т.е. демонстрирующий признаки смыслового перевода, подвергшийся за всю историю своего существования многочисленным правкам и переизданиям. Сочетание вышеуказанных моментов, а также художественные достоинства перевода сделали Библию Лютера уникальным текстом, все этапы подготовки и последующие издания которого заслуживают большого внимания.

Следует также отметить сложное и в определенной степени спорное авторство Лютеровской Библии. Если перевод Нового Завета выполнялся самим Лютером, то в подготовке перевода Ветхого Завета участвовали также соратники Лютера – Меланхтон и Аурагаллюс, – роль которых в подготовке перевода нередко умалчивается. Переиздания Лютеровской Библии, выполненные в наше время крупными переводческими коллективами, также «размывают» авторство Лютера, внося изменения в его первоначальный текст.

История создания Лютеровской Библии хорошо известна и подробно освещена во множестве работ по истории религии и церкви, поэтому в данной статье приводятся лишь краткие сведения об основных ее редакциях. Отметим лишь, что работа над переводом была начата Лютером в конце 1521 г. Первое издание Нового Завета вышло в 1522 г., на подготовку Ветхого Завета ушло значительно больше времени – с 1529 по 1534 гг. Первый полный текст Лютеровской Библии увидел свет в 1534 г., и Лютер продолжал вносить в него исправления до самой своей кончины в 1545 г. В 1546 г. вышло последнее издание Библии с прижизненной правкой Лютера (т.н. “Letzte Hand”), воспроизводившееся почти без изменений в течение трех с половиной последующих столетий. В это время в издания вносились поправки преимущественно орфографического и пунктуационного характера.

На протяжении XX в. текст Лютеровской Библии перерабатывался несколько раз. Поправки в издании 1912 г. отразили произошедшие в языке лексические и стилистические изменения. Была устранена устаревшая лексика, а орфография и синтаксис были приведены в соответствие нормам современного немецкого литературного языка. Следующая редакция имела своей целью исправление ошибок, возникших из-за неправильного истолкования Лютером греческого и древнееврейского текстов. Новый Завет вышел в этой редакции в 1956 г., Ветхий Завет – в 1964 г., второканонические книги, также переведенные Лютером, но обычно не включаемые в издание, – в 1970 г.

Усилия переводчиков по устранению ветхозаветных и новозаветных реалий, непонятных современному читателю, привели к крайне неудачной редакции 1975 г., и уже два года спустя большая часть внесенных изменений была отменена. Следующая редакция лютеровского текста, выполненного в 1984 г., отличалась большой непоследовательностью: наиболее известные библейские отрывки были оставлены без изменений, тогда как остальной текст был переработан таким образом, что ряд стихов приобрел иное лексико-синтаксическое оформление, а вместе с тем – и новое содержание. Использование принципов свободного перевода привело к существенным отличиям издания 1984 г. от предыдущих.

Недостатки, допущенные в издании 1984 г., были учтены при подготовке нового издания, выход которого был приурочен к 500-летию начала Реформации (1517–2017). Изменения в издании 2017 г., затронувшие около половины библейских стихов (16 000 из 31 000), привели, по мнению комиссии [Die Revision der Lutherbibel... 2019, 5–12] к созданию нового текста, более точного и в то же время отвечающего нормам современного литературного немецкого языка. Редакция 2017 г. получила поддержку в теологической

среде и была встречена с большим интересом специалистами по общему и библейскому переводу. О популярности этой Библии судить еще рано, так как еще какое-то время наряду с ней будут использоваться и предыдущие издания, доступ к которым легко осуществим благодаря Интернету.

В данной работе ставится задача определить специфику последнего издания Библии Мартина Лютера [Lutherbibel revidiert 2017, 2018] (далее – L2017), анализируя характер эквивалентности, возникающей между единицами вышеуказанных переводов и первоисточников. Специфика этого издания может быть определена при его контрастировании с первоисточниками и предыдущими редакциями. В качестве первоисточников рассматриваются древнееврейский текст Ветхого Завета [Biblia Hebraica Stuttgartensia 1997] (BHS) и греческий Новый Завет (28-е издание Нестле-Аланда) [Novum Testamentum Graece 2012] (NTG). К анализу привлекаются, наряду с изданием 2017 г., издания Лютеровской Библии 1545, 1912 и 1984 гг., обозначаемые как L1545, L1912, L1984. Для установления соответствий с единицами первоисточников и уточнения семантики отдельных единиц используется конкорданс Стронга, встроенный в компьютерную программу BibleWorks.

В соответствии с разработанной нами типологией межъязыковых эквивалентов [Яковенко 2007] возможны следующие случаи эквивалентности, возникающие между единицами сопоставляемых произведений и их контекстами: 1) семантическое тождество ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов; 2) семантическое тождество ключевых слов при отсутствии структурно-семантического тождества контекстов; 3) отсутствие семантического тождества ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов; 4) отсутствие семантического тождества ключевых слов и отсутствие структурно-семантического тождества контекстов. Для библейских переводов и их первоисточников характерны в целом первые три типа эквивалентности, четвертый тип характерен для свободного перевода.

Рассмотрим проявления эквивалентности, наблюдаемые между единицами различных изданий Библии Мартина Лютера (1545, 1912, 1984, 2017) и их коррелятами в первоисточниках. В частности, контрастирование стихов Ps 17:1–5 в указанных текстах дает следующую картину:

Ps 17:1

L1545: Ein Gebet Davids. HERR, erhöre die Gerechtigkeit, merck auff mein geschrey, vernim mein Gebet, das nicht aus falschem munde geht.

L1912: Ein Gebet Davids. HERR, erhöre die Gerechtigkeit, merke auf mein Schreien; vernimm mein Gebet, das nicht aus falschem Munde geht.

L1984: Ein Gebet Davids. HERR, höre die gerechte Sache, merk auf mein Schreien, vernimm mein Gebet von Lippen, die nicht trügen.

L2017: Ein Gebet Davids. HERR, höre die gerechte Sache, merke auf mein Schreien, vernimm mein Gebet von Lippen ohne Falsch.

В изданиях 1545 и 1912 гг. др.-евр. saphah “Lippen, Ufer, Rand, Zunge, Sprache” передается Лютером метонимически как Mund (mund) (3-й тип эквивалентности, заключающийся в семантическом несовпадении ключевых слов); в более поздних редакциях стоит Lippen, что ближе др.-евр. единице и создает отношения эквивалентности 1-го типа.

Ps 17:2

L1545: Sprich du in meiner Sache und schaw du auffs Recht.

L1912: Sprich du in meiner Sache und schau du aufs Recht.

L1984: Sprich du in meiner Sache; deine Augen sehen, was recht ist.

L2017: Sprich du in meiner Sache; deine Augen sehen, was recht ist.

В др.-евр. тексте стоит буквально «...твои глаза видят» (др.-евр. ‘ayin “Auge, Quelle, Brunnen, Springbrunnen”). Для самого Лютера характерно устранение метонимии; восстанавливая ее, две последние редакции приближают текст к оригиналу (возникает эквивалентность 1-го типа).

Ps 17:3

L1545: Du prüfest mein Herz und besuchest des nachts und leuterst mich und findest nichts. Ich habe mir furgesetzt, das mein mund nicht soll übertreten.

L1912: Du prüfst mein Herz und siehst nach ihm des Nachts und läuterst mich, und findest nichts. Ich habe mir vorgesetzt, daß mein Mund nicht soll übertreten.

L1984: Du prüfst mein Herz und suchst es heim bei Nacht; du läuterst mich und findest nichts. Ich habe mir vorgenommen, daß mein Mund sich nicht vergehe.

L2017: Du prüfst mein Herz und suchst mich heim bei Nacht; du läuterst mich und findest nichts. Ich habe mir vorgenommen, dass mein Mund sich nicht vergehe.

В третьем стихе псалма наблюдаются лишь некоторые различия в выборе глаголов движения (L1545, L1912 – übertreten, L1984, L2017 – vergehen) и целеполагания (L1545, L1912 – sich vorsetzen, L1984, L2017 – sich vornehmen). В двух последних редакциях модальность в придаточном сменяется с субъективной (sollen + inf.) на объективную, выражаемую формой сослагательного наклонения (daß/dass mein Mund sich nicht vergehe). Несходное лексико-синтаксическое оформление стиха в сопоставляемых редакциях не приводит к изменению общего смысла; имеет место эквивалентность 2-го типа (несовпадение контекстов при семантическом тождестве ключевых слов).

Ps 17:4

L1545: Ich beware mich in dem wort deiner Lippen fur Menschen werck auf dem wege des Mörders.

L1912: Ich bewahre mich in dem Wort deiner Lippen vor Menschenwerk, vor dem Wege des Mörders.

L1984: Im Treiben der Menschen bewahre ich mich vor gewaltsamen Wegen durch das Wort deiner Lippen.

L2017: Im Treiben der Menschen bewahre ich mich / durch das Wort deiner Lippen vor Wegen der Gewalt.

Четвертый стих псалма интересен тем, что в нем др.-евр. *per-eets* '“Рäuber, Mörder, schlechter Mensch”' передается в L1545 и L1912 как Mörder (эквивалентность типа 1), в более поздних редакциях – как *gewaltsam* в сочетании с последующим *Wege* (vor *gewaltsamen Wegen*) и *Gewalt*. Таким образом, наблюдается замена единицы с конкретной семантикой на единицу с абстрактной семантикой в рамках одного лексико-семантического поля (соответствие др.-евр. *per-eets* – нем. *Gewalt* может быть охарактеризовано как 3-й тип эквивалентности (см. далее пример из 1 Mose 2:18)).

Ps 17:5

L1545: Erhalte meinen Gang auf deinen Fußsteigen, das meine Tritte nicht gleitten.

L1912: Erhalte meinen Gang auf deinen Fußsteigen, daß meine Tritte nicht gleiten.

L1984: Erhalte meinen Gang auf deinen Wegen, daß meine Tritte nicht gleiten.

L2017: Erhalte meinen Gang auf deinen Pfaden, dass meine Tritte nicht gleiten.

В стихе 5 др.-евр. *ma'gal* с семантикой «путь, дорога» ('Weg, Wagenburg (Schutzgraben), Tritt, Pfad, Spur') передается в разных редакциях перевода то как *Fußsteige* (L1545, L1912), то как *Wege* (L1984), то как *Pfade* (L2017). Подобные колебания в выборе между гиперонимом (*Wege*) и гипонимами (*Fußsteige*, *Pfade*) не влияют на общий смысл стиха. В силу широкосмысленности др.-евр. слова *ma'gal* отношения, возникающие между ним и его немецкими коррелятами, могут быть охарактеризованы как эквивалентность первого типа.

Выйдя за пределы данного отрывка, пронаблюдаем характер эквивалентности между единицами редакций Библии Мартина Лютера и ее первоисточников еще в нескольких контекстах.

1 Mose 2:18

1545: (Vnd Gott der HERR sprach) Es ist nicht gut das der Mensch allein sey / Jch wil jm ein Gehülffen machen / die vmb jn sey.

1984: Es ist nicht gut, dass der Mensch allein sei; ich will ihm eine Gehilfin machen, die um ihn sei.

2017: Es ist nicht gut, dass der Mensch allein sei; ich will ihm eine Hilfe machen, die ihm entspricht.

В стихе 18 главы 2 книги Бытия в редакции 2017 г. др.-евр. 'ezer передается как *Hilfe*, что, хотя и поддерживает эквивалентность первого типа, создает текст, не вполне привычный для читателя, устраняя при этом устаревшее *Gehülffen/Gehilfin* и следуя требованиям политкорректного языка.

Matt 6:1

1545: Habt acht auff ewer Almosen das Jr die nicht gebt fur den Leuten das jr von jnen gesehen werdet.

1912: Habt acht auf eure Almosen, daß ihr die nicht gebet vor den Leuten, daß ihr von ihnen gesehen werdet.

1984: Habt Acht auf eure Frömmigkeit, dass ihr die nicht übt vor den Leuten, um von ihnen gesehen zu werden.

2017: Habt aber acht, dass ihr eure Gerechtigkeit nicht übt vor den Leuten, um von ihnen gesehen zu werden.

Стих Matt 6:1 представляет замечательный пример того, как выбор слова в переводе определяется текстом-основой: в переводе с рукописи, подготовленной Эразмом и получившей в библеистике позднее название *Textus Receptus* («общепринятый текст»), *Almosen* практически идеально передает греч. *ελεημοσύνη* «милость», тогда как в *Novum Testamentum Graece* стоит уже *δικαιοσύνη* «праведность», требующее иного перевода, и это отражено в последних редакциях Лютеровской Библии.

На примере стиха 1 Кор 11:24 видно, что в последней редакции лютеровского текста уточняется, в соответствии с первоисточником, не только лексическое наполнение, но и структура стиха. Вставка в виде причастного оборота *der fur (für), euch gebrochen/gegeben wird* (ср. «за вас ломимое» в Русском Синодальном переводе) стоит в во всех редакциях текста, кроме последней, которая следует *Novum Testamentum Graece*:

LB 1545 (nach dem Textus Receptus): Das ist mein Leib der fur euch gebrochen wird.

LB 1912: Das ist mein Leib der für euch gebrochen wird.

LB 1984 : Das ist mein Leib, der für euch gegeben wird.

LB 2017 (nach dem NT Graece): Das ist mein Leib für euch.

NTG: τοῦτό μου ἐστὶν τὸ σῶμα τὸ ὑπὲρ ὑμῶν· (букв. «вот мое тело для вас»).

Внесение изменений в перевод приводит, как правило, к изменению характера эквивалентности, возникающей между его единицами и единицами

первоисточника, а также между контекстами этих единиц в том и другом произведении. Разумеется, эти выводы нуждаются в более основательной проверке и требуют привлечения к анализу текстового материала в гораздо больших объемах.

Таким образом, перевод, подготовленный Евангелической церковью в Германии, в одних случаях демонстрирует приверженность версии 1984 г., в других – открывает новые способы передачи оригинального текста. В целом наблюдается отказ от смыслового перевода в пользу формального и восстановление структурно-семантической организации оригинального стиха.

Литература

- Яковенко Е.Б. Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М., 2007.
- Biblia: Das ist: die gantze Heilige Schrift Deusch¹ Mart. Luth. Wittemberg. Gedruckt durch Hans Lufft. 1545. ccccxī, vii S. Faksimile-Ausg. Leipzig, 1983.
- Biblia Hebraica Stuttgartensia. Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
- Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers in der revidierten Fassung von 1984. Berlin; Altenburg, [1984], 1991.
- Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Stuttgart, 1912.
- Die Revision der Lutherbibel 2017: Hintergründe, Kontroversen, Entscheidungen. Deutsche Bibelgesellschaft, 2019.
- Lutherbibel revidiert 2017. Die Bibel nach Marin Luthers Übersetzung (Mit Apokryphen). Deutsche Bibelgesellschaft, 2018.
- Novum Testamentum Graece. The Nestle-Aland 28th edition. Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.
- Waard, de J., Nida E.A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville; Camden; New York, 1986.

References (Sources)

- Biblia: Das ist: die gantze Heilige Schrift Deusch. Mart. Luth. Wittemberg. Gedruckt durch Hans Lufft. 1545. ccccxī, vii S. Faksimile-Ausg. Leipzig, 1983.
- Biblia Hebraica Stuttgartensia. Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
- Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers in der revidierten Fassung von 1984. Berlin; Altenburg, [1984], 1991.

- Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. Stuttgart, 1912.
- Lutherbibel revidiert 2017. Die Bibel nach Marin Luthers Übersetzung (Mit Apokryphen). Deutsche Bibelgesellschaft, 2018.
- Novum Testamentum Graece. The Nestle-Aland 28th edition. Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Die Revision der Lutherbibel 2017: Hintergründe, Kontroversen, Entscheidungen. Deutsche Bibelgesellschaft, 2019.

(Monographs)

- Waard, de J., Nida E.A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville; Camden; New York, 1986.
- Яковенко Ye.B. Homo biblicus. Jazykovej obraz cheloveka v anglijskih i nemeckih prevodah Biblii (opyt konceptual'nogo modelirovanija) (Man's Lingual Image in English and German Bible Versions (Experience of Cognitive Modelling)). Moscow, 2007.

Сведения об авторе:

Яковенко Екатерина Борисовна, д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИЯз РАН.
E-mail: yakovenko_k@rambler.ru

Yakovenko Yekaterina B., Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Research Fellow of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: yakovenko_k@rambler.ru

¹ Заглавие приводится в лютеровской орфографии (Е.Я.).

**Рецензия на книгу: А.В. АВЕРИНА, О.А. КОСТРОВА:
ГРАММАТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА:
УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ.
М.: Издательство «Юрайт», 2019. 449 с.**

Elizaveta Kotorova
Universität Zielona Góra

Bei der Ausbildung von Germanisten hat das Studium der grammatischen Seite der Sprache, sowohl vom praktischen als auch vom theoretischen Standpunkt aus, immer eine wesentliche Rolle gespielt. Dabei gehört die grammatische Forschung traditionsgemäß zu den verbreiteten Schwerpunkten im wissenschaftlichen linguistischen Paradigma, sie zeigt eine weite Palette von Ansätzen, Richtungen und Analysemethoden. In den letzten Jahrzehnten wird außerdem oft hervorgehoben, dass viele Probleme der grammatischen Theoriebildung mit anderen Komponenten der Sprachtheorie verknüpft sind. Vor allem wird der funktionalen Rolle von syntaktischen Einheiten Aufmerksamkeit geschenkt, was zu der Auffassung führt, dass die Syntax pragmatisch begründet werden muss. Es geht also darum, einen Zusammenhang zwischen sprachlichem Handeln (pragmatischen Funktionen) und formalen Beschreibungsmitteln (syntaktischen Funktionen) herzustellen (vgl. Schneider 1975; Müller 2019 u. a.).

Die Kenntnisse über den grammatischen Bau der Sprache einerseits und über die diesen Bau beschreibenden Theorien andererseits werden den Studenten der linguistischen Fachrichtungen im Rahmen des Studienfachs „Theoretische Grammatik“ beigebracht. Eine wichtige Aufgabe ist dabei, die wichtigsten Konzeptionen kritisch zu besprechen sowie auch die Ursachen der wesentlichen Unterschiede in der Darstellung des grammatischen Subsystems durch die einzelnen Autoren möglichst objektiv zu erklären (vgl. (Абрамов 2001:15). Aus diesem Grund sind in den letzten vier, fünf Jahrzehnten neue Studienbücher erschienen, die Schlüsselthemen dieser wissenschaftlichen Richtung erörtern. Unter den Neuerscheinungen gibt es – entsprechend dem Geist der Zeit – neben den herkömmlichen Printbüchern (Абрамов 2001, Anissimova 2011) auch Lehrbücher, die sowohl in Printform als auch online (Абрамов 2015; Орлова /Дармаева 2018; Бутусова 2019) sowie als Videokurse (Базылев: youtube) zugänglich sind.

Das rezensierte Studienbuch von A.V. Averina und O.A. Kostrova nimmt aber eine besondere Stellung in dieser Reihe ein, weil es nicht nur als Lernstoff, sondern auch als Informationsstoff und Denkstoff konzipiert ist. Die meisten Kapitel enthalten neben der Beschreibung der Bestandteile des grammatischen Subsystems und der Regeln ihrer Verknüpfung und Verwendung auch eine kritische Darlegung der wichtigsten Ideen der gegenwärtig diskutierten grammatischen Theorien. Dabei wird der Schwerpunkt auf die Verschiedenheit der Interpretationen gelegt, so dass die Studierenden selbst über die Tragfähigkeit eines jeden Ansatzes entscheiden können. Eine andere Besonderheit an dem rezensierten Studienbuch ist der Vergleich von Interpretationen, Klassifikationen und Terminologien, die einerseits in der russischen und andererseits in der ausländischen Germanistik üblich sind. Diese germanistischen Richtungen weisen unter bestimmten Aspekten wesentliche Unterschiede auf. Die Autorinnen des Studienbuches erklären diese Unterschiede dadurch, dass sich die beiden Ausprägungen der Germanistik unter dem Einfluss von verschiedenen Traditionen herausgebildet haben: „Die deutsche Germanistik ist die Lehre von der Muttersprache und ist durch die westeuropäischen und amerikanischen grammatischen Theorien beeinflusst, die anhand der verwandten Sprachen, in erster Linie des Englischen erarbeitet wurden. Die russische Germanistik ist die Lehre von einer Fremdsprache, die natürlicherweise die Theorien benutzt, die anhand der russischen Muttersprache entwickelt worden sind“ (S. 36). Ein derartiger Vergleich hilft den Studierenden, Diskrepanzen bei der Beschreibung von bestimmten grammatischen Phänomenen durch verschiedene Autoren richtig zu verstehen und zu interpretieren sowie auch Missverständnisse zu vermeiden.

Das vorliegende Lehrwerk richtet sich vor allem an Studierende der ersten und zweiten Stufe (Grund- und Hauptstudiengang), ist aber auch für ausgebildete Germanisten und Linguisten unterschiedlicher Fachrichtungen von Interesse.

Die allgemeine Komposition des Studienbuches ist konventionell, das Lehrwerk setzt sich aus drei großen Teilen zusammen: im ersten Teil werden die Grundfragen der theoretischen Grammatik behandelt und die wichtigsten Termini definiert; der zweite Teil „Morphologie“ ist der Analyse der Flexionsformen und der einzelnen Wortarten gewidmet und beinhaltet außerdem die Wortbildung; im dritten Teil „Syntax“ werden Formen und Arten der einfachen und komplexen Sätze dargestellt.

Der Aufbau der einzelnen Kapitel hat aber bestimmte Besonderheiten. In vielen Kapiteln werden zwei Teile unterschieden: *Grundlagen* und *Vertiefung*. Der erste Teil beinhaltet die Erläuterung der wichtigsten Begriffe und die Beschreibung der wesentlichen Phänomene des grammatischen Subsystems. Somit werden

Grundkenntnisse im Fach „Theoretische Grammatik“ vermittelt, die für alle Germanistikstudenten an Hochschulen und Universitäten, sowohl im Grund- als auch im Hauptstudium, obligatorisch sind. Auf diese Weise erhalten die Studierenden im Grundstudium einen ganzheitlichen Überblick über die grammatische Struktur und die Besonderheiten der Realisierung der grammatischen Kategorien in der deutschen Sprache. Im zweiten Teil werden verschiedene Standpunkte in Bezug auf bestimmte Probleme in der wissenschaftlichen Beschreibung des grammatischen Subsystems der modernen deutschen Sprache dargestellt und diskutiert. Auf diese Weise wird das allgemeine Wissen über das System und die Struktur der Sprache erweitert und vertieft. Das erbringt einen Beitrag zur Ausbildung von Masterstudenten und Doktoranden und hilft ihnen, eine Vorstellung von alternativen grammatikalischen Konzepten zu entwickeln und eine notwendige Grundlage für die Entwicklung und Argumentation von eigenen wissenschaftlichen Hypothesen zu schaffen (S. 9). Am Ende einiger Kapitel werden terminologische Unterschiede sowie Interpretationen einzelner Phänomene in der deutschen und russischen Grammatikschreibung erklärt. Die Autoren des Lehrbuches bieten auch Aufgaben für die Studierenden, die ihnen beim theoretischen Verständnis und der praktischen Anwendung des Materials behilflich sind.

Im ersten Teil „Einführung: Gegenstand der Grammatik und ihre Stellung in der Sprachwissenschaft“ wird vor allem der Unterschied zwischen der praktischen und theoretischen Grammatik erklärt und die Beziehung der Theoretischen Grammatik zu anderen sprachwissenschaftlichen Disziplinen dargestellt. Es wird auch der Zusammenhang zwischen der Grammatik und dem Lexikon als zwei sich gegenüberstehenden, aber sich zugleich ergänzenden Komponenten der Sprache erläutert. Am Beispiel des Prozesses der Grammatikalisierung, also der Entstehung von grammatischen Elementen aus lexikalischen Einheiten, wird dieser Zusammenhang nachgewiesen und der Unterschied zwischen zwei Aspekten in der grammatischen Analyse – der synchronen und diachronen Grammatik – gezeigt. Eine wichtige Aufgabe in diesem Teil ist die Einführung und Erläuterung von geläufigen Termini, wie z. B. *grammatische Kategorie*, *Paradigma*, *Syntagma*, *Opposition* u. a. Im Rahmen des „interkulturellen Vergleichs“ wird auf Unterschiede im Verständnis und Gebrauch von einzelnen Begriffen hingewiesen. So wird die *grammatische Kategorie* in der russischen Germanistik traditionell als Einheit der grammatischen Bedeutung und der grammatischen (morphologischen) Form definiert, während deutsche Grammatikbücher und sprachwissenschaftliche Lexika diesen Begriff allgemeiner deuten, indem sie darunter nicht nur morphologische, sondern auch syntaktische Phänomene subsumieren (S. 36-37). Als Grundlage für die Beschreibung der grammatischen Kategorien verwenden die

Autorinnen die Theorie des funktional-semantischen und lexikalisch-grammatischen Feldes.

Im zweiten Teil „Morphologie“ werden zuerst die Begriffe des Morphems und der Wortart besprochen, Arten der Morpheme im Deutschen kurz charakterisiert, Kriterien zur Ausgliederung der Wortarten bestimmt. Nach dieser Einführung folgt eine ausführliche Beschreibung der einzelnen Wortarten: Verb, Substantiv, Adjektiv, Adverb, Pronomen, Numerale, Modalwort, Partikel, Verknüpfungswörter, Interjektion. Die Analyse umfasst eine allgemeine Charakteristik der Wortart, die Beschreibung der Funktionen, der Wortbildungsregeln und der jeweiligen grammatischen Kategorien sowie auch manche anderen spezifischen Aspekte. In Vertiefungsteilen werden neue Ansätze und Klassifikationsvorschläge diskutiert, dabei wird auch über Streitpunkte in der Interpretation von bestimmten Phänomenen geschrieben.

In der Einführung zum dritten Teil „Syntax“ konstatieren die Autorinnen mit Recht, dass es gegenwärtig keine einheitliche syntaktische Theorie gibt, die „als transdisziplinäres Forschungsinstrument gebraucht werden könnte“ (S. 236). Deshalb müssen die Leistungen verschiedener grammatischer Schulen modular angewendet werden. In der Beschreibung der deutschen Syntax stützen sie sich dementsprechend auf verschiedene theoretische Ansätze, und zwar: auf den traditionellen Ansatz (Oberflächensyntax), auf den logisch-semantischen Ansatz sowie auf den kognitiv-pragmatischen Ansatz, was eine tiefe und vielseitige Analyse syntaktischer Phänomene gewährleistet. Die wichtigsten sprachlichen Einheiten (Wortgruppe, einfacher und komplexer Satz, Text und Diskurs) und Regularitäten (Satzgliederung, Wortfolge, funktionale Satzperspektive) werden im syntaktischen Teil zweimal beschrieben: zuerst im Rahmen der empirischen datenorientierten Syntax und dann vom Standpunkt der erklärenden Syntax. Somit wird zuerst die grundlegende Information über die syntaktische Ebene der Sprache vermittelt und dann eine breite Palette von alternativen Theorien und Ansätzen vorgestellt, was die Entwicklung einer höheren Kompetenzstufe bei den Studierenden ermöglicht. Im Studienbuch ist auch die verstärkte Orientierung der modernen Linguistik auf die Syntax des Textes, d.h. auf die Hypersyntax, berücksichtigt, dementsprechend werden am Ende des dritten Teils die Probleme der Textdefinition, der Textualitätskriterien, der Korrelation von Begriffen wie *Text* und *Diskurs* behandelt. Diesen Fragen wurde im Rahmen der klassischen syntaktischen Theorie bisher kaum Aufmerksamkeit geschenkt.

Um das Erfassen und die Verarbeitung des Materials den Studierenden zu erleichtern, sind die grundlegenden Thesen und die wichtigsten Schlussfolgerungen fett und gerahmt hervorgehoben.

Dem Lehrbuch ist ein kleines Lexikon beigelegt, das Definitionen und Interpretationen grundlegender grammatischer Begriffe enthält.

Die insgesamt positive Bewertung des Studienbuches enthebt uns nicht der Notwendigkeit, einige kritische Bemerkungen zu äußern.

Eine notwendige Voraussetzung für die Vorbereitung und Verfassung eines neuen Studienbuches ist die Analyse der vorher erschienenen Lehrbücher derselben oder ähnlicher Thematik, in diesem Fall – der Lehrwerke zur Theoretischen Grammatik des Deutschen. Für die rezensierte Monographie hat diese Analyse einen besonderen Wert, weil die Autorinnen unter anderem das Ziel verfolgen, einen interkulturellen Vergleich derartiger Lehrwerke durchzuführen. Im Literaturverzeichnis finden sich die klassischen Lehrbücher, die in Deutschland (Eisenberg 1986; Flämig 1991; Engel 1996; Duden. Grammatik 1998; Zifonun / Hoffmann / Strecker 1997) und in Russland (Admoni 1986; Schendels 1988; Moskalskaja 2004; Абрамов 2001) erschienen sind, aber die neuesten Lehrwerke der einheimischen Autoren, die dieselben Lernziele und wissenschaftlichen Aufgaben haben (vgl. Anissimova 2011, Абрамов 2015; Бутусова 2019) sind leider nicht berücksichtigt.

Die Autorinnen des Lehrbuches verwenden als methodologische Grundlage für die Analyse der Wortarten und der grammatischen Kategorien die Theorien des lexikalisch-grammatischen und des funktional-semantischen Feldes. Das Feldprinzip wird aber bei der Analyse nicht folgerichtig verwendet. So ist die Feldstruktur nur bei den Wortklassen Substantiv, Adjektiv, Numerale beschrieben, für das Verb bieten die Autorinnen eine derartige Analyse nicht an. Auch die Beschreibung der grammatischen Kategorien basiert nur gelegentlich auf dem Feldprinzip. So wird die verbale grammatische Kategorie des Tempus ausführlich erläutert (S.94-102 und 119-123), aber die Analyse des Feldes der Temporalität bleibt aus, obwohl in der Einführung die Besonderheiten der Feldstruktur am Beispiel dieses Feldes erklärt wurden (S. 33).

Ziemlich spärlich und unvollständig erscheint die Darstellung der Morphemarten im Deutschen (S. 44–46). Schon in der Grundstufe müssen u. E. den Studierenden Kenntnisse über derartige Arten von wortbildenden Morphemen wie Zirkumfixe, Konfixe, Infixe, Affixoide (Halbaffixe) vermittelt werden. Auch die Grundlagen für die Klassifikation der Morpheme könnten differenzierter dargestellt werden, so werden nach der Position einsetzbare und additive Morpheme unterschieden; nach der Reproduzierbarkeit – wiederholbare und unikale Morpheme u. a. (vgl. Römer/Matzke 2010: 112–116).

Im Text der Monographie gibt es außerdem einzelne Behauptungen, die Bedenken hervorrufen. Zum Beispiel, auf S. 18 steht geschrieben: „Die Termini Pho-

nologie (Lautstruktur des Wortes) und Syntax (Satzstruktur) hatten Jahrhunderte existiert, bevor der Terminus Morphologie eingeführt wurde“. Diese Behauptung widerspricht aber dem konventionellen Standpunkt, nach dem der Vorrang bei der Prägung der Begriffe *Phonologie* und *Phonem* dem polnisch-russischen Sprachwissenschaftler J. Baudouin de Courtenay und dem russischen Linguisten Nikolay Trubetzkoy gebührt, somit wurde der Terminus *Phonologie* erst Ende des XIX. – Anfang des XX. Jahrhundert eingeführt. Der Terminus *Morphologie* dagegen wird dank den Arbeiten von August Schleicher im Rahmen der Sprachwissenschaft seit der Mitte des XVIII. Jahrhunderts gebraucht (Bußmann 1990; Glück 2000).

Bei der Beschreibung der Tempusformen der Zukunft wird behauptet, dass es in der deutschen Gegenwartssprache zwei Tempusformen für die Bezeichnung der Zukunft gibt: das Futurum I und das Futurum II (S. 101). Es bleibt nicht klar, warum an dieser Stelle über die weit verbreitete Möglichkeit, bei Handlungsbeschreibungen zum Ausdruck der Zukunft präsentische Formen zu gebrauchen (vgl. z.B. Luscher 2016, 516), nicht geschrieben wird.

Es gibt auch andere diskutable Behauptungen.

Im Studienbuch sind auch Fehler formeller Natur anzutreffen, z. B. auf: S. 413 in der Tabelle „Terminologische Lakunen“ muss die erste Spalte als „Deutsche Germanistik“ und die zweite Spalte als „Russische Germanistik“ betitelt werden.

Im Literaturverzeichnis fehlen einige Quellen, auf die im Text verwiesen wurde, z. B. Moskalskaja 1988, Абрамов 1999 u. a.

Gleichzeitig ist darauf hinzuweisen, dass derartige Kommentare und Diskussionspunkte in keiner Weise den innovativen Charakter des Studienbuches beeinträchtigen und ihren wissenschaftlichen und praktischen Wert herabsetzen sollen. Trotz dieser Verbesserungswünsche stellt das rezensierte Lehrbuch ohne Zweifel einen unentbehrlichen Ausgangspunkt für das Studium der Theoretischen Grammatik in Russland dar.

Die Theoretische Grammatik hat sich im sprachwissenschaftlichen Studium als eines der wichtigsten Fächer etabliert. Die rasche Entwicklung dieser Disziplin erfordert neue Lehrmaterialien. Das besprochene Studienbuch von A.V. Averina und O.A. Kostrova spiegelt den aktuellen Stand der theoretischen Grammatik wider, verbindet ausgewogen Tradition und innovative Ansätze miteinander und leistet somit einen wesentlichen Beitrag zur Weiterentwicklung von Theorie und Praxis der Grammatik der deutschen Sprache. Mit der Veröffentlichung der rezensierten Monographie wird den Studenten, Doktoranden und Lehrkräften ein modernes und wissenschaftlich aktuelles Lehrbuch zur Verfügung gestellt, das sowohl im Unterrichtsprozess als auch zum Selbststudium erfolgreich verwendet werden kann.

Literatur

- Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Владос, 2001.
- Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 286 с.
- Базылев В.Н. Немецкий язык. Теоретическая грамматика. Лекция 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h0510sA510A>
- Бутусова А.С. Теоретическая грамматика немецкого языка. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2019. 170 с.
- Орлова Е.Л., Дармаева С.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. 93 с.
- Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. Изд.4-е, дораб. М.: Просвещение, 1986.
- Anissimova E.E. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache (Vorlesungen). М.: Тезаурус, 2011. 280 с.
- Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 1990.
- Glück, Helmut (Hrsg.) Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart: Metzler, 2000.
- Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. / Hrsg. von der Dudenredaktion. Bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sita u. H. Wellmann. / 6., neu bearb. Aufl. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 1998.
- Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart: Metzler, 1986.
- Engel U. Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Auflage. Heidelberg: Julius Groos, 1996.
- Flämig W. Grammatik des Deutschen: Einführung in die Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin: Akademie-Verlag, 1991.
- Luscher, Renate Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch (Duden – Deutsche Sprache in 12 Bänden. Bd. 4). Berlin: Bibliographisches Institut, 2016.
- Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004.
- Müller Sonja Die Syntax-Pragmatik-Schnittstelle: Ein Studienbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2019.
- Römer Ch., Matzke B. Der deutsche Wortschatz: Struktur, Regeln und Merkmale. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2010.
- Schendels E.I. Deutsche Grammatik. М.: Высшая школа, 1988.
- Schneider H.J. Pragmatik als Basis von Semantik und Syntax. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1975.
- Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin et al.: De Gruyter, 1997.

Рецензия на книгу:
SCHEWKUNOW, BISCHOF TICHON.
HEILIGE DES ALLTAGS. AUS DEM RUSSISCHEN
ÜBERSETZT VON A. REPKA UND BEARB.
VON M.BITYUTSKIKH. – Sankt Ottilien: EOS. 2017. – 559 S.

С.И. Горбачевская

Московский государственный университет, Москва

Вот уже 8 лет книга митрополита Русской православной церкви Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые и другие рассказы» (2011) является бестселлером не только в России, но и находит широкий отклик читателей за рубежом, поскольку начиная с 2012 г. активно переводится. Перевод на немецкий язык, выполненный Ангелой Репка и отредактированный Маргаритой Битюцких, был опубликован в 2017 г. под заголовком «Heilige des Alltags». К тому времени эта книга выдержала в России 14 изданий, а её тираж составил тогда 2 500 000 экземпляров. В немецкоязычных странах уже в 2018 г. было распродано больше миллиона книг. В официальной российской печати и в Интернете за это время накопилось огромное количество отзывов, за редчайшими исключениями, восторженно-положительных, с благодарностью за поддержку, утешение и помощь в трудные минуты. С таким же восторгом воспринимают эту книгу и за рубежом, называя ее «классикой новейшей духовной литературы (Klassiker der neueren spirituellen Literatur)»¹.

В оригинале название всего сборника совпадает с заголовком последнего рассказа, посвященного погибшему другу автора монаху Рафаилу. У А. Репка он переведен дословно „Unheilige Heilige“, а название всей книге дано другое – „Heilige des Alltags.“ Было бы, вероятно, лучше так же, как в оригинале, оставить этот повтор и в немецком переводе, поскольку это очень важно для ее автора. Несвятými святыми он называет героев своих рассказов – простых людей, ищущих Бога: «Но вот, в конце Божественной литургии, когда великое Таинство уже свершилось и Святые Дары стоят в алтаре на престоле, священник возглашает: «Святая – святым!» Это означает, что Телом и Кровью Христовыми будут сейчас причащаться святые люди. Кто они? Это те, кто находится сейчас в храме, священники и миряне, с верой пришедшие сюда и ждущие причащения. Потому что они – верные и стремящи-

¹ <http://www.kath.net/news/59772> (06.06.2017).

еся к Богу христиане. Оказывается, несмотря на все свои немощи и грехи, люди, составляющие земную Церковь, для Бога – святые» (5, 635).

«Святая святым!» звучит по-немецки как «Das Heilige den Heiligen!». Слово «unheilig» есть и в толковом словаре Duden, и в трехтомном Новом большом немецко-русском словаре под ред. Д. О. Добровольского, и в других толковых и немецко-русских двуязычных словарях. Может быть, сыграла свою роль помета «архаизм» в немецкой лексикографии. Как бы то ни было, перевод книги в целом оказался почти безукоризненно адекватным оригиналу по репрезентации всех уровней текста и по динамичности изложения событий каждого рассказа. Встретилось только несколько лексических погрешностей. Например, кабачки (Zucchini) А. Репка перевела как тыкву (Kürbis), шайку в бане (Waschschüssel) как ведро (Eimer) и т.п.

По ходу чтения немецкого текста создается впечатление, что переводчица очень хорошо знает советский быт и российские реалии, особенности русского православия и других духовно-идеологических направлений нашей эпохи и, наверное, бывала в России. Из интернет-источников известно, что Ангела Репка (1948 г. рожд.) – дочь эмигранта из Братиславы, изучала германистику, живет в Германии и переводит, в основном, со словацкого языка. В ее переводе с русского чувствуется очень бережное отношение к каждому понятию и явлению, незнакомому немецкоязычному читателю. Тщательный филологический подход к переводу, то есть подбор в языке перевода подобных оригиналу лексических единиц, синтаксических структур, элементов стилистического и прагматического уровней происходит не в ущерб языку и культуре перевода, а гармонично сочетается у переводчицы с использованием не актуальной лексики, а синонимов, которые создают атмосферу культуры оригинала. Например, слово *метро* везде переводится как *die Metro*, а не *die U-Bahn*, более привычное немецкоязычному читателю. Названия русских монастырей и церквей она не просто транскрибирует, как это принято сейчас, а переводит методом калькирования, раскрывая смысл этих названий, например, церковь Успения Пресвятой Богородицы переведена дословно как *die Kirche Entschlafung-der Allerheiligen-Gottesgebärerin*. Приведем для наглядности пример целого контекста:

Троице-Сергиева лавра, Оптина пустынь, Киево-Печерская лавра, Соловки, Валаам, Саров были славны не только в России, но и во всем христианском мире. А Печоры Псковские многие столетия так и оставались не более чем провинциальной монашеской обителью (1, 126).

Die Dreifaltigkeit-Sergiew-Lawra, das Optina-Kloster, das Kiewer Höhlenkloster, Solowki, Walaam und Sarow waren nicht nur in Russland berühmt, son-

dern in der ganzen christlichen Welt. Doch das Höhlenkloster von Pskow hatte man viele Jahrhunderte lang lediglich für ein Mönchkloster in der Provinz gehalten (2, 108)

Понятия и титулы, которых нет в немецком католичестве и протестантизме, А. Репка передает транслитерированием с комментарием переводчика, например:

Благочинный – *der Blagotschinnyj** – für die Ordnung im Kloster verantwortlicher Mönch.

Принятое обращение к католическому священнику «Pater» сейчас легко и часто переносится в немецком языке и на православных священников, но А. Репка везде использует титул «Vater», как бы подчеркивая тем самым разницу между ними. Греческие имена она передает не по-гречески или еврейские имена, написанные латиницей, но звучащие по-еврейски, как это привычно в немецкоязычной среде, а так, как они звучат на русском языке: Vater Palladij (греч. Palladios), Vater Nafanail (Nathanael). Но для имен общехристианских святых переводчица берет их общеупотребительные греческие эквиваленты, а не русские кальки: Иоанн Лествичник – Johannes Klimakos, Иоанн Златоуст – Johannes Chrysostomus, но: Феофан Затворник Feofan der Einsiedler.

Для некоторых понятий А. Репка нашла приблизительные синонимы, например, послушание – «Dienst» или «Pflicht», как мы видим из следующих примеров:

– *Мне объяснили, что утром и вечером все ходят на службы, а днем – на послушания. Какие послушания – скажут. Может, колоть дрова, может, помогать на кухне или на продовольственном складе, и может, мести дорожки* (1, 26).

Man erklärte mir, dass morgens und abends alle zu den Gottesdiensten gingen und dass tagsüber jeder seinen eigenen Dienst hatte. Man würde mir sagen, welchen Dienst ich bekommen würde. Vielleicht Holz hacken, vielleicht in der Kirsche oder im Vorratslager helfen, vielleicht auch Wege kehren (2, 25).

– *Я тогда еще не знал, что у каждого монаха – не одно, а множество послушаний* (1, 30)

Damals wusste ich noch nicht, dass jeder Mönch nicht nur eine, sondern zahlreiche Pflichten hat (2, 29).

Понятие «трудники» А. Репка передает словом «die Hilfskräfte». Трудниками в Псково-Печерском монастыре распоряжался «бригадир», так по-советски звали отца Максима. Для перевода этого понятия А. Репка взяла абсолютно забытое в Германии сейчас слово «Brigadier», популярное в ГДР,

прямую кальку с русского языка, но оставила, к сожалению, без необходимого комментария. Дело в том, что в ГДР это слово произносилось как писалось (*-dier*), а в современном немецком произносится по-французски (*-dje*) и понимается только как устаревшее воинское звание.

Понятие «старцы» А. Репка транскрибирует, а из контекста становится ясно, кто это:

В древности таких людей называли пророками. У нас в Православной церкви их именуют старцами (1, 40).

In längst vergangenen Zeiten wurden solche Leute Propheten genannt. Bei uns in der orthodoxen Kirche heißen sie Starzen (2, 36).

Также в виде транскрипции переводчица вводит понятие «тройка», но это слово не объясняется потом в контексте книги и тогда требует соответствующего комментария, поскольку оно связано с реалиями сталинской эпохи.

Главный принцип коммунизма – «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но «способностями», «потребностями» – это ведь, как всегда, какая-то комиссия будет определять. А какая комиссия?... Скорее всего – «тройка»... (1, 94)

Das Hauptprinzip des Kommunismus lautet: „Jeder nach seinen Fähigkeiten und jedem nach seinen Bedürfnissen“. Doch die ‘Fähigkeiten’ und ‘Bedürfnisse’ werden ja wie immer von irgendeiner Kommission bestimmt. Doch was für einer Kommission? Am ehesten wohl eine ‘Troika’... (2, 81) В переводе и.п.

Не многие поймут это слово даже на русском языке. Первая дефиниция, которая появляется, когда набираешь это слово в Интернете: «тройка» – это пополняемая транспортная карта, используемая для оплаты проезда в общественном транспорте Москвы. Только если задать в поисковике понятие «Сталинская тройка», то можно найти определение: Особая тройка при управлении НКВД – внесудебный орган уголовного преследования, действовавший в СССР в 1935–1938 годах на уровне края или области. Тройка состояла из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора области. Решения выносились тройкой заочно.

Хотелось бы отметить еще один интересный момент. Довольно сложно сразу определить жанр данного художественного произведения. С одной стороны, это, как заявляет автор, сборник рассказов. Но, с другой стороны, не только каждый отдельный рассказ, но вся книга в целом представляет собой жизнеутверждающую христианскую проповедь. В связи с этим было интересно проследить, как переводчица поняла и передала разные оттенки модальности убеждения, характерной для проповеди как центрального жанра религиозного дискурса. Это текст оперативного, воздействующего

щего типа. И не просто призыв – призыв к добру, во благо, к вере, содержащий этические требования. Поскольку это жанр устной речи (хотя есть и письменные проповеди), то для него характерна диалогичность, определенная интонация, эмоциональность, особый патетически-возвышенный стиль. Каждый рассказ содержит зачин, вступление, само повествование с авторскими комментариями и вывод-поучение. Не случайно книга начинается с того, как автор сам пришел к Богу. Экспрессия, разговорность доминирует в тексте оригинала над нейтральностью стиля речи, и это очень четко отражено в переводе, например:

– Еще год назад все мы были убеждены, что в монастырь в наше время идут либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди.

Да! – и еще жертвы неразделенной любви (1, 5).

Noch ein Jahr zuvor waren wir alle davon überzeugt gewesen, dass in unserer Zeit entweder Fanatiker ins Kloster eintreten oder Menschen, die im Leben absolut nicht zurechtkommen. Ach ja! Und außerdem noch Opfer unglücklicher Liebe (2, 9).

Внутренний монолог во многих местах является как бы мостиком между автором и читателем:

– И кому нужны эти ранние подъемы? Богу? Нет, конечно! Нам? Тоже нет. Мучают сами себя!.. (1, 29)

Und für wen war diese frühe Aufsteheri denn gut? Für Gott? Natürlich nicht! Für uns? Auch nicht. Das war reine Selbstquälerei! (2, 26)

Многие кажущиеся банальными рассуждения автора имеют проповеднический характер. В них обязательно есть риторические вопросы, которые заставляют задуматься:

Кто знает, чему мы были сейчас свидетелями? Или тому, как отец Иоанн из иного мира через Владыку вразумил «одного из чад своих неразумных», как он однажды назвал меня в одном из писем. Или, быть может, мы встретили сейчас еще одного сокровенного подвижника и раба Божия, которыми не оскудеет Христова Православная Церковь до скончания века (1, 73).

Wer weiß, wessen wir gerade Zeugen geworden waren? Entweder davon, wie Vater Ioann aus der anderen Welt durch den Metropoliten „eines seiner unvernünftigen Kinder“ – so hatte er mich einmal in einem seiner Briefe genannt – zur Vernunft gebracht hat. Oder wir waren vielleicht gerade einem weiteren echten Asketen und Knecht Gottes begegnet, an denen es der Orthodoxen Kirche Christi bis ans Ende der Zeit nicht mangeln wird (2, 63).

Прагматика прямой речи доминирует над прагматикой косвенной речи:

Люди относились к отцу Рафаилу по-разному. Встречались те, кто его просто терпеть не мог. Другие – а таких было гораздо больше – утверждали,

что отец Рафаил изменил всю их жизнь. К примеру, один из трех молодых монахов, убитых на Пасху 1993 года в Оптиной пустыни, иеромонах Василий (Росляков), говорил: «Я отцу Рафаилу обязан монашеством, я ему обязан священством, да я ему всем обязан!» (1, 599).

Die Menschen verhielten sich Vater Rafail gegenüber unterschiedlich. Es gab welche, die ihn einfach nicht ausstehen konnten. Andere wiederum – und von diesen gab es bedeutend mehr – behaupteten, Vater Rafail hätte ihr ganzes Leben verändert. Beispielsweise sagte der Priestermonch Wassilij (Rosljakow), einer der drei jungen Mönche, die am Osterfest des Jahres 1993 im Kloster Optina Pustyn ermordet wurden: „Ich verdanke Vater Rafail mein Mönchtum, ich verdanke ihm mein Priestertum, ja, ich verdanke ihm alles!“ (2, 525).

Разговорные частицы, которых много в русском тексте, переводятся с тщательным подбором соответствующих немецких частиц. Но в некоторых случаях переводчица отступает от требований филологичности перевода. Например, автор книги намеренно использует повторы как метод интенсификации действия, а слово «но» вообще является любимым у отца Тихона:

Но случались «откровения»... / Но чем дальше мы увлекались... / Но все же мы еще не осознавали... / Но что с вами происходит?... (5, 14–15).

А. Репка находит несколько вариантов решения этой проблемы, используя синонимию таких частиц, как «*doch, gleichwohl, denn*»:

Doch es gab noch überraschendere „Enthüllungen“... / Doch je mehr wir uns von diesen spannenden Experimenten hinreißen ließen... / Gleichwohl war uns noch nicht bewusst, dass... / Was haben sie denn?... (9: 16–17).

Констатация фактов, имеющих глубокое нравственное значение, переводится в плюсквамперфекте, который здесь теряет временную семантику предпрошедшего, а приобретает больше модальный оттенок темпоральности «никогда/всегда»:

Otzeц Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу... (43).

Vater Ioann hatte nie Vorschriften gemacht oder jemandem seinen Willen aufgezwungen. Er achtete die menschliche Freiheit unendlich hoch... (39).

Модальность текста представлена в большей степени семантикой желательности и возможности, чем необходимости и долженствования. Центральные концепты религиозного дискурса: вера, истина, добро, зло, жертва – присутствуют больше не в виде самих номинаций, а передаются подтекстом – синонимами и аллюзиями. Эта ненавязчивость и привлекает всех – и верующих, и неверующих. Жизнь и дела людей,

с которыми судьба (Бог) столкнула отца Тихона, и являются тем нравоучением, которое мы получаем: как остаться человеком, полюбить жизнь и поверить в Бога.

Перевод его книги на немецкий язык станет, несомненно, не только вкладом в мировую духовную литературу, но и глубже раскроет перед немецкоязычным читателем русский мир. Кроме того, параллельные тексты оригинала и перевода «Несвятых святых» можно с успехом использовать в студенческой аудитории. Мы учим студентов конструктивной критике как составляющей теории перевода. Но не менее полезно учить их на хороших переводах.

**Рецензия на сборник: ГЕРМАНИСТИКА СЕГОДНЯ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

(Казань, 16–17 октября 2018 г.) / под ред. М.А. Кульковой. – Казань, издательство Казанского университета, 2019. – 224 с.

С.И. Дубинин
Самара

В последние годы среди ежегодных традиционных конференций отечественных германистов – съезд и конференция Российского союза германистов (с 2003 года) и конференции по проблемам германистики при поддержке Германской службы академических обменов (с 1993 года) обозначились весомые региональные инициативы по проведению научных форумов. Одним из таких мероприятий стала международная научно-практическая конференция «Германистика сегодня», состоявшаяся в октябре 2018 года в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Ее организаторами выступили институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ и лично профессор Марина Александровна Кулькова (кафедра теории и практики преподавания иностранных языков).

Примечательно, что это титульное название давно фокусирует научные интересы и инициативы германистов в вузах России. Были проведены, например, крупные и многоаспектные конференции: «Германистика: состояние и перспективы развития» (Москва, МГЛУ, 2004 г.), «Германистика в России и Германии: результаты и перспективы» (Москва, РГГУ, 2005 г.), «Германистика на рубеже тысячелетий» (Набережные Челны, 2009 г.), «Германистика сегодня: контексты современности и перспективы развития» (Казань, КФУ, 2012 г.), «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, Кубанский госуниверситет, 2016 г.), «Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков» (Саранск, МорГУ, 2018 г.), «Германистика: Nove et nova» (Москва, МГЛУ, 2018 и 2019 гг.).

На конференции в Казани 2018 года были представлены ученые-германисты из городов России и стран зарубежья – Германии, Австрии, Словакии и США. Они приняли участие в работе секций, посвященных проблемам развития германистики в современной России и мире в целом, инновационным методам преподавания немецкого и других иностранных языков. Были представлены доклады по актуальным вопросам современ-

ного немецкого языкознания и межкультурной коммуникации, фразеологии и паремиологии в контексте современных исследований, об инновационных технологиях в преподавании иностранного языка, о корпусных технологиях в лексикографии. По итогам работы секций состоялось обсуждение проблем, затронутых в представленных научных исследованиях.

В сборнике материалов конференции блок статей по немецкому языкознанию представлен обширной тематикой. Тема, заявленная в названии конференции и посвященного ей сборника статей, имеет чрезвычайное значение как для понимания современного состояния развития отечественной и зарубежной германистики, так и для определения векторных научных направлений, интенсивно развивающихся и стимулирующих разработку новых междисциплинарных исследований. Отдельно следует отметить исследования по сопоставительной паремиологии, выполненные в рамках научной школы профессора М.А. Кульковой. Материалы конференции «Германистика сегодня» доступны в базе данных РИНЦ <https://elibrary.ru/item.asp?id=37180757>

Открывает сборник текст пленарного доклада Х. Куссе, посвященный проблеме языковой стереотипизации в художественном дискурсе на примере творческого наследия немецкого писателя-беллетриста Карла Мая. Автор подробно рассматривает речевые формулы, в том числе идиоматические выражения, метафоры, синтаксические инверсии и морфологические средства, используемые для детальной характеристики персонажей. В результате проведенного анализа языковой специфики отражения речевых стереотипов в художественных произведениях упомянутого писателя Х. Куссе выявляет роль исследуемой группы стереотипов в формировании коммуникативных действий представителей вариативных этнокультурных социумов на примере героев популярных произведений.

Пленарный доклад Н.С. Бабенко посвящен рассмотрению термина Textsorte как элемента немецкоязычной терминосистемы, сложившейся в лингвистическом жанроведении. В статье содержится ценный теоретический материал, знакомящий читателя с историей возникновения анализируемого термина, предлагая авторское понимание жанровости текста как признака текстуальности.

Пленарный доклад О. Вреде представляет изложение теории скопоса, применяемой в переводческой практике. В статье описываются условия формирования переводческой компетенции у студентов переводческих факультетов на примере немецкоязычного юридического дискурса.

В пленарном докладе С. И. Дубинина представлены результаты корпусного исследования двуязычных словарей разговорников для вермахта 1940–1944 гг.

Автор подвергает подробному анализу архитектурные связи, содержание, прагматические особенности, коммуникативно-прагматический потенциал, трансформации изучаемых лексикографических источников.

В докладах и выступлениях авторов отмечается разнообразие научных направлений, что характеризует поливекторные научные интересы участников конференции. Тематический и содержательный анализ сборника позволяет выделить несколько магистральных линий, пронизывающих представленные результаты исследования авторов. В первую очередь, речь идет о современном состоянии германистики, проблемах переводоведения и межкультурной коммуникации (Ахметова Л.А., Бирр-Цуркан Л.Ф., Бряхина А.М., Варламова Е.В., Верухина Р.Б., Газизова А.Н., Гарипова Э.В., Губренко А.Л., Губренко Д.Л., Губренко Л.Л., Кёнигсхофер Т., Кобенко Ю.В., Никитина О.А., Рахимова А.Э., Садыкова А.Г., Тихонова Л.М., Тулусина Е.А., Харьковская Е.В., Чернышев А.Б., Шурыгина О.В.), методических аспектах преподавания немецкого и английского языков (Аюпова Р.А., Волкова Е.В., Гладкова Н.П., Закирова Л.Р., Ибрагимов Э.Н., Каюмова А.Р., Матвеева М.Ю., Минабутидинова А.Э., Нуруллина Г.М., Пигарева В.С., Рахимова А.Э., Салахова Л.К., Сафина Р.А., Честнова Д.Ш., Шаймухаметова Л.Ф., Шастина Е.М., Яшина М.Е.), вопросов изучения фразеологических и паремиологических единиц (Давлетбаева Д.Н., Денисова Е.А., Диас Е.Д., Касерта Л.Ф., Кулькова М.А., Мухамадьярова А.Ф., Хузина Д.Я., Шаймарданова М.Р., Яруллина О.Я.), диахроническом аспекте изучения немецкого языка (Мухин С.В.), вопросах изучения германского литературоведения (Гаибова Л.С., Клуге К., Ройтер К., Сибирцева В.Г., Тарасова Ф.Х.), проблеме интернет-коммуникации и исследований в области корпусной лингвистики (Варламова Е.В., Корнилова Д.Д., Кротова Е.Б., Парина И.С., Сафиуллина Г.Р.).

Казанская школа германистики продолжает развиваться с учетом современных научных направлений и методики преподавания германских языков, сохраняя традиции и ценный опыт преподавателей кафедры, которой в 2019 году исполняется 80 лет! Поздравляем коллектив кафедры теории и практики преподавания иностранных языков с юбилеем и желаем коллегам творческих успехов, вдохновения, новых достижений в германистике!

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Р. И. Бабаева

Ивановский государственный университет

Нефедова Л.А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования: Монография. – М.: МПГУ, 2012. – 100 с.

Количество иностранных слов, употребляемых в современной немецкой речи, и их распространенность в различных типах текста вызывают у многих специалистов озабоченность и страх за будущее немецкого языка, что находит отражение даже в названиях многочисленных публикаций, посвященных данной теме: «*Sprache in Not? Zur Lage des heutigen Deutsch.*»¹, «*Engleutsch? Nein, danke! Wie sag ich's auf deutsch?*»², «*Denglisch, nein danke! Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache.*»³. Отечественные германисты, конечно, не могут пройти мимо данной ситуации и тщательно исследуют различные аспекты, связанные с функционированием иноязычной лексики в немецком языке⁴.

В ряду лингвистических работ о заимствованных словах в немецком языке не может остаться незамеченной монография, подготовленная профессором Московского государственного педагогического университета Л.А. Нефедовой, так как в книге дается комплексный обзор иноязычной лексики в немецком языке, включающий в себя тщательное рассмотрение семантических, словообразовательных, типологических, прагматических,

¹ Meier Ch. (Hrsg.) *Sprache in Not? Zur Lage des heutigen Deutsch.* Hrsg. von Christian Meier im Auftrag der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung zu Darmstadt. – Göttingen: Wallstein Verlag, 1999. 112 S.

² Paulwitz Th., Micko S. «*Engleutsch? Nein, danke! Wie sag ich's auf deutsch?*» Ein Volkswörterbuch, 2. Auflage, Erlangen und Wien: Verein für Sprachpflege, 2000. 132 S.

³ Zabel H. (Hrsg.): *Denglisch, nein danke! Zur inflationären Verwendung von Anglizismen und Amerikanismen in der deutschen Gegenwartssprache.* 2. Auflage. Paderborn: IFB-Verlag, 2003, 360 S.

⁴ Вахницкая Н.И. Роль заимствования в создании неологизмов современного немецкого языка: на материале неологизмов 90-х годов XX века: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2013; Жилюк С.А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Спб., 2015; Патрикеева А.А. Англицизмы в немецком языке: на материале языка рекламы: автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 2008 и др.

социолингвистических аспектов, при этом все теоретические рассуждения сопровождаются актуальными примерами из современных словарей и электронных корпусов немецкого языка. Такое широкое освещение исследуемого материала оказывается возможным в силу того, что автор стремится в своей книге взглянуть на иноязычную лексику в немецком языке с двух позиций: с одной стороны, иноязычное слово рассматривается в контексте процесса заимствования, где внимание уделяется различным аспектам вхождения слова в систему немецкого языка, с другой стороны, иноязычное слово освещается как элемент словообразовательной парадигмы, и в этом случае основной акцент делается на словообразовательных моделях, в которых задействованы заимствованные элементы. Такой ракурс анализа придаст работе оригинальность и основательность.

Для того чтобы показать место и роль иноязычных слов в современном немецком языке, Л. А. Нефедова обращается к статистике, приводимой в авторитетных изданиях ДУДЕН, согласно которой пополнение словарного состава немецкого языка за счет заимствования из других языков составляет лишь 5% (83% приходится на словообразование и 12% – на приобретение словами новых значений), в то же время в газетных текстах иноязычные полнзначные слова составляют 16–17% от общего словарного состава. Уже эти данные показывают, что при изучении процессов заимствования необходимо разграничивать анализ системы языка, т.е. зафиксированность слов в лексикографических изданиях, и анализ современной немецкой речи. Именно в текстах современного немецкоязычного дискурсивного пространства посредством лексики отражаются важнейшие явления социальной жизни, происходит формирование активного словарного состава языка. В этой связи представляется очень удачным обращение автора к списку, включающему в себя сто важнейших немецких слов XX столетия, чтобы выяснить значимость заимствований для современного немецкого языка и очертить круг рассматриваемых лексических единиц. При анализе данного словарного перечня Л. А. Нефедова не ограничивается рассмотрением лишь иноязычных слов, она анализирует в общем виде весь список, чтобы показать читателю, что «отличить свое от чужого» является порой очень сложной проблемой. При этом увлеченность автора некоторыми деталями нередко отвлекает читателя от основной темы исследования.

В процессе анализа важнейших слов XX столетия Л. А. Нефедова делает интересное наблюдение, что из 100 слов одна треть – это исконно немецкие слова, а две трети слов относятся к иноязычной лексике («словам, заимствованным из других языков, или словам, образованным с использовани-

ем заимствованных элементов»), а также дает рабочую типологию лексики, которая базируется на принципе интеграции: иноязычная (экзогенная) лексика противопоставляется лексике внутреннего происхождения (эндогенной) и подразделяется на две группы: иноязычные (иностранные), не освоенные немецким языком (*Fremdwörter*), и заимствованные (ассимилированные, освоенные) слова (*Lehnwörter*) [с. 9]. Обзор исследуемого списка слов века позволяет автору расширить круг лексики, связанной с процессом заимствования, за счет автохтонной (эндогенной) калькированной лексики (например *Eiserner Vorhang – железный занавес* – является калькой английского сочетания *iron curtain*; производное слово *Urknall – большой взрыв* – образовано путем частичного калькирования англ. *big bang*), интернационализмов (преимущественно слов, заимствованных из греческого и латинского языков), псевдозаимствований (*Scheinentlehnungen*), экзотизмов, историзмов и немецких слов, заимствованных другими языками [с. 8–12]. Как видно из вышеизложенного, подход, используемый в книге, демонстрирует, что словообразование и заимствование тесно связаны друг с другом и не всегда возможно точно сказать, является лексическая единица заимствованием или продуктом словообразования в данном языке. Л. А. Нефедова, опираясь на мнения известных языковедов и анализируемые слова, приходит к выводу, что слова XX столетия в немецком языке по своей природе являются «в высшей степени гетерогенной лексикой», превалируют слова, функционирующие в нескольких языках, лексика, которая восходит к классическим языкам, «слово века – это интернационализм» [с. 14]. Справедливость этого вывода не вызывает сомнений, когда ближе познакомишься со списком слов века [с. 15–16], интернационализация лексики, действительно, является результатом интегративных процессов в мире.

Описывая состояние современного немецкого языка в аспекте рассматриваемой проблемы, автор справедливо соотносит процесс активного заимствования слов английского языка немецким языком с процессом глобализации, что уже отмечалось в работах отечественных лингвистов⁵. Л. А. Нефедова при этом подчеркивает тот факт, что «немецкий язык считается наиболее подверженным влиянию английского языка среди европейских

⁵ Бабаева Р.И. Глобализация в немецкой языковой картине мира: Семантика, словообразование, прагматика лексических единиц тематической группы // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. М., 2018. (Сер.: Теория и история языкознания). С. 160–167.

языков и характеризуется наибольшим количеством англицизмов» [с. 27]. Особая восприимчивость немецкого языка к английским словам объясняется, с одной стороны, генетической близостью языков, а с другой стороны, толерантностью носителей немецкого языка, которые активно используют английские вкрапления в повседневном общении, что позволяет ученым говорить о новом немецком языке (Neudeutsch, Denglisch), своеобразном немецком новоязе [с. 39]. Вероятно, было бы справедливым в этой связи назвать еще одну важную причину особой восприимчивости немецкого языка к американизмам, которую сформулировал В. М. Алпатов: «Отношение к экспансии английского языка, конечно, различно. Кому-то кажется очень престижным вписываться в глобализацию, кто-то видит в этом (безусловно, справедливо) угрозу национальным культуре и традициям. Различия проявляются и в государственной политике, и в общественном мнении разных стран. В Европе, безусловно, более всего старается ограничить проникновение английского языка и американской культуры Франция, тогда как в Германии американизация, в том числе в языковой области, идет более активно. Иногда это объясняют тем, что Германия всё еще страдает комплексами исторической вины за нацизм, поэтому там до сих пор кажутся одиозными идеи, связанные с национальной культурой и мировым значением немецкого языка, а это способствует американизации»⁶.

Представляется справедливым, что современный процесс заимствования рассматривается в работе не как нечто необычное, а как естественный способ пополнения лексического состава языка. Как известно, на каждом этапе исторического развития немецкий язык пополнялся словами из различных языков, преобладание слов того или иного языка определялось историческими условиями и соответствующими контактами носителей немецкого языка в определенный период. Л. А. Нефедова, рассматривая иноязычные слова как составную часть немецкого лексикона, освещает в своей работе еще один интересный аспект, а именно их диахронический статус в системе языка. Данные слова и фразы могут быть на определенном этапе неологизмами, историзмами или архаизмами. Описание новых слов дается на основе электронного словаря неологизмов www.owid.de, что позволяет привлечь современный материал. Для систематизации неологизмов используется словообразовательная характеристика единиц (процесс семантической деривации, гибридные новообразования, калькирование, псевдозаимствования),

⁶ Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков. URL: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm> (дата обращения 20.06.2019).

для описания архаизации единого принципа систематизации не было обнаружено, поэтому описание дается несколько хаотично (*слово реже употребляется, устаревает одно из значений, устаревают устойчивые выражения с иноязычными лексемами, речевые клише из французского языка и т.д.*). Интересным является наблюдение, что к неологизмам относятся, как правило, заимствования из английского языка, а архаизации подвергаются лексемы из французского, латинского, русского языков [с. 27–35].

К несомненным достоинствам рецензируемой монографии следует отнести рассмотрение процесса заимствования с учетом полицентричности немецкого языка, это проявляется в том, что автор при комментариях примеров и явлений акцентирует внимание на различиях в отдельных национальных вариантах немецкого языка. Например, при рассмотрении лексемы *Billett* отмечается, что данная единица устаревает в литературном языке, но при этом сохраняется в швейцарском и австрийском национальных вариантах [с. 34].

Комплексность подхода проявляется также в том, что наряду с отдельными словами среди иноязычной лексики рассматриваются и устойчивые сочетания – интерфразеологизмы, к которым относятся крылатые фразы и известные афоризмы. В работе уточняется понятие интерфразеологизма (в качестве интерфразеологизма рассматриваются сочетания, имеющие общее этимологическое происхождение, употребляемые по крайней мере в трех языках, функционирующие в исходной форме и не являющиеся кальками), а также приводятся примеры их использования в немецком и русском языках [с. 22–27]. К этой группе относятся преимущественно латинизмы (античные крылатые выражения) и фразеологические галлицизмы.

Интересный материал представлен при описании стилистических и прагматических характеристик иноязычной лексики, автор легко ориентируется в различных тонкостях взаимоотношений заимствований и эндогенных слов (*Job – Arbeit*), приводит удачные примеры употребления иноязычных слов в качестве жаргонизма, единицы возвышенного стиля, эвфемизма, шуточного слова и т.д.

Наиболее детально в монографии проработан раздел, касающийся словообразования иноязычных слов. Л. А. Нефедова предваряет детальное описание материала подробным обзором теоретических работ по проблеме. При освещении данного раздела уточняются многие понятия, например *неоклассическое словообразование, искусственное слово, псевдозаимствование, конфикс, гибридное словообразование* и др. Выявленные модели словообразования иноязычных лексем иллюстрируются многочисленными примерами.

Наряду с традиционными лингвистическими характеристиками иноязычных слов (степень ассимилированности, способ словообразования и др.) в центр внимания автора попадает и культурологическая составляющая описания данных лексических единиц. Так, интерлексемы, по мнению Л.А. Нефедовой, в свете культурного подхода могут рассматриваться «в двух планах: а) интерлексемы, способствующие упрочению культурных традиций вообще; б) способствующие сохранению своеобразия локальных культур» [с. 21]. Все интерлексемы в книге делятся на интернациональную терминологию, которая является достижением глобальной культуры, и экзотическую лексику, которая отражает конкретные культуры и передает самобытность отдельных этносов. В эту же типологию, вероятно, следует включить и интерфразеологизмы, о которых в монографии также идет речь, так как эти фразы являются репрезентантами общности нескольких культур.

Культурологический подход к исследованию иноязычной лексики представляется особенно интересным и перспективным.

В рецензируемой книге затрагивается очень широкий круг теоретических вопросов, связанных с описанием и употреблением иноязычной лексики немецкого языка, некоторые аспекты лишь намечены для дальнейшего изучения, например культурологический подход, исследование интерфразеологизмов. При подведении итога хочется особенно подчеркнуть практическую ценность монографии, которая заключается в богатом актуальном лексическом материале, его внедрение в подготовку студентов-германистов сможет в значительной мере обогатить учебный процесс. Вероятно, следующим шагом в работе над данной темой может быть создание учебного пособия по словообразованию и употреблению иноязычной лексики немецкого языка. Для ученых-лингвистов могут быть особенно интересными теоретические рассуждения о взаимосвязи заимствования и словообразования, уточнение терминов *интерлексема* и *интерфразеологизм*, освещение прагматических аспектов функционирования иноязычной лексики, предлагаемые типологии иноязычных лексических единиц, словообразовательные модели экзогенной лексики. Одним словом, эта книга может быть интересной для всех, кто интересуется современным немецким языком, и тех, кого привлекают проблемы лингвистики, прежде всего проблемы словообразования и языковых контактов.

**Рецензия на кандидатскую диссертацию:
BLOCHINA, ELENA. DIALEKTALE LEXIK ALS MITTEL
DER WIDERSPIEGELUNG REGIONALER KULTUR
(am Material mittelbairischer Dialektvarietäten Oberbayerns).
Universität Erfurt, 2019.**

Л.А. Нефедова

Dr. Elena Blokhina promovierte am 9. Mai 2019 an der Universität Erfurt zum Doktor der Philosophie. Sie war Doktorandin am Lehrstuhl für deutsche Sprache der Pädagogischen Staatlichen Universität Moskau. Ab September 2019 ist sie als Dozentin am Staatlichen Moskauer Institut für Internationale Beziehungen (MGIMO) tätig.

Deutsch ist die meistgesprochene Muttersprache Westeuropas und eine plurizentrische Sprache, mit diversen regionalen Dialekten, die kulturelle Vielfalt in Deutschland widerspiegeln. Die Dialekte bedeuten auch Identifizierung mit den Heimatregionen.

Das Thema der kulturellen Identität durch Sprache, die in der Arbeit von Blokhina postuliert wird, scheint von besonderem Interesse zu sein, weil Plurizentralität des Deutschen ein besonderes Augenmerk der Sprachwissenschaftler auf seine nationalen Varianten und Dialekte legen lässt. Außerdem hat eine kulturwissenschaftlich orientierte Forschung des Deutschen, einschließlich der Dialekte, keine ausführliche Behandlung in der modernen Germanistik gefunden. Deutsche Dialektologie blieb bislang abseits des Mainstreams.

Die Auseinandersetzung der Doktorandin mit dem Thema des Zusammenwirkens von Sprache und Kultur am Material der dialektalen Lexik ist aktuell, weil die Untersuchung des Deutschen im deutschsprachigen Kulturraum durch Analyse von lexikalischen Besonderheiten des Deutschen in verschiedenen Regionen, die ihre kulturelle Identität widerspiegeln, zweckmäßig ist.

Die Doktorarbeit von Blokhina reiht sich in moderne kulturwissenschaftliche Dialekt-Forschungen ein, die Sprache in den Kontext einer kulturwissenschaftlichen Forschung stellen: sie setzt sich mit dem Problem der Widerspiegelung im dialektalen Wortschatz von regionaler Kultur auseinander (vgl. Anthony Robert Rowley „Dialekt als Ausdruck regionaler Identität“ in Claudia Schmidt-Hahn (Hrsg.) Sprache(n) als europäisches Kulturgut. Innsbruck-Wien-Bozen, 2012. S. 39–46).

Konkret ausgedrückt, die Doktorarbeit ist der Forschung des Wortschatzes des mittelbairischen Dialekts als Ausdruck autochthoner regionaler Identität und Transfers der Kultur Oberbayerns in den gesamtdeutschen Sprach- und Kulturraum gewidmet. So ist Gegenstand dieser Arbeit der mittelbairische Dialekt; hierbei spielt jedoch nicht die rein sprachwissenschaftliche Analyse des Dialekts eine Rolle, sondern dessen kulturelle Relevanz innerhalb des gesamtdeutschen Sprach- und Kulturraums.

Blokhina beschäftigt sich intensiv mit dem Dialekt als Bestandteil des kulturellen Lebens der Region. Mit der vorgenommenen Analyse des dialektalen Wortschatzes wird überzeugend nachgewiesen: Sprache ist Kultur und schafft Identität, Dialekt ist regionale Kultur und schafft regionale Identität. Mehr noch: Blokhina zeigt einleuchtend, dass heutige überregionale Medien als Übermittler der alltäglichen regionalen Sprachlichkeit die Dialekte vermehrt hörbar werden lassen. Heutzutage kann man beobachten, dass die Massenmedien, vor allem die Süddeutsche Zeitung, bairische Ausdrücke in die Standardsprache integrieren und bedeutende Begriffe im bairischen Dialekt zum Teil in ganz Deutschland verbreiten.

Der Dialekt selbst erweist sich als identitäts- und kulturstiftendes Medium. Eine besondere regionale Ausdrucksweise ist ein kulturelles Erbe, ein Anker der Identität. Insgesamt wird von Blokhina ein umfassendes Bild der Bedeutung des mittelbairischen Wortschatzes außerhalb Bayerns gezeichnet.

Die Aufbereitung der Theorie des Zusammenwirkens von Sprache und Kultur erfolgt sehr detailliert und übersichtlich. Als theoretische Grundlage für die Doktorarbeit dienen alle bemerkenswerten Werke, die Germanistik als Kulturwissenschaft auffassen [Bausinger (1980), Linke (1996, 2005, 2008, 2011), Auer (2000), Cherubim/Jakob/Linke (2002), Ehlich (2006), Wengeler (2006), Scharloth (2007), Kuße (2011), Metten (2014) und Jäger (2016)], sowie Widerspiegelung eines aktuellen Standes der Forschung beanspruchen. Dialektaler Wortschatz gilt als attraktives und anspruchsvolles Forschungsobjekt für Sprachwissenschaftler, und Interesse daran für kulturwissenschaftliche Linguistik nimmt immer mehr zu.

In der vorliegenden Doktorarbeit werden auch Theorieelemente, die von Vertretern russischer linguokulturologischer Schulen ausgearbeitet wurden [Vereščagin (1973), Vorobjev (1997), Maslova (2001), Vorkačev (2003) u.a.], im Kontext der deutschen Dialektologie weiterentwickelt und empirisch angewendet.

Im Rahmen der kulturwissenschaftlichen Linguistik scheint das Phänomen noch eine Herausforderung zu sein, weil es sich auf der Schnittstelle zwischen sprachstrukturellen, kognitiven, soziokulturellen und emotionalen Faktoren befindet. Die vorliegende Dissertation von Blokhina leistet einen weiteren interessanten Beitrag zu einem nicht ausreichend erforschten Diskussionsbereich.

Blokhina teilt die Meinung der russischen Sprachwissenschaftler, dass die Bedeutung der kulturell-markierten Lexeme, die es in jeder Sprache bzw. in jedem Dialekt gibt, spezifische kulturelle Seme enthält, die die Bedeutungen der lexikalischen Entsprechungen in verschiedenen Sprachen unterscheiden. Es wird davon ausgegangen, dass die Seme über den Rahmen der lexikographischen Beschreibungen hinausgehende Bedeutungskomponenten in Form von „ethnospezifischen“ Assoziationen und Wertungen, Kenntnissen der Geschichte, der Traditionen, des politischen Geschehens u.a. darstellen. Zu kulturellen Semen gehören auch spezifische denotative Seme, die auf solche materielle und geistige Erscheinungen Bezug nehmen, die nur in einer bestimmten Kultur existieren. Sprachliche Ausdrücke, die auf kulturspezifische Fragmente der Realität hinweisen oder kulturtypische mentale Ideen kulturspezifisch kennzeichnen, repräsentieren Linguokonzepte.

Ein besonderer Beitrag der Forschung von Blokhina zur Entwicklung der linguistischen Kulturwissenschaft besteht darin, dass darin aufgezeigt wird, dass nicht nur sogenannte „national-kulturelle“ sondern auch „regional-kulturelle“ Seme, die die Bedeutungen von dialektalen und standardsprachlichen Lexemen unterscheiden, wissenschaftlich zu reflektieren sind und als Träger des Wissens von regionaler Kultur betrachtet werden sollten. So kann festgestellt werden, dass die Erforschung der deutschen Dialektologie dank der vorliegenden Arbeit durch einen neuen Aspekt zweifellos ergänzt wird.

Die Feststellung von Blokhina, dass die untersuchten dialektalen Lexeme im Vergleich zu Entsprechungen der Gemeinsprache als vollständige Äquivalente, partielle Äquivalente mit ungleichem Umfang der denotativen Bedeutung, partielle Äquivalente, die sich durch konnotative Seme des „Hintergrundwissens“ unterscheiden, Nulläquivalente Lexik und semantische Dialektismen, die in ihrer Form mit standardsprachlichen Lexemen identisch sind, in semantischer Hinsicht hingegen nicht übereinstimmen, auftreten, ist ihr persönlicher Beitrag zur Erforschung des kulturgebundenen dialektalen Wortschatzes. Es ist die erste umfassende Systematik des Wortschatzes mit regionaler Bedeutungskomponente am Beispiel des mittelbairischen Dialekts.

Als Forschungsquelle dienen Materialien, die zum ersten Mal einer oben vorgestellten Untersuchung unterzogen worden sind. Es kann erwähnt werden, dass die Kontexte, aus denen das Material anhand der Salienz-Methode ermittelt wurde, für die Interpretation von sprachlichen Realisierungen in der Doktorarbeit ausschlaggebend sind.

Ich möchte auch auf die Bedeutung der von Blokhina vom Standpunkt des konzeptuellen Wissens aus herausgearbeiteten Funktionen des erforschten

диалектalen Wortschatzes hinweisen und zwar ihr Fungieren als kulturspezifische trigger-words, die entsprechende Assoziationen einerseits in Bezug auf universelle kulturelle Konzepte, andererseits auf kulturspezifische Konzepte der bayerischen Region hervorrufen.

Anschließend möchte ich noch einen Aspekt hervorheben: Die von Blokhina unternommene Erforschung dialektaler Präcedenznamen zeigt sich als ertragreicher Weg zum Begreifen der regionalen Spezifik der kulturellen Konzeptualisierung.

Besonders wertvoll für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache ist das von Blokhina zusammengestellte Wörterbuch der kulturgebundenen Lexeme des mittelbairischen Dialekts, das als Grundlage für ein aktuelles deutsch-russisches Realienwörterbuch Bayerns dienen kann. Die Ergebnisse der Erforschung des kulturgebundenen Wortschatzes Bayerns können für die Analyse des dialektalen Wortschatzes in anderen Regionen des deutschsprachigen Kulturraums angewendet werden.

Es muss resümierend festgestellt werden, dass Ziel der Doktorarbeit von Blokhina erreicht ist, dass die vorliegende Arbeit von Blokhina ein sehr interessantes Studium eines deutschen Dialekts als Ausdruck regionaler Zusammengehörigkeit darstellt, die fortgesetzt werden kann. Die in der Arbeit unternommene Untersuchung kann auch auf andere Dialekte angewendet werden.

Die Arbeit erfüllt die Anforderungen an eine korrekte äußere Form. Die Regeln der Rechtschreibung, Grammatik und Interpunktion sind eingehalten worden. Alle erforderlichen Verzeichnisse sind vollständig in die Arbeit integriert worden. Die Auswahl der Literaturquellen ist umfangreich, allgemein zielführend und folgt wissenschaftlichen Standards.

Die Arbeit wurde in einem angemessenen sprachlichen Stil verfasst. Die Argumentation innerhalb der Arbeit ist zumeist logisch und konsistent. Die Dissertation ist sinnvoll strukturiert, die Probleme sind sehr verständlich beschrieben.

Anerkennung findet die Beschäftigung der Doktorandin mit sprachlich und stilistisch besonders anspruchsvollen Texten.

Рецензия на монографию В.В. КОТЕЛЕВСКОЙ «ТОМАС БЕРНХАРД И МОДЕРНИСТСКИЙ МЕТАРОМАН»

Н. В. Гладилин

Монография В.В. Котелевской, как явствует из названия, рассматривает творчество Томаса Бернхарда (1931–1989) в контексте литературного модернизма. Тем самым автор опровергает мнение многих исследователей (в особенности американских), причисляющих этого австрийского писателя к постмодернистским авторам. В лучшем случае, положение Бернхарда в истории литературы можно считать «пороговым», «переходным», но его заведомо герметичные по форме и крайне пессимистические по тону тексты не укладываются в лёгкую, игровую постмодернистскую стихию. Поэтому представляется, что ракурс исследования автором монографии выбран правильно.

В.В. Котелевская в своём исследовании скрупулёзно фиксирует основные мировоззренческие и эстетические константы модернистской литературы – точнее: модернистского романа – и фиксирует их полноценное присутствие в романых текстах Бернхарда. В первую очередь это – гносеологический и лингвистический скептицизм, принципиальная недостаточность языка для передачи человеческого опыта, артикулированная ещё в «Письме лорда Чэндоса» Гофмансталя, помимо того – отказ от миметического воспроизведения действительности, фрагментаризация мира и текста, проблематизация границы между автором и героем и т.п.

Исследование творчества австрийского писателя, как подчёркивает В.В. Котелевская, невозможно без характеристики его философских истоков – а те всецело относятся к модернистскому миропониманию. Как писатель-мыслитель Бернхард сформировался под влиянием Ницше, Витгенштейна, Маутнера, Крауса, испытал глубокое сомнение в возможности обыденного языка выразить истину и занялся поиском «другого языка» (с. 101), а значит, созданием «другой литературы», где наряду с собственно фикциональным началом огромную роль играет метафикциональное – рефлексия по поводу написанного, соотнесение написанного с широким культурным контекстом и т.п. Поэтому романное творчество Бернхарда следует рассматривать в контексте модернистского метаромана.

В монографии прослежен генезис метаромана как субжанра, характерного прежде всего именно для модернистской парадигмы (в романах Бернхарда обнаруживается переключки с текстами Р. М. Рильке, Р. Вальзера,

Г. Броха – диагноста «распада ценностей» европейского общества, и особенно С. Беккета, которого с Бернхардом роднит прежде всего принципиальная «нонреференциальность» (с. 187)). Однако корни метаромана прослеживаются гораздо раньше – у Руссо, Стерна и особенно Жан-Поля с его установкой на автореференциальность прозы. В романе Бернхарда «Изнитожение», фиксирует В. В. Котелевская, эксплицитно присутствует «Зибенкэз-сцена» (с. 293), интертекстуальная игра с книгой Жан-Поля ведётся и в романе «Амрас». Отмечается также «общее для Жан-Поля и Бернхарда осознание всякого словесного самовыражения как стилизации» (с. 295).

Автор монографии справедливо характеризует Бернхарда как автора, ломающего привычные (реалистические) представления о сюжете, герое, рассказчике, как «разрушителя историй» (с. 181). Объективная реальность, в которой распались связи между людьми и предметами, порождает особый тип автора, чьи «несовершенные отношения с жизнью должны быть компенсированы неким абсолютным текстом, осуществление которого на деле превращается в изнуряющие, “болезненные поиски совершенства”» (с. 16). Характерные герои Бернхарда – не только выразители популярного в модернизме архетипа «блудный сын», но и представители породы «Korfmensch», рефлексирующих интеллектуалов, одержимых комплексом избранничества и неутолённым перфекционизмом. При этом голос протагониста трудно отличить от голоса нарратора – В. В. Котелевская указывает на цитирование нарратором протагониста в форме косвенной или несобственно-прямой речи как основной повествовательный приём в романах Бернхарда, начиная с «Помешательства» (1967).

В то же время постоянно подчёркивается, что в отличие от постмодернистской литературы с её диффузными, протеичными персонажами проза Бернхарда центрована на субъекте. Но субъекте ущербном, нигде не укоренённом, в том числе и в тексте. Уже в первом романе писателя, «Стужа» (1963), таинственное заболевание протагониста состоит, по В. В. Котелевской, в гипертрофии «я». «Фихтеанская формула романтизма подвергается ревизии: возвращение субъекта оплачено трагифарсовой катастрофой» (с. 222). Но в более поздних произведениях Бернхарда автор монографии видит стремление протагонистов перейти от конфликтных субъект-объектных отношений к конструктивному субъект-субъектному диалогу, при всей его проблематичности.

В своём анализе В.В. Котелевская не ограничивается привлечением сугубо литературного материала – предмет исследования требует широкого использования данных философии и истории, а также других видов

искусств: театра (в частности, неминуемо периферийное рассмотрение драматургических произведений Бернхарда), кинематографа (с. 107), музыки (на с. 287 устройство речевого потока в анализируемых текстах уподоблено «барочной полифонии»), архитектуры (с. 315, что вполне логично при анализе романа «Корректур», тематизирующего строительство дома).

Автор монографии учитывает всю существующую в настоящее время литературу о Бернхарде, в том числе отечественных авторов – Н.С. Павловой, Д.В. Затонского, А.В. Белобратова, Е. . Соколовой. В особенности плодотворными для исследования В. В. Котелевской стали работы С.П. Ташкенова, посвящённые коммуникативным и психопатологическим аспектам языка австрийского писателя, а также генезису его эстетических взглядов. К моменту выхода монографии ещё не было готово диссертационное исследование С.Ю. Новиковой об автобиографической прозе Бернхарда, однако вышедшие по его теме статьи также оказались в фокусе внимания В.В. Котелевской. Особенно интересным и заслуживающим дискуссии здесь представляется выделяемый автором монографии как один из центральных у Бернхарда топос «прогулки» в противовес топосу «бегства», выделяемому Новиковой (не будем, правда, забывать, что две исследовательницы рассматривают несколько разные жанры в творчестве писателя).

В заключение, вместе с неоспоримыми достоинствами монографии В.В. Котелевской приходится отметить, что в ней чувствуется некоторая неполнота, недоговорённость. Так, подвергнуты подробному анализу лишь избранные романы Бернхарда. Характеристике субжанра метаромана в целом и его разработке у Бернхарда в частности уделено примерно равное место, тогда как читательское сознание стремится к какому-то одному полюсу. Показательно, что в монографии совершенно отсутствует такой, казалось бы, обязательный раздел как Заключение, благодаря чему весь колоссальный объём работы автора кажется остановленным на полпути, лишённым конечных концептуальных выводов. Представляется, что рецензируемый труд – всего лишь этап, важный шаг на долгом пути, финал которого отложен в будущее. Но мы вправе надеяться, что труд В. В. Котелевской, посвящённый творчеству Т. Бернхарда, вскоре увенчается полнозвучным заключительным аккордом, чего мы ей искренне желаем.

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАТИСТИКА

Том XVI

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ:

социокультурные основания

**XVI съезд российского союза германистов
Москва, 29 ноября – 1 декабря 2018 года**

Главный редактор серии

.....

Ответственный редактор выпуска

.....

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 0.00.2019.

Формат 60 x 84/16. Физ. печ. л. 24,5. Тираж экз. Заказ №

Издательство ДЕКОМ,
603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7,
тел. (831) 4-111-181, факс (831) 4-321-690
e-mail: izdat@dekom-nn.ru www.dekom-nn.ru

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету